

Елизавета
Огнелис

Мусин
Ринат

МАСТИФ

«Жуткая жуть», «жуть», «треш» — обычно так характеризуют читатели данное произведение. Ну а вообще то это постапокалиптическая анархическая фантастика. И... да, крови-мяса здесь предостаточно. Но это не главное. «Мастиф. Его именем прикрываются, им пугают военных, к нему идут на поклон, просят о дружбе и помощи. Никому не отказывает Мастиф. Всех принимает. Всех учит — как можно жить с лопатой в одной руке, и топором — во второй. Возвращаются такие ходоки в родные места — и занимается буча. Военных и милицию уничтожают, все местное начальство к стенке ставят, одной общиной жить начинают. Сунешься — себе дороже окажется. Российская народная мафия, едри ее за корень...»

Елизавета Огнелис, Мусин Ринат

Мастиф

Эволюция — это длительный процесс, в течении которого идет борьба за существование, отбор выживших и геноцид проигравших.

(Кратко по Дарвину).

Глава 1

Можно ли назвать обыкновенным письмо в черном конверте? Абсолютно черный конверт, без марок, без адреса, без штампов и печатей, с белым, глянцевым листом бумаги внутри.

«Уважаемый Александр Сергеевич!

В связи с рядом событий, произошедших в последнее время, покорнейше просим Вас принять гостей и оказать им всевозможное содействие.

С уважением и надеждой на понимание».

Все. Больше ничего кроме этих слов. Подписи не было.

Поначалу Александр Сергеевич решил, что это первоапрельская шутка. На дворе стоял март. Молодой человек посмеялся, и положил письмо на полку с книгами. И забыл, пока не появился первый гость.

Он появился на закате, вошел в подъезд дома, нашел нужную квартиру, позвонил. Дверь открыла Наталья Николаевна, жена Александра Сергеевича. Тот, кто стоял на пороге, произвел на нее сильное впечатление. Впрочем, Иван производил сильное впечатление практически на любого. Это был высокий молодой человек. Если точно, то росту в нем было два метра и весу ровно девяносто килограммов. Голубые глаза смотрели прямо и немигающе. Белоснежные прямые волосы забраны в пучок на затылке. Нос с едва заметной благородной горбинкой. Чуть впавшие щеки, бархатная кожа. Этакое блондинистое совершенство, мальчик с обложки, гроза женщин, гордость матери, предмет зависти для друзей, хороший выбор даже без наличия денег, обаятельный нахал, ветер в голове и прочая, с последствиями. Наверно, за свою не очень длинную жизнь он привык к тому, что любой, кто с ним сталкивается, первые несколько секунд не может ничего сказать. Поэтому и заговорил первым:

— Здравствуйте, — произнес он незабываемым бархатистым голосом. — Я друг Александра Сергеевича. Правда, это только в будущем, но он должен быть извещен. Прошу любить и жаловать, Иван, а по батюшке Сергеевич, как и ваш муж. Но отцы у нас разные... Можно пройти?

— Проходите, — ничего не поняв из этой тирады, проговорила Наталья Николаевна, выпуская неожиданного гостя. Она почему-то ни секунду не задумалась о последствиях своего поступка. Вряд ли бы Иван смог пройти в дверь — будь он в столице или любом другом крупном городе. Сама Наташа, пока жила в Москве — никогда не открывала незнакомым людям. Но здесь, в собственном доме, подъезд которого выходил прямо в лес, где летом можно отойти на пару шагов — и набрать корзинку душистой земляники... не впустить гостя, пусть и незваного — считалось дурным тоном.

— Саша еще на работе, — сказал Иван, больше констатируя, чем спрашивая.

— Да. Знаете, работы много. Посевная, они в поле иногда ночуют...

— А вы знаете, не очень люблю деревню, если она не копирует город, — то ли рассказывал, то ли призывал соглашаться Иван. Он по опыту знал, что собеседника лучше всего спровоцировать, но редко когда стоит спрашивать. Люди очень неохотно отвечают на прямые вопросы.

— Знаете, а ведь мы в городе, то есть в городской черте... Наш Судуй даже на карте обозначен как город, — немедленно откликнулась Наталья Николаевна. — Между прочим,

это областной центр.

— Да-да, а я из Москвы, из столицы... — откликнулся Иван, не отвлекаясь, однако, от обследования квартиры. Он поднял руку, коснулся старого приемника на холодильнике.

— Он плохо работает, — сразу предупредила Наташа.

— Почему плохо? — удивленно спросил Иван, скорее обращаясь к пластмассовой коробке, чем к хозяйке квартиры. — Все тут хорошо работает, он у вас пять, а то и шесть программ принимать должен. Вот смотрите...

Красавчик покрутил что-то сзади хрипящего ящичка, звук пропал — а потом появился — чистый, ровный, почти объемный.

— ...вы слушаете Русское радио...

— А вы откуда знаете? — деланно удивился Иван, рассмеялся, обнажив безукоризненные зубы.

— Это что? — Иван вытянул из-под приемника листок серой бумаги. — Повестка в суд... А кто это у нас здесь?

— Это я, Люда, — немедленно откликнулась дочь Александра и Натальи.

— Мы большие или еще маленькие? — подмигнул Иван.

— Нам пять лет, — дипломатично отреагировала девочка.

— Проходите на кухню. Ужин горячий, — оправилась от первого потрясения Наташа. — А тебе спать уже пора, — строго сказала дочке.

— Мама, еще мультики не начались...

— Посмотришь и быстро в постель... К папе приехал старый друг, дядя Иван.

— А где дядя Иван будет спать? — невинный вопрос почему-то застал Наталью врасплох. Она нахмурила брови и покраснела. На самом деле получалось как-то неловко. Саша на работе, и неизвестно, когда придет. Она в квартире с незнакомым мужчиной. Комнат всего две, в одной, маленькой, спит дочка, в большой комнате, гордо и небезосновательно именуемой «залом» спят они с Сашей. А еще через секунду Наталья вдруг осознала, что совершенно сбита с толку. Кто этот Иван? Откуда? И почему она, женщина довольно опытная во всех отношениях, решила, что Иван — друг? Друзья не всегда бывают хорошими...

— На кухне дядя Иван будет спать, — отпарировала Наташа и почувствовала, что краснеет еще больше.

— Дядя Иван ненадолго. У меня есть где переночевать, — отозвался пришелец. Наталья Николаевна вдруг почувствовала, что Иван стоит очень близко, прямо за ней. Она даже почувствовала его дыхание у себя на плече, и от этого теплого, прерывистого ветерка слабели ноги.

— Дядя Иван сейчас уходит. Главное, Наталья Николаевна, — гость говорил очень четко, выделяя каждое слово, — передайте мужу, что приехал я из Москвы и заходил насчет его дядьки, Василия Львовича.

Наташа обернулась и увидела, что Иван снова стоит в прихожей.

— А как же ужин? — только и спросила она.

— Я не голоден, — отозвался Иван, закрывая дверь.

Вечером следующего дня, примерно часа в четыре, домой явился Александр.

— Весна, — объяснил он коротко с порога, и принялся сдирать с ног измазанные грязью сапоги. От него пахло соляжкой, свежеразрытой землей, дымом и табаком. Наталья, конечно, все понимала. Пахота, посев — это не терпело небрежения. Упустить день весной значило ничего не получить осенью. Четверо здешних мужиков, самовольно и беспрепятственно захватив оставшееся от бывшего совхоза имущество и организовав артель, работали день и ночь. Деньги на горючее зарабатывали так: с раннего утра выходили на тракторах (мужики смогли собрать из остатков металлолома аж два трактора), но ехали не в поле, а к частникам. Пахали картофельные надель, брали по двадцать рублей с сотки, потом — на заправку, и только после обеда приступали к своей работе. Хозяйство они вели немалое — около двухсот гектар пашни, и все двести — на дальних кордонах, подальше от города, чтобы не смущать местную администрацию, милицию, налоговые органы и другие всевозможные инстанции — пожарные, эпидем- и саннадзорные, землеустроительные, инспекционные, пенсионные. С дорожными патрулями разбирались просто — никогда не выезжали на шоссе, а пользовались лесными дорогами. Поэтому и домой зачастую не приходили — ночевали в поле, чтобы не гонять и без того изношенную технику, и не жечь такое дорогое топливо. Паровое поле, поле с ячменем, поле с картофелем — нехитрый севооборот, дающий возможность прожить в относительном достатке четырем семьям.

— Все, засеяли ячменек, — сказал Саша, выходя из ванной, замотанный в полотенца. — Косилку только надо починить. Нам бы комбайн собрать, а? Наташ?

— К тебе Иван заходил, — крикнула она с кухни, гремя сковородками.

— Который? Жерехов? Лебедев? — спросил Саша, заходя на кухню и целуя жену. Попутно он попытался ущипнуть Наташу за бок и отодрать от ноги визжащую от восторга Люду.

— Люда, перестань, — строго сказала мать. — Не знаю я этого Ивана. Может, учились вместе? Он сказал, что из Москвы приехал.

— Да я навскидку могу десяток Иванов вспомнить, с кем учились, с кем не учились... — внезапно Саша помрачнел. — А ничего странного не заметила? Может, налоговый был?

— Да, по комнатам он прошелся, — внезапно сообразила Наташа. — Вот черт!

— Не ругаться! — предупредила Люда.

— Да нет! — с облегчением вспомнила Наташа. — Он же про дядьку твоего, про Василия Львовича спрашивал.

— Милиция, значит... — еще больше помрачнел Саша.

— Какая милиция? — отозвалась Наталья. — Я же всех наших знаю.

— Пришлый он, — процедил Александр. — Из столицы, ты же сама сказала. Зачем прислали? Пуп земли мы что ли...

Их разговор прервал звонок в дверь.

— Я открою, — нахмурился Саша.

Он не стал смотреть в глазок, вместо этого быстро обулся, выдвинул ящичек трюмо (там лежал здоровенный охотничий нож), левой рукой повернул ключ, мягко перенес тяжесть тела назад, чтобы удобно было бить ногой...

— Отчего бы не подражаться... — пробурчал он.

Дверь медленно отворилась. На пороге стоял улыбающийся Иван.

— Здорово, — почти прокричал он, и перешагнул порог. — Сашок, помнишь меня?

Под жизнерадостным натиском Александр попятился, но присутствия духа не потерял.

— Нет, не помню, — сказал он мрачно.

— Ну, это и немудрено, — продолжал Иван. — Я же на три года позже тебя учился. Ты уже на четвертом курсе был, а я только сопляком на первый поступил. Вы все там ходили нос задрав, на нас не смотрели. Дело есть к тебе.

— Послушай, Вань, — попытался быть дружелюбным Саша. — Я с работы, устал как черт, даже не поел толком. Давай позже, а?

— Наше д-дело не терпит отлагательств, — произнес за спиной Ивана чуть заикающийся голос. На пороге появился следующий гость. Это был жилистый старик, в выцветшей клетчатой рубашке, в штанах-хаки, в берцах. Короткая стрижка, волевой подбородок, глубокие карие глаза, уверенные движения — Александр почему-то сразу решил, что это офицер в отставке.

«Боевой офицер в отставке», — мысленно поправил он сам себя.

— Полковник медицинской службы в отставке Овчинников Кондратий Федорович, — представился новый гость.

— Вам писали, — продолжал он с нажимом. — В марте. Письмо. Черного цвета.

— Да, конечно, — пробормотал сбитый с толку Саша и отступил, пропуская в прихожую жизнерадостного Ивана, сурового Кондратия Федоровича, и странную юную особу, назвавшуюся Полиной.

Странная Полина оказалась вовсе не юной. Когда Александр ее хорошо рассмотрел, он решил, что ей лет тридцать, а может чуть больше. Она была из той породы женщин, которые очень долго выглядят молодо — лет до пятидесяти, а потом стареют — внезапно, страшно, до состояния древней развалины. Саша даже шутил по поводу и без повода, что Баба Яга — это Василиса Прекрасная в прошлом.

Именно Полина достала из сумки внушительного вида бутылку коньяка. Кондратий Федорович вывалил на стол окорок, сардины в масле, буханку черного хлеба. Иван перекалывал в раковину фрукты — абрикосы, яблоки, апельсины, ловко их мыл, резал, сортировал по тарелкам и успевал мило болтать с Натальей. Странное дело, но Александр был спокоен за жену. Конечно, неизвестно откуда взявшийся красавчик был хорош, но что-то, маленькая червоточинка в его облике давала знать Александру — никаких «движений в сторону» не будет.

— Ну, и что за дела у вас в нашей глуши? — начал Александр после первой стопки. Коньяк показался ему отвратительным.

— Наверно, вы будете удивлены, — проговорил Кондратий Федорович. — Но мы краеведы.

Александр чуть не поперхнулся куском колбасы.

— А что вы у меня дома делаете?

— Дело в том, молодой человек, что в вашем так называемом городе, — полковник ласково посмотрел на Наташу, — нет ни краеведческого отдела, ни музея. И потом, дело, о котором пойдет речь, не очень соотносится с деятельностью областной краеведческой организации. Например, я не только краевед, но эколог.

— А я учительница, и работаю в библиотеке, — тихо сказала Полина. Александр посмотрел на нее, и вдруг поймал себя на мысли, что эта женщина ему нравится. Непонятно чем — Полина была совершенно не в его вкусе: груди практически нет, ноги тощие, длинные волосы, которые при определенных обстоятельствах превращаются в совершенное мучение...

— Да, Полина у нас уникам. Это она посоветовала прийти к вам. И на шахту вашу тоже первая внимание обратила...

— Шахта? А-а, так вы по поводу этой дыры за Красным озером? — догадался Александр.

— Мы этого и не скрываем. Давайте еще по одной? — предложил полковник, и ловко, практически одним движением разлил коньяк по стопкам. Саша заметил, что за этим столом пили только двое — Иван с Полиной только пригубили, Наташа выпила половину.

— За знакомство, — проворчал Александр, опрокинул вонючую жидкость в плотку, и с удовольствием отметил, что Кондратий Федорыч не «отстал».

— Это ваш дядька открыл шахту? — спросил полковник, закусив черным хлебом.

— Ага, — отозвался Саша. — По прошлому году в лесу нашел...

— Руку засунул, камешек бросил, — проговорила Полина.

— Потом до дому сходил, веревку взял, — подхватил Александр. — Тридцать метров, но до дна все равно не достал. А место там жуткое, трава на поляне пожухла, деревья скрючило, и темно. Хоть и солнце, а темно...

— Вы там были? — спросил Кондратий Федорович.

— Да, ходили, хотели засыпать, да уже поздно. Разрослась дыра, словно и вправду шахта какая. И земли вокруг никакой нет, будто не вырыта она, а сама раздвигается...

— А Василий Львович?

— Дядька-то мой? — Александр ничуть не удивлялся осведомленности слушателей. — Заболел он. Бредил, в сознание не приходил неделю. Едва вытащили его, почитай с того света. Температура сорок три и семь, градусник у нас электронный, скорая ехать не хотела — говорили, что не бывает такой температуры.

— Скорая не поэтому не ехала, — вновь вмешалась Полина.

— В общем, выходили его к зиме, а он как выздоровел, так сразу к бутылке. Не пил никогда, а тут... Месяц не просыхал, а он ведь здоровый мужик был, ему для такого состояния два литра в день надо. В общем, руки на себя наложил, застрелился он... Давай, Федорыч, наливай еще, да спать пойду, устал, а на голодный желудок градус особо крепким кажется.

— Это правильно. Это по-нашему, — согласился полковник, налил до верху и сообщил:

— Завтра, Саша, надо тебе с нами пойти. Одни мы дорогу не найдем, а еще ведь надо и обратно выйти...

Александр выпил не чокаясь.

— Мне завтра косилку чинить. И с плуга лапы снимать. День год кормит, а земля руки любит.

— Косилку с плугом и без тебя сделают. А наше дело очень важное. Иван, пожалуйста, поговори с Александром, а я пока женщин развлекать буду.

Хозяин взглянул на улыбающегося Ивана, приподнялся над столом.

— А что, можно и поговорить, — просипел он сквозь зубы. И добавил, совсем тихо:

— Отчего бы и не подраться?

— Саша! — громко сказала Наташа. Она прекрасно знала взрывной характер мужа.

— Все будет нормально, Наталья Николаевна, — успокоил ее Кондратий Федорыч.

Иван, не переставая улыбаться, поднялся и вышел из кухни. За ним последовал и Александр. Они не стали разговаривать в коридоре, вышли в подъезд.

— Александр Сергеевич, — сказал вдруг Иван низким грудным голосом. — Придется нам помочь. По сведениям, в вашем районе крупное захоронение химического оружия. По всей видимости — галлюциногенный газ. Военные все отрицают. Наша миссия неофициальна и, по всей видимости, опасна. Без вашей помощи мы просто не сможем провести полноценную разведку. Мы просим вас о помощи... и еще...

Иван замялся. Саша медленно переваривал услышанное. Наконец, Иван достал из-за пазухи толстый круглый рулон.

— Здесь — пятьдесят тысяч долларов. Без предоплаты. Вся сумма сразу. Было бы глупо отказать.

Александр поднял голову. Глаза его загорелись. Комбайн! И грузовик! И запчасти для тракторов! Крыша для гаража! Решетки на окна, и дверь в подъезд! Нужны ведь деньги, ох как нужны. И глупо отказываться. Саша знал себя — потом бы всю жизнь жалел.

— Ладно, уговорили, — отозвался он шепотом.

Но красавчик не собирался сразу отдавать деньги.

— Слушай, Санек, — еще больше понизил голос Иван. — Нам бы переночевать у тебя. Уже третий день в палатке сидим. Холодно по ночам, комары. И милиция заинтересовалась. Хоть бы в «конуру» к вам...

— Чего еще придумашь? — начал Саша с недоверием. В памяти тотчас же всплыли всевозможные жизненные истории, когда к вот таким же глупым Александрам, возможно даже Сергеевичам, заходили хорошо забытые друзья-приятели, а потом всю семью находили с перерезанными горлами. И потом, откуда Иван узнал про «конуру»?

Дверь напротив отворилась. На площадку, смоля «беломорину», вышел Сергей Шпаков. Это был не просто большой человек. Татарин Наиль часто в шутку называл его «батыром». Ростом Шпак, пожалуй, вряд ли был выше Ивана. Зато толще, а точнее — плечистой раза в полтора. Этаким двуногий медведь...

— Здорово, Вань, — поприветствовал Шпаков красавчика.

— Вы чего, знакомы? — удивился Саша.

— Ты чего, Санек? — в свою очередь удивился Серега. — Это же Ванька Пехов, с мехфака... Он на первый поступил, а мы на четвертом были.

— Слушай, они переночевать просятся к нам в «конуру».

— Сколько вас? — спросил лениво Шпак и зевнул, показав на миг могучие прокуренные клыки.

— Трое.

— Бабы есть?

— Есть.

Серега хмыкнул, почесал голову:

— Санек, твои гости, ты и решай. К нам, кстати, из дорожной милиции приходили. Интересовались на счет пошрины. Анька пообещала через дверь выстрелить... А еще из банка приходили. Как они нас находят? Она им то же самое сказала.

— Молодец она у тебя, — похвалил Саша жену Сергея. — Пулеметчица!

— Так что решим? — ввязался в разговор Иван.

— Чего решать, ключи сейчас дам, — отмахнулся Александр. Голова его сейчас была занята другим. Теперь на дорогу вообще показываться нельзя, вставать рано придется — чтобы успеть завести технику в поле до приезда милиционеров.

— Сопрёте чего, — предупредил по-дружески Шпак, — и сразу головы поотворачиваю.

— Да ладно тебе, — рассмеялся Иван. — Не бойся.

— Я не боюсь, — усмехнулся Серега. — Это ты бойся.

Когда Шпаков утопил «беломорину» в ведре с окурками (они называли это — «стационарной пепельницей»), и ушел с площадки, Саша решил приободрить упавшего духом Ивана.

— Да ты не обращай внимания. Он всегда такой. Медведь он, вот кто... Пойдем провожу до «конуры».

Они вышли на улицу, дошли до четвертого подъезда, Александр открыл дверь:

— Милости прошу...

Иван прошел, оглядел разгром, пыль и заложенные кирпичами окна:

— Сойдет.

— Полина не жена твоя? — поинтересовался Саша. Черт за язык дернул.

Красавчик улыбнулся, а потом рассмеялся — словно валдайский колокольчик прозвенел:

— Я, Саш, женщинами не интересуюсь...

— Как это? — не понял Александр. — Так ты это, вообще? — Саше стало легко на душе. Теперь он понял, что его смущало в Иване. Красавец, а недостаток есть. Да еще какой! Он даже рассмеялся этой мысли. И еще захотелось обойти Ваню со всех сторон, осмотреть, пощупать, быть может — даже на зуб попробовать...

— Ну, ты даешь, — сказал Саша. А потом спохватился, решил «загладить» сказанную глупость:

— А Кондратий? — уши горели.

— Этот натурал. Матерый, — со спокойной улыбочкой отозвался Иван.

— А деньги? — Саша, кажется, нащупал выход из щекотливой ситуации.

— Запросто, — Иван передал рулон Саше, и тот с удовольствием взвесил его в руке.

— Наташа! — закричал Саша с порога. — Гостям надо будет одеял дать. Они сегодня в «конуре» ночуют...

Спал Саша плохо. Ворочался, иногда вставал, шел в туалет, а на обратной дороге подбирался к письменному столу, открывал нижний ящичек и еще раз взвешивал на руке увесистый рулон. Вечером, в постели, он все рассказал Наташе. Та вначале обрадовалась, а потом помрачнела.

— Такие деньги, — сказала она шепотом, — просто так не дают. Сам подумай.

— Да и так всю голову сломал, — отозвался Александр. — Краеведы-миллионеры, мать их за ногу. Что удумали? Газ галлюциногенный...

— А может, это шпионы? Диверсию готовят, — предположила жена.

Саша чуть не расхохотался поначалу, но быстро взял себя в руки. Какие тут шутки? Заложат бомбу, а там, может быть, и в самом деле газ, да не галлюциногенный, а самый настоящий зарин? Как рванет пара тысяч тонн зарина? Что тогда?

— Ладно, утро вечера мудренее, — проворчал он тогда. — Перед выходом я их проверю.

Саша вскочил в пять часов утра. Прошлепал на кухню, поставил чайник на конфорку, и только щелкнул замком, собираясь выскочить на улицу, пройти к четвертому подъезду, тихонько открыть дверь, и, пока неожиданные гости возятся под одеялами, не решаясь выбраться на утренний морозец, проверить, хотя бы ощупать — что все-таки они приволокли в своих рюкзаках и сумках?

Но в дверях стоял Кондратий Федорович. Полковник был все в тех же штанах-хаки, в клетчатой рубашке — словно спать не ложился, и вообще — простоял всю ночь под дверью.

— Доброе утро, — произнес старик.

— Доброе, — отозвался Александр. Он мучительно соображал — что надо сделать? Пригласить старика внутрь? Закрывать дверь? Двинуть со всей дури Федорычу в лоб? Неожиданно подумалось, что самыми разумными решениями были бы все три — последовательно.

— Надо поговорить, — спокойно сказал Кондратий Федорович.

— Надо, — медленно согласился Саша. — На кухне?

— Вы, молодой человек, полны сомнений, — нравоучительно и почти ворчливо начал старик. — Думаю, что в вашей голове возникли всевозможные теории. Думаю, что вы приняли нас за шпионов. Может быть даже за диверсантов. При всей своей подозрительности вы удивительно наивны, — полковник как будто рассуждал сам с собой. — Но поверьте, действительность более необычна.

— Ну да, — угрюмо согласился Саша.

— Вы можете верить, можете не верить. И вообще, подумайте, хотите ли вы услышать то, что я сейчас скажу?

Повисла долгая пауза. Саше вдруг дико захотелось закурить.

— Закуривайте, — согласился вдруг полковник и протянул портсигар. — Откроем форточку и закроем дверь. Дым вытянет...

Они закурили необыкновенно крепкие сигареты Кондратия Федорыча, и Александр уже собрался с духом задавать вопросы, но полковник опередил:

— Вы, по всей вероятности, знаете, что существуют люди с необыкновенными, я бы даже сказал — сказочными способностями. Так вот, вчера к вам в квартиру явились сразу три таких человека...

— Кто... — закашлялся Александр. — Вы?

— Да, я. И Иван. И Полина, — с достоинством согласился старик. — Позвольте, я приведу маленький пример.

С этими словами полковник поднялся, достал из шкафчика над столом любимый Наташин нож с тонким и длинным лезвием.

— Смотрите, — произнес он спокойно.

Старик положил левую руку на стол, ладонью вверх. Лезвие мягко скользнуло по плоти, рассекло кожу, обнажило белое мясо.

— Я останавливаю кровь, — говорил Кондратий Федорыч, а у Саши звенело в ушах. — Но пару капель стоит оставить, чтобы вы не говорили, что почудилось...

Пара капель темно-бордовой крови тяжело упали на клеенку стола.

— Закрываю рану, — говорил полковник и прямо на глазах у изумленного Саши

длинный разрез сомкнулся. Кондратий Федорович напряг ладонь, снова расслабил. — Все, даже шрама нет. Это просто, на Филиппинах это возведено в целую индустрию. Хилеры, слышали?

Саша мотнул головой. Старик тяжело поднялся, оперся на скрипнувший стол:

— Нам нужна ваша помощь. Я не знаю почему, но нужна. Вы с нами?

— Наверно, — пробормотал Саша. — А Иван?

— Иван был первым, — отозвался полковник. — Ему первому письмо пришло. Даже не письмо. Посылка. А внутри...

— Деньги, — брякнул наобум Саша.

— Да, деньги, — усмехнулся старик. — Сумма внушительная. И записка, он показывал.

— Пойди туда не знаю куда, — сказал Александр.

Старик нахмурил брови, словно не решался рассказывать дальше. Но пересилил себя, продолжил:

— Да, ему было поручено найти Полину. Причем, ему порекомендовали с ней познакомиться. Иван, как и всякий молодой человек, раздумывал недолго. Молодым вообще не рекомендуется задумываться. Дурные мысли в голову лезут... Полине деньги не потребовались. У нее уже был мой адрес. Как и у меня — ваш. И место, куда мы должны пойти.

— На что «зацепили» вас? — тихонечко поинтересовался Саша.

— Ну, уж точно не на деньги, — рассмеялся старик. — Но меня волнует вопрос. Почему вы? Вы знаете за собой какие-либо особенности? Может, умеете летать? Или умеете сгибать взглядом двуглавую балку? Полина сказала, что вы, молодой человек, просто наш проводник. Дорожник — она так говорит. Но за свою, уж поверьте — очень насыщенную жизнь, я отвык от слова «просто». Не бывает — «просто», даже когда кажется. Это философский вопрос — что сложнее: движение кошки или...

— ...падение камня, — закончил Саша. — Есть еще пословица: «В горах камень упадет, а на равнине деревня сгорит». Меня, честно говоря, не это интересует. Куда интересней — кто нас собрал? Для чего?

Саша и сам не знал, почему он уже считал себя частью команды. На миг показалось, что он давно и хорошо знает не только Кондратия Федоровича, но и Полину, а уж тем более Ивана.

— Всеу свое время, — усмехнулся полковник в отставке. — Думаю, что мы узнаем это на месте. Так ты с нами?

— С вами, куда уж тут, — проворчал Саша. — Чайку?

— Давайте, — весело согласился Кондратий Федорович.

В семь утра Александр зашел к Шпакову. Серега, вообще-то, был главным заводилой в их маленькой артели. Именно он заставил, буквально поволок восьмерых судуйских мужиков в Москву, на заработки. Три месяца адского труда, с понедельника по пятницу — на стройке, суббота, воскресенье — в депо на разгрузке. Четверо выдержали, и заработали столько, что смогли вернуться домой и открыть свое маленькое дело на двухстах гектарах заброшенной пашни.

— Слушай, Шпак, — сказал Саша, взяв соседа по лестничной площадке одной рукой за подбородок, а второй — за лоб, не позволяя мутным голубым глазам закрыться. Сергей был всем известен своим умением спать «до последнего». Правда, и работал он тоже — «до

последнего».

— Слушай, Шпак, — повторил Саша. — Я возьму твой «Уазик», а свою «ласточку» тебе оставлю. На пару деньков. Да слушай ты!

— Слушаю я, слушаю. Сбрэндил ты... Весна же... А сегодня в «усадьбе» дело навалом, — бурчал Шпаков.

— Меня не будет сегодня и завтра. А может и послезавтра. Потом все объясню. Понял? Вычтешь потом эти дни из моей доли.

— Вычту, вычту, — бубнил Сергей.

— Ключи, — рявкнул Саша.

— На! Только учти, утопишь в болоте — простишься со своей «ласточкой», — Серега явно начал приходить в себя.

— Ладно, пока, — сказал Саша, отдал свои ключи и захлопнул дверь.

— Третий цилиндр компрессию не держит, — заявил Иван, когда закидывал свой рюкзак в багажник «Уазика».

— Да знаю, — отозвался Саша. — Некогда перебирать.

— И карбюратор разболтался, — проворчал обряженный в «хаки» красавчик, и направился к капоту.

— Сейчас открою, — крикнул Александр.

Но Иван только отмахнулся, ухватился длинными пальцами за край и вздернул крышку вверх.

— Не ломай! — заорал Саша сквозь рев двигателя.

— Не ломаю, — донесся, словно издалека, сочный тенор. Двигатель чихнул, почти заглох, а потом заворчал, сбавляя обороты, и, вдруг замурлыкал, словно довольный, сытый кот. Иван захлопнул капот, и рокот мотора превратился в шепот. Машина работала — но так тихо, ровно и слаженно, будто только что с конвейера.

— Здорово, — сказала Полина сзади.

— Да, Иван у нас по таким делам просто спец, — проворчал Кондратий Федорыч, втискиваясь на заднее сиденье.

Саша стер испарину со лба, сел за руль, глубоко вздохнул несколько раз, чтобы прийти в себя, выжал сцепление. Откуда-то пришла уверенность, что они проедут тринадцать километров по заброшенной лесной дороге без всяких приключений и поломок.

Дико и страшно жутко въезжать в заброшенную деревню. Старые тополя. Один из них упал прямо на дом. Заколоченные окна и выбитые стекла, крапива и иван-чай из всех щелей, покосившаяся громада клуба, заросший рогозом и затянутый ряской пруд. Заброшенная дорога привела их к единственному жилому дому. Сновицы, деревня, в которой когда-то жили семьдесят две семьи, сейчас напоминала кладбище. И дядя Леша словно оставался зрителем этого жуткого места. Судьба восьмидесятилетнего старика была тревожна и заковыриста. Когда молодому цыгану исполнилось семнадцать лет, его застала война, примерно в такой же деревеньке, но в Белоруссии. Как кудрявого и носатого Лешу назначили полицаем — одному богу известно. А когда немцев выбили, девятнадцатилетнего Алексея отправили в Сибирь, на двадцать пять лет. Он оттоптал положенный срок и уехал сюда, в глушь. Тогда еще в Сновицах жили, колхоз работал, и даже в школе на краю поселения оставалась старая учительница. Постепенно молодые перебрались в город,

старика вымерли один за другим, а дядя Леша остался. Совсем одичать ему не давали радио и собака по кличке Чебурашка — умная, и необыкновенно ласковая.

— Дядя Леша! — закричал Александр, очень надеясь, что старик жив.

Чебурашка выскользнула из-под покосившейся двери, завилыла хвостом и тихонько твякнула. У Саши отлегло от сердца. Жив, жив курилка!

Дядя Леша выскочил секунд через десять.

— О! — закудаhtал он с порога. — Гости. Кто к нам приехал?

— Это я, дядя Леша! — закричал Александр, памятуя, что старик глуховат. — Помните, я Саша! На лето приезжал. Вы мне еще ружье хотели продать, мы весь чердак облазали, а не нашли!

— Помню, помню, — говорил старичок, пытаясь заглянуть в кабину. — Курить привез? Табачок в прошлом году плохо родился.

— Привез, дядя Леша, — кричал Александр. — Сигарет привез, хлеба, сахара и соли.

— А еще чего?

— Больше ничего, — признался гость. — Я тут ненадолго. Машину хочу оставить около вашего дома.

— Оставь, оставь, — ворчал дядя Леша, принимая нехитрые дары. — Кто ее в такой глуши украдет. Гости с тобой?

— Да! — признался Саша. — Хочу их на Красное озеро сводить.

— Своди, своди, — спокойно говорил старик. — Только дальше не ходите. Страшно там. Опасно. Не заблудитесь, так сгинете...

Александр обернулся и успел заметить, как переглянулись Кондратий Федорыч с Иваном.

Озеро называли Красным, потому что сосны, отражаясь в спокойной воде, окрашивали ее в багрово-янтарный оттенок. Солнце било в глаза, мокрая трава промочила путников до пояса.

— Как красиво, — прошептала Полина.

— Красиво, — гнусаво поддержал Иван. Всю ночь лил дождь, ветер буквально рвал кроны деревьев, вдалеке бухал гром. Александр проснулся ранним утром от боли в пояснице — видимо, простудился. Но насморк не получил никто, кроме Ивана. Красивый римский нос его покраснел, и стал похож на свекольный ломоть, лицо подурнело, голос изменился.

— Кондратий Федорыч, сделайте хоть что-нибудь! — взмолился бывший красавчик за завтраком. Полковник медицинской службы только развел руками:

— Насморк, дорогой мой, не лечится. Установленный медицинский факт. Лучшее лекарство — горячая ванна.

— Может, капли есть? — прогнусавил Иван.

— Капли есть, — ответил Федорыч и полез в рюкзак.

Иван вначале обрадовался, а через час снова погрузился — капли помогали временно.

— Обойдем правым берегом, — решил Александр. Ему не возражали.

Озеро с его красотами осталось позади, и пошли знаменитые своей непроходимостью крутобокие холмы — Козловы горы. Чтобы пройти сотню метров — приходилось спускаться, потом вновь подниматься, и так — много раз. К вечеру они выбрались в заросший мхом лес. Сосны здесь росли среди замшелых валунов, и лес от этого казался сказочным — как будто кто-то огромный нес эти здоровенные камни с собой, да и рассыпал

половину по дороге.

Иван, когда увидел эти камни, сначала оторопел, встал, недоуменно озираясь, пытаясь что-то унюхать распухшим носом.

— Ваня? — спросил Федорыч.

— Не понимаю, — прогундосил тот. — Здесь не так... Что-то не так... Насморк, мать... Не чувствую.

Саша только плечами пожал:

— Идем вперед, — бросил он. — Некогда останавливаться. Дойдем до вашей ямы — там посмотрим.

Страх в груди Александра пропал, уступая место обреченности. Он ругал все и вся — себя, за то, что взялся показывать дорогу; Федорыча — за его идиотское умение кидать ножи, Фадея, Полину. Этот лес, эти камни, эту дыру, черт бы ее подрал. Вернуться бы в поле, завести трактор и работать — до упора, до последнего, и чтобы никто не лез, не приставал, не донимал. Вот ведь люди — каждому наплевать на каждого, но всем всё надо от тебя лично... Идиотство...

— Стойте, — приказала Полина. — Здесь что-то есть.

Саша почувствовал, как бешенство накрывает его с головой. Он яростно содрал рюкзак с плеч:

— Ищите, мать вашу, — крикнул он. — Никуда не пойдем, пока ваше «не так» не найдем, черт бы вас подрал. Краеведы хреновы... Уроды...

Он продолжал ругаться, черным матом, без разбора крыл все подряд, каждую былинку под ногами, опустив голову, не смея взглянуть на спокойных и странных попутчиков. Страх снова зашевелился в груди. Саша затравленно оглянулся. Вокруг никого не было. В какой-то момент он почувствовал облегчение. Не надо никого провожать — сами найдут дорогу. А он пойдет домой, не останавливаясь ни на миг, выйдет к Судую... Хотя нет, надо сначала к дяде Леше, забрать УАЗик, иначе Шпак голову оторвет... Не в первый раз. Вся жизнь — словно на краю пропасти. Долго ли можно скрываться от власти, игнорировать повестки в суд, штрафы, предписания, угрозы? Сколько веревочке не виться... Да только всем выкусить придется — Сашу так просто не возьмешь. Драка будет знатная.

Из тишины каменного леса раздался стон. Александр слышал этот звук. В больших городах, где много железа и бетона, с таким стоном становятся на запасные пути товарные вагоны, или могучая лебедка старается сдвинуть с места непосильную тяжесть. Но откуда этот звук здесь, в глухом лесу? Может, с таким стоном погибают тысячелетние сосны?

— Доигрались, — взъярился Саша, бросил рюкзак, рванул с места, как заяц.

— Доигрались, мать вашу, — уже орал он, не разбирая дороги, перепрыгивая через замшелые кочки, отмахиваясь от высохших веток. «Кстати, а где комары?» — запоздало пронеслась в голове мысль. Обычно в такое время гнуса в лесу — видимо-невидимо. А теперь придется делать самодельные носилки, обе руки будут заняты, и немало кровушки попьют жадные кровососы... «Федорыч! — возликовала какая-то часть сознания. — Это тебе за Фадея!»

Саша в лесу заметил, что их странная четверка почти не производит шума. Кондратий Федорыч шел медленно, осторожно, за ним, шаг в шаг — Иван. Полина отстраненно поглядывала по сторонам, но ни разу не оступилась, ни разу под ее ногой ни хрустнула ветка. Никто не разговаривал, не насвистывал популярных мелодий, не дышал тяжело, не

кашлял, не чертыхался. Лес тревожно скрипел деревьями, шелестел зарослями малины. Иногда на пути встречались поваленные временем сосны — огромные, с темной чешуей, чуть ли не в два человеческих роста толщиной — их приходилось обходить.

— Медведи здесь есть, — произнесла Полина вполголоса.

— Ага, — негромко согласился Саша. Ему почудилось, что за одним из стволов он заметил движение, и мысленно ругнулся, что не взял ружье.

— Стоим, — скомандовал Кондратий Федорыч.

— Кто там? — поинтересовался Иван.

— Кто-то есть, — отозвался полковник. Он внимательно смотрел под ноги, затем перевел взгляд на заросли малины. Там кто-то завозился, поднялся в полный рост. Саша перевел дух — это был не медведь. А через секунду он узнал местного егеря — Фадея. Как он умудрился оказаться здесь? Что ему надо?

— Стоять, — громко сказал Фадей.

— Это я, Саша, — крикнул Александр и шагнул навстречу.

— Стоять всем! — срывающимся голосом отозвался егерь и навел ружье на Ивана. Видимо, посчитал его самым опасным.

— Дядя Фадей, это же я, — не унимался Александр. — А это мои друзья. Мы к Красному озеру идем.

— Знаю я этих друзей. Положу сейчас всех. Туристы-пофигисты, ерш ты по голове...

Егерь бурчал, а Саша пытался понять — что происходит? Они что-то нарушили? Фадей кого-то узнал? Глаза у него мутные, подумал Саша. Скорее всего, они вторглись на территорию, где их быть не должно... Может, Фадей здесь коноплю выращивает, или еще какую наркоту? Вон как оброс мужик. И пена в бороде. Все-таки здесь есть что-то. Вполне возможно, что газ. Галлюциногенный. И где-то утечка.

Полина вздохнула и повернулась к Фадею спиной. Саша даже поморщился — вот дура! А потом Кондратий Федорыч сделал какое-то движение, словно от комара рукой отмахивался. И Фадей начал падать.

— Что такое? — пробормотал Саша, а потом заметил, что у егеря что-то выросло из горла, какой-то коричневый нарост. А потом Александр догадался, что это не нарост вовсе, а рукоять толстого и короткого ножа.

— Черт, — выругался полковник. — Я же не хотел. Дьявол под руку толкнул. Вот чертовщина!

— Он бы нас убил, — не оборачиваясь, сказала негромко Полина. — Нож заберите, а его в кусты спрячьте. Ночью медведь придет...

— Вы же его убили, — медленно сказал Саша. — Вы понимаете? Вы что наделали!

Мерзкое чувство охватило его. Не было никакой жалости, не было страха. Только ноги подгибались, подташнивало и очень хотелось в туалет. Впервые Александр увидел смерть так близко. Только что был человек, полный сил, злости и неумолимости — и вот его нет. Совсем нет. Точнее — он есть, его тело валяется на хвое. И от этого только хуже. Если бы можно вернуть время хоть на минуту назад, хоть на тридцать секунд! Бросился бы в ноги, свалил, заломал, покалечил — но не убил.

И так живешь словно на вулкане, словно волк под флажками... Каждый месяц — штрафы, регулярно — повестки в суд, административные взыскания, угрозы, долгие разговоры, зачитывания протоколов над повинно склоненной головой. Мать, да сколько же можно? Может это и есть край? Может, уже больше нечего терять?

«В лес уйду, — у Саши кружилась голова, и все казалось нереальным. Только одна мысль-мечта яростно пульсировала в воспаленном мозгу. — В лес. Наташе объясню. Люду возьмем — обучим сами помаленьку. Ружье возьму. Кто в мой лес придет — тот ляжет, как этот гребаный Фадей».

— Ты же видел, что он не в себе, — вмешался в разговор Иван. — Полина точно говорит — он бы нас положил здесь.

— Зараза, — еще раз выругался Кондратий Федорыч. — Иван, бери за ноги. Оттащим и кусты.

— Вы как хотите, но я молчать не буду, — сказал Саша и почувствовал, как напряжение повисло в воздухе. Но Иван и Кондратий Федорыч смотрели не на него, а на Полину. Та покачала головой.

— Это не имеет значения, — сказала она равнодушно. — Надо идти. Нас будут и дальше...

— Что — дальше!?! — заорал Александр. — Я не пойду! Мать вашу так!

— Надо идти, — Кондратий Федорович шагнул к Саше.

— Не приближаться! — взвизгнул тот.

— Подожди. Я все объясню. Поверь, только истерик нам сейчас не хватает. Возьми себя в руки, — полковник все-таки подошел, положил тяжелую руку на плечо. — Поверь, мне приходилось убивать.

— Он врач-эвтанатор, — бросила через плечо Полина. — Нечего сопли распускать. Идем дальше.

Странным образом эти слова, произнесенные женщиной, успокоили Сашу. Он побрел следом за странной троицей. На душе было пакостно. Нет, если по-честному, то Александра не беспокоил какой-то егерь. Фадея знали как пьяницу, жил он отдельно от всех, а как свихнулся — стал жить в лесу. Может быть, вообразил себя кем-нибудь. Саша теперь ни на миг не сомневался, что егерь сошел с ума. Ему хотелось так думать, хотелось, чтобы это была самозащита, а не расправа... В конце концов Фадей обещал «положить всех». Но все-таки он был человеком, гражданином — а для защиты таких существует закон. Александр теперь преступник, соучастник. Страх холодным колючим комком бил поддых с каждым шагом. Все, прощай свобода. Ничего не докажешь, никак не отмажешься. Был. Видел. Ничего не сделал. Осознал. Прошу прощения, у меня жена, ребенок, никогда больше не буду...

— Да не дрейфь, — проворчал Кондратий Федорович за спиной. Саша вздрогнул — он не заметил, как полковник оказался позади.

— Вляпался — терпи.

— Терплю. Надо было похоронить хоть...

— Ничего не надо, — мягко отозвался Федорыч. — Мы и так не успеваем. А еще дожде зарядит, — добавил он, взглядываясь в небо. — Далеко еще до озера?

Саша глянул на часы, потом достал компас. По лесу без дороги скорость пешего человека с рюкзаком — два километра в час. Вышли в двенадцать. Полчаса потеряли на Фадее.

— Завтра только выйдем, — буркнул Саша. — За два часа до захода солнца лагерь ставить надо. Иначе в темноте намучаемся.

Озеро назвали Красным, потому что сосны, отражаясь в спокойной воде, окрашивали ее в багрово-янтарный оттенок. Солнце било в глаза, мокрая трава промочила путников до пояса.

— Как красиво, — прошептала Полина.

— Красиво, — гнусаво поддержал Иван. Всю ночь лил дождь, ветер буквально рвал кроны деревьев, вдалеке бухал гром. Александр проснулся ранним утром от боли в пояснице — видимо, простудился. Но насморка не получил никто, кроме Ивана. Красивый римский нос его покраснел, и стал похож на свекольный ломоть, лицо подурнело, голос изменился.

— Кондратий Федорыч, сделайте хоть что-нибудь! — взмолился бывший красавчик за завтраком. Полковник медицинской службы только развел руками:

— Насморк, дорогой мой, не лечится. Установленный медицинский факт. Лучшее лекарство — горячая ванна.

— Может, капли есть? — прогнусавил Иван.

— Капли есть, — ответил Федорыч и полез в рюкзак.

Иван вначале обрадовался, а через час снова погрузился — капли помогали временно.

— Обойдем правым берегом, — решил Александр. Ему не возражали.

Озеро с его красотами осталось позади, и пошли знаменитые своей непроходимостью крутобокие холмы — Козловы горы. Чтобы пройти сотню метров — приходилось спускаться, потом вновь подниматься, и так — много раз. К вечеру они выбрались в

заросший мхом лес. Сосны здесь росли среди замшелых валунов, и лес от этого казался сказочным — как будто кто-то огромный нес эти здоровенные камни с собой, да и рассыпал половину по дороге.

Иван, когда увидел эти камни, сначала оторопел, встал, недоуменно озираясь, пытаясь что-то унюхать распухшим носом.

— Ваня? — спросил Федорыч.

— Не понимаю, — прогундосил тот. — Здесь не так... Что-то не так... Насморк, мать... Не чувствую.

Саша только плечами пожал:

— Идем вперед, — бросил он. — Некогда останавливаться. Дойдем до вашей ямы — там посмотрим.

Страх в груди Александра пропал, уступая место обреченности. Он ругал все и вся — себя, за то, что взялся показывать дорогу; Федорыча — за его идиотское умение кидать ножи, Фадея, Полину. Этот лес, эти камни, эту дыру, черт бы ее подрал. Вернуться бы в поле, завести трактор и работать — до упора, до последнего, и чтобы никто не лез, не приставал, не донимал. Вот ведь люди — каждому наплевать на каждого, но всем всё надо от тебя лично... Идиотство...

— Стойте, — приказала Полина. — Здесь что-то есть.

Саша почувствовал, как бешенство накрывает его с головой. Он яростно содрал рюкзак с плеч:

— Ищите, мать вашу, — крикнул он. — Никуда не пойдем, пока ваше «не так» не найдем, черт бы вас подрал. Краеведы хреновы... Уроды...

Он продолжал ругаться, черным матом, без разбора крыл все подряд, каждую былинку под ногами, опустив голову, не смея взглянуть на спокойных и странных попутчиков. Страх снова зашевелился в груди. Саша затравленно оглянулся. Вокруг никого не было. В какой-то момент он почувствовал облегчение. Не надо никого провожать — сами найдут дорогу. А он пойдет домой, не останавливаясь ни на миг, выйдет к Судую... Хотя нет, надо сначала к дяде Леше, забрать УАЗик, иначе Шпак голову оторвет... Не в первый раз. Вся жизнь — словно на краю пропасти. Долго ли можно скрываться от власти, игнорировать повестки в суд, штрафы, предписания, угрозы? Сколько веревочке не виться... Да только всем выкусить придется — Сашу так просто не возьмешь. Драка будет знатная.

Из тишины каменного леса раздался стон. Александр слышал этот звук. В больших городах, где много железа и бетона, с таким стоном становятся на запасные пути товарные вагоны, или могучая лебедка старается сдвинуть с места непосильную тяжесть. Но откуда этот звук здесь, в глухом лесу? Может, с таким стоном погибают тысячетлетние сосны?

— Доигрались, — взъярился Саша, бросил рюкзак, рванул с места, как заяц.

— Доигрались, мать вашу, — уже орал он, не разбирая дороги, перепрыгивая через замшелые кочки, отмахиваясь от высохших веток. «Кстати, а где комары?» — запоздало пронеслась в голове мысль. Обычно в такое время гнуса в лесу — видимо-невидимо. А теперь придется делать самодельные носилки, обе руки будут заняты, и немало кровушки попьют жадные кровососы... «Федорыч! — возликовала какая-то часть сознания. — Это тебе за Фадея!»

Он вылетел на них неожиданно, едва не сбил Полину с ног. Вся троица стояла живая и невредимая, перед открывшимся в земле проходом. Огромный замшелый камень открывал страшный в своей непонятности зев глубоко под землю. Старые мокрые бетонные плиты

начинались сразу после входа.

— Дорога, — растерянно произнес Иван.

Костер разгорался, разгоняя тьму, делая ее почти осязаемой, а тени — зловещими.

— Этой дорогой лет пятьдесят не пользовались, — сказал Иван, откидываясь на нарубленный лапник.

— Пятьдесят два, — произнесла Полина.

Саше вдруг захотелось взять эту странную женщину за подбородок и, заглянув глубоко в глаза, спросить... Очень серьезно спросить:

— А ты откуда знаешь?

А потом еще:

— И что теперь будет?

— Ничего тебе не будет. Не вспомнит никто о Фадее. Не до него, — загадочно отозвалась Полина.

Саша смутился. Он понял, что задал последний вопрос вслух.

— Всем спать, — прокричал Федорыч. — Отбой.

И первым полез в палатку.

Утром оказалось, что они не дошли до «шахты» всего лишь пару километров. Подземной дорогой они не решились воспользоваться, хотя Иван и заявил, что может подключить освещение, и вела она, по словам красавчика, «туда, куда надо».

— Опасно, — сказала Полина.

Сейчас Саша стоял перед холмом, затравленно оглядываясь вокруг, не понимая, что его беспокоит. Трава вокруг и в самом деле пожухла, как будто выгорела. А ведь на дворе — май. И птиц не слышно. И еще, что беспокоит больше всего — где комары? Где эти маленькие кровопийцы? Слишком много вопросов без ответов.

Иван, Кондратий Федорович и Полина стояли вокруг дыры в земле.

— Я не понимаю, что это такое, — вполголоса проговорил Иван. — Я могу разобраться во многом, но для такого слабоват. Это...

Красавчик закричал не хуже старого деда:

— Это... вроде бы и человек. Похоже, вроде, — говорил он, словно оправдывался.

— Земля раздвинулась, — пробормотала Полина.

— Что ты об этом думаешь? — спросил вдруг Федорыч у Александра, который без всякого энтузиазма забрался на холм.

Вблизи дыра, или, как ее называли, «шахта», выглядела страшновато. Она едва ли была больше метра в диаметре, с гладкой, словно зализанной по краям землей. Плотная, утрамбованная, и ни одной травинки вокруг. Внутри, несмотря на солнце — темнота. Видно, конечно, что глубокая, но насколько — не понять.

— Что думаю? — проговорил Саша. — Дух земли ее прорыл, вот что. Надоело под землей сидеть, решил выйти, посмотреть, кто это его тревожит, карьеры делает, сверлит, нефть качает, уголь рубит...

— Ты это серьезно? — изумился Иван.

— Серьезней не бывает, — отозвался Александр.

— И как же он такую дыру сделал?

— Да никак, — сказал Саша. — Выбрал камешек поровнее, и утащил его под землю.

Вот и получилась дыра...

Полина посмотрела на Александра с удивлением.

— А ведь он прав, — сказала она медленно. — Здесь раньше был камень, я чувствую.

— Черта с два он прав, — немедленно отозвался Иван. — Может, камень и был, да вот только духа не было. Это не дух сделал.

— А кто? — Федорыч нахмурил лоб.

— Не понимаю, — вновь закричал Иван, словно неподъемную тяжесть поднимал.

— Человек это, — прокаркал он наконец. — Человек это был.

— Да чего гадать? — с ехидством сказал Саша. — Спуститься надо — и дело с концом.

Федорыч странно на него посмотрел и со вздохом стал распаковывать рюкзак. С самого дна он достал сверток в промасленной бумаге, потом покопался еще и вытащил катушку капроновой нити.

— Газоанализатор, — объяснил он коротко.

— А кто будет спускаться? — спросил Иван.

— Зачем? — удивился старик. — Я сейчас опущу, анализы проведу...

— Я пойду, — уронила Полина. — У меня горная подготовка.

— Зачем рисковать?

— Я не рискую, — отозвалась бывшая библиотекаряша. — Кто-то должен туда спуститься.

— Я тоже пойду, — буркнул вдруг неожиданно для самого себя Саша. Почему он принял такое решение? Может, потому что ему казалось, что он попал в гигантскую воронку, которая затягивала, засасывала — пока почти незаметно, но уже неотвратимо, не вырваться, не прорваться. Надо просто нырнуть поглубже — и вынырнуть, пусть что угодно случится. Он может... и он должен.

Никто не удивился словам Александра. Даже Полина одобрительно кивнула головой.

Солнце осталось где-то вверху, Саша упирался в холодную землю спиной, руками и ногами, медленно, не торопясь, спускался дальше, вглубь. Сначала было не по себе, но потом он сообразил, что под ним, в десяти метрах внизу — Полина. Если что-то и случится, то она будет первой, а уж он заорет что есть мочи, и Федорыч с Иваном вытащат, не подкачают. Даром, что ли, Иван такой здоровый...

— Углекислого газа внизу чуть побольше, но в норму укладывается. Оно и понятно, — объяснял полковник, когда вытащил свой газоанализатор с глубины трехсот метров — ровно столько составлял путь вниз.

— Эта штука самый замысловатый пук на части разберет, — видно было, что Федорыч гордится прибором. Рядом уже залезала в «обвязку» Полина. Иван проверял какие-то странные карабины — они были слишком маленькие и ненадежные — по мнению Саши.

— Ничего, — бормотал Иван. — Они из такой стали, что слона выдержат. Главное — руками не хватайтесь, — с этими словами он вытащил из бокового кармана рюкзака просто смехотворную веревку.

— Ты не смотри, что она такая, — заявил красавчик, заметив недоверчивый взгляд Александра. — Эту «паутинку» и танку не порвать. Кевлар плетеный, нанотехнология, такого даже у военных нет...

После второй сотни метров куда-то пропал холод, стало тепло. Окно света вверху превратилось в едва видимый огонек, а потом — в звезду, в точку. Казалось, что сами стены

сдвигаются, а еще неприятно осознавать, что под тобой — метры и метры не высоты — но глубины, и они очень опасны.

— Саша, — раздался глухой голос совсем близко. — Я дошла.

— Мне спускаться?

— Спускайся. Здесь, кажется, просторно.

— Осторожно.

— Тебе совсем чуть-чуть осталось. Освобождай ногу, упрись спиной покрепче.

— Слушай, мне паутина на лицо попала...

— Паутина?

— Епрст, Полина! Это наша веревка! Полина! Черт, она оборвалась! Кевлар из гребаный!

— Успокойся!

— Я спокоен, мать-перемать!

— У нас есть костыли, колодец узкий, мы выберемся, — голос Полины звучал глухо, но уверенно. Этот уверенный голос помог раздавить ком в горле.

— Все, я спокоен. Спускаюсь, — нога Саша коснулась пола, он обессилено повалился, вне себя от пережитого. Единственное, чему он был рад — мысли о Фадее испарились, ушли на второй план, тут бы самому выбраться...

Фонарик высветил узкий коридор.

— А вот и наш камешек, — с усмешкой сказала Полина.

Александр посмотрел под ноги и увидел, что он и вправду стоит на гладком, плоском, а главное — абсолютно круглом камне, как будто кто-то отрезал от каменного батона колбасы колоссальный ломоть.

— Не слабо, — почему-то шепотом отозвался Саша. Он уже представлял, как этот «кружок» уходит под землю, и еще ему представились размеры лебедки, которая бы смогла создать такую нагрузку. Он пошарил лучом по голым стенам — лебедки не наблюдалось.

— Пойдем, — сказал он спутнице. — Сейчас нарвемся на секретный объект. Можно сразу руки поднимать.

— Подожди, — отозвалась Полина.

— Страшно мне, — призналась она шепотом.

— А мне? — спросил Саша. На самом деле сейчас ему не было страшно. Воздух свеж и даже без запахов, темно, но вокруг — знакомый шум... Саша попытался понять, что именно он слышит, но никак не мог вспомнить. Что-то тревожное, глухой, яростный гул, словно станки на предельной мощности, но это не станки...

Через двадцать шагов глиняный пол кончился, пошли ступени из черного камня, а впереди разгорался свет. Александр дотронулся до стены — она была гладкой и теплой на ощупь.

— Покрашено, — сказал он с усмешкой.

Полина недовольно оглянулась.

— Тихо, — Саша сам понял, что шутки скоро закончатся. Впереди сиял электричеством проем, теперь можно хорошо разобрать, что покрашены не только стены, но и потолок — в голубое.

— Мне страшно, — Полина уцепилась за Александра, упиралась, отчаянно мотала головой. Глаза ее из спокойных превратились в безумные, она явно была не в себе.

— Спокойно, спокойно, — Саша прижал женщину к себе, гладил непослушные,

неожиданно жесткие волосы, тащил за собой.

Они оказались в довольно просторной комнате, в которой было несколько дверей — некоторые распахнуты настежь, другие заперты на висячие замки, одна — стеклянная. У стеклянной двери стоял человек. На первый взгляд он напоминал Ивана — высокий беловолосый красавчик. На голову выше Саши, голубые пронзительные глаза смотрят насмешливо. Полина сжала локоть так, что стало больно, и Александр обернулся, желая укорить за истерику и вообще — что за поведение? Но Полина сама оторвалась от него, отшвырнула в сторону так, что он ударился об стену и упал.

— Что за...? — рявкнул Саша, негодуя на глупость ситуации. Ну нельзя же так, с ходу, в атаку с голой пяткой! Никто не собирается их убивать, даже наручники не пытаются надеть. А может быть здесь так принято — стрелять без предупреждения? Александр вскочил, растерянно оглянулся, ища Полину, а потом увидел ее на полу. Женщина застыла в какой-то невозможной позе, словно безумный каратист — в такой низкой стойке, что невозможно представить: как из нее можно обороняться или нападать. Коса тяжелой змеей свернулась на полу, а позади, в отведенной руке Полина держала нож — здоровенный охотничий тесак. Где она его носила? — успел еще подумать Александр, как замершая картинка пришла в движение. Он бы никогда не подумал, что женщина может так нападать. Быстро, ловко, умело... Взмах серой стали... Двойник Ивана перехватил руку, нож отлетел в сторону, Полина оказалась зажата в громадных ручищах, а человек только улыбнулся, обнажив ослепительно белые зубы, наверняка не знавшие ни зубных паст, ни чудодейственных жевательных резинок.

— Здравствуйте, — сказал он и втолкнул Полину в комнату за стеклом.

— Проходите, — добродушно предложил победитель Александру. — Отдохнете, умоетесь, поедите.

— Хорошо, — быстро согласился Саша. Он был поражен, ошеломлен. И одновременно очень хотелось засмеяться, так, что в носу засвербило. Ему едва удалось подавить идиотский смешок.

— Ничего себе встреча! — раздался с порога бас Кондратия Федорыча.

— Ну и что вы об этом думаете? — спросил полковник сразу всех сидящих за столом. Они находились в просторной комнате, три бетонные стены как будто неумело покрашены зеленой краской, но Иван сразу объяснил, что неизвестный маляр хорошо знал свое дело. Саша не особенно приглядывался к разводам, но через полчаса понял, что стоит на миг отвлечься — и кажется, будто за спиной смыкаются еловые лапы. Даже запах здесь стоял еловый. Комната с шикарнейшей ванной и более чем скромным санузлом в глубине таежного леса. Еще имелись несколько кроватей — с тонкими дерюжными покрывалами. Стол и десяток стульев. Стулья заинтересовали Александра. Он с трудом оторвал один из них от пола.

— Каменные, — подтвердил Иван. — Только некоторые вырезаны, а другие отлиты. Странно, да?

Им принесли еду. Высокая русоволосая женщина поставила на стол огромный поднос с фруктами, вареной картошкой, копченым окороком. В кувшине плескалось изумительное легкое вино. Полина фыркнула, смерила потенциальную соперницу взглядом, демонстративно отвернулась.

— Ну-с, и что мы об этом думаем? — вновь повторил полковник.

— Это объект, — сказала почти спокойно Полина.

— Но это не военный объект, — отозвался Иван. — Иначе бы здесь не было женщин.

— Ничего больше? — спросил Кондратий Федорыч Полину. Та отрицательно покачала головой.

— Теперь факты, — рубанул ладонью полковник по столу. — Объект находится в трестах метрах под землей. Иван, учти это.

— Учту.

— Около объекта имеется подземная дорога, бездействующая пятьдесят два года. Полина, учти это.

Женщина безучастно кивнула. Полина сейчас не походила на фурию, какой ее увидел Саша. Она успела сходить в душ и вышла оттуда с распущенными волосами, но это ей не шло. С мокрым полотенцем на плечах она сразу постарела и осунулась.

— Александр, подумайте очень хорошо. Вспомните все детали. Что здесь было — до войны? Опять же слухи, легенды, необычные происшествия. Все что угодно. Какие еще объекты есть в вашем районе?

— Начну с зон, — Александр наморщил лоб. — В городе есть так называемая «химия», по областному тракту — «малолетка». Раньше еще была «женская». Военные тут ракеты прятали, шахты есть в лесах, но теперь заброшенные. Подземный аэродром, до сих пор действующий, но это далеко. Опа! — вспомнил он. — Мы же в Татьянинном лесу! Тут легенда есть, что девушка Татьяна пошла в лес, да не смогла выйти из него. Заблудилась, некоторые до сих пор ее голос слышат. А раньше лес Андреевским назывался.

— Ладно, учтем, — сказал Иван.

— Продолжай, — попросил Федорыч.

— Есть дорога странная. Ледянка называется. Говорили, что она только зимой используется, там колодцы нарыты. Лес возили по ней, на конях, по льду.

— Это все не то, — поморщилась Полина.

— Слушайте, кто-нибудь объяснит, что происходит? — решился спросить Саша. Конечно, это было не совсем вовремя, но если Полина начнет кидаться на любого встречного, то неизвестно, чем все закончится.

— Не знаю я, что такое на меня нашло, — видно было, что она и сама не прочь поговорить. Глаза ее блеснули, и она продолжала:

— Словно бы наваждение какое. Я и сейчас думаю. Кое-что придумала, но все не то. Меня ведь боятся...

— Я не боюсь, — признался Саша.

— Боишься, — вмешался Федорыч. — Только сам не понимаешь.

— Может, я привыкла к тому, что боятся? — продолжала меж тем Полина. — А этот — не боялся. Я чувствовала. Смотрел на меня как на животное. Как на странное экзотическое животное. Я... Я... А вас-то как взяли? — спросила она уже с издевкой.

— Как котят, — хохотнул Иван.

— Я объяснить хотел, что вы у нас уже спускаетесь, — подхватил Федорыч. — Но нам пояснили, что с вами ничего не случится. Руки за голову и вперед, с песней по жизни...

— Самое прикольное, что нас «взяла» какая-то девица неопишуемой красоты. На меня не действует, но как увидел, дух захватило. Стою, а у Федорыча, гляжу, уж слюнки потекли...

— Не так все было, — прорычал задетый за живое старик.

— Мы есть сегодня будем? — поддаваясь веселью, спросил Саша.

— Вы не испугались, и это вас спасло, — тихо проговорила Полина. Она не прикоснулась к еде, сидела, сложив руки на коленях, волосы почти закрыли лицо.

— Он идет, — добавила Полина еще тише.

Никто не понял, как он появился в комнате. Саша осознал, что их уже пятеро, только тогда, когда пришелец легко пододвинул стул и сел во главе стола.

Сходство с Иваном было только поверхностным. Из-за белых волос и правильных черт лица, сообразил Саша. У Ивана не было таких могучих рук. Под гладкой, почти матовой кожей скрывались длинные мускулы, а сами руки двигались так, что на миг можно подумать, будто они не имеют костей. Было нечто знакомое во всей фигуре, Саша мучительно вспоминал — и вспомнил, что видел таких людей на патриотических плакатах. Толстая шея, плавные бугры плеч, широченная грудь под рабочим комбинезоном — и умное, внимательное, можно сказать — совершенное лицо.

Казалось, что он изучает каждого: внимательно, держа всех в поле зрения, никого не выделяя особо, просто смотрит на Сашу, Кондратия Федоровича, Ивана, Полину. Молчание затягивалось. Никто не решался произнести и слова, только Полина все больше бледнела. Кровь застучала у Саши в висках, он пытался придумать хоть какое-нибудь не очень глупое начало для разговора.

— Я не совсем такая, — внезапно произнесла Полина.

Иван и Кондратий Федорович с удивлением посмотрели на нее.

— Он ч-что, с тобой разговаривает? — удивился полковник в отставке.

То, что произошло потом, не укладывалось ни в какие разумные рамки. Пришелец молниеносным движением ткнул старика в горло. Кондратий Федорович издал странный сип, изо рта выплеснула кровь, потом бывший полковник скатился со стула, упал на пол, конвульсивно взбрыкнул. Иван вскочил, размахнулся — и тоже упал. За столом остались сидеть трое — Полина, Саша и непонятный, опасный гость.

— Сиди, — прошипела Полина. — Сиди. Ничего не делай. Он сейчас уйдет.

И в самом деле, гигант поднялся, с улыбкой огляделся. Полина протянула ему руку, и пришелец расплылся в улыбке еще больше. Элегантно, словно аристократ на балу, он коснулся губами, целуя маленькую руку. А затем вышел — как обычные люди — через дверь.

Первым делом Полина бросилась к Кондратию Федоровичу. Старика била мелкая дрожь, только изредка он взбрыкивал и отчаянно, до посинения в руках, сжимал горло.

— Артерия разможжена. Яремная и еще какая-то. Что? — Полина пыталась понять, что хочет сказать ей Федорыч. — Тряпку? Лед? Поздно?

— Поздно, — сказала она странным голосом. — Поздно. Надо посмотреть Ивана.

Она метнулась к красавчику, но там уже был Саша.

— Все, — сказал он, глядя ей в глаза. — Готов.

Височная кость была просто вбита в мозг страшным ударом. Этот умер сразу, подумал еще Саша.

— Не могу! — просипел за их спинами Федорыч. Он больше не мог контролировать руки, они бессильно упали на пол, старик сипел все тише, глаза помутнели, выражение лица потеряло всякую осмысленность и само лицо бледнело — быстро, страшно, до синюшности.

— За что? — успел еще спросить полковник медицинских войск в отставке.

Саша на корточках пополз к кровати, закрылся с головой в тонкое просвечивающее одеяло, с наслаждением вдыхал запах грубо сотканного льна. Его тошнило, перед глазами плыло и казалось, что он видит страшный сон. Сейчас он заснет, а потом проснется. Так не раз бывало...

Александр мог похвастаться буйной молодостью, пьянками, гулянками, драками. Он вырос в маленьком городке, где подростки чувствовали необъяснимую потребность сбиваться в стаи и охранять свой маленький двор, участок земли, на котором творили что хотели. Удобно пить вино в знакомом месте. Саша обычно быстро пьянел, его тянуло на подвиги, хотелось казаться большим и даже важным, а для этого стоило принять еще и еще — чтобы море по колено. Поначалу, по молодости, пьянки заканчивались вполне безобидно — расквашенный нос, содранный бок, облеванная кровать. И чем дальше — тем серьезней становились проблемы. Они стали нарушать закон: баловались оружием, курили анашу, могли разбить стекло машины ради магнитолы, ради куража угнать трактор. Это не могло продолжаться долго — и Александр это понял, после седьмой или восьмой ночевки в участке за решеткой, когда ему уже начали «шить» дело. Он сумел порвать с буйной жизнью, но иногда напивался — как в молодости. До поросычьего визгу, до раздвоения пространства, до того, что не мог подняться утром. Иногда, после этих довольно редких попок, он просыпался одетым на кровати, и думал, что все вчерашнее только приснилось. А когда прислушивался, а точнее — принюхивался к собственному дыханию — то мог точно определить, сколько выпил и постепенно осознавал, что все ужасное, что происходило вчера — мат и оскорбления, выпендрег и подожженный сарай — все происходило на самом деле. Тогда он закрывал глаза и желал лишь одного — чтобы этот мир исчез, чтобы все кончилось хотя бы для него, а лучше — для тех, кто его видел таким.

Саша знал, что многие напиваются также как и он, творят вещи и похуже, и это давало силы вставать, умываться, смотреть в глаза жене, идти на работу. Грех, разделенный на всех, не так тяжок. Почему ему не позволено то, что позволено другим? Почему последний пьяница и бомж имеет право, а он, семьянин, здоровый мужчина, при деньгах — не имеет? Почему, за что? Только из-за того, что причиняет боль другим? Да плевал он на других. С

высокой колокольни.

А Наташа? А Люда?

Вот сейчас он проснется, и окажется, что лежит на кровати, одетым. И Наташа будет целую неделю дуться. Пусть. Он расскажет ей страшный сон, про черное письмо, про странного Ивана, и непонятного Кондратия Федоровича, врача-эвтанатора, и еще более странную и непонятную Полину. Сколько же он вчера выпил? И чем закусывал — во рту до сих пор свежо и пахнет яблоками?

— Вставай, — Наташа всегда непреклонна после его выкрутасов.

— Вставай, — повторила Полина еще раз, и Саша понял, что сон не кончится, и вообще это не сон...

Он медленно повернулся, мысли его были чистыми и ясными.

— Слушай, Полина, — сказал он шепотом. — Я должен вернуться. У меня жена и дочь. И я вернусь, они не смогут без меня... Ты умная, много знаешь, у тебя способности. Скажи, что я должен делать? Я сделаю, чего бы ни стоило...

— Не бойся, — зашептала она в ответ. — Не проси. Не жалуйся. Если сможешь — вообще не думай. Он уже идет, — добавила она еще тише.

— Попробовать убить его сразу? — Саша сполз к Полине на пол.

— Нет, — ее глаза горели безумием. — Ничего не делай. Но главное — не бойся.

— Я не боюсь, — ответил Александр, и почувствовал, что это неправда.

Он обвел глазами комнату — Ивана и Кондратия Федоровича уже не было.

* * *

Вошедший оказался высоким мужчиной. На нем была привычная уже спецовка, только зеленого цвета. На боку, в потертых ножнах — нож с коричневой ручкой. И еще — человек был пожилым, на вид можно дать лет сорок, или даже больше. Еще Саша заметил, что голые руки вошедшего покрыты белыми шрамами. Еще один шрам тянулся через щеку. Это было немного странно. Александр как-то уже свыкся с мыслью, что их окружают молодые люди. А этот явился словно из другой эпохи, из мира обыкновенных людей — на лице даже отражались какие-то чувства. Гордость, усталость, высокомерие, брезгливость и чуть-чуть — опасение.

— Приветствую, — проронил вошедший. Он прошел на середину комнаты и устоялся на Сашу с Полиной.

— Здравствуйте, — осторожно отозвался Александр.

— Я — Юра, — представился мужчина. — Работаю с вами.

Александр чуть наклонил голову. Как это — «работать с нами»? Они должны работать? Почему? На кого?

— Я работаю с вами, — произнес Юра торжественно, делая особый упор на «я».

— Хорошо, — Саше захотелось усмехнуться. Он решил принять правила игры. «Если это игра», — подумал он.

— Что потом? — спросил он.

— Потом мы посмотрим, — раздался спокойный ответ. Саше очень не понравилось это «мы», и он поинтересовался:

— Что надо делать?

— Пройдемте, — сказал Юра и направился к двери. — Думаю, небольшая экскурсия будет полезна.

Они вышли из комнаты, за дверью никого не оказалась, да и сама дверь не имела замка. Впрочем, Саша не строил иллюзий. С него было достаточно одной демонстрации силы. Он не хотел стать героем, особенно здесь, под землей, среди этих существ, так похожих на людей. Вместо этого он слегка расслабил плечевые мышцы, потянулся, проверяя — все ли в порядке, слегка сгорбил спину и постарался ни о чем не думать — чтобы быть готовым ко всему. Он приготовился не драться, а выживать. И здесь, в этих хорошо освещенных люминесцентным светом подземельях следовало не думать, а довериться телу, инстинктам, которые обязаны успеть швырнуть тебя вниз, когда рядом рванет...

— Мы находимся на глубине трехсот двадцати метров, — не поворачивая головы, начал говорить их невольный гид. — Строительство лаборатории началось в тысяча девятьсот сорок шестом году, на месте доломитового карьера, закрытым способом. Предполагалось построить секретную лабораторию площадью сто девяносто тысяч квадратных метров. Сейчас она занимает площадь вдесятеро большую, исключая технические и подсобные помещения. Имеет шесть уровней, каждый разделен на подуровни.

Юра говорил громко, внятно, без запинки, даже без всевозможных «э-э» или «а-а», как будто принимал гостей уже в сотый, а то и тысячный раз, и ему совсем неинтересно то, что он рассказывает и показывает.

— Система регенерации дублирована. Одна натуральная, другая — техническая. Энергия автономна, изобретены метаатомные реакторы, старый демонтирован. Система переработки замкнута, но разработки ведутся постоянно. Вода проходит молекулярную очистку, либо дистиллируется...

Голубой коридор кончился, они спускались вниз по желтым ступеням, и вышли в зал, загроможденный странными станками и механизмами (Саша не узнал ни одного, хотя долго работал на заводе). Здесь тоже было светло, можно сказать — почти как днем, хотя ни лампочек, ни фонарей, ни, тем более — факелов. И людей тоже не было...

Навстречу шла женщина, и Саша сбился с пружинистого шага, смешался. Он с неприязнью относился к высоким женщинам. Ему казалось, что они слишком высокомерны, и с презрением смотрят на невысоких мужчин. Хотя ему нравилось оказаться центром шумной компании, и тогда по душе приходилось внимание именно высоких «кобылиц». А та, что шла навстречу — была высока, не менее двух метров, что для женщины (как считал Саша) — многовато. Еще ему не нравилась косметика, современная «боевая раскраска» слабого пола. Выщипанные брови, выпяченные вперед ярко-зеленые губы, ресницы в метр длиной, румянец до ягодиц — таких он называл: «фригидные потаскухи». Но здесь, Саша не сомневался, не было и следа помады, кисточка для туши никогда не касалась длинных ресниц, гладкая кожа не знала белил или румян, никогда эта женщина не сидела перед зеркалом, выщипывая брови, старательно заглаживая невидимые никому морщины. Лицо без следа косметики — спокойное, с выражением гордой надменности, даже вызова любому: «Попробуй укротить меня». Она походила на невероятно породистую кобылу, способную ввести в ступор не только коневода, но и обычного человека. Как приводит в восторг любого мужчину мощная техника — будь то военный истребитель, навороченный «Ягуар», суперскоростная яхта. Обладать такой женщиной — значит доказать всему миру — я сильнее, я лучше, я самый-самый... Она прошла, обдав их веером запахов, что были лучше всех духов на свете, и Саша с трудом удержался, чтобы сразу не посмотреть вслед, оценить

ее еще раз, уже сзади. И не смог, повернулся всем телом, словно ему стал интересен потолок — обернулся, чтобы увидеть, что она тоже смотрит вслед, но только не оценивает, а изучает, без тени смущения, с головы до ног, словно раздевает. Краска залила лицо, Александр с трудом перевел дух.

— Саша, — равнодушно, буднично сказала Полина, и он вернулся в себя, с трудом настроился, ведь ему сейчас главное — выжить. Выжить...

— Совершенный человек, — продолжал бубнить Юра. — Здесь занимались генетическими экспериментами с человеком. Это не тайна, нас уже не курируют. Мы выживаем, и как нельзя больше приспособлены для этого. У нас было много материала и достаточно времени. Первые эксперименты велись на несовершенной технике, однако мы имели обширный архив — еще со времен войны. Сформированный коллектив был интернациональным. Была выработана единая задача, впоследствии выполненная. Уже на четвертый год исследований казавшийся бесперспективным метод электромагнитных воздействий на гомогенные электролитические среды перевел некоторые триплеты генов в доминантное состояние. Были получены образцы с так называемыми паранормальными способностями. Они и обусловили дальнейшее развитие исследований...

Они спустились еще ниже, по фиолетовым ступеням, остановились у стеклянных стен, сквозь которые были видны сотни боксов, опутанных трубками, сверкающих всевозможными огнями-датчиками.

— Обнаружены гены, изначально находившиеся в рецессиве. Путем расшифровки генетических карт удалось установить их значение. Они отвечали за развитие мозга, — говорил меж тем Юра. — Перевод их в доминанту позволил создать подлинного «*Homo sapiens*». Изначальная теоретическая база оказалось неверной. Мозг человека теперь задействован полностью. Разум — это лишь видовое приспособление человека для выживания в условиях агрессивной окружающей среды.

«Выжить, — понял вдруг Саша. — Только чтобы выжить. Не размышлять, не думать, не строить иллюзии. Просто выжить. Как когти у кошки, шея у жирафа... Выживает сильнейший».

— Зачем все это нам? — тихо чеканя слова, спросила Полина.

— Чтобы вы поняли, с кем имеете дело, — буднично отвечал Юра. — Чтобы приготовились к нашему приходу. За последние годы популяция возросла настолько, что пришлось нарушить автономность лаборатории и проделать выходы на поверхность. Мы не захватывали вас. Вы пришли сами. Вы невежественны, но любопытны. Мне немного жаль ваших друзей, но они мешали. У нас не принято мешать. Не принято перебивать. Мы разумные люди.

— Мы — тоже, — похоже, Полина решила спорить.

— Отчасти, — согласился Юра.

— Юрий, — обратился Саша.

— Не Юрий, — перебил «экскурсовод». — Юра.

— Юра, — Александр согласно кивнул. — Но ведь должны существовать рамки приличий. Люди должны жить в мире.

— Мир — условное понятие. Волки и овцы тоже живут в мире. Ни те, ни другие не объявляют друг другу войны. Обязан выживать сильнейший. Развитие цивилизации противостоит этому. Человек искусственно научился побеждать болезни. В результате человечество постепенно теряет тысячелетиями приобретаемый предками иммунитет. Современный иммунодефицит — первый признак вырождения.

— Медицина вредна, — Саша сказал это скорее утвердительно, чем спрашивая. Ему пришло в голову, что Юра говорит так странно, такими короткими и отрывистыми фразами

потому, что отвык говорить. Они привыкли общаться мыслями — сообразил Александр. Юра подстраивался под него, чтобы именно Саша понял. Полина шла рядом, хмуро оглядывая голые стены с разводами от гениального маляра, снова пошли фиолетовые ступени, желтые ступени, синие ступени, зеленые...

— Да, — ответ Юры был констатацией факта. — Посредством медицины человек лишился одного из факторов развития, человечество ступило на путь вырождения.

— Наука вредна, — Саша и не думал издеваться.

— Да, — Юра был слишком серьезен. — Открытие атомной энергии группой людей дало человечеству в руки оружие, которым оно не умеет пользоваться. Есть прекрасная идиома — «обезьяна с гранатой».

— А вы? — спросила Полина, и Саша покосился на нее. Он не хотел задавать здесь вопросы, он хотел понимать, а не просить объяснений.

— Мы — это одно из ваших достижений, которое может оказаться роковым. Однако мы сумели уйти из-под контроля. Здесь собирались выращивать идеальных солдат, и добились этого. Мы не хотим быть солдатами. Мы — общество. Мы индивидуальности. Не стадо, не стая и даже не хищники-одиночки. Мы — другие.

Тяжелая дверь открылась, и все трое оказались в громадном зале. Свет лился сверху ярким потоком, и опять же — зелень по стенам, и снова впечатление, что в глухом лесу, на широкой поляне, залитой солнцем — десятки людей, в шортах, в красных и синих майках, стоят, не шевелятся. Саша чуть не попятился, но на них никто не обращал внимания, Юра шел вперед, Полина, гордо задрав голову — за ним. Александр понял, что вряд ли сможет уйти из этого зала живым. Ведь это спортзал, здесь все пропитано мощью, азартом, силой, желанием победить — ему здесь не место. Пусть. Бывало и похуже. Он обязан вернуться домой, чего бы не стоило. Пусть каждый бросит ему вызов — он сразится с любым. Мысли исчезли, сейчас им не место в голове. Ягненок в стае волков. Плохое сравнение. Но он не будет бояться. А если и боится — только бесславно поражения, и плохо, что не получится врезать каждому...

— Отчего бы не подраться, — прорычал он.

Однако пока на них не обращали внимания. Юра шел впереди, в углу стояли подростки, один из них, в красной майке, пошатнулся, глухо вскрикнул. Саше показалось, что у него случился обман зрения, что такого не может быть — в принципе... На груди паренька раскрылась громадная рана, кровь зафонтанировала толчками или, как их там — систулами... Он видел такое, в теплицах, когда один из студентов на практике падал, и совершенно человеческим движением — желанием спастись — раскинул руки, пытаясь удержаться на листах стекол... Этот тоже раскинул руки, упал навзничь, забился в агонии, Александр не мог оторвать взгляд, чувствуя совершенно неуместное и постыдное возбуждение... Худощавый юнец не подхватил товарища — просто смотрел, как извивается тело на бетонном полу. Прошли секунды — а юнец уже поднимался, глаза горят, и никакой раны уже нет, только майка порвана и темная длинная полоса на зеленом полу. Здесь были и девушки. В самом конце зала оттачивали мастерство несколько взрослых. Высокие и крепкоплечие, они словно парили в воздухе. Не слышно тяжелого дыхания, только пол дрожит от высвобождаемых сил, и, кажется, как будто там — слишком горячо, а воздух струится, обволакивает и заставляет отводить взгляд от высоких плечистых фигур. Изредка кто-то нарушал неподвижность, и в каждом движении таилась смертельная угроза, опасность. Один отбивался от троих, наседавших на него — это Саша сообразил быстро. И

это была не сложная тренировка, не игра, не подстроенный спектакль. Саша это понимал, и, затаив дыхание, ждал, чем все закончится. Одиночке против троих... точно, не выстоять. Тело человека словно вспороли гигантским лезвием — от паха до ключицы, голову расплющили под прессом, кожа рук покрылась сетью тонких кровавых морщин. Поверженный полз к скамье. Он напоминал хорошо отбитый кусок парной говядины на сковородке. Двое сопровождали его, желая, видимо, удостовериться в полной победе и отказе от сопротивления. Один из победителей остался стоять и посмотрел на Александра. Саша попытался сделать вид, что ему нет никакого дела до этого тяжелого, сурового взгляда. Просто прогулка, экскурсия. А когда они поравнялись с колоссом, тот шагнул, преграждая путь. Саша непроизвольно сжал кулаки.

— Попробуй, — гигант протянул молодому человеку самый настоящий меч, рукоятью вперед, предлагая самоубийство. Но Александр решил не просить повторять дважды. Он не боялся. Голубоватая сталь, дрожащая в нетерпении — великолепное оружие. Надежная тяжесть, удобная шершавость кожи — совершенный инструмент убийства. Саша взмахнул мечом, а человек напротив рассмеялся. Он глядел прямо в глаза, но не насмехался, а смеялся, от души, словно ребенок, который увидел обезьяну за рулем автомобиля.

— Научу, — сказал он. Повернулся спиной, и Саша не успел заметить, откуда в руке «учителя» оказался другой клинок.

— Повторяй, — произнес гигант и встал в столько раз виденную «стойку самурая». Правая нога чуть вперед, рукоять в обеих руках, чуть пониже пупка, лезвие смотрит вверх под углом в сорок пять градусов.

Они стояли так долго, очень долго, друг за другом, точно выжидая. И когда Саша почувствовал, что готов опустить оружие, кончик меча качнулся вперед. Защита в нападении, медленно, петля, еще медленней, размах, тычок, прямой удар, уход с задержкой для ответного удара — казалось, что эти слова звучат в голове сами по себе. Чуть быстрее, тело влево, рубящий удар, подскок, коли, руби, отскок, коли, руби, рапиде, ангар, шаг влево, легче, еще быстрее, быстрее! Александру казалось, что он закружился в странном танце, что впал в транс, что существует только упругий воздух и голубая, гибкая сталь, упрямая, но тем не менее послушная. Тело словно раскрылось, демонстрируя, на что оно способно здесь, под землей, в окружении людей, в полной свободе. Человек с оружием свободен, он есть агрессия в чистом виде, без примеси наносного, совершенная модель, которую только создала природа. Животные редко нападают, если не чувствуют опасность. По степени агрессии человек стоит где-то посередине между ленивцем и носорогом. Но человек способен сам, без всякой опасности, без повода, просто для развлечения, взять в руки оружие, и напасть, не помня себя, воспаляя сам себя яростью. В этом преимущество разума — он способен не только реагировать, но и предсказывать опасность. Убить, пока волчата не успели вырасти, выкопать яму другому, выйти на неравный бой, заранее зная о смерти, и находя в этом лишь чуждое всему живому удовольствие...

— Нападай!

И Александр напал, словно очнулся, пришел в себя — и увидел врага. Противник отбросил оружие — это уже неплохо! Но что это? Все удары приходятся на воздух. Громадина с горящими сапфирами вместо глаз не оборонялась — она наступала, шла вперед, словно танк на заросли кустарника. И Саша, вооруженный, вдруг оказался в позиции обороняющегося, отступал шаг за шагом, следил, чтобы похожая на лопату ладонь не ударила по уху, а кулак не въехал в скулу. Петля, выпад, Сашу со страшной силой бросило

вперед, но он успел отмахнуться, а через мгновение понял, что попал. Бешеная радость всколыхнулась в груди. Попал, ранил! Добить! Противник стоял напротив в двух шагах, зажимал кровоточащую рану на груди. Саша не колебался. Он ударил, а потом провернул оружие, с ужасом осознавая, что убил своего первого...

Противник Александра продолжал стоять на ногах, только глаза остекленели, в движениях появилась неуверенность. Но, несмотря на это, он смог вырвать лезвие из своего тела, легким толчком отшвырнул Сашу на пару десятков шагов. Александр врезался в толпу, его поддержали, не дали упасть, засмеялись. Его противник стоял, зажимая раны руками, сквозь пальцы текла кровь, пропитывая майку, капая на пол.

— Беги! — вдруг закричала Полина. — Беги быстрее! Беги, Саша!

И он побежал, не выпуская меча из рук, боясь оглянуться, с каждой секундой росла уверенность, что он успеет, что сможет. Должен успеть, обязан. Сейчас лев придет в себя — и тогда ничто не поможет. Он не смог нанести смертельную рану, не сумел добить. И поплатился бы за это, отдал бы собственную жизнь в подтверждение того, что они — сильнее. Полина бежала рядом, длинные волосы растрепались, и даже мимолетного взгляда было достаточно, чтобы увидеть боль и растерянность на ее лице. Она прикрывала Сашу, эту бестолочь, этого слабосильного человека, который был ей нужен.

— Ты правильно сделал, — Юра неведомо как оказался перед Сашей. Молодой человек остановился, с трудом дыша, с еще большим трудом подавляя цунами страха внутри.

— Страх не развивает, — Юра смотрел с интересом, снисходительно, сверху вниз. — Страх — это болезнь. Лишь злоба делает наш ум острее. Сначала Полеслав стал для тебя учителем, потом — противником, потом — врагом. Злоба подсказала тебе выход — бежать. Это было правильное решение. Ты хорошо развит.

— Меня Полина предупредила, — огрызнулся Александр.

— Полина тут ни при чем, — сказал Юра. — Решение принимал ты.

— Вы убиваете друг друга на простой тренировке, — Саша твердо решил не задавать вопросов, а говорить, как будто утверждая очевидное, будто делая выводы из увиденного.

— Мы никого не убиваем просто так. Если противник может продолжать — он продолжает бой. Ранение — лишь повод прекратить схватку. Мы можем. Ты бы не смог.

Саша кивнул в ответ, протянул Юре меч, который вынес из зала.

— Не надо, — поморщился Юра.

Саша постарался, чтобы его лицо ничего не выражало. Ему понравилось оружие, понравилось ощущение чувствовать себя свободным. Он с удовольствием чувствовал жизнь, желание тела прожить еще чуть-чуть, готовность каждой мышцы сражаться за самое короткое мгновение этой самой жизни. Оружие делало его пусть немного, но опасней, давало шанс, и его надо использовать.

— Мы пленники, — проворчал Саша, пытаясь пристроить клинок за кожаный ремень на штанах. Ответ Юры оказался неожиданным.

— Вы можете идти куда захотите. Делать что захотите. Это ваше право.

— Тогда мы уходим. И не хотим, чтобы ты нас сопровождал, — вмещалась Полина.

Тогда Юра пожал плечами, развернулся и пошел прочь. Но Александр не сдержался, он не мог уйти хотя бы без единственного вопроса.

— Почему ты? — спросил он, стараясь не глядеть в спину, чувствуя, как рука непроизвольно сжимает рукоять меча.

— Я работаю с животными, — пришел невозмутимый ответ.

— Ты что сделала? — прошипел Саша, когда Юра исчез за поворотом. — Он бы нас вывел. Теперь как мыши в мышеловке.

— Пусть уж лучше так! — чуть не завопила Полина. — Ты что думаешь, тебя случайно выбрали? Ты же сам ненормальный! Ты же дорожник! Ты же должен был...

— погоди, — он схватил женщину за плечи и вдруг почувствовал, что возбужден. Что неплохо бы повалить Полину на пол, прямо здесь, сейчас, наплевать на опасность, она только придает сил...

— Какой я дорожник, — проворчал он, нервным усилием убирая руки, только сейчас начиная соображать. А ведь он знал, подозревал, чувствовал. Эта необычная способность, хорошо развитая у любого мужчины, у него была развита (и не раз приходилось убеждаться!) лучше, чем у многих. Саша мог запомнить любую дорогу, вспомнить любое место, выйти из лесной чащи, из хаоса многоэтажных застроек — но только по своим следам. Даже когда бывал пьяным, ночью, зимой, летом — он мог шаг в шаг пройти путь, который проходил когда-то. Помнится, еще смеялся, повел Наташу к подруге какими-то дворами, закоулками, точно помня, что проходил здесь — а ведь и вправду проходил, когда искал в первый раз! — а потом оказалось что нужный дом стоял чуть ли не у остановки, и стоило пройти только несколько десятков метров — вместо двух километров. Бешеной собаке семь верст не крюк...

— Я обратно не пойду. Я жить хочу. Попробуем найти выход. Нам на зеленый уровень, дыра наша — на переходе с зеленого на синий. Мы уже на зеленом, не дрейфь, старушка, — ободрял Саша Полину, увлекая ее за собой, сквозь переходы.

Один раз им попались дети. На первый взгляд — трех-четырёхлетние малыши. Они весело шушукались и смеялись, и Саша уже приготовился обороняться, не понимая — какого рода опасение вызывают в нем, зрелом и взрослом мужчине, эти дети.

— Они уже взрослые. Большие. Только ростом маленькие, — шептала позади Полина. Потом, после малышей, они оказались на желтом уровне и забрели в заросли яблонь, по веткам которых была протянута проволока. Вился виноград, а под ногами колыхалась пшеница, низкорослая, с толстыми, чуть ли не двенадцатирядными колосьями. Отовсюду лился свет — снизу, сверху, с веток, со стен, это было просто море света, и море зелени, которое жадно впитывало этот свет, отдавая кислород и плоды...

— Не ступай, ничего не бери, — предупредила Полина. — Если что-то возьмешь — отрубят руку. Но им это не страшно. Боятся надо только нам.

— Они регенерируют? — спросил Саша.

— Я не знаю, но им это не страшно, — повторила Полина. — Только больно, — добавила она.

Они шли так уже довольно долго, а коридоры не кончались, и было довольно страшно заглядывать в редкие двери. Саша никак не хотел попадать в ситуацию, подобную той, в «спортивном зале». Мимо проходили люди, или «не-люди», они почти не обращали внимания на парочку, крадущуюся вдоль стен. Саша ничего не мог с собой поделаться. Хотелось идти широким шагом, посреди коридора, но тело само прижималось к стене, сгибалось в пояснице.

— Это жилой корпус, — сказал, наконец, Александр. — Есть только один путь.

— Обратно, — мрачно произнесла Полина.

Позади них послышался шорох, звук осыпающейся земли, мокрый треск разрываемого песка. Из стены вышел человек — полностью обнаженный, юноша, без впечатляющих мускулов, воплощенный в плоть и кровь Давид. Он с мягкой, почти виноватой улыбкой посмотрел на Сашу и Полину и шагнул — в противоположную стену, словно вошел в воду — в стороны взвилась пыль и каменная крошка.

— Симпатично, — пробурчал Саша, но не стал подходить к тому месту, где, как можно предположить, был потайной проход. Не было там ни проходов, ни ходов — это он знал точно, как пять пальцев на руке — монолитная каменная стена — ничего более.

К «спортзалу» они вышли быстро. Когда идешь вперед, в неизвестность, то кажется, что время едва тянется, и расстояния огромны. Если возвращаешься — то часы превращаются в минуты, а километры оборачиваются сотней шагов до ближайшего поворота.

— Никого нет, — сказала Полина.

Сейчас громадина зала была не освещена, в воздухе стоял приятный запах пота и металла. Оставалось совсем немного. Они почти бежали, и с трудом заставили себя успокоиться.

— Хищники всегда реагируют на тех, кто убегает, — сказала Полина.

— Сытые — нет, — отозвался Саша.

— Они очень голодные, — прошептала Полина.

— Очень, — еще тише подтвердил Саша.

Никто не тронул их снаряжения. Полина достала из тощего рюкзака «костыли» — стальные колья, очень похожие на зубья бороны, только длинней, в мелких зубчиках, и с кольцами на конце.

— Всего восемь, — сказала она виновато. — Придется выдирать. Иван специально подготовил. Они у него — «полушлямбурные», легко можно вытащить, если знать, где дергать. Альпеншток у нас один. Страховку повяжем. Вот черт!

— Что? — спросил Саша, чувствуя, что майка взмокла под рубахой.

— У тебя «кошек» нет...

— А у тебя есть?

— У меня шипы на ботинки накручиваются.

— Вот гадство, — пробормотал Саша, но с облегчением, потому что думал о проблеме посерьезней. Потом спохватился:

— Слушай, Полина, а чего мы вообще сюда полезли? Какого, спрашивается хрена? Разжижение мозгов?

Полина сунула ему в руки жестяную банку, уже вскрытую, почему-то теплую. Подала

ложку.

— Я торопилась. Думала — не успеем. Это я попросила убить Фадея.

Александр поперхнулся:

— Ты? Зачем? И как?

— По-своему, конечно, попросила. Но он умер не потому, что Федорыч решил его убить. И решала не я. Помнишь, он говорил, будто его кто под руку толкнул? Я ведь знала, с самого начала знала, только не говорила ничего, — Полина замолчала.

— Ну, — подбодрил ее Саша.

— Чего — «ну»? Баранки гну. Знала я, что их убьют. Понимала, только не видела — кто и как... На тебя даже думала... Ты же как пес, только сам не понимаешь...

— Ну, спасибо, — понарошку обиделся Саша. Сравнение с псом ему понравилось. Всегда любил собак. А вот то, что она думала... Да как он может убить человека?

— Ты же пробовал, только не получилось, — сказала Полина, будто читала мысли. А может, и вправду читала? Чувствуешь себя недоношенным уродцем...

— Кого я «пробовал»? — спросил Саша почти агрессивно.

— Ну, учитель твой, Полеслав, кажется. Он ведь тебя учил убивать. И еще... — Полина чуть запнулась, — ...добивать. Хотел, чтобы ты показал, на что способен...

— И на что я способен?

— Ты? — Полина не торопилась, словно разглядывала Сашу в темноте. Он почему то совершенно ясно понял, что женщина отлично его видит. Может быть, она даже видит через одежду. От последней мысли стало жарко. Видит или нет?

— Ты был собакой. Давно, очень, — сказала Полина таким голосом, что Сашу из жара бросило в холод. — Есть такая порода собак. Очень древняя. С ней охотились на слонов, львов, носорогов. Знаешь, что в саванне слону уступают дорогу все? Эти собаки тоже уступали. Пока хозяин не говорил «Фас!»... Ты не дваждырожденный, ты преданный и ласковый, неприхотлив и сообразителен, горд, доволен собой и своей семьей. Но стоит хозяину сказать... Даже не сказать. Кто-то может просто толкнуть хозяина... Мاستиф не остановится, и не уступит...

— Эй, не гони, — Александр не на шутку перепугался. Безжизненный женский голос нагонял ужас. Ему казалось, что в темноте он видит, как закатились глаза Полины.

— Ты чего? — он нашел ее на ощупь, прижал к себе, чувствуя, что ее тоже трясет.

— Надо отдохнуть часик. Потом пойдем, — сказала она хрипло.

— Конечно, — отозвался Саша. — Конечно.

В темноте он ощупывал лезвие меча. Саша помнил, что на нем оставались зазубрины и вмятины, словно руки Полеслава, отбивая его неуклюжие удары, были из железа. Но сейчас не находил ничего. Лезвие гладкое, ровное, опасное, словно чересчур длинная бритва. Он исследовал клинок, опасаясь порезаться, и все прикидывал, как и в чем потащит его наверх. Полина проснулась, завозилась:

— Брось, — сказала она сразу.

— Это единственное доказательство, — выдал он еще час назад заготовленный ответ.

— Брось, — настаивала она. — Тяжело наверх тащить. Он ведь все равно твой.

— Не брошу, — огрызнулся Саша.

— Хозяин — барин, — сказала женщина равнодушно. — Идем?

— Пошли.

Едва видимая светлая точка над головой. Как единственная звезда на небе. Если только не считать, что смотришь со дна глубоченного колодца. Холодные стены давили, угнетали, твердая глина осыпалась вниз с гулким шумом. Полина шла впереди, а Саша, провиснув на страховке, упиравшись ногами и рукой в стену, вырезал последний крюк, подтягивался, отдавал его Полине. Снова спускался, провисал, вырезал. Лезвие входило в монолитный аллювий как в масло. От альпенштока он отказался — пусть один вбивает, другой вырезает. Вот только ноги устали. Сколько кроссовок, ботинок и сандалий износил Александр, пока понял, что кирзовые сапоги — самая лучшая обувь. Зимой и летом, в дождь и грязь, в болоте, по песку, в мастерской... Может, для каждой работы есть своя обувь, для отдыха — своя, для вечеринок — третья. Да вот только «кирзач» универсален до невозможности. Если его правильно почистить и отполировать — можно и на свадьбу.

Но трудно, трудно в сапогах на отвесной стене. Один раз правый сапог почти свалился, пришлось, ругаясь, заново крутить портянку. В твердой колодке устали лодыжки, старая подошва мечтала соскользнуть. Но это ничего, плохо что руки, руки устали. Казалось, что эти руки никогда не устают. Восемь часов заводской смены, двенадцать часов за лопатой, сутки за баранкой — все нипочем этим рукам. А здесь устали — до ломоты, до мелкой дрожи. Плохо, очень плохо.

— Песок, — сказала Полина сверху. — Впереди песок.

— Ползи, — прошипел Саша. — Мля буду.

Он начал потихоньку ругаться, поначалу не очень грязно, а потом — как угодно, четырехэтажным, как не раз ругался, то ли на себя, то ли на соседа или правительство... Это помогало, работа становилась чуть легче, а потом возникала песня — заунывная, странная, вязнущая в зубах — песня бурлака. После каждого слова — мат, с чертями, с причиндалами, по матери, в бога душу и иже с ними...

— Не стони, — процедила Полина.

— Я пою, селедка ты еб...ая, — отозвался Саша, и Полина дернулась, как от удара, но потом почувствовала, что это мимолетное оскорбление, как щелчок кнута, придало сил, появилась злость и непонятная уверенность в том, что они, мать их, выберутся...

— Чего встала? — скрипя зубами, прорычал Саша внизу.

— Костыль не держится, — прошептала она.

— Так забей его... — Александр разразился такое тирадой, что она наверняка бы врезала этому животному по роже, но не сейчас, не сегодня...

Равнодушный песок с каждым ударом отваливался пластами, скалывался, словно стекло, а на такой высоте не было ни корней, ни уступов. Она представила, как глубоко внизу под ее ударами набирается кучка, потом холмик, а потом — целая пропасть песка, закрывает коридор, и они навсегда остаются в колодце. Ни вперед, ни назад... Ее смерть была где-то рядом, ступала мягкими лапами, косилась кровавым глазом. Может быть, им удастся засыпать песком все триста метров? Получится «шатер», он обрушится от малейшего шороха и похоронит нас, — сообразила Полина. Нет Ивана, плохо, уж он бы сообразил. Таких «технарей» она еще не встречала ни разу. Даже Федорыч крутил головой, когда молодец-красавец вычислял в уме корни из двенадцатизначных чисел, определял на скорость состав воздуха, оставляя далеко позади так горячо любимый полковником газоанализатор... Уж Иван бы точно рассчитал... Было бы на что рассчитывать...

— Что ты там встала? — зарычал Саша снизу. — Дай я.

Он пополз вверх, чуть ли не по Полине, и она подумала, что у него приступ

клаустрофобии, но не нашла в лице мужчины страха. Он хотел жить, изо всех сил. Маленький человечек, глупый и слабый — он цеплялся за жизнь до последнего, и невозможно представить, что он способен сделать, если даже она, со специальной подготовкой — устала, и почти отказалась бороться. Нечеловеческая сила дернула вверх, Полина попыталась помочь, уцепиться-оттолкнуться, но потом поняла, что только мешает. Александр словно превратился в трактор, в железную машину, которая, пыхтя, сопя и ругаясь, перла их обоих вверх — еще метр, еще и еще... Но эта машина скоро устанет, железная сила кончится, песок не выдержит...

— Руку, — пророкотал он сверху, и в голосе не было страха и даже усталости.

— Руку давай, — повторил он сердито.

Полина недоверчиво подняла голову — Саша висел над ней, упершись ногами в песок, правая рука протянута Полине, а левая... Левую держит что-то, и только потом она сообразила, что это не «что-то», а «кто-то». Женщина, молодая, сверкают глаза в темноте. Одна из тех, снизу, из сверхлюдей.

— Руку, — рывкнул Александр, Полина вложила ладонь в потную горячую клешню, и тотчас же их потянуло наверх — страшной, нечеловеческой мощью, вместе с веревками, рюкзаками и альпенштоком. Полина едва успела отцепить карабин страховки.

Свет, море света и поначалу кажется, что ослеп. Кажется, что солнце — это нереальная яркая декорация, пожухлая трава неестественна, и теплый воздух невозможно свеж, словно его пропустили через фильтр и обогатили озоном. А она стояла рядом, словно картинка, дополнение к пейзажу на обложке глянцевого журнала. Может быть, чуть повыше Полины, в облегающем матово-черном комбинезоне со шнуровкой на груди, на плечах и бедрах, на спине, животе — кажется, затянута все что можно. Не тощая кукла, но плотная, с высокой грудью, узкой талией, широченными бедрами и толстыми икрами. Полина взглянула в глаза и дрогнула. Наверно, так бы смотрел оживший мертвец. Зрачок без белка, глубокий, бездонный, кажется, что задержи взгляд — и пропадешь, исчезнешь навсегда. Их спасительница (язык не поворачивается так назвать) развернулась и шагнула в мрачный провал шахты. Ухнула туда, как свинцовое грузило на дно, без следа, без колебаний.

— Мы ей мешали, — поняла, наконец, Полина.

— Красивая, — пробормотал Сашка.

Полина только фыркнула в ответ.

К Красному озеру они вышли к заходу солнца. Пламенно-красный диск уходил за горизонт, отражался в темной воде, сосны протянулись по водной глади, и озеро казалось жерлом вулкана, где лежит пока еще спокойная лава, варится и накаляется, готовится к свободе. Полина и Саша расположились прямо на песчаном берегу, рядом с чуть парящей водой.

— Озеро теплое, — сказал Александр.

— Что? — не поняла Полина.

— Они подогревают озеро, — объяснил Саша. — Наверно, ходят сюда купаться. Не знаю, но вода градусов тридцать...

Полина подошла к берегу, зачерпнула воды. Нет, они его не греют. Будь здесь Иван, то сказал бы точно, но нет на дне местной достопримечательности ни мощных тэнов, ни кранов с кипятком.

— Не так все просто, — прошептала она. — Тут не просто теплая вода. Она тепло отбирает. Здесь закон нарушен, вот Ванька и простыл — у него же нюх на такое... Слушай, Саша, ставь палатку а лесу, а то завтра больными проснемся.

Лицо ее сморщилось, словно от боли:

— Если проснемся — сказала она едва слышно.

Костер хрустел сухими сучьями, в котелке шипела вода на чай. Рюкзаки Федоровича и Ивана они нашли нетронутыми, так что теперь у них было все, чтобы с удобствами переночевать в лесу.

— Здесь все пропитано злобой, — произнесла Полина. — Нет ненависти, нет желания уничтожить. Просто злоба.

— Что делать-то будем? — спросил Саша. После того, как он отошел от пережитого, будущее вырисовывалось в мрачных тонах. Надо идти в милицию, в органы, доказывать, сидеть за решеткой, подобно зверю. Что за идиотское наказание — лишение свободы? Кто додумался, что свобода может быть ценной? Человек всегда от чего-то зависит. Всегда несвободен, он не может даже говорить то, что думает. Хотя, что такое слова? Лишь пустое сотрясение воздуха. Однако именно от них, от слов, зависит многое, если не все. Передача мысли на расстояние — вот что значит произнесенное слово. Оно как волшебство. Если начальник сказал, что надо выполнить тройную норму — умри, но выполни. Дрожание атмосферы приводит в действие громадные силы, заставляет строить города, перебрасывать через реки и даже моря мосты, рыть подземные аэродромы. Растить пшеницу и ячмень — хотя сколько не говори глупым растениям — быстрее они не заколосятся. Или заколосятся? Если дать им много света и тепла. И удобрений. А если света и тепла будет слишком много? Что, если в человеке будет слишком много разума? Самые разумные, самые умные, светочи культуры и науки, гении — что они дали человеку? Винтовку, танки, ядерную ракету... «Следующую мировую войну не выиграть без применения массового переливания крови»... Ну что, падлы, допереливались? Он уже здесь, ваш самый умный ученый, гений, титан мысли. Вот они сидят, глубоко в подземной лаборатории, исследуют, обучают — пока только самих себя, но что будет, если они, сотни, многие тысячи, выберутся из своих шахт... Их невозможно контролировать, как невозможно контролировать саму мысль. Они будут смеяться, как смеются дети над обезьяной в зоопарке. Они начнут ставить капканы на мышей, крыс и дичь покрупнее — чтобы не слишком распоясывались... Они будут тыкать вас рожей в ваше же дерьмо — не пакости, не гадь, не сри, псина поганая, где живешь.

— Я пойду купаться, — заявила Полина после чая. На нее нашло отрешенное спокойствие. Хотелось прожить последние часы как можно ярче, мощнее, чтобы чувствовать каждую минутку, секунду. Скоро наступит темнота, за которой она не может видеть ничего.

— Смотри, — она поднялась над огнем, протянула руки прямо над пламенем. Красные языки шарахнулись в стороны, словно в страхе.

— Хочешь, покажу, что я умею? — ее глаза тлели подобно уголькам. Или пламя отражалось. Может ей удастся напугать того, кто придет из темноты? Может, он откажется от мысли нападать, увидев всю ярость, какую она может обрушить на кого угодно...

— Сейчас поднимется ветер, — сказала она, и тихонечко запела.

Песня, древняя и могучая, просто один звук, который надо вплести в куда более могучую и древнюю песнь ветров, миллиарды лет веющих высоко над землей. Пусть они спустятся, и посмотрят на того, кто зовет их во тьме, около маленького костра. Они уже

слышат, они любопытны — как дети, их полет свободен, они делают только то, что хотят. Дети воздуха, солнца и океана — даже малейшее их движение смертельно опасно для тех, кто живет глубоко внизу. Никогда еще маленькая женщина с длинными волосами не взывала к таким силам. Она не могла их контролировать, как старый полковник, врач-убийца мог контролировать свои и чужие тела. Не могла заставить слушаться, как заставлял слушаться любую железку красавчик-гомосексуалист Иван. Она могла их только призвать, и призывала — на сколько хватит сил.

Полина прошла прямо через стелющийся по земле огонь, навстречу пронизывающему ветру. Александр вскочил, чувствуя, как кровь стынет в жилах — но не от страха, просто вокруг слишком холодно. Воздух стал колючим, выжимал из глаз слезы, лез под рубаху. Саша схватил меч — единственное оружие, пусть даже против ветра оно не подходит, но за ветром может явиться что угодно. Или кто угодно... Полина, не сгибаясь, шла по направлению к озеру.

«Она хочет его заморозить, — сообразил молодой человек. — Она бросает вызов».

И пусть, пусть! Он хочет посмотреть, оценить, понять. Его способности уже изучены и оценены. Единственное, что он может — отойти в сторону или бежать. Это у него хорошо получается, лучше всего. Так попробуем напасть, попробуем сами стать опасными!

Красное озеро уже не было красным. Оно стало черным, по застывшим в хаосе волнам струились змейки снега. У нее получилось! Саша ликовал. Так их! Купаться хотите? Вот вам, выкусите! Через секунду пришлось упасть на колени — буран ревел и ломал деревья, яростный свист воздуха глушил все остальные звуки, и казалось, что многовековые стволы падают беззвучно. Стало трудно дышать, и вот тут Саша понял, что он сейчас замерзнет, превратится в ледышку с выпученными глазами, если ветер продолжится еще хотя бы пять минут. Глаза уже отказывали, когда Александр заметил, что к ним кто-то идет. Прямо по льду озера, не обращая внимания на буйство стихии.

— Юра, — выдавил Саша. Теперь он точно видел, что это был их проводник по лаборатории. Бесстрастное лицо укротителя зверей. Полина смотрела на него без страха — это еще не конец, это не он, смерть еще впереди. И что может сделать Он, один-одинешенек, против сил, которые копились тысячи тысяч лет, против разума без разума, против нее, Полины?

Ветер стих вмиг. Наступила относительная тишина — только лес голосил лопающимися деревьями. Лед ушел, пропал, теплый водоворот подхватил Полину на руки. Она не верила сама себе. Эти, а точнее этот — Юра — не просил, не призывал — он просто приказывал. И приказы его исполнялись — безоговорочно, даже древние ветра признали свою неспособность не подчиняться. Ей захотелось заорать, заблажить, завопить: как? Как он может? И неужели это вообще возможно? Время, скрученное в петлю, снова возобновляло свой бег. Юра мог управляться и со временем. Не открывая рта, не делая смешных пассов руками, не принося никого в жертву. Одного его желания было достаточно.

Тогда пусть! Она признает поражение, она подчинится, даже его рукам, которые безжалостно рвут одежду, валят на теплый песок. Полина упала навзничь, широко раскинула ноги. Александр видел, как Юра вошел в нее — не снимая своего идиотского комбинезона, мощным толчком, от которого женщина вскрикнула и кричала еще долго, на одной ноте, почти звериным рыком. Не пыталась больше защищаться, не отталкивала и не сопротивлялась. Луна бесстыдно подглядывала с неба, и создавалось такое впечатление, что неистовая парочка совокупляется прямо на воде — в дорожке лунного света. Александру казалось, что он сошел с ума, его слабый разум отказывался воспринимать действительность, и страстно захотелось подойти и глупо спросить:

— Что делаем?

А Полина кричала и плакала, она хотела, чтобы мужчина над ней сделал так, чтобы

пропала тьма впереди. Он, Юра, может всё. Каждый человек немного учитель, немного врач, немного механик, домохозяйка, инженер, волшебник. Но в нем, в Юре не было этого «немного». В нем было все сразу, гениальность во всем — в любом деле, в любой науке, искусстве, и в том, что мы называем волшебством. Ему стоило только захотеть. Так пусть он захочет еще раз!

Когда все закончилось, Саша поднялся с мокрой травы, подошел. Полина лежала на песке, все так же бесстыдно раскинув ноги, глаза невидяще смотрели в звездное небо. Саша наклонился и горячие руки обвили шею. Теперь он не сомневался, что видит сон — только во сне могут случаться такие вещи. Пусть тогда это будет хороший сон. Он возьмет обнаженную женщину, поднимет на руки, понесет в палатку, осторожно ступая, чтобы длинные волосы не запутались в траве и ветках. Полина прильнула влажным ртом к его губам, глубоко запустила язык. Саша перехватил её как можно крепче, прошел через потухший костер, протиснулся сквозь клапан палатки, чувствуя как одежда словно сама собой съезжает с тела, повинувшись ловким пальцам. Он и сам запустил руку между её ног, с наслаждением, в жесткие курчавые волосы, потом пошел вниз, словно желая удостовериться — все ли на месте и готово подчиняться ему. Первый раз он брал женщину во сне. Никогда до этого не удавалось засунуть ей между ног — у Саши не было ночных поллюций. Но сегодня — будет, обязательно будет, потому что все взаправду — а лоно Полины огромное, мокрое, горячее, и все равно как будто мало для него. Он двигался долго, закрыв глаза, с удовольствием вслушиваясь в дыхание, пока не понял — все, уже близко. Никаких предохранений: все будет, как положено, все — внутрь! Он на мгновение застыл, еще и еще раз переживая сладость жизни, а потом перевернулся, так, чтобы голова женщины лежала у него на груди. Он гладил ее по гладкой и восхитительно влажной коже пока не заснул...

Проснулся оттого, что рядом кто-то ходил. Большой и тяжелый, сопел и шуршал бумагой, опрокинул котелок. Медведь. Здоровый. Кошмар не кончается. Саша осторожно пошарил вокруг вспомнил, что меч остался на берегу.

— Полина, — сказал он одними губами и зажал женщине рот. — Я за оружием. Жди меня, не шевелись.

Она подергалась под рукой — согласна. Саша приподнялся, решил не одеваться — не до этого. Успеет ли добежать? Второй вопрос — найдет ли он голубую сталь в траве, в лихвертье вчерашнего безобразия, среди сучьев и бревен? На улице светает, солнце еще не взошло, но достаточно светло. Все, пора...

Тишина кончилась. Раздалось рычание, палатка встала дыбом, с сухим треском рвется капрон. Саша пулей вылетел, рванул к берегу, жалея лишь, что не надел трусы — мошонка неудобно и больно болталась. Клинок он нашел сразу — по характерному блеску. Схватил, мгновенно зверея, и метнулся назад.

Медведя уже не было. Зверь повалил палатку, прихлопнул лапой Полину — и ушел. Одного удара оказалось достаточно — медведя не надо учить убивать. Голова Полины вошла наполовину в землю, на щеке и шее — по два следа от когтей. Саша безнадежно пощупал руку. Холодеет и пульса нет.

Он принялся искать свою одежду. Нашел штаны, нащупал зажигалку, и вспомнил, что давно не курил. В лесу Александр старался не курить — пожар можно получить, да и зверь далеко чует запах табака. Но две пачки брал всегда. Самой дешевой марки, потому как если курить редко — то лучше уж накуриваться до одури, а если намокнут — не жалко.

Первым делом после второй сигареты он постарался приспособить меч за пояс. Туго обвязал лезвие капроном от палатки, закрепил шнурком от Полининого ботинка. Все это время он думал, как поступить с самой Полиной. Тащить через лес к Сновицам, к дяде Леше? Нет, силенок не хватит. Да и надо ли? Он закурил третью сигарету. Представил, что будет говорить в городе. Как будет писать объяснительные по каждому, как говорят, факту смерти. Как будет стараться убедить послать не участкового, а, по крайней мере, роту спецназа к яме в земле. Желательно взять с собой хотя бы десяток танков. Так, на всякий случай. Кто говорит? Задержанный Смирнов из психизолятора... Ага, как в книге про Мастера и Маргариту. Как там звали поэта-психа? Иван, вроде, Бездомный. Знаем, проходили, зря, что ли, одиннадцать классов заканчивал...

И поведут, значит, Александра Сергеевича, как козла на заклание. Как главного свидетеля, или даже как главного подозреваемого. Может быть, в наручниках. А тут как раз выходит из кустов дядя Юра, зоотехник-самоучка, на него наставляют три или четыре пистолета, трясут перед носом наручниками, а он их...

Саша долго смотрел на красную пачку, и потянул новую сигарету.

Недолго «дядя Юра» будет смотреть. Вытащит ножичек и устроит харакири. Наверно, всем. И Саше в том числе. Ну вот и хренушки, так не пойдет... Никто никуда не пойдет. Вам это надо? Вам это интересно? Ну и вперед, с песней. Барабан на шею купим, не заржавеет... Свечку даже в церкви поставлю...

Да и не поверят. Если уж в сорок первом не поверили, что война завтра начнется, то уж на вторжение сверхлюдей животики надорвут. В психушку упекут. Не найдут ничего — и отправят прогуляться на сто второй маршрут, до конечной. Запросто. Иван и Кондратий Федорович под землей остались. Полину медведь откопает... Вот еще почему не хотелось брать ее с собой. Это для человека она труп, а для зверя — вполне законная добыча. А если собаке в миску палкой ткнуть — что будет? То-то...

Эх ты, колдунья. Силы сколько в тебе было, деревьев навалила — как бригада лесорубов на соревновании, а зверю отдалась. Непутевая, да непутево померла. Хотя о мертвых плохо не будем. Вообще никак не будем. Не было их никогда, если найдут, спросят — тогда Саша ответит. А если искать не будут — значит и при жизни никому не нужны. Способности у них, понимаешь ли... Завалили егеря, и сами легли рядом. Значит — судьба, значит — поделом...

Александр закинул за плечи рюкзак, нахлобучил шапку и двинулся на запад, обратно, к людям...

К дяде Леше пришлось стучался долго. Старик заперся за двумя дверьми, даже Чебурашку с собой взял — собаки нигде не было. Саша присел на скамеечку, вздохнул, уже понимая, что, скорее всего, еще одним трупом на свете прибавилось. Одним больше, одним меньше...

Входная дверь отворилась — без шума и скрипа, дядя Леша испуганно глянул на пришельца:

— Ты кто? — и в отрывшуюся щель глянуло дуло ружья.

— Нашел таки? Или не терял никогда? — усмехнулся Саша.

— Никак Санек? — дверь распахнулась. — Живой?

— Живой...

— А эти, с тобой... Там остались?

— Остались...

— Говорил я, — бормотал дядя Леша, хватая Александра за руку и втаскивая в дом. —

Чайку попьем.

— А где Чебурашка?

— Нету Чебурашки. Приходил после вас один. Чебурашка на него залаяла, ну он и...

— Ясно, — понял Саша.

Они пили чай — горячий, с травами, со старыми сухарями. Дядя Леша долго рассказывал о прищельце, но гость не вслушивался — он уже знал.

— Что делать будем? — спросил Саша у старика.

— Ничего не будем. Ничего не буду. Чебурашку жалко. Сам-то старый. Лучше бы я загавкал, — сжался дядя Леша.

— А ты, — старик перешел на шепот. — Тоже ничего не делай. Слушай меня. Когда немцы пришли, не по-хозяйски они поступали. Сразу видно — не хозяева. Случайно зашли, хоть и ерепенелись. Жесткие они были, надо было помягче, все мы люди. А вот этот, который аккурат за вами... Этот — хозяин. Нелюдь. С такими лучше не шутить. Он идет — а земля трясется, ей богу. А раз пришел — то навсегда остался. Будет нам ярмарка, землю есть будем, ты уж попомни...

— Домой мне надо, — устало произнес Саша.

— Надо так надо, — быстро согласился дядя Леша.

— Поедешь со мной?

— Не поеду. Чего я в вашем городе забыл? Чем жить буду? Человек я маленький, что мне — картошечки на зиму только надо. Электричество до сих пор есть, не плачу я за него. Ты, знаешь, лучше мне котеночка привези. Мыши одолели — страсть!

— Привезу, дядя Леша. Обязательно привезу, — бормотал Александр, заводя уазик.

— Ежели выживу, — добавил он под едва слышимый рокот мотора.

* * *

Загнав машину в гараж, Александр не стал спешить, не бросился сразу домой. Двухэтажная четырехподъездная железобетонная коробка в центре леса. Когда-то это была их гордость, их крепость, шанс на жизнь в довольстве и одиночестве на четверых. Тогда, пять лет назад, казалось, что они вырвали у судьбы не кусок, а кусочиче, счастливый билет на оставшуюся жизнь. Что они знали о жизни — молодые, пробивные парни, работающие и честные? Они даже не знали, что судьбе предстоит свести их вместе еще раз, стать не просто друзьями, а одной семьей, где все равны; бригадой, в которой крепость слова нерушима, а плечо товарища — это практически твое плечо. Они вернулись из столицы, в разное время, но одинаково нищие, кто на своих ногах, а вот Саша — на костылях, и не догадывались что где-то там, на небесах, говоря высокопарно, уже скована цепь их судеб. Они поступили на один завод, и, хотя работали в разных цехах, но всегда помнили друг о друге — помнили, что когда-то все вместе, на одном поле, подставляли лица одному ветру, смеялись на одни и те же шутки, пили из одного стакана.

Завод не работал целый месяц, только в литейных цехах, на дне печей плескались кусочки железной лавы, и они, Саша, Андрей, Сергей и Наиль, встретились у холодной тридцатитонной «карусели», и решили, что будут пытаться поймать удачу за хвост.

Последний раз. Дальше — край. На последние деньги поехали в столицу, снова, но не для того, чтобы пробовать закрепиться. Хватило, хватило первого раза, в холоде, в голоде и грязи, в вымершем двенадцатиэтажном здании храма знаний. Нет, они решили просто заработать деньги, эти разноцветные бумажки, проклятие и радость цивилизации, шуршащий кусок хлеба. Тогда их еще было восемь, но половина ребят сломалась — не выдержали, не смогли.

Приехав обратно, они уже вместе решали, что будут делать с общими деньгами. Ведь договор заключался на всю бригаду... Не купили, не выкупили, поступили хитро, как настоящие москвичи — взяли в аренду кусок земли между городом и областью. Землю, на которой уже стоял их будущий дом. Недострой разорившегося государства, с погашенным долгом, но хитро спрятанными пени на этот долг. Пока они об этом не знали, на московские деньги перекрыли крышу, заливали битумом и гидроизолом. Сколачивали косяки, вместе не пробурили, а выкопали колодец, провели в лес канализацию, честно решив использовать ее как компостную яму, вывозить раз в год на поля. Руками, крепкими пальцами, простым инструментом — провели тепло, поставили котел, который жрал все, что может гореть, чердак засыпали пенопластовой крошкой, найденной на близлежащей свалке. Насчет электричества договорились быстро — Наиль работал электриком на заводе. Один счетчик на всех. Вода, горячая и холодная — от одного насоса, через водонакопительный бак на чердаке. Один подъезд под жильё, второй стал мастерской, третий — под склады, четвертый в аренду. Первыми арендаторами стали китайцы.

— Вот черт, — выругался Александр.

На второй год, когда дом уже начал жить, когда они перевезли мебель, с прибаутками ввели в квартиры с голыми бетонными стенами любимых женщин и будущих жен, когда нашли, опять же на свалке, залежи старых кирпичей и рубероидных крыш, когда устроились в совхоз, собрали на последние копейки трактора, отчистили от ржавчины и заварили трещины на плугах, когда начали жить, вдохнув полной грудью и впервые ощутив, что они не просто рабочая, а настоящая, буйная, почти всемогущая — сила...

Государство явилось неожиданно, поздним вечером, с оружием, с масками на лицах. Сначала взялись за китайцев, а потом пошли к четырем мужикам, заломали руки, и Наиль, горячий и дерзкий татарчонок, схватился за газовый баллончик. Что он против автоматов? Оказалось, что это очень серьезно, почти восстание, преступление против общества, против здоровяков, каждый из которых, наверно, весил вдвое против тщедушного Наиля... Его били, долго, в основном по животу, потом забрали, отпустили на третий день. Ах ты сволочь... И вот здесь поднял голову бумажный зверь, высунула шершавый язык неведомая и невозможно огромная «пена».

Комиссии, одна за другой, Энергонадзор — кто так провел линию, кто разрешил, согласование где... Экологический, а затем и экономический надзор нашли таки компостную яму — засыпать, что удумали, архаровцы, где планы, вы куда смотрели... Роспотребнадзор, покажите, что вы тут насажали, насеяли, вы же грамотные люди, специалисты, где же сертификаты, хотя бы на качество, не волнует, но это же яд, поваренная соль тоже яд, вы понимаете, и где храните, это же жилое помещение, не волнует, что вам говорили, это не склад, это черт знает что, и где, в конце концов, средства защиты, мы еще пожарников пришлем, они вам покажут кузькину мать... И ведь прислали... а потом еще и комиссию по исполнению, проще говоря, прокуратуру, Госстандарт — этим-то чего надо, господи... любое строительство зарегистрировать, предоставить план? Сделаем, гражданин начальник, представим в земуправление, ни шагу без бумажки не ступим... Почему нельзя жить, мы же все сделали... это вообще не ваше, ваш только договор аренды, можете им потереться, кстати... Шпаков сложил все деньги, отдали последнее, на черный день, все четверо, без остатка, только рубашки не сняли. Получилось только на штрафы и уплатить годовую пеню, но никак не тридцатилетнюю, висевшую здесь всегда, проржавевшую, но не менее опасную, чем дамоклов меч, запутавшийся в паутине.

Они боролись, до последнего, до рвоты, до крика, игнорировали все предупреждения, которые могли подождать, брали в долг, понимая, что не смогут отдать, пока не явились инспекторы, или инспектора, бога, душу, мать... В банках отказывали сразу — нет справок по доходам («о каком доходе хочет говорить этот сельчанин в отполированных кирзачах, знаем мы ваши доходы...»), пришлось оформлять технику, теревить восьмидесятилетнюю председательшу, поднимать и переписывать бумаги, а нотариус тоже кушать хочет, и только один банк сжалился, помог, закрепостив раз и навсегда, до гроба, за все сразу, даже похороны можно на счет социальной службы переводить...

Даже напоминать самому себе страшно — поджилки начинают трястись. Как будто кто-то, а, скорее всего, не кто-то, а что-то — бездушное, неуправляемое, жестокое, как насекомое — обратило взгляд на четверых людишек, посмеялось над их желанием жить чуть лучше серой массы. Все равно ребята, неужели не понятно, что своими руками и головой жить нельзя, опасно это и никому не нужно, особенно вам, таким честным и работающим, можно сказать — эталонным дуракам. Вы думали, что властны над собственной жизнью и судьбой? Покажите того, кто сказал такую чушь. Нельзя жить самому — можно только обществу, ведь все мы общество, кушать хотим, одеваться хотим, машину новую хотим, а если каждый рабочий или уж тем паче — крестьянин начнет работать только на себя? Это же анархия полная, государство не живет на налоги, еще что придумали... Оно же — это вы, оно хочет от вас все и даже больше, потому что есть ведь еще священный, единственный и неповторимый долг — именно перед государством, то есть перед вами, и чем больше вы работаете — тем больше становится долг, это же закон, вы чего, законов не читали, темнота, а еще с высшим образованием. При чем здесь поход в армию? Думаете, что на этом все кончается? А на что мы границы будем укреплять, на что танки и корабли строить? Это же вам нужно, а мы о вас заботимся, единственный наш долг — сидеть и смотреть за вами, чтобы вовремя среагировать, вы что — не понимаете? Совсем темные... Ах, еще и аспирантура? Так должны куда лучше понимать. И нечего прикидываться нищими, вон, даже

асфальт настелили во дворе. Ах, это не асфальт, это старые слои рубероида, со свалки? А кто разрешал, вы хоть экологические нормы знаете?

Знаем, сказал Саша про себя, мы даже больше знаем. Но не скажем, выкусите, пусть все идет как идет, пусть придут ваши же экспериментальные модели, посмотрят на нас, на вас, на всех. Четыре мертвеца за три дня — это много или мало? А будет еще больше, потому что те, кто придут за мной — они не будут ждать, как ждем все мы, они даже не понимают — что значит — «ждать»? Новой жизни, достойного существования, поблажек, упрощения законов путем выпуска новых постановлений? Не смешите меня. Они возьмут все и сразу, Саша видел их силу, их яростное желание, и всемогущие возможности. Да, всемогущие, неужели не поняли? Понабрали специалистов с высшим образованием... Нет у человечества возможности, чтобы утащить на глубину в триста метров обычный камень без помощи канатов, лебедок, буров и шурфов. Силой мысли — попробуй, встань против нового человека, против того же Юры, чтоб его три раза вокруг себя обвязало...

— Мне кажется, что верна как физическая, так и религиозная модель мира, — говорил, закусывая огурчиком, Александр вечером того же дня. — Может быть, мы воспринимаем мир только своим разумом со всеми примочками. А те, кто сидят внизу, со стопроцентными мозгами — они будут воспринимать как захотят.

Ребята вернулись с поля уставшие, а Саша к тому времени успел уже помыться, плотно поесть, разменять в ближайшем пункте тысячу долларов, сбегать в магазин, поругаться с женой на счет его безалаберности и бездушного отношения ко всем и всему, а затем помирится с Наташей, завалив ее в постель, и пообещав завтра же купить новый холодильник, сходить за Людой в садик, потихоньку вскрыть квартиру Наиля (ключи татарин прятал в электрошкафу мастерской) и поставить в уголок закуску, водку и пиво. Он предупредил ребят, подав условный знак — «без жен» — и каждый уже знал, что делать. Они собрались ровно в восемь, у Наиля на первом этаже, на кухне. Без лишних слов пропустили по одной, а потом Александр начал рассказывать — быстро, скупое, сжато, с основными выводами, как на защите; показал деньги; уверил, что они настоящие.

— Куда ты их? — хмуро спросил Шпак.

— Проценты по кредиту — раз. Укрепить двери — два. Решетки на окна — три.

— Комбайн — четыре, — ухмыльнулся Наиль.

— Масло машинное купить «шелловское», и топливо на уборку, — упрямо подсказал Саша.

— Ладно, разберемся, — проворчал Серега, разлил еще по одной. — Ты лучше скажи — в милицию пойдешь?

— Я что, похож на дурака? — возмутился Александр. — Ты знаешь, что будет?

— Представляю, — рассмеялся Наиль.

— Это же не хухры-мухры, — насупился Шпак. — Четыре трупа. Найдут.

— Да и пусть находят! — возмутился Саша. — Только я сам ничего делать не буду. Пусть идут, смотрят, находят, пробуют вытащить из-под земли, а я посмотрю, что получится. А потом решу, что делать. Им это интересно, они же сами решили за порядком следить — вот и нехай себе следят, уроды.

— Они не за порядком, они за тобой следят, — напомнил Андрей Павин.

— Ты пей, Андрюша, пей, — ласково сказал Александр.

— Балабол ты, Сашка, — разозлился Шпак. — Сам подставился, и всех подставишь.

Александр, не торопясь, налил себе полную стопку, в одиночку осушил, крякнул.

— А теперь слушай меня, Шпак, — начал он глухо. — Ты там не был. Не знаешь, не веришь, не понимаешь. Только учти, когда эти сверхчеловеки наружу полезут, никому сладко не придется. Ни тебя, ни меня — никого не спросят. Тут такая каша заварится, попомни мои слова. Если уж начнется, ты поверь, я все что ты скажешь — сделаю. Завтра же на явку с повинной побегу. А пока, Шпак, давай посидим, выждем, от нас всегда требовали именно этого. Сидите ровно, ребята, не бузите, не думайте. Вот и я буду — ровно, не шуметь, думать даже не буду. Это мое слово. Пусть подавятся, гады.

Саша разлил еще по одной.

— А еще, Шпак, смутно на душе. Я пока домой ехал, все мозговал. Вот один-одинешенек выбрался. Всех там положили — а я уцелел. Почему? Может, я им нужен? Меня Полина удивила.

— Ведьма твоя?

— Ведьма, чистая ведьма, — быстро согласился Саша. Ему захотелось стукнуть по столу кулаком, чтобы ухмылки погасли, чтобы начали слушать, а не подкалывать.

— Она ведь чувствовала, вы бы на нее посмотрели — страх ходячий, не женщина. А медведь ее пристукнул...

— Это не медведь был, — вмешался Наиль. Саша повернулся к татарину:

— Это ты точно сказал. Не медведь. Потом только понял. Я ведь для них угрозы не представляю. Ну что я расскажу — смех один, даже вы мне не верите. А вот в это поверите?

Александр вытащил из-под стола длинный сверток, распутал шнуровку и капрон.

— О! — произнес изумленный Павин.

Саша не стал ничего говорить, просто взял пустую бутылку из-под водки. Голубое лезвие легло на стекло, Саша надавил — и сталь медленно прошла через прозрачную хрупкую материю, разделив бутылку на стакан и воронку.

— О как! — еще удивленней сказал Павин.

— Ну-ка, дай, — растерянно произнес Наиль. Он попробовал поднять оружие, запыхтел:

— Вот шайтан. Он же неподъемный!

— Дай мне, — попросил Шпак, легко оторвал меч от стола и тотчас выронил.

— Горячий! — Сергей ошеломленно подул на руку.

— Сам ты... — проворчал Саша, поднимая клинок с пола. — На это посмотри...

И он со всего маху ударил себя лезвием по руке, поморщился от боли. На предплечье остался только красный, быстро исчезающий след.

— Я сам им даже порезаться не могу, — почти пожаловался Александр. — Подарочек от сверхчеловечков.

— Да, — крикнул Шпаков, ничуть, впрочем, не удивленный. — Бывает, однако. Разливай, Наиль.

— А что про медведя? — поинтересовался татарин, поднимая стопку.

— Не медведь это. Иначе бы Полина почувствовала. Оборотень это был, точно. Юра в медведя обратился, чтобы мозг свой драгоценный мыслишками кровожадными не выдать. Понимали они, что от меня толку нет, а вот Полина запросто могла хоть кого убедить. Она Кондратия Федоровича заставила Фадея убить, тот и не понял ничего. Пришла бы она к кому-нибудь, да и упростила бы в шахту маленькую бомбу кинуть. Желательно — термоядерную. И ведь кинули бы... Но не дали ей, живой не отпустили, понимали, черти лабораторные.

— А самое поганое, — продолжал Саша, опустошив стопку. — Если я рыпаться начну, они за мной тоже придут. И никакая милиция, никакой ОМОН не поможет, будто у них делов нет, как мне помогать.

— Да, кстати, — пробурчал Шпаков. — Я тебе говорил, что Агробанк приходил? Собрался нас конфисковывать.

— Говорил, — отозвался Саша. — Сказал, что Анька обещала через дверь пальнуть...

— Сказали, что снова придут, теперь с милицией. Подставили нас банкиры. Посмотри...

Шпак достал из кармана смятую бумажку. Саша посмотрел и присвистнул. Число на бумажке состояло из семи цифр.

— Мы на землю и совхозное имущество подписались, чтобы ссуду взять, — тяжело ронял слова Шпак. — А нам земельный налог пришел, и долг, и пеня. Суд быстро разобрался, сплеховали мы. Надо было в общество переименовываться. Сегодня-завтра придут нас на части рвать. Жалобу надо было полгода назад подавать, а мы на полях ворочались, как идиоты...

— Значит, каждый возьмет по ружью, — прорычал с набитым ртом Александр. — А там будь что будет.

— Я их, сволочей, не понимаю, — вмешался в разговор скалящийся Наиль. — Мы же их кормим... поим... твой... — татарин посмотрел на Сашу, — ...твой отец их лечит. Анька в детском саду работает. Наташа учит. Все для них делаем! Все! И все равно мало! Мало? В голове не укладывается... Зачем нас гнобят? Кто работать будет? Не понимают? Рвать зубами гадов!

— Тихо ты, — рыкнул Шпак. — Разбушевался... Конец нам... Ружьишки они возьмут... Доедайте закусь, и молитесь в тюрьму не угодить... Ты, Санек, пока доллары свои не трать, даже на масло «шелловское». Они нам ой как пригодятся...

Они в молчании доели колбасу, открыли пиво, подождали, пока кренящийся Андрей не упадет под стол.

— Ну ладно, — сказал Шпаков. — Поступай, Сашок, как знаешь. Давай, Наиль, бери Павина за ноги, потащили.

Евгения, жена Андрея Павина, маленькая жгучая брюнетка, только пожала плечами, когда Шпак и Наиль занесли мужа в квартиру.

— На кровать его ложи, — с издевкой в голосе сказала она. Пожалуй, Женя единственная из всей их компании не старалась блистать образованностью.

— Не «ложи», а «покладите», — весело отозвался татарин. — Покладите его на кровать...

— Захлопните пасть, месье, — отрезала Женя. Казалось, что она не заканчивала консерватории, а если и видала рояль — то только как надпись на этикетке, был такой дешевый спирт в литровых убойных бутылках.

— Воняет, — подумав, добавила она.

— Женька, бросай ты своего обрубка, — Наиль тотчас же включился в игру. — Выходи за меня. Прямо сейчас выходи. Ко мне, тут недалеко...

— Ага, только зонтик возьму, — сказала она, сверля татарина взглядом, но не с ненавистью, не со злобой, а с каким-то странным разочарованием, почти отчаянием. Сказала и хлопнула дверью.

Комбайн они все-таки починили. Холодильник купили. С горючим проблем не знали, даже некоторые долги по процентам выплатили. Жизнь налаживалась, входила в колею, и была по-своему прекрасна. О том, что скоро они станут никем — друзья старались не вспоминать. Пока никто не приходил — и это было по-своему здорово.

Но о них не забыли. Просто банк и «налоговая» сцепились еще на суде — по поводу дележа имущества. Ни в банке, ни в «налоговой» еще не понимали, что миллионные сделки, которые проворачиваются на краю города, возможны только потому, что четыре мужика работают на собранной из металлолома технике до «не могу», до предсмертного хрипа. Бывало, часто бывало, что даже Шпак, самый сильный и выносливый из четверки — после рабочего дня не мог подняться по лестнице на второй этаж самостоятельно, и его поднимала и вела с причитаниями Аня, чтобы на следующий день Шпак, проснувшись в несветную рань, снова и снова стучал пудовым кулаком в двери друзьям: «Работать пора!» И они вставали, и работали, вкалывали так, как никогда в жизни — с шести утра до десяти вечера, чумазые, в масле, на зубах скрипит песок, и сил нет даже улыбнуться жене. Вот оттуда, с полей, от собственных рук, с собственных горбов они снимали деньги, которыми откупались от комиссий, проверок, налогов, инспекций, процентов. Но сила и выносливость этих мужиков, каждый из которых кормил сотни людей — не были бесконечными. Мало, плохо они работали... Ведь земля руки любит... Сколько потопаешь — столько полопаешь... Без труда не выловишь...

— Чтобы хорошо кушать — надо хорошо работать, — каждое утро говорил Саша Наилю.

— А чтобы хорошо работать... — отзывался и замолкал на полуслове Наиль...

— ...надо хорошо кушать, — подхватывал Андрей Павин.

— Пошли уж, работнички, — ворчал Шпак.

Только однажды вечером, через три дня после возвращения из леса, Саша достал с полки в туалете все газеты, расстелил их на полу перед компьютером, и принялся изучать. На вопросы Люды и Наташи отвечал, что хочет стать депутатом или получить нобелевскую премию. На самом деле он преследовал другую цель, и если бы Наташа только знала — какую...

Подтолкнуло Александра одно событие, которое громко и пафосно освещалось телевидением. Из-за границы, из Франции, кажется, возвращалась на историческую родину то ли внучка, то ли правнучка, или вообще праправнучка кого-то из белогвардейских генералов. Корнилова, или вообще — Колчака. За день перед этим Саша видел, все по той же программе, тоже в вечерних новостях — возвращались остатки (их почему-то называли чуть ли не «мощами») еще одного белогвардейского высокопоставленного офицера.

В общем, совершенно случайно увидев по телевизору счастливое морщинистое лицо правнучки, довольные хари встречающих, услышав торжественный голос диктора, Саша в секунду нашел пульт телевизора, переключил. Его затошнило, показалось, что еще секунда — и вырвет.

— Ты чего? — встрепенулась Наташа.

— Ничего, — задавленно отозвался Александр, борясь с тошнотой. — Ничего...

Он заговорил минут через пять, когда успокоился, когда привел мысли в порядок.

— Наташ, ты ведь корову видела, — сказал он совершенно спокойно. Жена пожалала плечами, потом спохватилась, кивнула.

— И овец видела, и коз, и кроликов, — перечислял Александр. Потом спросил:

— А ты не помнишь, на тебя никогда коровы не нападали? Или, может овцы? Кролики там...

— Меня лошадь кусала.

— Лошадь — животное почти дикое, свободолюбивое, — согласился Саша. — Я тоже однажды кролику сдуру пальцы в рот засунул, хотел посмотреть, как у них пасть устроена. И знаешь что?

— Что? — подхватила Наташа, хотя, по всей видимости, уже понимала, куда ведется разговор. Она не любила политику, а любила Интернет, Живой Журнал, приготовить что-нибудь вкусненькое, покраситься как-нибудь по-новому — не в «красное дерево», а в «гранатовый», хотя, честно говоря, Саша разницы в этих двух оттенках одного цвета совершенно не видел.

— Мне этот кролик палец до кости прокусил. У них зубы острее японской стамески. А? — Александр выждал почти театральную паузу.

— Вот и представь, — говорил он дальше, чувствуя, что накаляется, что сейчас прорвет, не остановить. — Представь, тогда, в семнадцатом году... Ведь русский мужик — он на кролика похож, на овцу, на корову. А теперь подумай, до какого состояния надо довести эту животину, этого серого, забитого, покорного и трудолюбивого человека, чтобы он на хозяина полез, да не с кулаками, а с ножом? Кролик — вампир, а? Овца — оборотень? Корова — садистка? Как тебе сюжеты? А ведь так и было. Гайки завинтили, до такого унизили, довели до ручки так, что мужик своими зачаточными мозгами понял, что дальше невозможно, дальше — край. Это ведь не марксисты победили. Там народ дворянам в горло вцепился зубами, что острее японской стамески... И теперь — забыли. Встречают внучек палачей с цветами, самих палачей святыми называют. Всё забыли, все забыли. Но нет, я не забыл. Я, мать, ничего не забываю, я тогда еще пятьдесят лет как не родился, а помню... Помню... Я ей, гадине, в лицо плюнуть должен, а она поблагодарить. И генерал этот вшивый — просрал крымскую, японскую, просрал мировую, гражданскую просрал... козёл, а его — с почестями... — Александр рванул воротник футболки, ему стало душно, лицо налилось кровью.

— Да ладно тебе, — успокаивала Наташа. — Распетушился.

— Ладно, — бормотал Саша, тяжело дыша, валясь в кровать, чувствуя, что еще секунда, и он заснет. — Ладно... Припомним...

Вот поэтому на следующий день Саша, вместо того, чтобы включать телевизор — достал с высокой полки стопку газет, стал их внимательно просматривать. Он искал фамилии, имена, лица. В двух газетах нашел сто семнадцать фамилий — руководители, юристы, депутаты: бывшие и будущие, работники органов: внутренних и наружных, работники администрации, нотариусы, директора, главные специалисты. Для некоторых нашел и телефоны. Потом, на следующую ночь — пробил этих людей по телефонной базе — не по той, которая выпускается чуть ли не каждый год в виде электронного справочника, а

по милицейской, купленной за сто долларов у хорошего друга. По прописке нашел и остальных членов семей. Список разросся до шестисот фамилий, на следующий день — до тысячи. Потом Саша решил пойти «от обратного». Он заказал «желтую книгу» своего города, а когда она пришла, буквально через два дня — вычленил производственные предприятия, заводы, строителей, мастерские, дорожников, птицефабрику, пару свиноферм, еще пару фабрик, десяток пилорам, включил до кучи и ювелиров (люди работают все-таки). Вычел оттуда управленцев... и обалдел. Цифра непонятная, практически нереальная, даже для провинции, особенно — для провинции. Двадцать тысяч человек без малого, с потрохами и зонтиками. Двадцать тысяч работяг на двести тысяч населения. Один к десяти. Даже если предположить, что сто тысяч — это пенсионеры, инвалиды и дети, остальные восемьдесят тысяч — откуда они? Это только в развитых западных государствах восемьдесят процентов рабочих рук работают в сфере обслуживания. И то — в странах с развитым туристическим бизнесом. А вы когда-нибудь слышали о курорте под названием Судуй? Есть такой, на границе тундры с тайгой. Это значило, что Саша, кроме Наташи и Люды, кормил пятерых стариков-детей-инвалидов и еще четверых бездельников, которые не просто ничего не делали — но и вставляли палки в колеса остальным, воровали время и деньги, отрывали свой жирный кусок, прикрываясь законом. А на четыре пары рук в их совхозной артели, за вычетом жен, детей, и воспитательницы детского садика — приходилось ровным счетом тридцать шесть лишних ртов. Это даже если учесть, что дом они почти своими руками поставили, и уж тем более без всяких левых электриков и сантехников. Да тридцать человек должны бы им, работягам, в пять минут все бумажки выправлять, все расчеты делать, подписи ставить...

Скоро, совсем скоро пригодятся все расчеты, все списки, все подписи-фамилии. Не бывает революций без крови. Не может монархия на монархию меняться, а демократия — на демократию. Человечество на сверхчеловечество поменяется — это вопрос серьезный, драка будет страшная. Кто тут победит — и думать не надо, эти, которые из-под земли, наверно, и не поймут, что с ними боролись и даже воевали. Но вот чтобы не по массе бить, а по точкам, малой кровью обойтись...

— Ничего себе, — сказал вслух Саша. — Чтобы малой кровью обойтись, надо в одном Судуе восемьдесят тысяч могилочек готовить.

— Ладно, — прокряхтел он через минуту. — Утро вечера мудреней. Надо распечатать что накопал. Не придерутся, может я коллекционер? И спать, спать... Завтра, все завтра.

* * *

Утром следующего дня Саша на тракторе проходил ячменное поле, проводил плановую и последнюю в этом сезоне внекорневую подкормку. Растворимым комплексным удобрением, концентрацией ноль — два, по технологической колее. Как в Голландии, по крайней мере — не хуже. Вот только водяная пушка на подвеске — самодельная, компрессор, правда, пришлось купить новый, фирменный, да бак на девятьсот литров проварить по швам. Но струя отличная, на двадцать метров мелкодисперсно разлетается, аж две радуги по сторонам стоят. Успеть бы до большого солнца, еще три заправки — и баста, размышлял Александр, вот уже два часа борясь с желанием переключится на шестую передачу. Уже нажал на сцепление — и поставил на нейтралку, выключил насос. Свечение

радуг погасло, уши заложило словно ватой, стук мотора слышится издали. Навстречу шел человек. По крайней мере — похожий на человека.

— Приехали, — прошептал Александр, чувствуя, как в одно мгновение взмокла рубашка.

Сверхчеловек остановился. Он довольно долго рассматривал гремящую махину у себя на пути, даже нахмурился поначалу, потом перевел взгляд на механизатора:

— Привет, Александр, — сказал спокойный голос.

— Здравствуйте, — жалко пискнул Саша.

— Я — Гаврила, — произнес пришелец, проскользнул, пронырнул под пушкой и пошел дальше. Александр, конечно, понадеялся, что никогда его больше не увидит, что это — случайно засветивший себя разведчик.

— Мы пришли, — сказал Гаврила с края поля. Спокойно так сказал, негромко. Только поджилки затряслись, и волосы под кепкой дыбом встали. Пришли они, как же... И как, черт меня подери, я мог его слышать в закрытой кабине и при работающем движке? — с растерянностью подумал Саша. Отдышался и дернул рукоять подачи раствора. На шестую передачу он сегодня так и не переключился — почему-то даже мысли об этом не было.

А потом события понеслись с бешеной скоростью. Саша уже и не думал о своем «досье», тут каждый день — новый фокус. Не успел он рассказать о пришельце, которого повстречал на поле, как тот явился. Незванный-непрошенный, возник на центральной усадьбе, загородил восходящее солнце широченной спиной.

Они долго рассматривали друг друга. Четверо мужиков и один супермужик. А потом он спросил. Точнее — попросил:

— Я — Гаврила, с вами хочу работать.

Сашу как ножом резануло. Уж он-то помнил Юру — «Я работаю с вами». Работничек... Шпаков поднялся, шагнул к пришельцу. Конечно, ростом Серега был поменьше, и намного, но вот у кого бицепс толще — тут Шпак любому мог фору дать.

— Почему, — медленно произнес Серега и Александр чуть не вскочил со скамейки. Нельзя задавать вопросы, нельзя!

— Почему бы и нет, — продолжал Шпак. — Только вот мы артелью работаем. Четверо нас. Все расходы и доходы на четверых делим, все честно. Здесь у каждого из нас, можно сказать, свой пай. Кто-то технику чинил, кто электрику, кто деньги вкладывает, кто умение. Трудимся все одинаково, так положено. Друг друга уж не первый год знаем, доверяем. А ты — человек новый, мы тебя не знаем, значит — не доверяем. А заработок уже на пятерых делить придется. Есть логика?

— Нет, — ответил Гаврила. — Вы друг друга плохо знаете. Только по именам, как и меня. Но если у вас такие правила, то я приду завтра.

— Приходи, приходи, — проворчал Шпак вслед легко шагающему по высокой росе сверхчеловеку.

На следующий день Гаврила не пришел, а приехал. Рев мотора послышался издали, а через минуту во двор уже въезжал грузовик. Честно говоря, ребята давно мечтали о хорошем «пятитоннике». Старая «газелька» с функцией перевозки справлялась из рук вон плохо, топливо кушала безбожно. Приходилось больше надеяться на трактор и телегу, но это, как говорится — до времени. Пока милиция не захочет номера проверить.

Но то, на чем приехал сверхчеловек, даже развалюхой назвать было сложно. Крыша

прогнила, одна дверь в кабине — желтая, другая — синяя. Пластмасса отсутствует как класс. Пол не ржавый, просто — дырявый. Хотя кузов хороший, со всех сторон разборный, и крючья-запоры подогнаны на славу. Вместо сдвоенных задних колес — по одному, правда Саша с удивлением заметил, что на переднем мосту тоже имеется дифференциал.

— Полный привод? — поинтересовался Наиль...

— Так получилось, — отозвался Гаврила. — Двигатель перебрал, коленвал подточен, карбюратор отрегулировал, там пришлось подумать. Фильтр воздушный полностью заменил, остальные частично...

Гаврила рассказывал еще долго, и под конец Александр даже уверился в мысли, что «урод» вовсе не урод, а, можно сказать — Конек Горбунок самодельный. Одна мощность чего стоила.

— Сколько? — переспросил Шпак.

— Три тысячи восемьсот, больше никак не получилось, молекулярный уровень, — вздохнул Гаврила.

— Гонишь ты, как лохов разводишь, — Серега и не думал верить в такую цифру. — Сколько ему топлива надо, ты представляешь?

Гаврила теперь расплылся в улыбке:

— Ресурс бака просто огромный. Первый раз вижу, хотя знал раньше, — проговорил сверхчеловек. — Никак не мог понять, где происходит метаатомная реакция, углубление в поршне для этого неприиспособленно. Пришлось над карбюратором подумать...

— Ладно, предположим, — согласился наконец Шпак. — Сегодня в поле не пойдем. У тебя, Гаврила, работа такая. Надо в «бригадирской» комнате окна досками заколотить. Стекла уж давно выбили, а доски будут к месту. Старайся их плотней класть, чтобы отодрать потом было трудно.

— Вы там храните что-то ценное? — поинтересовался Гаврила.

— Что надо, то и храним, — пробурчал в ответ Сергей.

— Я знаю, где он его нашел, — говорил Шпак Саше через десять минут. — Там, у старого карьера, два грузовика стояли. Я еще не родился, а их в канаве уже забыли. Ума не приложу, как он это сделал, да тем более за один день, без инструментов...

— Волшебство, друг мой, волшебство, — похлопал по широкому плечу Александр.

Сергей недоверчиво посмотрел на друга, послал его недалеко, а потом проворчал:

— Ладно, посмотрим, как он инструмент в руках держит. Может, этот грузовик он два года восстанавливал, для души, так сказать... Фокусник...

Гаврила, конечно, никаких фокусов не показывал... Взял гвоздодер, топор, молоток, и не спеша, до обеда готовил доски. Потом начал набивать их на рамы. Колотил, возился почти весь день, к вечеру подошел к Шпаку и сказал:

— Я все сделал.

— Хорошо, — ответил Сергей. — Ночевать у нас будешь.

— Нет, — отрезал Гаврила, постоял еще немного перед мнущимся Шпаком, развернулся и ушел.

Александр это видел, и старался не думать ни о чем, только напевал про себя навязчивую песенку «...за окном шумит высокая трава, и от радости кружится голова... ла-ла-ла-ла-ла...». Подождав еще минуты три, он подхватил лом и ринулся к «усадебке». Подбежал к заколоченному окну. Хорошо ладил сверхчеловече, с любовью, умело, словно всю жизнь плотнико-столяром работал.

— Эх! — лом попытался отодрать крайнюю доску, поддел выступающий торец. Саша напрягся, потом налег всем телом. Терпение и труд все перетрут. Только вот что-то... не ломается гнилая доска, даже не трещит, ржавые шляпки гвоздей не шевелятся. Александр почувствовал, что снова взмок, майку хоть выжимай. Налег на железную махину, уже не понарошку, по-серьезному. Не хочет по-хорошему — будем по-плохому... Сейчас, разбежался, стоит гадина, словно зацепилась. А может, на самом деле зацепилась? И черт с ней, другую попробуем.

— Ну, как? — сумрачно спросил Шпак за спиной.

— Я ее, заразу... — прокряхтел Саша.

— Брось, — еще мрачней сказал Серега. — Я уж пробовал. Прав ты. Не по зубам нам твой Гаврила.

Саша обернулся, чтобы увидеть Шпакова. Тот стоял набычившись, пудовые плечи подрагивают, в красных ручищах, похожих на огромные крабовые клешни — гвоздодер. Стоит Серега, нахмурился, думает, аж взмок весь, сердешный.

— Оно только на вид гнилое, — медленно произнес Шпак, подошел к заколоченному окну, ласково провел ладонью по серому дереву. — Теперь сюда ни одна сволочь не залезет. Пошли уж домой. Надо было Гаврилу на крышу ставить. Он бы нам такую крышу отгрохал... — ворчал Серега.

Дома Саша, как не устал, снова схватился за досье. Бумаги посыпались на пол. Фамилии, имена, адреса, телефоны.

— Не то, — простонал Александр. — Не то.

Он позвонил всем друзьям по внутреннему телефону, сказал, что надолго займет кабель.

— В сеть полезешь? — спросил Наиль в трубке. — Помочь?

— Не надо, — отозвался Саша.

Первым делом — поисковик. Александр даже не знал толком — что именно он ищет. Потом успокоился. Ему надо найти людей, которые знают, точно знают о существовании лаборатории. Первым делом Саша разослал по всем научным серверам и форумам (какие смог найти) «черное письмо» с точными географическими данными по лаборатории. Честно написал, что там, начиная с тысяча девятьсот сорок шестого, ведутся опыты над человеком и результаты уже получены. На ответ Александр не надеялся. В любом случае это засекреченная информация. Соответственно, Саша активировал на своей «машине» все возможные уровни безопасности, включил режим невидимости, создал новый почтовый ящик и работал только с него. Вот теперь, включившись в работу, он уже знал что делать. И попал буквально пальцем в небо. Постановление ЦК ВКП(б) «О педологически извращениях в системе наркомпросов» 1936 года. Чем оно его заинтересовало? Почему он решил просмотреть именно тысяча девятьсот тридцать шестой? Просто прикинул, сколько лет нужно, чтобы построить под землей городок на девятнадцать гектар? Не понятно. Может, именно поэтому Полина назвала Сашу «дорожником»? Может, он видел правильную дорогу? Или дороги... или даже тропки...

Так или иначе, очень скоро Александр точно убедился, что людей, которые бы знали о существовании лаборатории, сегодня уже не существовало. Как не существовало архивов, бумаг, вообще никаких доказательств. И до шестьдесят шестого года не существовало некоторых наук, как, в частности, генетики и психотехники. Их просто запретили, а ученых — уничтожили. Всех, кто мог просто догадываться — вырезали под корень.

— Умно, очень умно, — бормотал Александр, проглядывая списки.

Может быть, их даже не расстреливали, а запикивали в бункер, на глубину в триста метров, снабдили всем, чем только можно, стащили кучу литературы и результаты по опытам — опять у тех же фашистов (кстати, пути многих немецких «гениев» по этой же части тоже терялись в годах — «попал в плен советским войскам, судьба неизвестна» — напротив фамилий). И все, на двадцать лет — полный мрак. Нет науки — нет экспериментов; не просто запрещено публично и законодательно, но и преследуется — жестоко, одно высказывание, предположение (не вопрос даже!) — тюрьма, следствие, нет данных... Органы, по всей видимости, боролись не просто со шпионами, они боролись с самой возможностью, вероятностью шпионажа. Боролись тупо, не зная, не подозревая, зачем они это делают, потому что любой, кто мог догадаться — пропал. Новый человек, совершенный человек, коммунист, черт его за ногу — он так близко, он скоро придет... Он уже пришел, точнее — они пришли...

Они еще покажут коммунизм, пик коммунизма, думал Саша, вытирая мокрый лоб. Красиво будет, замечательно будет, от каждого по возможности, каждому по потребности. О чем, например, может мечтать калека? Что ему требуется? Может быть — новые руки? А может — скорая смерть. Пулю в лоб пустить гораздо проще, чем руки вырастить. Чего тут сусолить? Получи, родимый...

Утром подняться сложно, почти невозможно, два часа только спал. Но у Саши есть опыт ночных смен, недельных тренировок без выходных, годами в поле. Он все умеет — этот странный мужчина, которому на вид давали двадцать два года. Бессонная ночь под трактором — а утром снова в бой, до потери пульса, со скрежетом зубовным, со стоном, который зовется здесь песней. И сегодня — как всегда. Никого — даже друзей не интересует — спал ты сегодня или нет. Ты можешь и должен, ты настоящий мужчина, никто и не сомневается в твоей силе, умении, выносливости.

Шпак решил перекрывать крышу гаража, ждал Гаврилу, но того не было. Грузовик стоял посреди двора, сверкал старыми разводами краски — промок за ночь.

— Заведется, — спорил Наиль.

— Не заведется, — вяло отзывался Павин.

— На десятку? — поддевал татарин.

Вместо ответа Андрей поковылял к машине, без шума открыл дверь, покопался под приборной доской. Мотор взревел, поработал на холостых оборотах, снова затих.

— Завелся, — растерянно крикнул Андрей. Наиль рассмеялся, хлопнул себя по бедрам.

— Моя десятка...

— Она и так твоя, — огрызнулся Андрюха.

— Без Гаврилы начнем, — решил, наконец, Шпаков. — Я ему еще покажу кузькину мать, работничек...

— Да он у китайцев, — заявил вдруг Павин. — Я видел, когда на работу шел...

— А что мне не сказал?

— А ты разве спрашивал?

После обеда Серега решил проехать по полям, заодно дать отдых товарищам. Сегодня они поработали на славу. Старый шифер содрали, доски сняли, крепеж заменили, новые балки поставили, половину крыши уже застелили тесом. Шпак работал внизу, его из-за веса взять наверх побоялись. Уж больно здоровый кабан...

Серега вернулся через полчаса, вылетел из кабины, красный, злой, махнул приглашающее рукой.

— Что там еще? — проворчал Саша, но внутри все упало, потому как поехали они по дороге, ведущей к ячменному полю.

«Пропал ячменек, сжег я его удобрениями, — с ужасом думал Александр, трясаясь на заднем сиденье. — А ведь чувствовал, всеми потрохами знал — надо было на шестой идти. Или на седьмой...».

Шпак упруго выпрыгнул из кабины на краю поля, зашел в колосющиеся волны. У Саши отлегло от сердца. Стоит ячмень, хордеум двурядный, зелененький, скоро в спелость пойдет, богатый урожай будет, ишь, как ветер волны по полю катит...

— Ну, что случилось? — подошел Саша к Сергею.

— А ты лучше посмотри... Здесь ты его встретил? Вот и присмотришь, сравни.

Чего тут смотреть? Колос к колосу, богато, хоть и зелено пока, даже сорняков нет, и ржи с овсом, которые всегда в семенах попадают, тоже... нет...

— Шпак, мать моя, да они же все одинаковые, — заорал Наиль. — Ты видел такое когда? Они даже по зерну одинаковые! Ты посмотри, ни одного выпада, ни одного залома,

ни травинки, ни жучка, даже листовой ржавчины нет, помнишь, сколько ее на тимофеевке... в прошлом... году... — тихо закончил татарин.

— Он? — спросил Павин, положив Саше руку на плечо.

— А кому еще? — зло отозвался Александр. — Или ты думаешь, это я все одной обработкой сделал? Они нас вот так же, утрамбуют, будем чистые, красивые, полезные... А потом пиво из нас же сварят, хорошее пиво будет, забористое...

— Поехали, — мрачно сказал Шпаков.

Солнце вставало в полдень, становилось жарко, лезть на крышу, да еще и с рубероидом — занятие не из лучших.

— К китайцам, — решил Шпак, заводя двигатель.

Семья Чжао, после того как артель отказала им в аренде, ютилась на старой стройке. Когда-то, лет десять назад, здесь предполагалось строительство инфекционной больницы — самой большой в Нечерноземье. Поставили просторный четырехэтажный корпус, рядом — белоснежно-кирпичную подстанцию, успели положить фундамент для еще одного, очень длинного здания. Провели дренажные канавы, надеясь, по всей видимости, впоследствии сделать из них замкнутую систему канализации. А на задворках, почти у самого леса, ютилась приземистая постройка, сложенная из бетонных плит невероятной толщины. Она единственная уцелела — потому что даже «Ивановцу», крану на двадцать тонн, оказалось не под силу поднять хоть один блок. Бомжей здесь не было — они больше предпочитали комнаты четырехэтажного корпуса. Подстанцию разобрали по кирпичику, фундамент длинного здания уволокли, только хлам напоминал о том, что здесь когда-то что-то строили. В канавы и котлованы стали свозить мусор. В основном строительный — золотая жила для понимающего человека. Как-то привезли некондиционный плитус, пластиковый, некоторые отрезки чуть не по три метра, новенький... мечта, а не плитус. А Серега по зиме перехватил пять тонн замерзающего бетона — совершенно бесплатно. Шпаков тогда его мешал, чтобы не застыл. Саша, Сергей и Наиль в бешеном темпе колотили формы, а Наташа, Аня и Женя — заливали... Самая мужская работа — это работа с бетоном. Женщине ведь не поднять, не развернуть лопату с раствором, просто силенок не хватает уже через пять минут, даже сильные мужики — и то ломаются через четыре часа, если работать не отрываясь. Однако они не сломались, успели... Страшно было смотреть на Шпака, как он, в одной рубахе, на тридцатиградусном морозе, не с совковой лопатой, а с печной, которая в два раза шире, по колено в серой массе — ворочает тонны песка и камня...

Так или иначе, китайцы обжились на новом месте. Поставили хлипкую дверь, заколотили окна, оставив маленькие бойницы, закрыли пол, стены увешали циновками и разноцветными тряпками. Даже клумбу рядом разбили, изобразили что-то вроде альпийского сада, или японского сада камней, с синими колокольчиками и бессмертником. Рыбой они больше не занимались, по всей видимости — поняли, что рыба слишком уж пахнет. Зато пекли хлеб — булки, булочки, калачи с иероглифами счастья и удачи, лаваш. Делали китайскую лапшу. Женщины, по всей видимости, шили белье — Саша как-то видел на рынке знакомое лицо старшего сына Чжао, за прилавком с трусами и майками.

Ребята вышли из машины, не торопясь подошли к крыльцу.

— Есть кто дома? — рявкнул Серега.

Дверь отворилась, высунулась сморщенная голова старого китайца, обвела всех четверых блеклыми глазами.

— Чио надо?

— Гаврила есть? — спросил Шпак по-хорошему.

— Гаврира... — дверь распахнулась, в ноздри ударил пряный густой запах свежей выпечки. — Гаврира ушел. Скоро придет.

— А где он!? — проорал Наиль, почему-то подумав, что так скорей добьется ответа.

— Кычкырма! — пришел дребезжащий ответ, и челюсть татарина отвисла от удивления. — Не кричи!

— Полиглот, блин, — только и смог сказать Наиль.

— Гаврира говори, чтобы мы с вами тоже работали. Говори тебе, Серрей, двоих моих сыновей в долю взять. Говори, что уже сделал долю, две доли сделал, — говорил меж тем старик. — Они хорошие, любят землю, а земля руки любит. Возьмешь?

— Возьму, — проворчал Серега. — Пусть завтра приходят, к шести утра.

По дороге на «усадыбу» Наиль наклонился к уху Шпакова.

— Видал, какая там девка есть? Краса, а не девка!

— Какая девка? — ворчал Шпак. — Знать не знаю никаких девок, своих хватает...

— Погоди еще, увидишь, — пообещал татарин. — Челюсть-то отвиснет.

Крышу гаража к вечеру уже застелили рубероидом. Хорошо прожит день. Славно...

* * *

Утро выдалось теплым и солнечным. Ближе к середине августа — на улице, при выходе из дома, чувствовалась ночная ясная свежесть, хотя к полудню воздух обещал накалиться до марева. Но сейчас, в пять утра, едва ли больше десяти градусов, на траве — обильная роса.

— Сыма на грузовик поставим, раз это «его доля», — говорил Андрюха Шпаков. — Ма — на веялку и просушку. Я с Серегой на комбайн. Ты, Санек — на косилку. Наиль тебе поможет.

Пришлось повозиться в гараже — постоянных точек смазки у старенького «Дона» — шестьдесят девять штук. Заодно Саша починил планку на мотовиле. Китайцев не было. Это странно — обычно они приходили даже раньше. И мобильник не отвечал.

— Санек, они документы не хотели выправлять? — поинтересовался Шпаков, подходя к другу, вытирая черные руки промасленной ветошью.

— Сейчас стоняю до них, — угрюмо отозвался Александр. — На грузовике. Вы технику выводите. Душно сегодня. Может они сразу на поле пошли?

— Вряд ли... — отозвался Андрюха. — Гроза будет?

Сашка неопределенно пожал плечами, вскочил в кабину. «Уродец» завелся, как обычно, с полтычка, едва прикоснулся к проводам. Нет, Гаврила в этом отношении молодец. В технике разбирается виртуозно. Как же иначе? Только так можно собрать брошенный тридцать лет назад в канаве грузовик.

Саша решил проехать по окраинам, хотя наверняка знал, что патрульные еще спят. Семь часов, редкие прохожие, сторбленные, словно пришибленные утренней свежестью, спешили в город, на работу. Александр уже хотел свернуть к «Китай-городу», но успел заметить, благо, что из кабины грузовика обзор — как с высоты птичьего полета, по сравнению с легковушкой. Он бросил машину в сторону, в подлесок, по инерции, не дав на газ — еще не дай бог услышат рев движка...

У «Китай-города» стояли патрульные машины, пяток грузовиков обманчиво-голубого

цвета, суетились люди в камуфляже.

Саша осторожно вышел из машины, оставил дверцу открытой — все равно никто не позарится на развалюху. Вышел на дорогу и решил идти открыто, не прячась по кустам — кто знает, может у этих, в форме, есть приказ стрелять на поражение? Может быть, они знают и понимают?

Ни черта они не понимают. До них еще не дошло — кто такой Гаврила? Выставили окружение по периметру и думают, что все под контролем.

Его заметили, двое в сине-голубой форме с разводами, придерживая автоматы, двинулись навстречу. А Саша смотрел, как из «Китай-города» остальные вытаскивают какие-то мешки, внутри звенит железо, снаружи, под дулами автоматов лежит десяток фигурок, женщин столпили в кучку в стороне, вместе с ребятами. Они выглядели такими маленькими по сравнению с окружившими их гориллообразными спецназовцами. Китайцы не голосили, не кричали, просто стояли и лежали, и даже не смотрели, как здоровенные бездельники уничтожают пекарню, втаптывают в грязь ткань, вспарывают мешки с зерном, взламывают открытые двери. Саша знал, что здесь нет ни одного замка, однако входные ворота для чего-то сорваны с петель.

— Стоять, — скомандовал один из подошедших, толстощекий, огромный мужик с автоматом, бородатый, вылитый богатырь с картины. Александр иногда смеялся над их формой. Все лето спецназ ходил в голубом, словно не успел переодеться по весне, а потом, ближе к холодам, они напяливали хаки всевозможных зеленых оттенков. Почему и какая в этом логика?

— На тебе пахать надо, — заявил в ответ Сашка. — Отъел рожу. Двери-то зачем выбили? Твоя харя не проходила?

— А ну-ка, милок, ляг не землю, — почти ласково сказал богатырь. — Руки за голову, — рявкнул он через секунду. — Документы мы сами поищем, — уже будничным, отрешенным тоном.

Сашка немного подумал, и решил выполнить приказ. Но только чуть позже, чтобы насладиться собственными ощущениями. Два автомата смотрели на него маленькими черными глазками, словно удивленно, не понимая — а чего он не боится?

— Сейчас вас всех завалят, — сказал Саша, вскинул руки за голову, повалился на траву. Он уже чувствовал, как чувствовала Полина, как чувствовали все — Он приближается. Он уже здесь, неотвратимый, неостановимый и разъяренный. В нем пробудились чувства, как и в каждом человеке, но что значит человеческая ярость, даже самая неистовая, по сравнению с яростью сверхчеловека?

Гаврила появился внезапно, словно вынырнул из-под земли. Сашка смотрел с земли, сквозь высохшую траву, во все глаза. Он знал, что беловолосый берсерк, в которого превратился Гаврила, не будет разговаривать, не будет слушать. Они пришли незванными, и тоже не хотели разговаривать и слушать. Просто пришли и начали разрушать, а только потом предъявят бумаги, что все санкционировано. Гавриле не нужны бумаги. Против него стояла агрессия — и он противопоставлял ей в сто крат большую. Один из грузовиков будто смяло ударом гигантского кулака — видимо, он чем-то мешал. А может — это было предупреждение? Чтобы те, в форме, успели хоть что-то понять за долю секунды, отбросить опасное теперь для них самое оружие, повалится, молча и угрюмо, на землю — и тогда у них, может быть, появился бы малюсенький шанс выжить. Но, конечно, никто и не подумал этого сделать. Воины схватились за оружие — и Сашка усмехнулся, понимая, что в радиусе

километра, скорее всего, уже не работает ни один «ствол», что электричество уже взбесилось, и аккумуляторы рвутся в гнездах, а ветер гасит все посторонние шумы.

Двое в синей форме превратились в окровавленные сгустки мяса, даже отсюда видно, как хлынула кровища. Он просто разорвал их, двоих, на четыре равные части. Двое, что задержали Сашу, напрасно рвали затворы автоматов. Два камня, простых булыжника, принесли как астероиды. Сашка зажмурил глаза, пытаясь не слышать, как с лязгом валятся тела, и забыть тот страшный, кричающий звук, с которым гранит крушит податливые черепа.

— Булыжник, мать его перемать, оружие пролетариата, — прорычал он, вжимаясь в землю, стараясь не попасть под горячую руку. Пару раз к небесам взлетали вопли — один раз исполненный боли, низкий, словно звук рога, и еще будто кричала женщина — будто на последнем издыхании.

Саша подумал, что вполне может подойти и пнуть трупы. Просто так, подойти и пнуть — ведь они тоже хотели его оскорбить, хотели, чтобы он лежал, жрал землю, может быть — молил о пощаде. Это их работа — унижать, пугать, убивать, это называлось законом и порядком, дисциплиной. И, в конце концов, они достойны этого. Они плохо выполняли свою работу. Они не умели, не знали, болваны, или оболваненные, все равно. Пришли к самым слабым, к самым маленьким людям, к женщинам и детям, живущим как мыши — без документов, без надежд не только на светлое, но и просто — на будущее. Огромное, великое государство, которому наплевать на людей, потому что государство это не люди, это даже не организации. Это просто фикция, все выживают, кто лучше, кто хуже. Но даже бесправные имеют право на защиту. В Америке, говорят, есть закон, по которому это право может подтверждаться оружием в руках. Но у Гаврилы нет никакого оружия. Он сам — как оружие, и когда защищается — ему все равно, кто и что противостоит сверхчеловеку.

— Понял меня, ублюдок? — сказал Александр.

— Ты понял меня, сука? — заорал он, и пнул мертвого «богатыря». — Прошло твое время, сволочь! Работа у тебя такая? Получи результат, падла!

Александр открыл глаза, когда точно понял, что все кончено. Он поднялся, отряхнулся, стараясь не смотреть в сторону тех, кто еще недавно думал, что все в их руках. В смерти нет ничего страшного. Но все равно смотреть не хотелось. Тогда он силой заставил себя поднять глаза. И точно, ничего страшного, просто два тела в голубых хаки валяются в траве. То, что у них почти нет голов — это не страшно. В жизни они, головы, может и были, но мозгов в них точно не хватало — злорадно думал Александр. Отец как-то рассказывал, что на занятиях по анатомии приходилось спускаться в холод анатомички, открывать чаны с формалином, доставать оттуда части, которые сегодня будут изучаться лабораторно. Говорил, что там плавали и целые тела, и просто руки, ноги, кишки, головы — по отдельности. И ничего страшного — маска, перчатки, багор — вот и все, что надо.

Жаль, что им не больно. Жаль, что нельзя воскресить и убить еще раз. Ведь они даже не поняли, даже не успели спросить: «За что?». Уж Саша бы объяснил, попробовал бы вбить в тупые головы, что и за что.

— Сладко есть, крепко спать? — ревел Сашка и бил беззащитные тела. — Жри землю, козел! Лежи смиренно, мудила! Жить хорошо хотел — вот и сдохни!

Это было невероятно. Он чувствовал, как сладостно пахнет воздух, как мирно шелестит трава, как приятно стоять рядом со смертью и насмеяться над ней.

Зашуршала земля, тела начали проваливаться под землю, Саша даже отскочил от неожиданности, а потом спохватился, стал стаскивать автоматы, расстегнул подсумок. До бронжилета уже не добраться. Да и черт с ним, мешается только. Два ствола и пять полных магазинов — уже неплохо. И когда придут спрашивать — откуда взял, с кого снял — он ответит огнем.

Гаврила стоял на площадке, перед выбитой дверью, водил головой из стороны в сторону, и под его взглядом расступалась земля, проваливались голубые изломанные тела, провалился по кабину сплюснутый грузовик. Остальные стояли нетронутыми. Гаврила посмотрел на подошедшего Сашу.

— Оружие тебе сдать, — угрюмо предложил, но ни в коем случае не спросил Александр.

Гаврила отрицательно покачал головой.

— Глупо, — произнес он, обозревая окрестности. Саша огляделся вокруг — ничего глупого в ситуации он не находил. Да, пекарня разрушена — это нормально, любая техника ломается, так или иначе. Зерно и мука рассыпаны по земле — тоже бывает. Хлеб горит, это, конечно, страшно... А потом Саша понял, куда смотрит, а точнее — старается не смотреть Гаврила. Маленький сверток, кулечек на траве. Видимо, мать положила, опростоволосилась. А поверх белоснежной простыни — рубчатый след солдатского сапога. Бывает. Не страшно. Жалко, что нельзя их еще раз воскресить, и уже не спрашивать, а вырвать ногти на пальцах рук и ног, вспороть с мягким треском живот и с наслаждением смотреть в глаза, наматывая на локоть вонючие кишки...

— Нормально, — сказал Саша. — Эй, Чжао, твои на работу пойдут сегодня?

— Са, — старый китаец всегда так называл его. — Са, много-много работа. Здесь работа.

— Понял, — угрюмо отозвался Александр, развернулся и пошел к грузовику. Странное дело, но мотор завелся.

В мастерскую Саша приехал в восемь двадцать (он решил запомнить время — на всякий случай). Достал из кабины автоматы и магазины, бросил на верстак. Его до сих пор трясло, хорошо, что все уехали, иначе бы сорвался в истерику, начал бы орать и мазать соплю по лицу. Шпаков, верно, подумал, что Саша все равно привезет китайцев, и отправился на поле. А он так и сделает! Без китайцев, конечно, но приедет, и не будет ничего рассказывать. Зерно все равно надо убрать — предстоят тяжелые времена. Он чувствовал это, ощущал нутром, каждая жилка тела вибрировала от напряжения, но надо успокоиться. План составлен уже давно, со всеми подробностями, с мелочами, которые иногда превращаются в гигантские проблемы. Надо только взять с собой оружие...

Шпак за шумом комбайна не пытался ничего сказать, только многозначительно показал на запястье левой руки, напоминая: «Время!»

— Знаю! — прокричал Саша и подстроился под рукав комбайна, принимая в кузов поток отливающего золотом зерна. Потом напряг легкие:

— Китайцев не будет! Потом расскажу!

Сергей понимающе кивнул и показал на горизонт. Но Саша уже и сам заметил дымку на

востоке. Солнце всходило и палило, воздух дрожал, и духота, что бывает перед сильным дождем, наполняла пространство. Да, сегодня будет гроза, сильная гроза...

Первые крупные капли забарабанили по земле, по крыше грузовика, но дождь уже не страшен, тем более что груз закрыт куском старого брезента. Сделано уже шесть ходок, это седьмая. Значит — по меньшей мере двадцать восемь тонн, шесть или семь гектаров. Хорошо! Александр заглушил мотор, забрался в кузов, сдернул брезент. Зерно в полумраке уже не казалось золотым, оно больше отливало белым, и стоял запах — пряный и сладкий одновременно, еще не пыльный, с примесью каленого железа и резкого солярочного перегара, запах только что убранного зерна. Кузов начал подниматься — видимо Андрюха решил не медлить. Александр скатился вместе с зерном, радуясь, как в детстве, малейшей шалости, схватил деревянную совковую лопату, стал выравнивать, направлять монолитно шуршащий поток.

— Отъезжай! — крикнул он, когда первая тонна легла на обитый тонкой металлической сеткой пол. Двигатель завелся, грузовик отодвинулся на пару метров, еще выше задрался кузов.

— Хорош! — закричал Саша. Он любил это время, любил работать допоздна, считать каждое зернышко, каждую картофелину, каждый мешок, каждую тонну. Это было невероятно приятно — видеть результаты своего труда, чувствовать, как отлилась в зерно каждая капля пота, как впиталась в светлый клубень усталость, как десятки литров топлива, центнеры удобрений, тонны навоза, тысячи часов непосильного труда превратились в самое настоящее золото. Это была жизнь — во всей ее красе и тяжести, упорная, желанная, великолепная в своей законченности. И смыслом этой жизни становились слова Шпакова, который каждый год подводил итог такими словами, оглядывая товарищей голубыми, веселыми, шальными от труда глазами:

— Куда лишку девать будем?

Андрей выпрыгнул из кабины, пошел к двигателям, чтобы запустить поток воздуха под настил, под зерно, взбить пыльные фонтанчики. Александр ждал рева вентиляторов, но ничего не происходило. Тогда он выбрался из зерна, отложил лопату и столкнулся с Серегой нос к носу.

— Электричества нет. Пойду генератор заведу, — произнес Павин будничным голосом и направился к мастерским.

Саша посмотрел ему вслед. Все-таки хороший парень — Андрюха Павин. Маленький, щуплый, но вовсе не худой. Одежда на нем всегда чуть болталась, и, не смотря на маленький рост, Андрей был плохо сложен. Зато он был, как это говорят — «крепко скроен». Сильная квадратная спина, толстая поясница, намек на живот, кривые ноги, маленькие, короткие руки с тонкими ладонями. И не смотря на все это, Серега запросто вскидывал на плечо пятидесятикилограммовый мешок, да и на сенокосе не отставал от остальных — копны брал не хуже вдвое больше весящего Шпакова. Еще у Андрея имелась удивительная и очень полезная способность. Стоило ему выпить водки — буквально стопку или две, — как его тянуло спать. Глаза становились осолопевшими, на лице появлялась глупая ухмылка; после третьей Павин переставал связно говорить, выговаривал только гласные. После четвертой Андрюха неукротимо валился на стол, на траву или под лавку, спал и просыпался свежим, как огурчик. Поэтому никогда не впадал в запой, не стыдился вчерашнего, не болел головой с похмелья.

Из мастерской послышалось кряхтенье генератора, пахнул дым. Сашка поморщился — топливо генератор жрал безбожно.

— Часик подержим, выключим, а перед уходом еще включим, — подошел Андрюха. Он хотел еще что-то сказать, но замер на месте.

— Налоговая, — прошипел Сашка.

Человек в костюме, с зонтом и папкой под мышкой вышел из «каморки», что приткнулась к мастерской. За ним выпрыгнули двое — с автоматами. Утробно квакнула сирена — и тотчас стали появляться люди, не только мужчины, но и женщины. Но больше всего, конечно, милиции. Они словно бы и не обращали внимания на двух работяг, ходили, словно по собственной квартире.

— Постановлением суда Судуйского района за номером... от числа... года... вам запрещается трудовая деятельность, на вас накладывается штраф за несанкционированное использование земли, весь урожай и техника берется под арест, — скороговоркой проговорил подошедший «пиджак с папочкой».

— А вы чего прятались? — спросил Сашка, все еще в недоумении от увиденного.

— Эй, куда! — прикрикнул он на того, кто полез в кабину грузовика. «Автоматы!» — бешено пронеслась в голове мысль. — Там бак дырявый, счас замкнешь чего — костей не соберешь!

Спецназовец с хрюканием вылез, держа в каждой руке по «Калашникову».

— Смирнов Александр Сергеевич, вам предъявлено обвинение по пунктам Уголовного Кодекса...

Человек в майорских погонах говорил что-то еще, но Сашка уже не слушал. Перед глазами стояло лицо Наташи, навалившаяся усталость сминала плечи.

— Это не мое, — огрызнулся он. — Знать не знаю...

— Свидетельские показания... — завел песню майор.

Александра замутило, он почувствовал, что еще мгновение, и рухнет в обморок.

— А вот и понятия пожаловали, — усмехнулся «гражданский», указывая папочкой за спину Саше.

— Что такое? — раздался голос Шпакова.

— Ай, беда-огорчение! — подхватил Наиль.

Поворачиваться не хотелось. Позади друзья, товарищи, хорошие люди, которых он все-таки подвел, которые сейчас не захотят свидетельствовать против него. Или захотят? Не захотят — заставят...

— Я — Гаврила. Работаю с вами, — произнес сквозь шум дождя светлый и сильный голос. И тотчас необыкновенная тишина заполнила все вокруг, словно капли перестали барабанить, перестал кашлять генератор, выть сушилка, вмиг стихли разговоры. Сашка почувствовал, как сила и уверенность возвращаются, пальцы стали железными, сжались в кулаки.

— Вы задержаны! — закричал майор. — Стрелять! На поражение! — и закашлялся, словно поперхнулся словами.

Лязгали затворы, люди в хаки странно запрыгали, кто — на корточках, как лягушки, кто — на прямых ногах, будто козлы. Женщины в юбках рванули курицами к милицейским машинам. Правильно, негоже бабам лезть в мужиково дело! Гаврила шел, легко ступая, поглаживая правой рукой болтающийся у бедра автомат с куцым стволом, с толстым магазином.

— Бегите! — заорал вдруг Сашка. — Беги, сволочь! Чего уставился, морда?!

Он оттолкнул «папочку», пошел прямо на здорового детину, который с все возрастающим недоумением на лице жал на спусковой крючок маленького в его руках автомата.

— Один на один! А? Гад... паскуда... урод поганый... падла... — говорил врасстяжку Сашка, сгребая с земли арматуру. И тотчас в груди словно лопнул пузырь, отдавшись в легкие, в глаза, в уши, в руки, в мозг. Сашка уже не кричал, берег дыхание, все предметы вокруг стали необыкновенно четкими, ноги сами собой согнулись, и со всего маху, сверху вниз — по незащищенным ногам, по сухой кости. Раздался треск — Гаврила стрелял одиночными, быстро, по одной пуле — на каждого.

— Так тебя! — выдохнул Саша, взметнул свое оружие и обрушил на каску, на ненавистные глаза, полные недоумения и боли. Только потом заметил, что спецназовец уже мертв — пуля прошла сквозь бронежилет, остановила сердце. Гаврила менял магазин, Сашка подхватил оружие убитого, поставил предохранитель на «одиночный».

— Ложись, — тихо сказал Гаврила. — Я сам.

Гигант пошел, легко перешагивая через трупы, быстро водя тупым стволом, изрыгая пламя: вправо, влево. Завизжали женщины. Потом все стихло. Саша поднялся, за ним — все остальные. Шпаков обалдело мотал головой, Наиль криво ухмылялся:

— Первый раз вижу... Как котят, а?

Андрюха Павин спросил, невозмутимо отряхивая штаны:

— А кто это?

Гаврила выбирался из зарослей крапивы, автомата при нем уже не было.

— Поговорим? — предложил он.

— Еще как, — проворчал Шпаков.

— Завтра мы смещаем власть, — поверху прошла вспышка, громыхнул раскатисто гром. Саша поморщился — все это походило бы на второсортный боевик. Если бы не тяжесть автомата в руке. Если бы не три десятка трупов вокруг, треть — женщины. Если бы проснуться...

— Власти больше не будет. Мы так решили. Для себя.

— А мы куда? — с нажимом спросил Шпаков. Саша заметил, что Серега втихарца тоже взял «калашник», спрятал за широченной спиной.

— Против или вместе — нам все равно. Вы — живите. Вы — хорошие, — Гаврила расплылся в улыбке. Он стоял, один против четверых, такой жизнерадостный, такой обезоруживающий, что хотелось улыбнуться в ответ.

— Почему? — спросил вдруг Наиль.

Улыбка погасла на лице Гаврилы:

— Они не выживают. Не живут. Хотят жить за счет других. Вы живете для себя. Честные. Самая близкая пропорция. Разум и желания. Тело и мозг. Другие — плохие, патологическое развитие, — гигант словно рубил воздух словами. — Мы изменим кое-что в мире. Не волнуйтесь, временно. Некоторых законов не будет на время, остальные мы отменяем. Человек не должен жить по выдуманным законам. Законы природы неизменны. Мы некоторые на время отменим. Трудно говорить словами. Нет сути. Плохой способ передачи информации. Это оружие может стрелять, — добавил Гаврила ни к селу, ни к городу, развернулся и исчез, растворился в сгушающемся мраке, в пелене дождя.

Кашлял генератор, сипел воздух под зерном, а четыре друга стояли под дождем,

наблюдая, как медленно уходят под землю трупы, оставляя на мокрой траве оружие и подсумки.

— Это оружие может стрелять, — медленно произнес Наиль.

— Андрюха, выключи ты генератор, — бесцветно сказал Шпаков.

— Это оружие может стрелять, — повторил Наиль. — А остальное, получается, не может, — хитрющая азиатская усмешка озарила его лицо. — Комбайн мы в лесу оставили. Горючка кончилась. Надо брать на завтра литров сто сразу.

— Да погоди ты с «завтра», — рывкнул Шпаков. — Сегодня бы прожить. Ах ты мать-перемать за четыре ноги! Сашок, ты нам хотел об этом рассказать? — Андрюха указал дулом в землю, на которой только что были тела.

Александр с удивлением посмотрел на друга. Да, это только с виду Серега — увалень. Соображает быстро, умен, чуть ли не телепат, даром рожа — кирпичом... Силен, сообразителен, прошел армию, вся юность в лесу, вся молодость — в цеху, все умеет, любую железку в дело приспособит... Отличный солдат...

— Поехали домой. По дороге обмозгуем, — приказал Шпаков. Он старался не выдавать нервного напряжения, старался быть таким, как всегда — сильным, уверенным в своей правоте. Но все видели, как дрожали пальцы, как посинели губы. Серегу трясло. Наиль улыбался своей фирменной улыбочкой — такую Саша уже видел пару раз, перед тем как татарину выпадало резать баранов на «курам байрам». Он собрал все оружие, которое только смог найти — или, точнее, — которое им оставил Гаврила. Андрей Павин поминутно облизывал пересохшие, побелевшие губы. Но тревога и страх товарищей не передались Александру. Он давно ждал этого, мечтал, готовил планы, и когда понял, что его мечта осуществима — больше не боялся.

* * *

Вечером они собрались снова в квартире Наиля. Саша едва подавлял желание встать, заорать что то яростное, схватить один из автоматов, которые Наиль разложил на полу в маленькой комнате. Спокойно, брат, спокойно. Только по началу кажется, что революция — это приподнятое настроение, веселые лица, яркие краски, много дел и все удастся. Черта с два — удастся! Читали, помним, знаем. Много писали добровольные наблюдатели революции, много наговорили про апатию, про полный упадок, про разгром и разруху. А вы что думали? Революция — это как ремонт — приступать надо с серьезностью, морда кирпичом, хочется — не хочется, а делать надо. Всю мебель убрать, люстру красивую снять — и сразу тусклой, холодной и чужой кажется комната. Потом надо обои старые срывать, пылью давиться. Потолок соскребать, дохлых тараканов килограммами выносить, ломать, крушить, выдирать — чтобы потом, уже даже без любви, но с остервенением — делать заново, аккуратно, точно, филигранно. А пока терпите кислые морды и всеобщую апатию. И аресты терпите, и расстрелы, и виселицы из каждого фонарного столба. Так она делается, революция. По крайней мере здесь, у нас, в Судуе...

— Ну, что решим? — прогрохотал Шпак, выпил свой полстакана, многозначительно посмотрел на Павина. Андрюха все понял и протянул ему свою стопку — Серега высосал ее не закусывая. Сразу налил еще по одной.

— Думаю, валить их надо, — задумчиво протянул Наиль, почесывая подбородок.

— Кого? — проревел гигант и опрокинул в пасть еще полстакана. Снова спросил, но уже сипло и тихо:

— Кого ты валить собираешься?

— Кого Гаврила валит, того и нам надо валить, — сказал татарин.

Все смотрели только на него. Шпак — вытаращив красные глаза, Павин — почти с благоговейным ужасом, а Александр — с интересом. Он вдруг услышал внутри самого себя шум, и понял, где его слышал. Яростный крик, не звук, не буква, не слово. Так кричат победители на развалинах побежденного города. Оскалив зубы, руки по локоть в крови, брови и ресницы сгорели в пламени пожаров, глаза готовы выскочить из орбит, усталость в каждой мышце, ни одной мысли в голове... Свобода! Свобода! Свобода, равенство, братство! Так ликует победивший раб — уничтожив каждого, кто мог сопротивляться, кто мог отнять у него самое ценное — жизнь; кто давно уже отнял душу. Даже в древней Греции душа раба не принадлежала господину — вспомнил Саша.

Тысячи фамилий в списках, сотни безликих личностей, десятки алчных рож, среди которых — большинство женские. Они приходили и приходят до сих пор, они не могут вынести, что четыре мужика вдруг захотели работать на честь и совесть. Они не могут понять, что в современном обществе кто-то не хочет становиться рабом, не хочет слушать идиотские законы, выполнять дебилские распоряжения и драконовские запреты. Александру вдруг пришла в голову мысль, что так называемое демократическое государство есть высшая форма расизма. Коммунисты говорили, что избранными людьми могут быть только те, кто работают руками — рабочие и крестьяне. Фашисты не делали различий, а объявляли избранным весь народ, без скидок, без разбора подводя черту избранности под любым представителем арийской расы. Но демократы... Да, это страшно — понял Саша. Это не просто страшно, это ужасно, совершенно бесчеловечно, мерзко и отвратительно. Молодой человек никак не мог понять, почему не видел этого раньше. Теперь избранными объявляются не рабочие, не арийцы, а кучка так называемых выборных представителей. Ведь демократия зародилась при рабстве, она была частью рабовладельческой Греции. Рабство, понял Александр, — это важнейшее условие демократии, да и любого государственного строя, если быть до конца честным. Сегодня в рабах у государства не взятые с бою варвары, а собственные граждане, добровольно порабощенные и забытые до последней степени. И властители, которые так отчаянно отстаивают свою «просторожденность»; с пеной у рта доказывающие, что они выбраны за собственные заслуги; люди, не считающие остальных за людей — они и есть самая гнусная пена расизма, так называемой избранности, алчные столпы вседозволенности. Раньше князь шел впереди войска — современный президент и носу не кажет в завоеванную страну. Король или император были лишь первыми среди равных. Вождь племени избирался не общим собранием, но собственной силой или хитростью. А в принципе — не все ли равно? Они пришли, чувствуя за собой силу — милицию и армию. Так пусть же они почувствуют нашу силу, буйную и всемогущую. Пусть выйдут двадцать тысяч трудяг, и на трупах ста тысяч бездельников кричат, орут и скандируют извечное: «Свобода! Свобода! Свобода!» Потом мы разойдемся, успокоимся, закопаем трупы, и снова возьмемся за работу... До следующего раза, когда ленивых гнид снова станет слишком много, когда, вместо того, чтобы вылавливать по одной, легче сбрить все волосы или, еще лучше, срубить голову честной сталью. Мысли неслись, словно тройка буйных коней, грязь и брызги кровавого снега по обочинам, лес рубят — головушки летят.

Прав татарчонок. Сто раз прав. Это же как два пальца об асфальт. Два раза заявлялась милиция, даже не милиция — власть — и оба раза Гаврила заступился за трудяг. Но не просто заступился. Он им оружие оставил. Настоящее оружие, с патронами, много стволов, девятнадцать штук, если считать те два, который Саша забрал от «Китай-города». Не китайцам оставил, это Александр тоже заметил. Четверым мужикам, которые огонь проши, и воду, и медные трубы.

Наиль медленно выпил свои сто грамм, вымучено улыбнулся.

— Давно хотел посмотреть, какая у нашей власти кровь, — проговорил татарин. — Мою-то они видели, много выпили. Мой черед пришел. Если хотите, сидите на задницах ровно. Сам все сделаю, — с этими словами татарин достал мобильный телефон, набрал номер.

Шпак налил себе полный стакан, снова выпил — одним махом, только огурец жалобно хрустнул на зубах.

— Ладно, Наиль, понял я тебя, — сказал тогда Серега. — Страшновато мне, но уж будь спокоен — я на твоей стороне. Неужели бы я смотреть стал, как эти козлы Сашку уводят, да наше кровное своими пломбами покрывают. Чтобы мой трактор, мое зерно... и еще работать мне запретили... Вот им, выкуси, — громадный кулак обрушился на стол.

— Сломаешь, — спокойно сказал Наиль, потом улыбнулся, затараторил в трубку:

— Салам. Как дела? Няря ишлейсен? (Что делаешь?) Равиль, руки в ноги. Киль манде (иди сюда) как стрела в заднице. Ун (десять) минут даю. Я не шучу. Давай... Ага, и тебя тоже...

— Брату звонил? — спросил Саша, и добавил, дождавшись, когда татарин кивнет:

— Я с вами иду.

Они вышли на улицу в полночь. В окнах горели огни — белые, зеленые, красные, но больше всего, конечно, желтые. Когда-то Саша любил смотреть на окна в ночи. Он выискивал в хаосе знаки и буквы, удивлялся неожиданным открытиям, представлял, что за каждым огоньком — жизнь, судьба, трагедия, радость, счастье, пьяные разговоры, маленькие тайны. На улицах никого не было — вообще никого, только редкие кошки. Давненько Саша не гулял по ночному городу. Темнота приняла в свои объятия, придала уверенности. Саша как-то прочитал, что человек раньше был ночным хищником — и ему понравилось прочитанное. Тогда он был молодым, веселым, бесшабашным. Ночь и ночной город казались гораздо родней, чем солнце, и залитые светом улицы. Темноты и неизвестности боится лишь слабый; ночь — помощник смелых и сильных духом. В тьме и холоде чувства обостряются, есть шансы нанести удар первому, есть возможность уйти, спрятаться, отлежаться до более удобного момента.

— Сколько их было? — спросил Наиль.

— Не меньше трех десятков — у китайцев, — тихо отозвался Александр, сразу поняв — о ком спрашивают.

— Семнадцать у вас, — сказал Равиль.

— Итого сорок семь, — подсчитал Саша. — В городе три района, на каждый район — по отделению. Плюс батальон спецназа. Плюс центральная ментовка. На Свердлова — особый отдел... Еще школа, и рота сопровождения на окраине, в Давыдовском... Семь частных, но ЧОПы пока не берем...

— Плюс оперативники, отделы по несовершеннолетним, рота быстрого реагирования, сплошь краповые береты, полк десантников...

— Военных не трогаем... пока...

— Надо звонить...

Саша поразился такой простой идее. Действительно, стоит лишь позвонить, и примчатся, уверенные в своей силе и правоте, способные сделать лишь одно — забрать всех сразу, но, конечно, не виноватых... Виноватых потом искать будут...

— Звоним, — мгновенно решил Саша.

Втроем, под сенью увядающих берез они поспешили к ближайшему телефону-автомату. Три смертельно опасные тени скользили над землей. Предохранители — на автоматическом огне, по четыре рожка на брата.

— Ноль — два, — сказал Саша, не решаясь нажимать цифры.

— Дай я, — рассмеялся Наиль. Он буквально вырвал трубку из рук.

Наиль Саше нравился. Обрусевший татарин, знающий по-татарски лишь «здрассте — иссямя» и послеобеденную молитву, Наиль был абсолютно восточным человеком, с азиатским, как говорил Шпаков — «хитрожопым» складом ума. Наиль всегда улыбался — даже когда дело принимало серьезный оборот. Но не широкой американской улыбкой, а краешком губ, пряча за веселостью насмешку и абсолютную уверенность в том, что все будет так, как он захочет. Иногда казалось, что Наиля легко обхитрить, обвести вокруг пальца. Очень просто было поймать его на шутку, даже высмеять, но непонятным образом шутнику становилось не по себе, когда Наиль начинал смеяться. Казалось, что он смеется не над глупым положением, в которое попал, и уж тем более не над собой — но над тем, кто сыграл шутку. В его лукавой усмешке всегда ясно читалось — такой взрослый, а ведет себя подобно несмышленому ребенку. И драться Наиль умел здорово — никак не скажешь, что этот хлюпик может запросто войти в толпу, за секунду «вырубить» обидчика, и сделать это с такой жестокостью, что остальные застывали в столбняке. Саша однажды видел, как Наиль шел по улице, и из толпы молодчиков нелестно отозвались о новой подруге татарина — высокой и длинноволосой Наташе. Наиль развернулся, настиг молодежь, улыбнулся еще шире, протянул руку пересмешнику — а потом ударил человека в челюсть: ладонью, со всего маху, так, что юноша глухо ударился об разогретый асфальт; а потом добавил ногой, обутой в рифленый ботинок. По лицу, как вратарь бьет по мячу от ворот; так что от смазливой физиономии осталось лишь кровавое месиво, даже крик захлебнулся в крови. Остальные не посмели сказать и слова — потому что Наиль снова улыбался, и смотрел, как всегда — только на одного, будто спрашивал: «Ты хочешь стать следующим?». Кстати, тогда оказалось, что вырубленный подонок был младшим сыном депутата городской думы и, по совместительству — директора крупнейшего в городе завода. Правда, когда Наиль узнал об этом, то тотчас же заявился к своей школьной подруге, которая к тому времени оказалась женой старшего сына distinguished директора. О чем они говорили — неизвестно никому, но Татьяна (так звали подругу) настоятельно не советовала мужу связываться с бывшим одноклассником. Может быть, Наиль ей просто улыбнулся? А она знала цену подобной улыбке.

— Милиция? Драка во дворе! Что? Чего? Двадцать пятый дом. У подъезда, человек десять. Вооружены. Елки зеленые, мне ребро сломали, я скорую вызываю! Да... Да! Со второго этажа я! Владимиров Илья! Двадцать шестая! Давай быстрее, там одного насмерть забили! Около подъезда! Двадцать шестая! Комната! Телефон? Какой телефон? Мой телефон? Мля, у вас чего, определителя нет? Я с улицы звоню! Нет телефона, это же общага, я больше не пойду! Да как хотите, мать вашу! Да пошел ты, козел! — Наиль бросил трубку и рассмеялся. Так он смеялся только тогда, когда остальные хохотали. Приоткрыв губу, блестя в темноте цирконием, вставленным вместо выбитых зубов.

— Сейчас приедут, — отсмеявшись, сказал он. — Тут недалеко. Метров двести. Бегом!

— Погоди, — спохватился Равиль. — «Пальчики» протри...

Саша побежал, придерживая автомат, вслушиваясь в план действий.

— Давно примечал, — говорил на бегу Наиль. — Там только один фонарь. Дорога в овраге, выезд со двора, развернуться негде. Саша, Равиль — вы на холмике у детской площадки. Я — в подъезд. «Козлик» приедет, в нем четверо. Два мента и два омовца. Сначала... — татарин замолчал, словно выжидая.

— Бензобак, — отозвался через секунду Равиль.

— Правильно, — одобрительно рыкнул Наиль. — Бензобак посередине, помнишь?

— Искандер, — Наиль в трудных ситуациях звал Сашу по-восточному — Искандером. — Если не сможешь, после Равиля просто жми на крючок. Я выжидаю пять секунд, потом вы не стреляете. Саша, помни, через пять секунд — не стрелять. Алла бирся! На позиции...

Если бежать по ночному городу, даже с оружием в руках, то на мгновение может показаться, что ты один во всем мире. Загнанный зверь, отверженный, из окон со злорадством наблюдают за тобой — таким беззащитным и слабым. Но вот ты плюхаешься на холодную землю, посреди города, в траву рядом с асфальтом; подтягиваешь автомат; глаза замечают каждую подробность, уши слышат каждый звук. Ты уже не беззащитен, но опасен и страшен. Ложь, ложь и еще раз ложь в том, что говорят, пишут, рассказывают про оружие. Оно не делает человека беззащитным, не притупляет бдительность. Неправда, чушь и ложь, либо так говорят и пишут те, кто носит газовые пистолетики для самозащиты, из трусости. Человек с автоматом — это зверь, самый большой и опасный хищник на земле, перед ним нет преград, все чувства обострены до крайней степени, а пуля отменяет все законы. Саша почувствовал, как сознание заполняет холодное и расчетливое неистовство. Затишье перед боем; ярость, готовая выплеснуться; злоба на пока еще неведомого врага. Бог и в самом деле создал человека, а Кольт сделал людей равными. Это истина, простая житейская истина, почти закон природы. Но кто-то решил пойти наперекор закону, отнять у человека право на нападение, право на убийство. Нельзя убивать, нельзя жестоко обращаться с животными, нельзя врезать по лицу мерзавцу. Эти функции взяли на себя даже не люди — но государство, аппарат, бездушная машина. Что дальше? Нельзя убивать комаров, нельзя отвечать на оскорбления, нельзя даже подумать о том, что иногда жестокость просто необходима? Вырасти амебой, рабом бесправным и беззащитным в любой ситуации — подставляй щеку, лижи руку тому, кто приходит за тобой, и имеет право сделать все — абсолютно все?

— Нет, — прошептал Саша. — Я не такой.

Он не будет больше таким никогда. Он большой, взрослый человек, в конце концов — даже член общества, коль общество состоит из людей. Не будет больше ждать, не будет пресмыкаться, даже не будет знать — как это возможно: оправдываться, искать лазейку, стараться вызвать жалость. Жалость? К кому? К нему? Опасному и жестокому хищнику? Ему не нужна ваша жалость, и он не хочет даже знать о том, что защита может быть запрещена. Против него государство? Что ж, тем хуже для него! Нападение — лучшая защита. Убей раньше, чем оно заметит тебя! Напади сам, природа выдала человеку разум — самый совершенное приспособление для выживания, позволившее выжить среди волков даже голой слабой обезьяне. Так почему нельзя воспользоваться разумом? За тобой придут — сегодня, завтра, послезавтра. Ты будешь защищаться, и только когда врагов станет слишком много — поймешь, что надо было раньше, надо было жестче, надо было даже не калечить, а убивать — как можно больше, как можно быстрее и эффективней... Жертва не ты, а они. Запомни, усвой это наконец, и действуй так, как подсказывает тебе твой товарищ и боевой друг — твой мозг, твоя самая большая мышца, твое бережно растимое и самообучаемое оружие — единственное в этом мире, полном опасностей... Просто постарайся уменьшить опасность... а потом будет потом...

Синенький уазик полз по дворам, фырча двигателем, ощупывая прожектором каждую кочку. Они искали жертв, и сами были жертвами. Александр хорошо усвоил урок — нельзя

жалеть, нельзя выжидать, нельзя, чтобы хоть один остался в живых. Машина остановилась у подъезда, внутри горели огоньки сигарет, люди размышляли, может быть — даже что-то чувствовали. Сухой выстрел раздался неожиданно. Стрелял Равиль, по бензобаку, но машина не вспыхнула, не загорелась, пуля была обыкновенной — со стальным стержнем, не трассирующая, и уж тем более не зажигательная...

— Твою... — проворчал Саша и сам нажал на спусковой крючок, чувствуя радость, второй раз в жизни ощущая, что сознание его — не просто погремушка для языка, но точный и совершенный инструмент.

Он выстрелил четыре раза — одиночными. Водитель. Напарник. Возможно на заднем сиденье. Двое. Равиль так же скупно жал на крючок, обалдуй, балбес, раздолбай... Пять секунд — Саша перестал стрелять, перевел предохранитель вверх, на «автоматический», чтобы залить все огнем, если у Наиля не получится... Но у него все получилось. Александр заметил только тень, дверцы машины открывались одна за одной, по два выстрела — сначала через стекло, потом — в открытую. Еще один — видимо, кто-то пошевелился. Наиль уже бежал на взгорок, кустами, пригибаясь, бросая тело из стороны в сторону, «качал маятник».

— Уходим, — бросил он, пристраиваясь в двух шагах от брата, дуло автомата бестрепетно посмотрело на ближайšie кусты, на помойку, на окна и подъезд общежития. Потом Наиль развернулся, тщательно прицелился. Выстрел, звон разбитого стекла на третьем этаже девятиэтажки напротив.

— Доносчику — первый кнут. Надо было свет отключать в прихожей, козел, — проворчал он. — Сейчас повалят. Через проезды уйдем.

— Когда они придут утром, то нам будет на пятьдесят двух легче, — жестоко подвел он итог.

— Отобьемся...

Когда уже подошли к своему дому на окраине города, то свет выключился. Саша плюхнулся в траву, думая, что «они» не стали ждать утра, что все это ради них, троих... Но свет погас везде — со взгорка видно, что потухли огни даже в заводских районах. Темнота и тишина окутала трех друзей. И гула машин не слышно.

— Они отключили все, — прошептал Александр. — Они уже начали «отменять законы».

— Это хорошо, — рассудительно ответил Наиль. После стрельбы на него напала странная отрешенность, он даже не крался по ночным улицам, а шел — спокойно, словно по своей земле, по своему городу. Но ведь это и вправду наша земля, — прозрел Саша, поначалу негодуя поглядывая на товарища, стараясь прятаться в тени.

— Хватит, Искандер, — сказал тогда Наиль. — Не надо прятаться. Надо идти спокойно, не вызывая подозрений. Они сами загонят себя в ловушку, попросят бросить оружие и поднять руки. Поверь, я успею выстрелить первым.

— А с другой стороны — это плохо, — продолжал Наиль, оглядывая притихший город. — Война объявлена, а на войне нет правил. Война — это обычное состояние человека, — добавил он, открывая дверь подъезда.

Прежде, чем зайти в свою квартиру, Наиль поймал Сашу за рукав:

— Подумай сегодня о том, как мы будем выживать завтра.

— Я подумаю, — пообещал Саша. А потом спохватился. — Я уже давно обо всем подумал.

Наиль вздохнул во мраке, и захлопнул за собой дверь.

Утром, в десять часов, в дверь позвонил Шпаков.

— Вы чего? — накинулся он с порога на Сашу. — Работать кто будет? Дело стоит! Пока есть время! Хоть семьи на первое время обеспечим! У меня будильник не сработал, вот гадство!!!

— Да погоди ты, — отмахнулся Саша, обтираясь полотенцем. Он встал в девять утра, и не стал никого будить, тем более что телефоны все равно не работали — даже мобильники.

— Пошли на кухню, — предложил он Сереге. Когда тот прошел, Александр включил газ — сразу все четыре конфорки, одну за другой. Привычного шипения не последовало. Потом открыл холодильник — трехкамерную гордость, купленную на деньги бывших «краеведов». Ни одна лампочка не горела. Сунул Шпакову в руки молчащую трубку радиотелефона.

— Шпак, ничего не работает, — сказал Саша рассудительно. — Не веришь мне — попробуй завести свою машину. Заодно и мою «ласточку» попробуй. Может, что и получится, — он сунул в потную ладонь Андрея ключи.

— Иди, — усмехнулся он, разглядывая возмущенное лицо друга. — Сегодня ручками, а в первую очередь головой придется поработать.

— Ну, гады, сговорились, — прорычал Шпаков, вылетая из квартиры.

Но, как не прискорбно, Саша оказался прав. Ни УАЗик, ни «ласточка» не завелись. Они даже не реагировали на ключ, не пытались врезаться стартерами. Стояли мертвыми кусками железа. От отчаяния Сергей полез в кабину собранного Гаврилой «урода». Два провода, болтающиеся под приборной стойкой, выскли друг из друга искру, мотор загудел, заработал, набирая обороты. Сергей выбрался из кабины, лицо горело, и он негодовал, рвал и метал от глупой шутки.

— Провода с аккумулятора скинули? — заревел он. — Кто в мой гараж лазал?

— Никто в твой гараж не залезал, — отозвался спокойно Саша.

Только теперь Шпаков заметил, что на улице слишком много народу для десяти утра. Поодаль стояли два мужика — Семен и Валера — соседи из общежития, нервно курили. На противоположной стороне дороги высыпали на скамейки старики. Носились ребятишки — но жена уже говорила с утра, что ребенка в садик брать отказались — не было воды и электричества. Около Наиля собралась чуть ли не вся татарская мафия их маленького городка. Шпак узнал Равиля, Ильдара, Ильяса — они часто приходили в гости к «восточному» соседу.

— Помнишь, что вчера говорил Гаврила? — спросил Александр, подавая Шпакову автомат с перевязанными изолентой магазинами. — С сегодняшнего дня власти не будет. Думаю, что никакой власти не будет. Не будет законов, не будет государства, не будет никого, кто может приказать. Помнишь, о чем вчера говорили мы? Возьми!

Шпаков привычным движением закинул оружие за плечо.

— Пошли, — сказал он.

Сначала они сели на скамейку вчетвером — Сергей, Андрей, Саша, Наиль. Шпак вглядывался в лица товарищей, и не мог понять, почему не видит обреченности, не видит готовности идти на заклание. А потом почувствовал, как налился тяжестью автомат за спиной. Как мрачная решимость заполняет все тело.

— Я не пойду в милицию, — тяжело обронил богатырь. — Сами пришли — пусть сами разбираются, — он почувствовал, что начинает накаляться, чувствовать силу, которой нипочем даже четверо молодчиков в переполненном дискотеке. Тогда они пытались обидеть его будущую жену — и Андрей дал понять, кто прав и кто виноват. Разбегались все — даже охранники, только он и Аня остались, а в руках — изломанная в щепу скамья, да еще четыре недочеловека тихонько поскуливают на полу.

— Мне работать надо! — заводил Шпак сам себя. — Мне семью кормить! Они ее накормят? Защитят? Может, мля, кто еще в постель вместо меня ляжет!? Убью, сволочей, в кровь, в мясо... Пусть захлебнутся!

— Никто не придет, — тихо сказал Саша. — Сегодня ночью мы завалили четверых. И будем валить еще. Их оружие наверняка не стреляет, — при этих словах Наиль показал циркониевые зубы. — Будем нападать, прикончим всех. Гаврила один, но очень большая стая собак может завалить и льва. Тогда они придут за нами — мы ведь свидетели и соучастники. Я их опережу. Это война. Моя война.

— Это и моя война, — радостно отозвался Наиль.

Вторым был Андрей. Шпаков даже не поверил, что Павин на такое способен.

— Я тоже, — сказал маленький человек. — Я тоже... буду... хочу... на войну, чтоб её... Только... это... как же ячмень...?

Шпак ничего не говорил. Он вспоминал — недели, месяцы, годы упорного труда, по колону в грязи, по двенадцать часов в смену на железе, сутками в поле, не разгибая спины, с песком на зубах. Саша прав — они все равно придут. Им нет дела, пока ты работаешь на них. Они озлобляются, когда ты начинаешь спрашивать за свой труд. Они выдумали правила, и негодуют, когда эти правила нарушают такие, как Андрей, как Саша, как Наиль. Они пришли только из-за того, что четыре мужика подняли брошенную землю, захотели работать на себя, а не на налоги и сборы. Сергей привык, что если что-то мешает работе — надо устранить, уничтожить это «что-то» — пусть валун, или поваленную на дороге сосну, разлившийся ручей, распоясавшийся овраг. И если начинает мешать не «что-то», а «кто-то», то их тоже надо уничтожить. Уничтожить государство, всех людей, которые на него работают — всех,

под корень, детей, стариков, пусть это будут учителя и врачи, пусть хоть экономисты с тремя образованиями, армия, милиция, конторы, суды, загсы, банки, комиссии, пожарные, спасатели, пограничники, тетки в паспортном, в гребаных ОВИРах, таможенники, железнодорожники, связисты, бухгалтеры, чиновники, депутаты, секретарши, нотариусы, министры, помощники и воры, белоручки, любой в хорошем костюмчике, в хорошей машине без траурной каймы под стриженными ногтями, загорелый, холеная, с сумочкой через плечо в годовую зарплату трудяги на заводе, яхтсмены, в отутюженной форме — особенно в форме! — как их много!

Но нет, Сергей не пойдет на них войной. Не сегодня, не сейчас. Надо еще урожай собрать... Но он будет готов, с этого мгновения — всегда готов встретить их с оружием в руках. Только так можно разговаривать с машиной. Железным инструментом, огнем и умением — потому что это все-таки машина. Все эти люди — просто части машины, болтики и винтики, и всегда можно отвинтить, закрутить, сломать, наконец. Они должны были понимать — на что идут. Если ты надел форму — будь готов к тому, что ты стал потенциальной жертвой, и абсолютно каждый имеет право напасть на тебя. Если не понимаешь этого — значит не было мозгов и не будет... Пусть попробует хоть кто-то прийти — и Сергей устроит им капитальный ремонт, кровавую баню, все умоются.

— Я сегодня на поле пойду, — сказал Шпак глухо. — Кто-то ведь должен вас кормить...

Александр скривился, Наиль с досадой отвернулся, а Сергей подтянул автомат к груди.

— А как же мы... без тебя? — спросил Павин.

— А вы, — отозвался Шпак. — Вы меня прикроете. Пока воевать будете, я что-нибудь придумаю. А уж как придумаю...

Неуверенная улыбка заиграла на лице Александра. Наиль оскалился, блеснул на солнце циркониевыми зубами. Павин протер ладонью вспотевший лоб.

С нами богатырь! На нашей стороне сила. Если уж Шпак решил думу думать — то такое придумает, что никому мало не покажется. Ни в денежном отношении, ни в вещественном...

Шпак встал, и друзьям показалось, что солнце скрылось, загороженное его необъятной фигурой.

— Заправим кровью бензобаки танков, — тяжело произнес Шпак первую строчку.

— Из тел врагов мы выстроим мосты, — твердо подхватил Саша.

— Зальем огнем чужую землю.

— Пусть на своей живут лишь я и ты.

— Хорошая песня, — прищурясь сказал Наиль. — Почему вы ее так редко поете?

— Редко когда она нужна, — подал голос Павин. — Какой у нас план?

— Так, — сказал Александр, чувствуя, что внутри все сжимается. — Наша единственная надежда — грузовик. Похоже, это единственное, что работает. Кроме оружия, — уточнил он. — У нас девятнадцать автоматов и по два-три магазина к каждому. Грузовик мы не отдадим никому. Ясно? А на поле по любому идти надо. Шпак прав... Наиль?

— Эй, соседи, балалар! — позвал Наиль всех со двора. — Сегодня собираем картошку. Знаю, рано, но нужно, иначе нечего будет собирать, — быстро проговорил он, заметив негодование на лице Шпака. — Ячмень оставим, вряд ли кто в этом году пиво варить будет. Ездить будем по две смены. Берем всех — жен, родственников, вообще всех — сто гектар это много. Двое на поле с оружием. Копаем лопатами. Увозим так — один в кабине с напарником, трое — по бортам. Стрелять на поражение. Не останавливаться. Двое остаются

в усадьбе и еще двое должны быть дома, здесь. Итого — одиннадцать стволов. Сколько нас? Семен, Валера, вы с нами? Балалар, вы с нами, или просто так?

— С вами, с вами, — отозвался бритоголовый Ильдар, самый высокий и здоровый из кучки малорослых татар.

— Итого десять человек, — сосчитал Саша. А потом решил: — Идем по соседям думаю, на халяву никто не откажется. Андрюха, объясни всем ситуацию и раздай оружие. Попробуй найти наших, заводских. Стаечников.

— Даже знаю, где искать, — проворчал Шпаков.

— На заводе, в раздевалках. Станки-то стоят, — вмиг догадался Андрей Павин. — Возьму машину.

Саша и Сергей переглянулись.

— Бери, — уверенно решил Саша. — Возьми всех татар. Езжайте вдоль окружной. Не «по», а «вдоль», — крикнул он вслед.

— Не учи отца, — пробурчал Павин. Он и вправду был старше всех в артели. — Чует мое сердце — ментам сейчас совсем не до нас. Они сейчас с Гаврилой захотят разобраться, — и коротыш рассмеялся низким, грудным смехом.

Труднее всего будет, думал Саша, объяснить все Наташе. Он вошел в квартиру и застал ее у окна в кухне. Она стояла, и глаза требовали объяснений, убеждений, желали, чтобы он остался дома и не дай бог...

— Помнишь, я говорил про трудные времена, говорил о войне, о революции? Вот они наступили, эти времена. Я не могу оставаться в стороне, иначе погибнем. Мы должны выжить и я приложу все силы, чтобы мы выжили. Сегодня едем на картошку, собирайся, — сказал он, развернулся и вышел.

Лев не должен объяснять львице, почему он убивает других соперников.

— Потому что новый самец убьет наших детей, — сказал он уже в подъезде.

— Санек, складировать будем в гаражах. Они под окнами, легко вести наблюдение даже одному, — говорил Шпаков.

— Если приедут стачечники, дома оставим не двоих, а четверых. Детей в поле не берем, — отозвался Александр.

Они открыли все четыре гаража, вручную выгнали на улицу Серегин УАЗик, Сашину «ласточку» — «копейку», Андрюхину «Мазду» и Наилину «десятку».

— В каждую яму убирается пять тонн, — считал вслух Серега. — Итого двадцать. Мы только с гектара столько соберем. А их там — сотня.

— Мы с тобой, Андрюх, самые что ни на есть «кулаки», — пошутил Саша. — Ничего, еще подвалы найдутся.

— Электричество надолго отключили? — поинтересовался Шпаков и ответил сам себе. — Надеюсь, что не навсегда. Вот тепла если зимой не будет — это труба. Конец всему.

— У нас котел есть, переведем на дрова.

— А город?

— Какой город? — переспросил Саша, и Сергей замолчал.

Действительно, какой, к черту, город? С какой стати они должны заботиться о других? Если кто-то не переживет эту зиму — это его право. Пусть останутся только сильные, трудолюбивые, умеющие жить сами, а не за счет других. Сколько сил было положено, чтобы

выбить разрешение на почти собственной земле, а потом зарегистрировать гаражи в городском земуправлении? Сколько времени, нервов, денег, унижений — ради пустого клочка в государстве, где на каждого жителя приходится чуть ли не сто двадцать тысяч квадратных метров земли? Пусть теперь сами дохнут! Найдем место, похороним, — злорадно подумал Шпаков, и поправил автомат. Вдали уже слышался гул движка — грузовик возвращался.

— Артемич, баклажан ты старый! — заорал Саша, как только увидел первого, кто спрыгнул из кузова. Долговязый тощий человек в потрепанной кожаной куртке, старых лакированных ботинках, с автоматом наперевес.

— Гляжу, вы тут резво за дело взялись, — проворчал тот, кого назвали Артемичем. — Нас сегодня за три четверти отпустили, орут — как тараканы, нигде света нет... и грёб я налево всю их работу! Картошечкой, говоришь, разживемся?

— Еще как, — улыбнулся Саша, пожимая широкую ладонь в грубых мозолях, протягивая свою другим, здороваясь со всеми. — Урожай собираем. Сто гектар, представь, две тыщи тонн минимум!

— Неплохо, — пророкотал Артемич. — А не рано?

— В самый раз, — уверил его Андрюха.

— Шпак, и ты здесь? Молодцы. И с оружием неплохо придумали. Тут такое творится!

— Чего? — спросил Саша в нетерпении, уже предчувствуя, уже зная, почти наверняка...

— Дениска расскажет, — отошел в сторону Артемич.

— Здорово, Денисище, — Саша обнял давнишнего приятеля. Они знали друг друга с детского сада, с того момента, когда научились разговаривать. Именно из-за Дениса станочников на линии первичной мехобработки звали «стачечниками». Тогда, лет пять назад, когда Саша еще работал на заводе, цех вдруг наполнился непонятными людьми в форме, с радиостанциями, с пистолетами. Работяги и думать уже забыли, что в пересменок должен был приехать кандидат на пост губернатора. Договаривались на полтретьего, но приехал Андрей Викторович в четыре с копейками, весь занятой, при умопомрачительной охране в черных костюмах-тройках, по цехам даже не пошел, а мужики неделю выгребали тонны стружки, красили станки «наживую», прямо за работой. Один из охранников, то ли глупый, то ли исполнительный, что-то кричал, махал руками, а потом схватил за шкуру первого, кто подвернулся под руку — укладчика. А Денис только на вид хилый, но попробуй семь лет поработай на укладке, поцепляй заготовочки по сорок кило голыми руками, тридцать тонн в смену! Естественно, что он легко оторвал чужие пальцы от своего воротника, и сказал все, что думает об охранниках, депутатах, кандидатах и прочая, и прочая. Они всегда так разговаривали, но охранник подумал, что его оскорбляют. Когда Лешка Назаров увидел, что два бугая повалили укладчика на пол, и начали пинать, то рванул рубильник на шинопроводе, обесточил все станки, и в установившейся относительной тишине заорал что есть сил:

— Наших бьют!

Почему он так сделал? Может, подумал, что приехали бандиты? Полгода тому назад в цех приняли странного паренька. На вид — лет двадцать, рост — метр восемьдесят, вес — сто двадцать килограмм. И шрам во всю голову, трепанация, еще розовая, с белыми швами по краям. Его звали Михаил Бут. Обхват запястья — сорок два сантиметра. Рука не влезала даже в камазовскую гильзу — брал он ее двумя пальчиками. Мужики на смене — народ

тертый, бывалый, у половины за плечами ходка на зону, у некоторых — не одна.

— Бандит, — сказал тогда Артемич. — Из новорусских. Череп проломили за что-то. Видимо, в нашу дыру послали по программе защиты свидетелей.

— Бесплезно, — отозвался тогда Назаров. — Найдут. Башку как арбуз раскроют.

К Буту подходили, и не раз — паренек оказался добрым, трудолюбивым. Но Мишка молчал, хотя однажды признался, что Артемич прав. И через месяц Бута нашли в канаве, около завода. Голова его и вправду была похожа на арбуз, попавший под колесо машины...

Вот Назаров и заорал. Пятьдесят три мужика на смене. Сила! Да и сам Сашка, схватив со станины разводной ключ, думал только одно: «Сейчас кто-то ответит!». За непосильный труд, за неоплачиваемые переработки, за старые, разваливающиеся станки, за копейки, за неотмывающиеся вот уже второй год колени и локти, за слезающие ногти, оторванные пальцы, за пот и кровь, за усталость, за спринтерские пробежки к автобусу, за вечный кашель, за налоги, выше Наташкиной зарплаты, за холод и зной, за грязь и унижение, за все...

Бежала охрана, бежал кандидат, бежала администрация, бежали все... Мужики взбунтовались! И — яркое, чистое чувство солидарности в ненависти, в своей силе, в злобе, жестокости. Они чувствовали, что на секунду, на минуту — но стали свободными, сильными, правыми. И никогда не забывали этого чувства. Что-то изменилось в сознании людей после того взрыва ярости, после бешеного вечера, когда работяги, разогнав все и вся, уверенные и веселые, вновь вернулись к станкам и выдали обычную полуторную норму.

— С утра все начальство в «Желтом доме» собралось, — начал рассказывать Денис. — Я по пути живу — всегда проезжаю мимо. А сегодня, значит, пешочком добирался. Прикольно — идут рядом со мной в галстучках, машины-то не заводятся. Охраны понагнали, менты, десантура, спасатели. Не шутка — всё что можно отключилось, — засмеялся Денис. От него пахло чесноком и спиртом — видимо, ожидая, когда дадут электричество, парни приняли на грудь, и не раз.

— Так вот, иду, значит, мимо. И навстречу мне чувырло, то есть Гаврила, идет. А на поясе — меч. Тесак здоровущий. И сам весь — в коже, в бляхах, под мышкой, мля буду — шлем навроде хоккейного. Ну, я дорогу уступаю, вслед смотрю. А он, значит, шлемак на башку надел, саблю свою наголо, и вперед, прямехонько на ментов. Они ему стволы тычут, но не стреляют. А он как пошел, пошел! Мечом их прямо, перебил всех быстро — и в Желтый дом зашел. Ну, я руки в ноги — тикать, на фиг, думаю...

Хотя было видно, что Денис рассказывал свою историю уже не раз, но все равно находился под впечатлением от увиденного. Матерился через слово, сморкался через ноздрю, произвольно тыкал пальцем в рот, видимо, «зуб давал» за правду.

— Да ты гонишь, — на всякий случай сказал Саша.

— Зуб даю на уй, — дернулся Денис. Для него крепче клятвы не придумаешь... И Сашка знал, что все это правда, от первого до последнего слова, и, может быть, все было гораздо жестче и страшнее. В любом случае, Гаврила взялся за власть. Не вошел, не прибился, а напрямую, танком, не разговаривая, потому что бесполезно разговаривать, самый последний чинуша сто очков вперед даст любому «разговорщику».

Вот поэтому и матерится народ. Все матерятся, но люди, работающие руками — не матерятся. Они так разговаривают. Распознают друг друга. Говоря «ёб твою мать» ты невольно оскорбляешь собеседника, и если товарищ не обижается, значит, он тебе доверяет. И ты, в свою очередь, доверяешь его словам, крепко замешанным на мате, позволяя оскорблять, точно зная, что за любое сказанное слово можно «ответить» здоровьем и даже

жизнью. Чистая правильная речь, которая сыпется с экранов телевизоров, из радио, из газет, книг, речей и обещаний — ложь в тысячах тысяч случаев. Столько раз обманывали мужика, прикрываясь ласковыми и правдивыми словами, целомудренной речью, красивыми лозунгами и обещаниями! Сколько лжи скрывается за высокопарными выражениями, за изысканным аристократическим разговором? И вот, весь народ привыкает, что любой, говорящий правильно, без мата, без оскорблений — есть лишь алчный лжец, желающий обокрасть, обмануть, взять свою выгоду, послать на убой как скотину.

— Постоим, ребяташки, за Русь-матушку! Вперед, чудо-богатыри, на смерть, за царя и отечество, за Сталина, за Родину! Один берет винтовку, другой — патроны...

— На...уй вы...бем педерастов, товарищ-господин генерал!

И ведь вы...бут...

Но нельзя доверять. Нельзя верить, а приходится. Взять даже так называемую интеллигенцию... После трех стопок начинает материться и директор театра, и в этот момент говорит правду, отменяя ложь, чувствуя себя сильным после принятого на грудь алкоголя, способным ответить за слова. А работяга всегда отвечает за свои слова. И не стесняется говорить правду. Не стесняется материться, потому что лишь эти слова — правда, все остальное — ложь...

— Так, ребята, мля буду, — сказал Саша, разглядывая землю под ногами. — Маздец настал и фуйня приключилась. Счас расскажу...

* * *

Ай да поле русское, широкое! Нет тебе конца и края, прятешься за горизонтом, нипочем тебе леса глухие, реки широкие. Тощее ты, жидкое, бываешь и в ладонь толщиной, да сплошь крепкими кочками покрыто. Труда требуешь непосильного — за урожай крохотный, слабым солнцем едва согретый. Три года, три долгих года лелеяли тебя, напрасно не тревожили, навозец, до перегноя разложенный, на каждый клочок несли. Деньги не жалели, себя не жалели, на спинах мешки с удобрением носили, дисковали вдоль и поперек, пахали бережно, боронили, яду полезного распылили, чтобы не осот вырос колючий, не пырей ползучий, но картошка, бульба наливная, заморский овощ-корнеплод, с хлебом соперник.

— С богом, — прошептал Саша, через силу врезая лопату в серую почву, выкапывая первый куст. Хороши подземные помидоры, богатый урожай, не двадцать даже, и не тридцать тонн, а все четыреста центнеров с гектара. Много ртов можно накормить, человеку на зиму иногда хватает и ста килограмм — сорок тысяч человек проживут с их поля, потом политого, нечеловеческими силами поднятого.

— Ай, хороша, — даже Наташа не удержалась, когда отправила в ведро десяток клубней — крупных, со Шпаковский кулак.

— Рано, конечно, копаем, — поморщился Саша. Он поднял картофелину, потер ладонью — молодая кожура-шкурка легко отошла, свесилась клочьями.

— Еще бы недельку ей, — поняла Наташа.

— Ничего, и такая полежит. Нам бы лучше подумать, как управимся, и где хранить будем? Оптовикам уже не сдать. Урожай-то отличный, вот только, чую, денег не получим.

— Главное, сами выживем.

— Людей мало. Десять человек в день могут три гектара собрать да отвезти, если с утра

до вечера. А нас всего десять. Месяц будем копать.

— Артемич же сказал, что всех поднимет, да и машина у нас есть. Потихоньку выкопаем. Ты лучше посмотри, какая хорошая. Сердце радуется... А помнишь, как в первый год вы посадили, на песках...?

Вот так, за неторопливым разговором, шаг за шагом, не разгибая спины, по одному боровку — в полтора километра длиной; полдня — туда, полдня — обратно. Два боровка. Тонны картошки — даже не понять, сколько еще... Не спеша, размеренно, иногда меняясь, редко — со смехом, чаще — угрюмо, молча, но без жалоб, потому что не на кого жаловаться, разве что на самого себя. Одна маленькая передышка — на обед. Следующий отдых придется на сон. А пока — вперед, поднимая землю, слушая рокот клубней в ведре, мягкий шум пересыпаемого урожая из ведра в мешок, тяжкий удар, когда мешок забрасывается в кузов подъехавшей развалюхи...

— Искандер, — в кабине сидел Наиль, и Саша напрягся, приготовился к плохим вестям, потому что уже знал, когда и зачем татарин называет его восточным именем.

— Солдаты на дороге. Перекрыли дорогу. Мы первый раз проехали, не остановились. Вернулись по грунтовке. Теперь и грунтовку бревнами перекрыли. Наверно, машину хотят отобрать, — осклабился Наиль.

— Надо разобраться, — проворчал Саша. — Кто с тобой?

— Серега, Артемича взял, и своих взял. На конце поля тебя ждем.

— Наташ, не волнуйся, я скоро, — сказал Саша, даже не взглянув на жену. Залез в кузов, похлопал по ржавой крыше:

— Давай! — и только потом обернулся, ободряюще кивнул и крикнул:

— Без меня не копай. Отдыхай. Немного осталось. Я вернусь! — рев движка заглушил последние слова.

Около кучки мужиков Наиль притормозил. Артемич нервно жевал травинку, Равиль и Ильдар меланхолично проверяли местность через прицелы автоматов.

— Далеко они? Сколько?

— Километр по шоссе, — отозвался здоровяк Ильдар. — Человек пять-семь, и офицер.

— Двое с оружием — Наиль и Артемич — в кабину. Равиль, Ильдар — в кузов. Я Серега и Ильяс идем пешком. Мы выйдем первыми, пройдем по лесу, спрячемся. Через десять минут подъезжайте. Оружием не махайте. Валим всех и сразу, без вопросов. Семерых хватит, — решил Александр.

— У меня ствола нет, — обиженно проворчал Ильяс. Остальные татары заулыбались.

— Возьми, — протянул Саша свой автомат, с которым не расставался со вчерашнего вечера.

— А ты? — спросил из кабины Наиль.

— Обойдусь, — буркнул Александр, подошел к березе, около которой с утра они с Наташей оставили свои вещи — куртки, термос с чаем, полупустой уже пакет с бутербродами, коврик-«пенку». Там же лежал и меч — завернутый в чехол из-под спиннинга. Саша засунул его за пояс прямо в чехле, лишь слегка обнажил рукоять. Наиль фыркнул, за ним засмеялись татары, и даже Павин скривился в усмешке.

— Чего ржете? — прикрикнул Саша. — Выходим!

Сквозь лес они прошли быстро и бесшумно — все-таки сколько лет ходили, каждую кочку, каждую травинку наизусть знали. Остановились в сотне метров от заставы. Саша еще

раз пересчитал солдат — семеро, десантники, голубые береты, тельняшки под хаки; восьмой офицер, не поймешь отсюда — в каком звании? Трудно разглядеть на защитном костюме погоны. Все — с автоматами, причем не с современными «пукалками», а с надежными и убийными АК — 47, с деревянными прикладами, штык-ножи примкнуты, уже знают, что стрелять не потребуется. За деревьями раздался рев мотора — грузовик приближался.

— Выходим, — негромко сказал Саша, обнажил меч и пошел впереди.

Как он и предполагал, вышли практически одновременно с машиной. Десантники побросали сигареты, двое спрятались за деревьями, двое встали за засекой из старых поваленных лесин, трое, с офицером — впереди. Теперь видно звездочки — три штуки — старший лейтенант. Высшее десантное училище, или академия, не важно. Важно, что он самый опасный, его надо первым, и как можно быстрее. С остальными разберемся... Наиль заложил вираж, развернул машину бортом. И сразу — сухой треск выстрелов, троих рядом со «старшим» скосило, но сам лейтенант, как и предполагал Саша, увернулся, щукой метнулся в кусты, хорошо еще — прямо на них...

— Стреляй! — заорал Сашка. — Стреляй, Андрюха!

Но Павин стоял сзади, смотрел через целик и мушку на человека, и не мог нажать на крючок. Не мог, палец просто не повиновался!

— Что, козел, обосрался! — проревел Александр, моля всех богов сразу, чтобы «старшой» не бросился в кусты еще раз, чтобы среагировал на оскорбление, чтобы почувствовал силы сражаться. Иначе Саше не угнаться за длинноногим десантником, тем более после четырех часов работы в поле...

Офицер не пытался достать пистолет в раскрытой кобуре на правом боку. Вместо этого в его руке появился нож — длинный, хищно изогнутый тесак с рыжей насмешливой ручкой. Глаза смотрели внимательно и спокойно. Сейчас он пройдет сквозь тощего, отберет меч, и возьмется за коротыша с автоматом...

Саша выпрямился перед пригнутой к земле фигурой в хаки, выставил меч, как всегда — двумя руками за рукоять, лезвие — на сорок пять градусов от земли. Десантник взмахнул неожиданно длинной рукой, чуть не достал незащищенный живот, мгновенно подался назад, и поймал на лезвие ножа меч. Точнее, он думал, что поймал. Голубая сталь легко прошла сквозь серебряную, продолжила путь дальше, через кость черепа, сквозь грудную клетку, вдоль солнечного сплетения, и вышла чуть ниже пупка, развалив человека почти надвое... Мимо пробежал Ильяс:

— Урус мертед, коягер, шайтан! — кричал он на бегу.

Треск выстрелов уже затих, слышался ядреный мат, ревел грузовик. Александр вышел на шоссе. Тут и там валялись тела. Их было много, слишком много, целых шесть, они бросались в глаза своей неестественностью, а один еще жив, держится за пробитую грудь, растерянность и боль на лице.

— Что-то мы не то сделали, — проговорил Артемич. — Что за хрень? Мы же могли просто поговорить, а, Санек? Чего случилось? Чего мы на них набросились, а?

— Где еще один? — спросил Саша.

— Урман-да, в лесу, уйти хотел, — отозвался Ильяс, демонстрируя заляпанный кровью «калашников». — Там лежит, — махнул татарин в сторону.

— Наши все целы?

— Целы. Зур якши, — отзывались со всех сторон.

Саша оглянулся на треск и увидел бредущего сквозь кусты Павина. Неожиданная злость

захлестнула, накрыла с головой. Какого черта он не стрелял?

— Ты чего не стрелял? — прошипел Саша. Он схватил Андриюху за грудки, подтянул к себе, заглянул в мутные глаза и почувствовал острый запах рвоты.

— А ну, — Александр перехватил Павина за рукав, потащил за собой, грязно ругаясь, чувствуя лишь усталость.

— Стреляй, — рявкнул Саша. — Стреляй, падла! Убей! Добей! На войну он собрался!

— Не могу, — прошептал Павин. — Не могу я. Рука не слушает. Хочу... а не могу...

— Не можешь? Ах, ты не можешь? Ать твою мать! Не может он, чистоплюй! А тебя значит, можно? Он бы ни секунды не колебался, пулю в башку твою пустую вогнал по самые уши! — Саша сорвал с андриюхиного плеча автомат, наставил на раненного.

— Иди сюда! — проревел он. — Руку давай!

Ствол уткнулся прямо в переносицу десантника, глаза раненого собрались в кучку, он сумел оторвать одну руку от раны, ухватился за вороненую сталь слабыми пальцами.

— Руку! — орал Саша. — Палец! Вот так!

Перехватил холодную и потную ладонь, силой положило палец на спуск — и нажал. Автомат неожиданно взрыкнул — стоял на автоматическом огне. Голова десантника превратилась в подобие арбуза, попавшего под колесо. Они уже видели такое, пять лет назад, в канаве... Андрей с воем повалился на колени, его снова вырвало. Сашка, нервно пытаясь стряхнуть с одежды кровавые брызги, пошел к татарам.

— Саша, надо решить проблему, — сказал Наиль. Татарин поднял с земли один из автоматов, отомкнул штык-нож, передернул с лязгом затвор. Поднял ствол в небо и спустил крючок.

— Не стреляет, — сказал он с нескрываемым удовольствием. Потом улыбка погасла:

— Ихние патроны к нашим не подходят, — с сожалением добавил Наиль. Потом повел рукой вокруг. — Этих куда? Здесь оставим?

— Рядом котлован есть. Туда сбросим, — решил Саша. Подумал и добавил:

— Грузовик работать должен. Пусть остаются Артемич и Андрей. Они и перетащат — недалеко ведь. А мы в центр пойдем, осмотримся... Так, Артемич?

Старый работяга согласно кивнул.

— Давайте оружие, орлы, — сказал Александр. — Наиль, поехали!

На дворе Саша поймал Шпакова.

— Андриюха, девчонки наши на поле остались. Присмотри за ними.

— Чегостряслось? — насупился Шпак.

— С армией проблемы, — скривился Саша. — Надо разобраться. А ты здесь разберись.

— Саша, — подошел к товарищам Наиль. — Тебя там чечены спрашивают. Руслан привел, помнишь такого?

— Помню, одноклассник мой. Чего хотят?

— Сам спроси.

— А ты чего думаешь?

— Думаю, надо брать. Надежные ребята, убойные. Особенно Тимур, — хохотнул татарин.

— Ладно, — сказал Саша и направился к соседнему подъезду, около которого стояли четверо — широкоплечие, запакованные в черную кожу.

— Салам! — поприветствовал их Александр.

Чеченцы рассмеялись. Они совершенно не боялись — ни Сашиного автомата через

плечо, ни обнаженного меча на поясе.

— Тимур. Муса. Магомед, — представились трое из них. Руслан ограничился рукопожатием.

— С чем пожаловали? — хмуро спросил Александр.

— К тебе пришли, дорогой. Смутные времена настали, — отозвался один из них, самый высокий, с гнилыми зубами, Тимур.

— С чего вы взяли? Скоро все заработает, все в норму придет...

— Нет, дорогой, не заработает. Нам Наиль все рассказал. Да и сами чувствуем, кровью в воздухе запахло, страшно, — Саша с недоверием посмотрел на заросшие щетиной рожи. Кому из них страшно?

— Мне страшно. Мусе страшно. Магомеду страшно. Всем страшно, — продолжал Тимур. — К тебе идем. Ты сильный. У тебя меч есть.

Сашка дернулся при этих словах, ожидая дружного смеха, прикидывая, как и кого начинать рубить. Но в карих глазах не было насмешки. Было чуть неуверенности, была капелька наглости, еще там притаился страх — глубоко запрятанный, крепко запертый, готовый выплеснуться в любую минуту. Глаза бойцов перед боем. Эти не подведут, понял Саша, эти везде пройдут, сами лягут, и других с собой заберут.

— Ладно, — решил он. — Оружие вам дам. Боевая задача на сегодня непосильная. Десантура на нас наехала, а их целый полк. В ближайшие дни необходимо уничтожить. Начинаем сегодня, сейчас.

— Сашок шутит? — изумленно спросил Руслан.

— Искандер не шутит, — вмешался в разговор Наиль. Он посмотрел на чеченцев, каждый из которых был выше татарина на голову, а Тимур — на две, и улыбнулся своей фирменной улыбочкой. Александру показалось, что небритые рожи осунулись, вытянулись от этой улыбки. У него самого по коже мурашки побежали. Черт знает этого Наиля! Зарежет с улыбочкой, как барана, даже не успеешь понять — чем не угодил. Десять лет Саша знал этого человека, и только сейчас начал понимать — кто он на самом деле.

И все равно Наиль кажется сущим младенцем по сравнению с Ним.

— Он идет, — выдал из себя Саша.

А чечены уже и сами чувствовали, крутили беспокойно головами, и усмешка намертво вдавилась в застывшие губы Наиля, только люди с полными мешками продолжали ходить по двору, разгружать грузовик, еще не чувствуя, не понимая — все напрасно. Это было похоже на приближение бури. Словно где-то вдали рокотал гром, усиливался ветер, свежело и с неба несло водную пыль. Но ощущение, и Александр только сейчас это понял, не было физическим. Оно было сознательным или даже подсознательным. Словно Он отвлекся от грозных и непонятных мыслей, и думал о них, изучал, копался в настроении, сопоставлял ощущения каждого. Выворачивал сознание наизнанку, точно наволочку, не выделяя никого, заставляя чувствовать, как слаб человек перед стихией, перед Его всё подавляющей мощью.

Он появился неожиданно, как всегда, словно сооткался из воздуха или спустился с небес. Стоял так близко — метрах в двадцати от Саши, всегда можно попробовать, проверить, кто быстрее — ты или Он? Но проверяют ли мощь атомной бомбы, взрывая ее в лаборатории? Или ядовитость нервно-паралитического газа на группе ведущих химиков? Кучность стрельбы — стреляя себе в ногу?

Они просто смотрели и изучали друг друга. Человек и сверхчеловек. Отец и сын. Создатель и подобие. Замерло все, даже ветер утих, казалось, что облака больше не бегут по

небу, застыли на месте, и только там, глубоко внутри — решается судьба каждого, но в первую очередь этот совершенный, стопроцентно и безотказно работающий мозг обдумывает простую задачу с одной переменной, с разными знаками. Жить или не жить Александру? Достоин или нет? Неважно — как, зачем, почему. Важно только одно слово, даже два — через черточку: или-или...

Гаврила прошел мимо замершего Сереги Шпакова, не взглянул. Сашка мысленно утер пот со лба. Если бы Гаврила хотел — он бы начал убивать прямо сейчас, не растрачиваясь на эффектные появления. Нечего бояться грома — молния уже сверкнула. Хотя почему — «хотел», почему в прошедшем времени? Может он хочет, сейчас, в настоящем? Может он — захочет в будущем?

— Людмила? — спросил Гаврила. — Хорошая девочка.

Сказал и поднял на руки, нежно, бережно, видно, как с удовольствием вдыхает запах ее кудряшек.

— Мама работает? — спросил он.

— Поставь! Поставь на место, — сказал Александр, а потом понял, что сказал шепотом.

— Поставь на место, — сказал он громче, срываясь в фальцет. — Это моя дочь!

И он пошел, с трудом заставляя себя делать каждый шаг, но с каждым пройденным метром укрепляясь в мысли, что делает все правильно. Любое животное защищает свое потомство. И он тоже должен, но не думать, а защищать. Меч взлетел над головой, смерть стояла так близко, но со всего маху Саша ударился в прозрачное препятствие. Словно воздух обрел жесткость стекла, или стекло — прозрачность воздуха. Напрасно Саша упирался ногами, рубил направо и налево — оставшиеся три метра до Гаврилы он пройти не мог. Его удерживали, словно собаку — палкой, или цепью. Все равно чем, не понятно — чем... Может быть, просто взглядом, но Гаврила даже не смотрел в его сторону, поставил Люду на землю, прошел мимо повалившегося в бессилье Александра, подошел к Наилю. Улыбка сошла с лица татарина, и само лицо сделалось белым, словно лист бумаги.

— Разберешь и соберешь патрон. Снова можно стрелять, — сказал Гаврила.

И снова — шагает по двору, но не слышно шагов, хоть затаилось дыхание, и чувствуешь, как тикают часы на запястье. Только перед тем как исчезнуть, Гаврила вспомнил о Шпакове:

— Андрей, побольше внимания к Чжао, — стоит, молчит, выжидает.

— Я... хорошо, — пробормотал Шпак, и крупные капли потекли по виску, по щеке, по подбородку. Устал Серега, много сегодня работал, пот течет градом.

— Какой длинный день, — пробормотал Саша, выплевывая изо рта пыль. — Он ушел? Ушел?

— Ушел, — срывающимся голосом сказал Шпаков. — Зачем приходил? Что хотел?

— Вот так, Серега, вот так, — бормотал Саша, с трудом поднимаясь с земли.

— Ну что, бойцы, будете против такого воевать? — обернулся Александр к чеченам. Те тоже стояли — белее белого, кажется, что курчавые волосы на голове Тимура шевелятся.

— Нельзя его бояться, — бормотал Саша. — Бояться своих надо. Объявят войну, нас всех под ружье поставят, идите, сражайтесь за мать и отечество. Срать я хотел на отечество. Сам бы передушил, сволочей. Он всех положит, правых, виноватых, под гребенку. А я не хочу, не имею право их слушать... У меня своя жизнь, не дам запихнуть в мясорубку. На хрена мне их памятники и вечная память... Всех урою, гады, паскуды... паразитов к ногтю... никого не оставлю, чем угодно клянусь...

Саша стоял, покачиваясь, не в силах отойти от нервного напряжения, еще не до конца веря, что жив. Но при чем тут Наташа? Почему этот белокурый урод вспомнил про Наташу? С ней что-то случилось. Они не говорят просто так.

Саша поковылял к грузовику, влез на подножку. Поискал глазами в толпе хоть кого-нибудь.

— Наиль!

Татарин уже отошел от увиденного, на белое лицо возвращался румянец, неуверенная улыбка тронула губы. Заскочил мягким прыжком в кабину, вжал правую педаль в пол...

— Гони, Наиль!

Наташу они нашли в роще. Жена мирно спала, свернувшись калачиком, укрывшись курточкой.

— Наташа, лисенок мой, что случилось? — голос Саши срывался в истерику.

Она приподнялась, сонная, с длинным рубцом на щеке, мягкая, теплая, большие карие глаза смотрят с неподдельным удивлением.

— Чего ты? Да перестань, ну, не трогай, — отбивалась она, когда Саша полез под куртку, ощупывая, больше желая убедиться, что все на самом деле хорошо.

— Ничего не случилось? Как ты себя чувствуешь? — не успокаивался муж.

— Да нет, на солнышке пригрелась, вот и заснула, — сказала она недовольно. — Мне такой сон снился, а вы меня отвлекли.

— Гаврила приходил. Сверхчеловек наш переделанный. О тебе говорил. Следующим рейсом домой поедешь, — объяснял Саша, поглядывая на Наиля, а тот, недоверчиво втягивая воздух, водил стволом автомата — вправо-влево, вверх-вниз.

— Что чуешь? — нетерпеливо спросил Александр.

— Ничего нет, — глухо отвечал татарин. — Был он здесь, теперь ушел. Опасности нет. У меня, Шурик, поверь, на такие вещи шестое чувство есть...

И Саша поверил. Сначала — оттого, что его называли Шуриком, и еще потому, что Наиль и в самом деле чувствовал опасность. И если говорил: «не пойдём туда» — его стоило слушаться. По первой они не верили, смеялись, а потом привыкли. Особенно когда их «под орех» разделали чуть ли не в центре города. Говорил тогда Наиль, что пиво лучше пить «вон там, в теньке, пойдём от этих фонарей, к шайтану их»; но не послушали, ржали как дикие кони, а когда десятеро молодых «волчат» с дубинками заявили — не до смеху стало...

— И мне снилось, что ваш Гаврила приходил. Он... — Наташа замаялась, — точно такой, как ты описывал. И не злой совсем. Добрый, очень. И ласковый...

Александр обернулся к жене. Горло сперло, а грудь сжало раскаленными щипцами.

— Он приходил к тебе? — просипел Саша.

Наташа явно испугалась. Она уже начала подозревать. Чуть заикаясь, она спросила, и в глазах на миг плеснул ужас:

— Так, эт-то, ч-что? На самом деле было? Не сон?

— Он что, с тобой любовью занимался? — Саша никогда не соображал так быстро и отчетливо.

Наташа ничего не сказала, лишь закрыла лицо руками. Наиль встревожено смотрел на друзей. Уж чего-чего, а соперникам-любовникам Саша мог устроить такую бучу... Своего никогда не отдавал. Мое и навсегда...

— Ладно, — проворчал татарчонок. — Дома поговорите.

Александр подошел к Наташе, и хоть внутри все клокотало — обнял жену, погладил по голове.

— Все будет хорошо...

Наташу они завезли домой, Саша сам поднялся до квартиры, не раздеваясь — до кухни, горлышко чайника — к пересохшим губам, открыл холодильник, матернулся, сгреб полбатона, допил теплое молоко.

— Наташ, дай мне еще пару часиков. И поешь приготовь! — крикнул он с порога, и буквально скатился по лестнице, не желая ничего слышать, а тем более — слушать.

— Пешком идем, — проворчал он с набитым ртом. — Грузовик не нужен. На двойки разобьемся. Я и Наиль — впереди.

Город не вымер. Улицы гудели голосами. Необычно не видеть проносящихся машин, не слышать гула моторов, шуршания шин, тока в проводах. Только деревья шелестели листьями, ветер поднимал пыльную поземку, да редкие прохожие жались к тротуарам. Город еще не понял, что произошло, он еще готовился — к свечам в окнах, кострам на улицах, к погромам, к пьяным дракам и разгулу веселья, неестественного возбуждения современного человека, который вдруг оказался не у дел рядом с собственной цивилизацией. Сами по себе мы не можем понять, что в хаосе огней, опутанные магнитными полями, облепленные кучей бумажек, от глупых газет до мудрых книг, вечно ищущие развлечений — в телевизоре, в радио, в музыке, в собственных поступках — мы всегда чего-то ждем. Зарплаты, выходных или понедельника, выздоровления или смерти, автобуса на остановке, любимого телесериала, сна или ужина, ответа на запрос, реакции на заявление, принятия нового закона о льготах и налогах. Жизнь в ожидании — единственно возможная жизнь большинства. И, устав ждать, вжимая в пол педаль газа, на двухстах километрах в час, кажется, что живешь, по крайней мере, есть чувство, что боль и смерть где-то рядом. Ожидая, мы совершенно теряемся в тех случаях, когда надо — существовать. Отвыкли принимать решения, от которых может зависеть собственное существование. Коллективный разум, коллегиальное решение, общее собрание акционеров и общества любителей трезвости — никогда не наступало время индивидуальности, и вряд ли когда наступит. Мы — общество со своими законами, с неведомым «центральным» мозгом, нас можно стимулировать, но нельзя заставить поступать разумно. Функции разума заканчиваются, когда встречаются два человека. Человек становится членом, руководителем или подчиненным, винтиком. Чем угодно.

Можно ли заставить винтик крутиться в обратную сторону? Сломается ли такая сложная, гигантская машина, Россия, состоящая из ста пятидесяти миллионов сложных и простых деталей? Нет, не сломается, даже не заметит, как наладчик сменит вышедший из строя механизм или датчик, прямо в процессе, прямо на конвейере.

Но мы не на конвейере, думал Саша. Неправы те, кто думает, что общество наше — пирамида, устойчивая фигура, на самом верху президент или царь, чуть ниже — армия и дворянство, прослойка людей с образованием, а потом — рабочие и крестьяне, серое быдло. Но где же здесь место для бомжей и инвалидов? Где место нищих и воров? Они тоже прослойка? Бомж стоит выше или ниже прораба? Что, если все наше хваленое-расхваленое общество стабильно только тогда, когда в самом низу, под всеми людьми в галстуках, в бриджах, в спецовках и робах, еще глубже под ними — копаются сотня обоссанных и обосранных бомжей? Государство, благополучие которого зависит от завшивленного старикана?

— Устал? — буркнул Наиль.

— Устал, — сознался Саша.

— Хватит ворон считать, — проворчал татарин, и Саша выкинул все ненужные масла из головы, перехватил удобней автомат, в сотый раз повторяя про себя схему действий: выстрел, на землю, перекатиться, очередь... сменить магазин.

Чем ближе подходили они к центру города, тем оживленней становились улицы. Девочки в туго обтянутых шортиках, молодые люди в очках, с ненужными теперь мобильными телефонами. Романтика, кафе работают при свечах, расчеты ведутся на бумажках, карандашами. Пиво в руках, в зубах зажаты сигареты, смех и пьяные голоса.

Вдвоятером, четыре татарина, четыре чеченца и Саша — они похожи на завоевателей, на разведчиков в чужом городе, с автоматами, заброшенными за спину, в черных кожаных куртках по вечерней духоте. На куртках настоял Тимур, сказал, что нечего выделяться.

Не горят фонари, потухла реклама, непривычно, что нет машин — и слишком много молодежи, возбужденной, ожидающей еще большего адреналина в кровь.

— Чего уставился, рожа татарская? — крикнул кто-то из толпы. Человек десять, все накаченные, бритоголовые, как на подбор, такое впечатление, что на одно лицо, как будто кроме белокурых бестий в мир пришли и эти — темные уроды, с пустотой в глазах. Что погнало их на улицы в столь ранний час? Их время приходит ночью.

Им не стоило ничего говорить. Сейчас не ночь, волкам не место на улицах, волкодавы не спят. Пусть бы этот недоразвитый бычок сказал со смехом, с иронией, с матерком, даже с громовым рыком. Как пьяный муж с топором в руке гонится за женой и орет: «Убью, мля, сука!» Ясно и понятно, что хочет просто напугать, научить — по-своему. Есть разница в постановке неопределенного артикля. Есть отличие, если сказать «убью» или — «убью, мля».

Саша не понял, как в руках татарина оказался автомат. Просто появился, как револьвер в вестернах. Раздался выстрел, а жертвы еще стояли, разинув рты, не понимая — что случилось? Вскинул оружие Тимур. Ильяс развернулся, стреляя непонятно куда. Руслан, похоже, ошеломлен не хуже Сашки, но тоже рванул ремень, припал на колени. Татары стреляли — во все стороны, одиночными, им вторили чечены, женский крик, визг, свист, люди валяются на асфальт, на землю, ползут к кустам, закрываются окна. Наиль меняет магазин, быстро, четко, делает еще три выстрела, и поднимает вверх руку.

Тишина. Война. Кто-то стонет, но Александру не до этого. Он лежит, вдавившись спиной в бетонный столб, тело само среагировало — выстрел, на землю, перекатилось, короткая очередь, рука готова сменить магазин. Глаза ждут, когда появятся настоящие враги — в синих комбинезонах, с дубинками, с газовыми баллончиками, с пистолетами на поясе. Нет, никого нет. Вымерло. Тишина. Где-то все еще вопят голоса.

И тут Саша понял, из-за чего поднялась эта, на первый взгляд, совершенно ненужная и жестокая стрельба. Девять (Саша быстро научился считать трупы врагов) бычков, что сейчас вздрагивали в конвульсиях на асфальте — они были вооружены. Такие же автоматы, закинутые за спины, никто из них не успел даже выстрелить. И все они были в голубых штанах. Верно, последний курс из школы милиции. Формы настоящей еще не выдали, а под ружье уже поставили.

Хреново, видать, поставили...

Как же быстро привыкаешь к войне. Это знание поражает, ошеломляет. Годы воспитания, десятилетия учебы, столетия цивилизации — все это исчезает, осыпается, как шелуха со зверя, с человека, с мужчины, приученного миллионами лет эволюции — убивать. Теперь ему будет дико видеть человека без оружия. Да и самому неуютно без тяжелого ремня за плечами. Доигрались. Вон те двое, которых положил Саша, раскинулись на асфальте — доигрались.

— Вашу ... мать, — с ненавистью сказал Александр.

Шар покатился, сдвинулся с места. Наше общество не пирамида — оно шар. Не важно: кто наверху? Царь? Президент? Бывший боевик? Чаще всего важнее тот, кто в самом низу. В конце концов, Есенин тоже был бомжом. Саша смотрел телевизор, знает. А потом про Есенина стали говорить — светоч, второй Пушкин. Рязанский мужик. Или сибирский мужик — Распутин. Или никому не известный, объявленный вне закона террорист Иосиф Джугашвили... Дядя Леша. Также вне закона, враг народа, полицей, живущий на краю вселенной. Он, понял Александр, он захотел... взял в руки ружье, которое столько лет лежало и молчало. Шар вздрогнул от движения слабого и беспомощного старика. Все, не остановить... А кто решил, что его нужно останавливать? Пусть покатается всласть, раздавит налипших паразитов, очистится от ржавчины, накалится от движения, отполируется, смоем кровь и вымажется машинным маслом.

— Искандер, — отчаянно шипит Наиль, и слышно, что татарин испугался. — Проблема... Бежим!

Они побежали, но не назад, к дому, а вслед за полубезумным легконогим татарчонком, восемь здоровенных мужиков, тяжело ухая кирзачами и берцами, разгоряченные, опасные, готовые ко всему — даже к смерти. Наиль бежал к известному во всем городе супермаркету. Четырехэтажная громадина, всегда сияющая неонами, гордость социалистического строительства в замшелом провинциальном городке — «Универмаг». Двери заперты, охраны нет — и татарин, подобрав на бегу кирпич со всего маху вломил его в витрину. Толстое стекло пошло трещинами, но не сломалось.

— Бей его! — взвизгнул Наиль, что-то его здорово напугало. — Не стрелять!

Тимур уже тащил толстую арматуру, и ему стекло поддалось, зазмеилось, лопнуло, обдав осколками. Тимур вскочил к разодетым манекенам — и разбил второе стекло.

— Внутрь, — орал Наиль. — В хозтовары, ёк-коренок! Вайнахи, к спорттоварам! Бери оружие!

Чечены побежали на второй этаж.

— Что случилось? — проорал Саша и Наиль снял с плеча второй автомат. Только теперь Саша понял, что татарин успел взять у заваленных «бычков» оружие и теперь что-то

пошло наперекосяк. Татарина не пугала ответственность за содеянное, в лице Наиля была лишь жажда жизни, отчаянная решимость продать свою смерть подороже. Он снял магазин, отшвырнул «ствол», превратившийся в ненужную железку, на раздвинутые диваны. Поставил магазин в свой автомат, дернул затвор, нажал спуск. Саша вжал голову в плечи, ожидая грохота и звона стекла. Наиль передернул затвор еще раз. Патрон с мелодичным звоном покотился по полированному граниту. Щелчок. Клацанье затвора. Второй патрон катится за первым.

— Не стреляет, — сказал Наиль чуть ли не со слезами на глазах. — Их патроны не стреляют.

Александр почувствовал, как липкий страх пополз под рубахой. До сих пор он был уверен, что стоит сменить магазин — и «наши» автоматы будут стрелять. Девятнадцать стволов — сила! Ограниченная сорока тремя магазинами. Словно Гаврила посмеялся, задал шараду и дал подсказку, чтобы они не отчаивались первое время. Все, можно отчаиваться! Вдевятером полк десантуры не положить, будь ты хоть самурай в рыцарском доспехе.

— Ножи! — рывкнул Александр.

— Топоры! — эхом отозвался Равиль.

— Есть перевязи, — подхватил Ильдар, выкидывая из широких электромонтерских ремней плоскогубцы, отвертки, индикаторы.

— Шлемы возьмем мотоциклетные... налокотники и наколенники в спорттоварах... там и вратарские щитки есть, я видел...

— Ничего не ломать, — снова заорал Наиль.

На миг повисла тишина.

— Не брать ничего, что бесполезно, — уже спокойней сказал он. — Не разбрасывать. Не гадить. Не ломать. Не рвать. Нельзя.

Сказано было так, как давным-давно, еще в центре города, когда пиво холодило руку и согревало душу: «вон там, в теньке, пойдем от этих фонарей, к шайтану их»...

— Возьмем что надо и домой. Пойдем из этого магазина, к шайтану его, — бормотал Наиль, осторожно взламывая прилавок с ножами из настоящей дамасской стали, самый дешевый из которых не мог себе позволить даже Саша, даже после кровавых и «халявных» пятидесяти тысяч...

Андрей Павин разгружал каждый грузовик с картошкой, брал самые большие мешки, надеясь, что тяжесть работы скинет с плеч другую тяжесть, куда более страшную. Он только что убил человека. Чувствовал, что не только желудок, но и легкие, само сердце поднимается к горлу. Ему становилось легче дышать, когда руки брали пятидесятикилограммовый мешок, легко взваливали на спину. А когда грузовик уезжал, дыхание перехватывало, пальцы слабели, хотелось упасть на землю и закрыть тяжелую голову руками. Глупо, жестоко. И нет выхода — куда не кинь.

— Голова болит, — сказал он Шпакову. — Пойду таблетку выпью.

Андрей зашел в квартиру, прошел к себе в комнату. На кровати лежал автомат. Один из тех. Может быть, принадлежал тому самому... Как он попал сюда? Артемич, вроде, собрал оружие и принес. Да, один из стволов болтался на шее, остальные нес старик — это Андрей помнил. Но вот дальше — как в тумане. Заходил ли домой? Наверно, заходил, потому что одежда на нем новая. Старую он снял и завязал в три пакета, потом выбросил. Надо было сжечь, подумал он отрешенно.

Андрей положил руку на холодный металл. И сразу же отдернул, словно обжегся. Друзья, блин, подумал он вяло. Хорошо иметь друзей. Удобно. Один друг богатый, другой сильный, третий никогда не подведет — надежно, уверенно, хорошо иметь друзей. Вот только плохо, когда друзьям от тебя что-то требуется. Помощи в работе, денег займа, или — убить человека. Что же это за дружба? Да и есть ли она? Может быть, это лишь корысть? Плата за удобство, за поддержку, за уверенность в завтрашнем дне... Ведь на самом деле — не бросят, не подведут, всегда поддержат, помогут. Даже спустить крючок автомата помогут. Знать ничего не хочу, никого не хочу, заснуть, и не проснуться.

Андрей усилием поднял автомат, упер дуло в небо, нажал... Сухой щелчок. Даже смеяться не хочется. Русская рулетка — патрон в патроннике даст осечку или нет? Разбери и собери патрон — сказал Гаврила.

Андрей прошел в прихожую, достал чемодан с инструментами. Разобрать и собрать — что проще? Пуля никак не хотела вылезать, пока Павин не взял клещи. Осмотрел со всех сторон остроконечную блестящую каплю, постучал гильзой по полировке стола. Снова засунул пулю в гильзу, взял тупоносые обжимные губки. На чем бы проверить? Выйти на улицу? Нет, лучше здесь, в привычной обстановке. Он сдернул с дивана покрывало, одеяло, простыню, матрац. Положил автомат на розовую в цветочках обивку, проследил, чтобы дуло смотрело в торец полки с книгами, чтобы пуля не испортила обои. На пламегаситель положил подушку, снова накинуд матрац, покрывало, одеяло, еще подушек. Протиснул сквозь слои ткани ладонь, уверенно взялся за рукоять.

— Бу! — ухнуло в глубине дивана. Тихо, почти не слышно, тем более что Женя где-то на улице, помогает. Только треск и стук — блестящая смерть проложила путь через толщу дерева и бумаги.

Андрей решил не доставать оружие. Слабость из пальцев пропала, движения стали уверенными и четкими. Еще один патрон — клещи, пуля, гильза, губки. Ему захотелось сделать сразу четыре штучки, чтобы оставить после себя не прощальное письмо, а напоминание. Но отбросил эту мысль. Он сам — напоминание.

Андрей одним движением выдернул оружие из-под груды белья, привычно снял магазин, вставил патрон. Эх, обои запачкаются, все-таки дорогие, тяжелые, и столько трудов! Теплое, воняющее приятным порохом дуло снова уперлось, но только в подбородок — он надеялся, что пуля, пройдя сквозь челюсть и язык, не сможет вырваться, останется в голове, не разбрызгает кровь и мозги, все будет чинно-благородно. А нажать на спуск — это легко, это он уже умеет...

Возвращались уже в полумраке, солнце опускалось за тучи и наступающая тьма будто подталкивала в спины — вперед!

— Вперед, — хрипел Наиль. — Не останавливаться!

Они бежали, прямо посередине дороги, глухо стуча напыленными на себя пластиковыми доспехами, звякая ножами на электромонтерских перевязях и дорогущими финскими топорами через плечо. Хаос вокруг набирал силу. Слышались пьяные вопли, звон стекла — ночные волки крушили магазины, охотились за выпивкой. Полетели стекла из аптеки — она кому помешала? Один раз им пытались преградить дорогу у автовокзала, бросились наперерез, в поисках развлечений, возбужденные вином и безнаказанностью. Тимур и Наиль пристрелили чересчур прытких, остальные в страхе разбежались.

— Он идет, — понял Александр, почуяв, как мелко затряслась земля, и завибрировал

воздух. Это будет ночь одного единственного «длинного ножа». Гаврила выманивал зверей из их нор. Все, кто сегодня ночью выйдут на улицу — погибнут. Сегодня не время для романтических прогулок. Не время для гостей. Нет желания смотреть на звезды — все равно небо быстро заволакивает тучами. Но кому-то непременно захочется попробовать свои силы, удостоверится — все ли возможно в этом новом, изменившемся мире. Кто-то давно хочет посмотреть, как выглядит ювелирный магазин без сигнализации, другой решит просто взять кассу — где угодно, третий, наконец, надумает обокрасть соседа. Комендантского часа все равно нет — сделай себя свободным и богатым. Если чувствуешь достаточно сил...

— Ко мне, — задыхался на бегу Наиль. Уговорил таки, упросил всех привести «Универмаг» в относительный порядок, даже деньги оставили на кассе — сколько у кого нашлось. Может, и обойдется...

Они залетели в подъезд на последнем издыхании. Саша чувствовал, что еще несколько метров и все... Под ребрами не кололо, а горело, воздух пах кровью. Повалились кучей в подъезде, на ступени, друг на друга, словно играя в «кучу-малу».

— Вах, жопу убери, — с усилием сказал кто-то из чеченцев.

Саша, держась за грудь, засмеялся, сначала тихо, потом громче, с оханьем, потом еще громче, отрывисто. Заржал Тимур, захихикал Наиль. Они смеялись, едва переводя дыхание, утирая слезы, пихая друг друга, тыча кулаками, похлопывая по плечу.

На смех открылась дверь. Шпаков вышел со свечой из квартиры Андрюхи Павина, а за раскрытой дверью слышались шепотки, глухо лаяла собака, а потом Александр сообразил, что это не собака, а Женя, Павинская жена, не плачет даже, а хрипит. Саша все еще улыбался, когда Шпак сказал:

— Павин... это... застрелился...

Чеченцев с татарами отправили к Наилю в квартиру. Сам Наиль с Сашей прошли в дальнюю комнату, мимо зала, где вокруг сгорбленной фигурки собрались женщины. Александр нашел взглядом Наташу, кивнул, она кивнула в ответ.

— Люда? — спросил он губами.

— Дома, — так же губами ответила жена.

В маленькой комнатухе стоял полный разгром. Постель разворочена, газетный столик опрокинут, на потолке — безобразная клякса. Казалось, что она дрожит в неровном свете свечи. Обои — в липкой крошке, на письменном столе разбросаны инструменты и патроны.

Наиль поднял с пола автомат, выдернул ремень из-под мертвого тела. Потом взял со стола патрон. Саша почувствовал, как татарин осторожно наступил ему на ногу.

— Посмотри, — произнес едва слышно Наиль. Саша подошел к столу и сразу же понял. Их друг застрелился из оружия, которое не должно было стрелять! Оно и не стреляло, пока... Одного взгляда на клещи и обжимные губки достаточно. Разбери и собери патрон. Александр почувствовал, как теплое и мягкое чувство утраты давит на него. Запоздалое сожаление, почти угрызения совести. Он был слишком жесток. Не стоило так давить. А с другой стороны, Андрей ушел, понимая, что мало чем может помочь друзьям. Очень хотелось так думать, лучше пусть так оно и будет. Скажем «спасибо» мертвым. Незачем благодарить живых. Павин был слишком добрым, слишком нерешительным, слишком мягким с другими. Но не с собой, о нет! Он ушел и доказал, что может быть полезен хотя бы своей смертью. О мертвых не будем плохо...

— Вот еще, — шепнул Наиль и указал на дыру в книжной полке. Пуля прошла сквозь древесную плиту, и продолжила путь в бумаге, миновав (Саша поднес свечку) Ремарка и

Джерома К. Джерома, Саган и закон Мерфи, историю мифологии и русско-французский словарь, и еще, и еще, пока не застряла в книге с красной обложкой. Александр вытащил ее из ряда, вытряхнул из прорванных листов блестящий остроконечный цилиндр с разводами от нарезок ствола. Фридрих Ницше — прочитал он на обложке. Андрей читал Фридриха Ницше?

За томиком Ницше стояла обычная тетрадь в клеточку. Пуля не дошла до нее, но Сашу заинтересовал сам факт — тетрадь в ряду книг. Девяносто шесть страниц. Около сорока из них исписаны мелким аккуратным почерком.

— Негатив, — прочитал на обложке Александр. Павин писал? И считал свою писанину достойной стоять рядом с Заратустрой?

«Негатив — изображение на светочувствительной пластинке (пленке), в котором светлые места получают темными, а темные — светлыми», — прочитал Саша при неровном свете свечи.

— Надо его вытащить, — решил Саша и спрятал тетрадь за пазуху. — Вода есть? Лицо хоть обмыть...

— В милицию уже побежали, — сказал женский голос.

Сашка только фыркнул в ответ.

— Наиль, сними дверь, на кухонный стол положим. Обмоем и под простыню. Здесь — убраться надо...

— Возьми, — глухо сказал он Шпакову. — Ты — за ноги. Несем в ванну... Никому не расходиться. На улице опасно. Ненавижу арбузы, — добавил Саша чуть слышно.

* * *

Наиль распахнул дверь домой, глянул на притаившихся у окон чеченцев, на брата, на друзей. Прошел на кухню, открыл темный провал холодильника. Нащупал недопитую литровую бутылку, в которой оставалось еще больше половины, на ощупь нашел стакан. Кусок колбасы и зачерствевшая горбушка от батона. Все, поехали... Водка теплая, горькая и жгучая на вкус, полный стакан, до доньшка, до последней капли. Занюхал колбасой, закусил хлебом, и сразу почувствовал, как хорошо легла, пробрала до печенок. За весь день почти ничего не ел. Налил еще стакан, немного подождал, пока чуть уляжется первая порция — и сверху, сверху ее, родимую, залакировать бы пивом, да нельзя на улицу, на улице смерть гуляет, и ларьки точно не работают.

Сразу ударило в голову, все сорок градусов отозвались в каждой клеточке, кровь потекла раскаленной лавой. Хорошо!

Наиль вышел из кухни, проверил, как закрыта входная дверь, пристроил автомат на вешалку в прихожую и напомнил сам себе — здесь висит. Сегодня уже без надобности, а завтра не забудь...

— Чего там? — спросил он у Тимура, который откинул занавески и пристроился напротив окна, развалившись в кресле.

— Нет никого, — лениво отозвался чеченец. — Может, зря мы всполошились?

Наиль снова прошел на кухню, сгреб бутылку и вернулся. Он сел на диван, откинувшись так же вальяжно, как и Тимур.

— Мне было лет десять, — медленно начал татарин. — У нас была бабушка. Наверно, она первая сказала. Всегда называла русских — уруслар мертед. Мертед — это враг по-нашему. Мы и привыкли. Сейчас даже не вспомнить — откуда взялась ненависть. Никто и никогда не учил меня этому, я сам дошел, своим разумом. Мне казалось, что русские все враги, что они заняли Казань, превратили нас в рабов. Ненавидел всей душой, и с каждым годом ненависть становилась все сильнее. Даже посчитал, что каждому мусульманину надо убить шестнадцать русских. А если перевести только на мужчин — то еще больше. Рисовал карты мусульманских государств посреди России, учитывал трубопроводы, дороги, аэропорты. А сам никогда не был в Казани. Даже издалека Татарстан не видел. Английский лучше татарского знаю. А все равно ненавидел. До дрожи, до того — что скажи — «пойдем убивать» — и пошел бы, не задумываясь, и убивал бы — не задумываясь.

Наиль приложился к бутылке, чувствуя, что осталось совсем немного, сделал один длинный глоток, запихал в рот остатки колбасы, достал сигарету.

— Сейчас не знаю что делать. Иногда мне кажется, что убивать надо нас, татар. Что русские сделали ошибку, не вырезав нас до седьмого колена. Знаешь почему? — он не стал дожидаться ответа, торопился, пока еще хмель окончательно не связал язык. — П-потому что я так привык убивать там, в мечтах, что сейчас, когда можно убивать по-настоящему, я убиваю напрямую, то есть направо и налево. Кого угодно могу. Хоть мужчину, хоть ребенка, хоть женщину. Женщин даже лучше, потому что они могут рожать...

Наиль выронил бутылку на пол, и, чувствуя, как мягкая поверхность начинает покачиваться под ним, улегся на диван, свернулся калачиком.

Тимур покачал головой. Ему был отвратителен этот маленький убийца, смевавший называть себя мусульманином и одновременно — курить, прихлебывать водку из горла, закусывать наверняка свиной колбасой. Отвратителен, и, в тоже время — до неприятности симпатичен. Тимур чувствовал, что с каждой секундой эта симпатия нарастает, словно снежный ком с горы, превращается чуть ли не в привязанность, в какое-то смутное чувство, распирающее грудь. Он встал, тяжело вздохнул, содрал с кресла покрывало и накрыл Наиля тяжелой мягкой тканью. Потом вернулся, снова развалился, уперся взглядом в темноту за окном. Если бы в комнате горел свет, то все, кто там присутствовал, увидели бы, что чеченец улыбается.

* * *

Проснувшись, Александр первым делом подошел к окну во двор. Грузовик на месте, топится народ. Саша перевел глаза на часы — семь утра.

— Недурственно, — пробормотал он и принялся натягивать маскхалат, который припас еще с вечера.

— Иди сюда, — прошептала Наташа. Он с удовольствием подошел, запустил обе руки под одеяло, положил левую ей на грудь, правую протиснул между ног.

— Ты побереги себя, — прошептала Наташа. Александр нахмурился — он не выносил нравоучений. Быть может потому, что в большинстве случаев жена оказывалась права. Однако она никогда не попрекала его уже сделанным. Что было — то прошло. Даже после самых отчаянных гулянок Наташа не дулась, не замыкалась. И стыдно становилось не «после», а «до»... Постепенно из жизни Александра ушли попойки до «поросычьего визга». Стопочку, другую, залакировать пивом — но всегда на ногах; состояние ясное и чистое, словно слеза младенца; полет нормальный...

— Я буду осторожен, — пообещал он.

— Знаешь чего, — не унималась Наташа. — Ты только не смейся.

— Не буду.

Она выждала несколько секунд, по всей видимости — собиралась с духом.

— Саш, пообещай мне... Ладно? Только не забудь... Стреляй первым. Стреляй первым, Саша.

Александр нахмурился, поднялся, глядя сверху вниз на сжавшуюся под одеялом женщину.

— Хорошо, лисенок. Я буду первым, ты же знаешь, не бойся, ладно?

— Не боюсь я, — она смотрела очень серьезно, глаза сверкали бусинками.

— Молодец, — тоже очень серьезно сказал Саша и принялся одеваться дальше. Нож в ножнах. Подсумок с магазинами. Шлем. Наколенники и налокотники. Меч. Вскинул на плечо прислоненный к подоконнику автомат.

— Я люблю тебя, — сказал он в дверях.

— Я люблю тебя, — эхом отозвалась Наташа.

— Шпак, выходи, — заорал Саша и отвесил пинка по двери. Толстое лицо — наполовину бритое, наполовину в пене — высунулось на площадку.

— Сейчас, — пообещал Серега.

Александр спустился на первый этаж, прошел мимо столпившихся перед дверью чеченцев.

— Наиль здесь?

— Здесь...

К Сергею Саша не стал стучаться, вышел из подъезда. Шум утих. Люди смотрели на вышедшего человека, а Саша глубоко вдохнул свежий холодный воздух. Вот он, воздух революции, насильственного смещения власти. Пахнет дымом и железом, кровью на траве, потом и страхом. Вот он, ваш сверхгерой. Пришел, бэтмен, Супермен и Человек-паук в одном флаконе русской закваски. Что он делал сегодня ночью? Во имя добра искоренял зло? Еще предстоит услышать вести о том, что вурдалак с красными глазами валил людей направо и налево, рвал на части. Это Саша уже видел. И гиганта с автоматом в руке, веером пули — каждому по одной, — тоже видел. А может быть, воры и мародеры падали только оттого, что прикоснулись к чужой вещи...

— Работаем в две смены, — начал Саша. — Одни на поле, другие — здесь. Надо придумать, куда урожай сгружать будем...

Толпа зашумела на его слова. Заголосила, заволновалась, они рано встали, но вовсе не для того, чтобы работать. Они желали ответов, они тоже видели то, к чему привык Саша. Они хотели действовать.

— Трупы на улицах валяются... В Желтом доме всех положили... Магазины все

забиты... На улицах лежат... И менты тоже... И десантники, их то за что...

— А вы чего хотите? — громко спросил Саша.

— Чтобы этого не повторилось. Бояться не хочу. Спать хорошо хочу, — завопил старушечий голос.

— Так спи, кто тебе не дает! — выкрикнул Александр.

— Мы к нему пришли, понимаешь...

— А по какому праву вы решили, что я буду командовать? — еще повысил голос Саша.

Он выждал паузу, чтобы шум затих и потом начал — медленно и угрюмо:

— Я не желаю командовать. И хочу спросить — какого черта вы хотите всегда жить чужим умом?

— Мы жить хотим, — вырвался бас из задних рядов. Народ прибывал, волновался.

— Что дальше будет? — вопила все та же старушенция.

— Что будет? — рывкнул Саша и поднял автомат. И тотчас же — сзади заклацали затворы. Наиль припал на колено, ноздри татарина раздувались, усмешка кривила лицо.

— Я скажу вам, что будет, — говорил Александр, рассматривая каждого в прицел, медленно проводя дулом по толпе. — Сейчас я поеду копать картошку. После обеда пойду копать могилы, раз уж столько мертвяков валяется. А завтра похороню друга... Теперь скажу, что будет с вами... Сейчас вы пойдете домой, а после обеда вам принесут повестки. Завтра вы пойдете в военкомат, обреете головы, вам вручат багры и топоры, погонят на улицу, ловить вурдалака. Да только он не вурдалак. Он вас как кутят в вашей же крови утопит. И все. И не будет никаких глупых вопросов. Хотите такого — валяйте, но мне не по пути. У меня урожай еще не убран, — пробурчал он под конец, закинул автомат за спину и пошел на расступающуюся перед ним толпу.

— Не кипятись ты, — хлопнула по плечу тяжелая ладонь. Саша обернулся, чтобы увидеть спокойное лицо Артемича и знакомые, непривычно хмурые рожи «стачечников». — Правильной дорогой идешь, товарищ.

— Ну а как же, — проворчал Александр, влезая в кабину. — Я же «дорожник».

Потом повернулся к Наилю, который сидел за рулем:

— Слушай, не в службу... с Тимуром пройдите по городу. Вечерком расскажи — что видел, что думаешь. А Равиля при мне оставь. Согласен?

— Спрашиваешь... — ухмыльнулся татарин.

— И это... там... не сильно, — предупредил Саша, пересаживаясь на место водителя.

— Ладно, — отозвался Наиль. Потом повернулся и крикнул:

— Артемич, что стоишь? Залезай, подшевелело!

* * *

Вечером в почтовом ящике обнаружили повестки. Сразу четыре. Одна — Саше, другая — Шпакову, третья — Наилю и последняя, четвертая — Андрею Павину. Эту Александр сразу порвал, поднял глаза на небо, которое почему-то стало красным. Солнце, наверно, заходило...

— Ах вы суки...

Его корежило, мышцы напряглись так, что на лбу выступил пот, руки заостенели, колени подогнулись. Трясущимися пальцами он сунул бумажки в карман. Нашли, думал он,

сразу нашли... Как же я вас ненавижу... Сколько времени и нервов, сколько бумажек, сколько униженных взглядов, сколько денег, сколько приходилось ждать в потной и вонючей толпе, стыдливо просить, умолять, объяснять, подписывать, еще и еще, унижение, и все — для него, здорового мужика, рабочего и крестьянина... Прописка — отказать, военный билет — показать, комиссии, аж девять штук, каждый месяц — а что вы тут делаете, чем занимаетесь? Живу я здесь, живу, понимаешь, сволочь! За проживание штрафчик, низ-зя здесь жить! И вот теперь, когда понадобился, когда стал нужен, когда запахло жареными задницами — можно. Даже не сами пришли, даже не спросили — прислали бумажку. Иди, защищай нас, рабочая скотинка, или крестьянская скотина, и вообще, как там тебя, рядовой, смиренно, лежать, бояться!

Да вот только он не боится больше...

Пришло время бояться другим. Нет, не наемных убийц, не ночных «гоп-стопщиков», не малолетних «волчат». Мужик, настоящий мужик взял оружие в руки и сказал — все, довольно, осточертело на хер... Вырежу всех, до последнего сосунка, по последней сучки, даже если семиюродная вдова на десятом киселе — всех — патронов не хватит, будете сами ямы копать, а следующая партия засыпать, кирзачами забью в землю, в печь загоню, включу, и буду слушать, как самую лучшую музыку, воздух с жирным пеплом как самый лучший аромат — вдыхать и выдыхать — буду, вот те крест — залезай, милочка...

Люди еще не понимают — какая сила пробудилась, очнулась от векового сна. Все, не остановить, не повернуть, не спрятаться. Дни, сотрясающие мир... Это уже было, много раз было, но никто не понимал, не делал выводов, боролись с людьми, с идеями, развивались, не сознавая, что движение назад тоже может быть развитием. Для того чтобы сломать доску ребром ладони — надо прежде хорошо размахнуться. И Александр размахнется — от всей души, не щадя никого — и самому ему не надо пощады.

— Завтра, — сказал Александр задыхаясь. — С утра. Военкомат. Берем за горло. Чечены готовят боеприпасы. Сегодня. Ночью.

— Спокойно, мин херц, спокойно, — засмеялся Наиль. — Надо же, и меня написали, — он ловко вытащил у Саши повестки, нашел свою.

— Правильно написали, без ошибок, — еще громче сказал он. — Адреса нет, но ведь пришла повесточка. Как тут не верить в телекинез и телепатию!

— Что в городе? — Саша почти успокоился.

— Безутешные матери ищут и находят своих беспутных сыновей, — начал Наиль. — Гавриил наш, ангел-праведник, решил трупы под землю больше не прятать. Я справа считал, Тамерлан — слева. До трехсот сосчитали, а потом плюнули. Шли-шли, и до Желтого дома дошли. Был домик желтым, а стал зеленым, — Наиль явно пребывал в лирическом настроении.

— Десантников на ступенях — видимо-невидимо. А внутри — считано — не сосчитано. Хотя там и синие есть, и черные, даже красные и голубые, — татарин искренне получал удовольствие от своего рассказа.

— Как он их?

— А шайтан его знает. Как будто газом, все лежат, морды оскалили, без единой царапины, только холодные. И есть предчувствие, что долго пролежат...

— Это почему? — невольно заинтересовался Саша.

— У них кровь не свернулась, — отозвался за татарина Тимур, выдернул из кожаных ножен «Барракуду» дамасской стали, в свежих красных потеках, словно только что из раны,

даже капало. Специально не обтирал, чтобы поверили — сообразил Саша. И почувствовал — в животе холод собрался, сейчас татарин с чеченцем выдадут такое, от чего у него самого в жилах кровь свернется. Не зря же Тимур окровавленную сталь через весь город тащил.

— Кровь не свернулась, сами не окостенели, свежачок, только холодные уж больно, словно только что из холодильника. А на улице жара, солнышко, — мечтательно тянул Наиль.

— А как население? — хрипло спросил Александр.

— Шакалы? Вот их-то порубили, по кускам собирают... Много дураков сегодня бить витрины полезло. Вот ты скажи, Саш, на хрена тебе холодильник, если электричества нет?

— Слушай, Наиль, — у холодок пробежал по хребту, по самому позвоночнику. — А если он десантников сегодня ночью поднимет? Оживит их, чтобы самому не убивать...

— Так вот и я подумал — на черта нам холодильник полный мертвецов? — Наиль скалил зубы. — Дай, думаю, на всякий пожарный, вот этому пожарному ручку отрублю, этому ножку, кого наручниками сковали — для смеху, значит. Прикинь, он очнется, а на руках и ногах — наручники, — татарин вытащил из-за плеча топор, протер зазубренное сияющее лезвие тряпочкой.

— Еще колья пришлось рубить, чтоб уж наверняка. Устал, — признался он. — Много дармоедов. Нечего и Гавриле дармоедом становится. Ишь, чего удумал...

Саша сморщился, словно внезапно заболели зубы. Вот это да... Даже сказать нечего — одни эмоции. Мясниками, значит, решили подработать. Этими, как их, экзорцистами, антинекромантами. Устали они. И, с другой стороны, правильно сделали. А Гаврила вот как рассердится! Да и пусть сердится, подумаешь, решил судьей в последней инстанции стать. Его кто просил? Сами бы разобрались. А вот бы и не разобрались — злорадно шепнул внутренний голос. Кишка тонка разобратся. Дураком родился — рабом бы помер, еще и благодарил — ах, какое у нас государство, хоть пенсию назначило, дети-то не могут родителей прокормить. Самим бы прокормится...

— Смотри, каких красавцев привели, — радостно переключился Наиль, указывая на пятерку тяжеловозов, привязанных к бетонным столбам ограждения. Александр невольно залюбовался «владимирцами». Каковы звери! Хвосты торчат фонтанами, бабки толщиной в Шпаковский торс, копыта — со сковородку.

— Десантура, наверно, их на ипподроме конфисковала. А мы во внутреннем дворе нашли, с телегами...

— Что в телегах? — спросил Саша.

Улыбка погасла на губах Наиля.

— Патроны, Искандер, патроны, — серьезно отозвался татарин.

* * *

Утром Шпаков понял, что никакой работы, скорее всего, не будет. Вокруг грузовика суетились люди, половина — не знакомые, в маскхалатах, с топорами и ножами, с автоматами. Подсумки топорщились от магазинов.

— Надолго машину берешь? — хмуро спросил Сергей Сашу.

— Туда и обратно. Час, не больше, — отозвался тот.

Шпак тяжело вздохнул:

— Положат вас.

— Мы уже больше положили, — напирая на «уже» крикнул Наиль.

— По коням, — визгливо рявкнул татарчонок, вскочил на подножку, и вся ватага, в облаке сизого дыма, с шумом и гамом двинулась в город.

— Я тяжеловозов беру, — тоже крикнул Сергей, но потом махнул рукой — все равно не услышат.

Надевая уздечку на первого, громадного, фыркающего чуть ли не огнем, Шпаку пришла в голову удачная мысль. До того, как они починили картофелеуборочный комбайн, у них была копалка. Простая и надежная, на два ряда. Для нее и ВОМ — вал отбора мощности — не нужен. Цепь шла от редуктора на ось транспортных колес. А если запрячь в копалку тяжеловоза? Даже не одного — в одиночку точно не потянет, да и неудобно посреди гряды ему идти — а сразу двух? Это тебе не «арабы», не «дончаки», а живая машина, «владимирец» весом в тонну, и еще неизвестно: кто перетянет — он или одноименный трактор.

Шпаков не стал запрягать коня в телегу, сразу пошел за вторым. Немного пришлось повозиться с упряжью, пока на глаза не попала продольная тяга от дискового плуга. Потом Сергей сам выкатил заброшенную копалку. Прикинул, закрепил дюймовыми болтами и отошел, с удовольствием оценил работу.

Такая копалка за день могла поднять шесть гектар. Все, считай, управились, только ищи — куда схоронить. Ведь двадцатое августа — а картошка уже размером с кролика попадает. Не к добру, не к добру, мотал лохматой головой Шпак, с удовольствием слушая, как скрипит и сотрясается земля под могучей поступью коней. В этом был он весь — огромный, наивно гордящийся своей мощью, человек, способный поднять передок трактора, подбросить вверх не пятидесятикилограммовый, но девятипудовый мешок зерна, как раньше, как встарь разгружали баржи. Его сила не была взрывной, не потрясала воображение. Она, силушка, просто жила в нем, и чем тяжелей груз, тем сильнее становился Сергей, как дизельный двигатель — без нажатия на педаль газа, да и нет у дизелей, по правде говоря, никакого «газа». Жми на этого человека, дави, хоть бетонную плиту положи — и с изумлением заметишь, что эта плита продолжает тихонечко двигаться, а Шпак, уходя в землю по колено, набычив шею, вздувшуюся венами, кряхтя и постанывая — но все равно прет неподъемную никому другому тягу. Серега как-то хотел даже запатентовать «способ быстрой ручной уборки сена». Суть состояла в следующем: Саша, Наиль и Андрей граблями стаскивали сено в валок, а Шпак становился один на конец поля, брал вилы и сталкивал гряду к другому концу, к дороге. Нечто невероятное, неподвластное разуму было в этом зрелище: человек, стелясь над землей, сопя паровозом — идет, почти ползет, быстро перебирая ногами, а перед ним не копна, не скирда — стог сена, огромный, невообразимый. Сергей знал, что нельзя останавливаться, сколько раз уже было — остановишься, а потом даже не представляешь, как такая гора могла двигаться...

— ...оружие... забыл... — матернулся Шпак, разворачивая бравую «двойку». Вспомнив об автомате, Сергей вспомнил, как Гаврила наказал ему «позаботится о Чжао». Или «присмотреть за Чжао»? Чего за ним присматривать, не ребенок, пятеро сыновей, три дочери и остальных родственников до кучи... Теперь Шпаков вспомнил точно: «Сергей, побольше внимания к Чжао».

Что хотел сказать Гаврила? Что имел в виду? Сашка как-то обронил, что эти «сверхчеловеки» говорят только то, что важно, что нужно, не занимаются болтовней. Ладно, думал он, поверим, тем более что и сам не любил заниматься пустопорожним переливанием слов. От лишнего километра ноги не отвалятся. Честно говоря, нехорошо это, стыдно и плохо. В глаза узкоглазые смотреть больно. Ведь это он, Сергей, после четвертой или пятой «проверки документов», после погромов, после щенячьего визга и плача взрослых мужчин, угрюмого молчания женщин, после лающих команд, под которые сжигались нехитрый скарб, хлеб, рыба (тогда Чжао еще занимался рыбой), забирались последние деньги, а некоторых увозили — на день, на два, после чего они, молчаливые и побитые — возвращались, чтобы снова и снова — работать.

Наиль рычал от бешенства, Андрей белел, Сашка глушил водку, а Сергей... После пятой (теперь он вспомнил точно) «проверки» Сергей пошел к Чжао, и, стараясь не смотреть в глаза, сказал, что отказывает в аренде, и лучше бы вам, вообще, того, съезжать завтра... Они

съехали послезавтра. Недалеко, правда, но теперь хоть не приходилось унижаться перед зверями и фашистами с российским флагом на левом плече, с оскаленным медведем — на правом. С глаз долой, из сердца вон. Кто же знал, что с них все и начнется? С самых слабых, с бесправных, живущих на развалинах будущей больницы?

Сергей на всякий случай застопорил копалку, пошел к одноэтажному серому «дому». Он еще и не дошел, как за окнами, забитыми досками, началось движение, шевеление, кто-то ругался, визжали дети. Шпаков зашел, громко стуча сапогами. Китайцы жались по стенам, молитвенно сложили руки на груди, кивали с застывшими улыбками, лопотали. Сбоку выскочил Чжао, в лохмотьях, в руке зажаты жалкие десятки, заговорил — не поймешь, то ли русский, то ли китайский...

— Чжао, это же я, Сергей! — громко сказал Шпак. — Ты что, не узнаешь меня? Вы же у нас жили! Мы же с вами вместе работаем!

— Серрей, да, Серрей, Чжао хороший. Документы в порядке... Работаем.

— Чжао, мне Гаврила говорил вас проведать...

Старый китаец моментально затих. Пропали шепотки, прекратились униженные поклоны, люди смотрели на Шпака во все глаза.

— Гаврила очень плохой, — неуверенно произнес Чжао. — Сергей?

Шпаков чуть не расхохотался. Выходит, что это правда! Видно, для китайцев все русские и вправду на одно лицо. Тем более что он заявился в маскхалате, перетянутый портупеей, дурацкий автомат на плече.

— Сергей, Сергей, — все уверенней говорил Чжао, смеялся, похлопывая себя по коленям, все еще неуверенно прикоснулся к Шпаку, потрепал его за локоть.

— Я тут копалку приспособил, надо картошку копать! — почти кричал Шпак. Ему казалось, что таким образом он сможет преодолеть языковой барьер. — Чжао, пойдём со мной! Бери всех! Картошка!

— Картошка! — радостно соглашался старик и повторял за Сергеем движения, будто втыкал лопату в землю, собирал клубни.

Внутри помещения послышались крики, женский визг, птицей отлетело в сторону покрывало, которым была занавешена дверь. Девушка, высокая, красивая (у Шпака даже дыхание перехватило), она пошла прямо на него, крича, надрываясь, сверкая глазами как кошка, зажав в руке фотографию. Мужчины бросились на нее, грозно повысил голос Чжао.

— А ну, стой! — заорал и Шпак. — Дай-ка! Дай сюда свою фотографию.

Он почти силой вырвал из белых рук кусок глянцевого бумаги, девять на двенадцать. Юная китаянка, не девушка, но женщина, смотрит устало и гордо. Точно красивая, не показалось. У Андрея сложилось мнение, что женщины прекрасны в гневе, и дух сейчас перехватило именно оттого, что глаза сверкали, волосы развевались, точно на ветру, зубы оскалены. Но и на фотографии она не просто миловидна, а по настоящему красива. Как он раньше не замечал? И еще — белый кулечек на руках, со сморщенной смешной мордашкой.

Вот про кого говорил Саша. Вот кого втоптал в землю солдатский сапог...

— Ты, русская сволочь! Ты убил моего ребенка! Уходи, не хочу тебя видеть! — слышал Сергей, очень хорошо понимая именно здесь и сейчас китайский язык.

— Это не я, — пробормотал он ошеломленно.

— Это не я! — рявкнул он, надеясь диким криком заглушить внутренний голос. Он, кто же еще! Именно он, погнав, выгнав, при свидетелях бы и спецназ не посмел никого убивать. А здесь, без свидетелей, можно. Какие из китайцев свидетели? Они и говорить-то по

нормальному не умеют. Да и были ли они? О каких китайцах вы говорите? У нас никого нет, вы уж поверьте...

— А, сволочи! — что есть силы заорал Шпак. Сдернул с плеча автомат...

— На, стреляй! Стреляй! — он одним движением плеча отодвинул от женщины тех, кто пытался ей помешать. Вложил оружие в слабые руки.

— Стреляй! Стреляй! Стреляй! — ревел словно слон, попавший в ловушку. Глаза полны ненависти. Выстрелит...

— Стреляй, — прошептал он ей почти на ухо, развернулся и медленно пошел, каждую секунду ожидая, как благословления... Не выстрелила...

* * *

Александр медленно вел машину по опустевшим улицам. Желтые листья уже лежали на дороге, ветер играл ими, ласково гонял по асфальту. Иногда приходилось отодвигать в сторону застывшие легковушки. Дорогие «Мерседесы» и «Ауди» Саша двигал бампером в бок, ревя двигателем и почти переворачивая сверкающие призраки бывшего богатства. Машинёнки подешевле старался объезжать — хотя бы и по пешеходным дорожкам. Если не удавалось — тихонько сталкивал к обочине. Ребята в кузове гоготали, стучали кулаками по крыше. Александр только морщился в ответ. Наиль приказал «стачечникам» принять по стакану сорокоградусной на грудь — для смелости. Татары и чеченцы не пили, на них Саша надеялся в первую очередь. Всего в кузове сидело тридцать два человека, все при оружии, к магазинам в под сумках — еще ящик «наших», переделанных патронов. На всех хватит. И двое — в кабине, сам Саша и Артемич. Старик в душу не лез, от предложенной водки отказался, сидел, курил, шурил глаза.

Когда-то Артемич, в погоне за длинным рублем, предложил мастеру переставить станки из линии (агрегаты стояли друг за другом) — буквой «П». Получалось, что оператор мог обслуживать не два станка, как раньше, а три. Бегать-то меньше, если поднапрячься — можно успеть. Начальство терпело высочайшую по заводу зарплату Артемича четыре месяца. Потом главный технолог не выдержал, пришел в цех. Присвистнул и созвал комиссию. Комиссия разбиралась недолго — уже скоро, через год, все станки из линейной постановки перевели в «П»-образную. Не на заводе, не в городе — во всей стране... Во всем великом и могучем СССР. А токарям добавили норму. Артемичу, конечно, выписали грамоту — достоин, как-никак. Работай, трудись, молодец!

— Останавливаю! — предупредил Саша и завернул в неприметный закоулок, прямо под низко свесившиеся ветви старой березы. В кузове заорали.

— Тихо, — сказал Александр вполголоса. Он протиснулся в самую середину людской массы, рывкнул:

— Слушай сюда. Подъезжаем к военкомату. Машина останавливается. По двое прыгиваем, рассыпаемся цепью. С территории военкомата никого не выпускать. Стрелять только на поражение! На поражение! Чечены... — Саша поймал внимательный взгляд Тимура, — ...и татары, — Наиль безмятежен, — ... идут со мной, внутрь. Выгоняем. Решаем.

«Что решаем?» — ожидал Саша вопроса, но все молчали, слушали.

— Ополченцев кладем на землю. Без нужды не палить, но стрелять, еще раз повторяю,

только на поражение! Поехали! Артемич, за руль.

— От машины ни на шаг не отходить, — предупредил он старика.

* * *

Грузовик влетел в раскрытые ворота на полном газу, резко затормозил, прошел юзом, задергался. «Стаечники» толпой попрыгали на песок, заорали, заулюкали. Саша вывалился из кабины.

— Айда! — яростный визг Наиля. Только сейчас Александр понял, на какую авантюру решился. Военкомат, конечно, занимал большое здание. Не огромное, просто — большое. А что такое девять человек для большого здания? Только обежать полчаса потребуется... И что такое два десятка людей с автоматами перед тысячной толпой...

Головы, куда не погляди — головы. Русые, черные, рыжие, стоят в ряду, ничего не понимают... Или не хотят понимать?

— Не срать! — заорал Александр оробевшим «стаечникам». — Выполнять задачу!

— Лежать, суки, — глухой голос перекрыл все остальные голоса. Артемич встал на капот, легко держал автомат в высохших руках. — Шофер, положи вон тех, дальних. Кощей — тебе вон те, у флага, Назар и Лебедь — держите ворота... Иди, Санек, вытаскивай гнид...

Они бежали, грубо сбрасывая тех, кто на лестнице.

— На улицу... лежать... руки за голову... на улицу...

Треск выстрелов, звон стекла, темно, как у негра в ухе — на первом этаже нет дверей, нет окон.

— Наиль, черный ход!

— Вылазь, падла! Руки за голову! Встать!

— Молчать! — выстрел.

По лестнице кубарем валится человек в погонах.

— А-а! Стоять, сука, убью!! — крик, женские вопли, треск выламываемых дверей. Матросы на площади, пулеметы к бою, флаг на крышу...

Саша и сам не заметил, как в магазине кончились патроны — сменил автоматическим движением — палец сам жал на спуск, глаза методично выбирали тех, кто бежит...

— Вниз... на улицу... руки за голову... лежать!

Получается, мать его! Почти получилось!! Есть норма, начальник!!!

На третьем этаже Александр догадался выглянуть в окно. Лежат, в куртках, в тренировочных штанах, поодаль закинули руки на затылок те, кто успел переодеться в хаки, всех положили — молодец Артемич. На выходе стоят двое, кладут тех, кто на подгибающихся выбегает из подъезда. Черный ход, здесь есть черный ход! Саша метнулся к другому окну.

— Лежать! — заорал он, выбив стекло. — Лежать! Огонь!

И четко, словно в тире, цевье на подоконник, одиночными — раз, два, три четыре, все — в головы. Залегли! Все равно не уйдут — военкомат огорожен бетонными плитами с «колючкой» поверху. Выход один.

— Лежать! Кто двинется — убью!

Теперь вниз... вниз... кто не успел, тот опоздал... Татары и «чехи» уже на четвертом, сейчас они тоже пойдут вниз — и после них уже никого не останется...

Глухой ропот, будто из-под земли, сотни и тысячи людей, согнанные на убой — они не знали, как поступать. Что делать, зачем, кто эти демоны на грузовике? Может, война?

Ах ты, мать моя, сколько же народу! Мальчишки еще, молоко на губах не обсохло. И мужики, уже сто раз стрелянные, под сорок лет, с бородами. Сколько же вас, тупых и серых, собранных в стадо. А где же пастухи?

— Врачи — отошли — вниз — на землю — руки за голову! — скомандовал Саша.

— Остальные — медленно встать — лицом к окнам — к окнам, я сказал — медленно — направо! Эй, стоять!

— Вы не имеете права! Вы ответите! Кто такие? — опомнился, падла.

Саша вскинул автомат. Короткая очередь — в спину. Длинная — в воздух.

— Хлебала закрыли!! Еще звук! Убью! Плотней, плотней! Наиль, Тимур, ко мне! Загоняй их!

Военкоматовское здание изогнулось пузатой буквой «П», как тройка станков на линии, образовав нечто вроде глухого двора, закутка внутри себя. Окна первого этажа заложены кирпичами, на втором — решетки. Александр поначалу пытался углядеть — нет ли в толпе призывников и врачей. Только офицерье...

— Баб куда? — зычно крикнул стачечник по прозвищу Кощей, длинный скуластый парень с черными безумными глазами. Кощей в одной руке сжимал автомат, другой крепко держал за волосы довольно симпатичную девицу в темно-зеленой форме. Александр разглядел на плечах женщины лейтенантские погоны — и махнул рукой.

— Пошла, кобыла! — рявкнул Кощей, одним движением швырнул женщину в общую толпу.

— Куда! — Денис-укладчик впечатал в асфальт толстого майора, тот заверещал, но второй удар, прикладом — раздробил офицеру череп.

Наиль ножом валил одного, плавным движением в развороте насадил на остриё второго, двое уже валяются — у одного из горла темно-коричневая кровь, у другого — ярко-розовая, даже пенится... Вот, блин, тараканы. Так и норовят разбежаться...

— В кучу их, мля... Плотней... Куда прешь, сука!

— Что вы делаете? Чего вы хотите?

— Стоять!

— Отойди, кому говорю!

— Сволочь!

— Убью...

«Они же их сейчас всех замочат, — с ужасом понял Саша. — Надо что-то делать...»

— Тихо! Стоять!! Слушай!!! — он набрал в грудь побольше воздуха.

— По закону революционного времени! — Александр вдруг с ужасом понял, что ему нечего сказать, кроме этих идиотских слов. Надо их пострадать, и отпустить. Что с них брать — люди подневольные...

Черта с два — подневольные! Связи нет, на улицах непонятно что творится, боееспособные части уничтожены — надо сзывать народ. Пусть ходят патрулями, пусть лезут под пули или что еще там, наше дело — организовать. Мало ли мы не понимаем — в таких случаях существуют инструкции, закон, наконец. Если государство в опасности, то надо найти и собрать тех, кто его защитит. А государство — это мы — все мы — ты что, не хочешь себя защищать? Убийственная логика. Мы имеем право послать тебя на смерть, но ты даже послать нас к черту не можешь. По закону военного времени...

— По закону революционного времени, — упрямо повторил Александр, — вы, как пособники контрреволюции, приговариваетесь к смерти. Расстрелом! Готовьсь! Цельсь! Пли!!!

Глава 20

Стачечники как будто только и ждали этой команды. Треск автоматов и крик, отчаянный, полный страха и не поймешь, кто кричит, в воздухе, перед толпой — странные ключья, словно бьётся красное стекло. Наиль меняет магазин, поводит дулом — вправо-влево, скалит зубы волчьей усмешкой, глаза остекленели. После четвертого магазина поднимает руку вверх — тишина! Как устали уши от этого моря непривычных звуков, от трехэтажного мата, рева мотора, треска автоматов, звона стекла, криков, в которых не разобрать слов — а теперь все утихло. Татарин потрогал ствол своего автомата, подул на ладонь, сменил магазин и пошел вперед, прямо по телам, опустив оружие вниз — проверяя ножом: все ли так, как надо?

Но еще не все, далеко не все...

Дыхание перехватило. Что он будет говорить? Что ему сказать тем, кто уткнулся мордой в асфальт, в траву, в песок? Их так много, а выход всего один. Они бы могли задавить нападавших голыми руками, разорвать в ключья, но это просто толпа, состоящая из маленьких испуганных людей, и даже если найдутся смельчаки — остальные бросятся врассыпную, пытаясь штурмовать неприступные стены, пока их не скосят огнем.

— Дяденька! — расслышал Саша громкий шепот. Мальчишка, совсем мальчишка, рыжий, в глазах — страх и отчаяние, лицо в грязи. Ах ты, сосунок без мозгов, человечешко недоделанный, стыдно даже стоять рядом с тобой, смотреть в глаза...

— Ну что? — закричал что есть сил Саша, чувствуя, как голос срывается.

— Хотите, как в сорок первом? На роту винтовка, и та не стреляет! За родину, за Сталина?

— Молодцы, — прошептал он. — Молодцы.

Ничего он не будет объяснять. Не хочет, да и не надо. Если сами не поймут — никто не объяснит...

— Эй, бараны, поднялись, и без глупостей — за ворота. Домой, братцы, домой. Нечего здесь делать. Дома есть дела.

— А еще раз увижу кого, кто строим ходить будет, — снова повысил голос Александр. — Пристрелю на месте. Идите домой, ребята.

Люди поначалу не верили, никто не поднимался. Только один, крепыш, коренастый, большеголовый, встал с земли, не торопясь отряхнулся, злобно блестя глазами на Сашку.

— Пошел я, — сказал смельчак.

— Пошел ты, — согласился Александр.

— И запомни, — громко и внятно сказал за плечом Наиль. — Этот человек тебе только что жизнь спас.

Они сидели на ступенях и ничего не делали, улыбались августовскому солнышку, остывшие автоматы — между колен. Наиль разносил по сто грамм каждому, под мышкой спряталась трехлитровая пластиковая бутылка. Откуда взял? И когда? Саша выпил, не чувствуя вкуса. Следующий — Тимур. Булькает водка в пластиковый стаканчик.

Костистая рука протягивается, чеченец медленно выливает прозрачную жидкость в рот. Глаза краснеют, Тимур глухо кашляет. Саша не верит глазам. Но приходится, черт побери. Все, нет пути назад. За нами... А что за нами? Москва? Разжиревший монстр, опухший от

денег и вседозволенности. Спускающий законы на бумажках, не желающий ничего слушать, ничего понимать. Надо убивать монстров. Это только начало — понимает Саша. Большая кровь еще впереди. Впереди много работы. Но он не боится работы, какой бы невыполнимой она не казалась. Глаза боятся — руки делают.

И если мусульмане начали пить — значит, мир действительно изменился...
— По коням, — скомандовал Саша.

Проезжая мимо желтого дома, он краем глаза заметил, что в другом доме, таком же солнечно-желтом, стоящем чуть поодаль, раскрылось окно.

Саша надавил на тормоз. Снова — на подножку, в кузов.

— Берем Дворянское собрание, — сказал он, дыша перегаром, вглядываясь в налитые кровью глаза. — Тихо валим охрану. Потом разберемся.

Звери, истинные звери. Мотор взревел глухим львиным рыком, машина плавно пошла вперед, набирая скорость, кровожадно урча, предвкушая резкий поворот. Все, не уйдут. От Гаврилы ушли, но от стаи дворняг — никогда. Они же не люди, и уж тем более — не сверхчеловеки. Они — озверевшие работяги. У них нюх, они же готовились для этого, пусть бессознательно; но улица, потом армия, следом — работа в единой бригаде, когда зарплата одного зависит от остальных, годы тренировки среди железной опасности, где каждое необдуманное решение грозит гибелью, где рукавица, закушенная патроном, означает быструю и равнодушную смерть...

Никто не кричал. Два трупы около тяжелой двери, еще один — на лестнице, еще три — на втором этаже. Татары блокируют запасной выход, что напротив центрального, парадного. Чечены, как тараканы, разбегаются по первому этажу. Тимур вытирает клинок «Барракуды» о костюмчик убитого. «Стачечники», как один — наверх.

Саша вошел в открытую настежь дверь первым. Хорошее дерево, старое, тяжелое, может быть, даже помнит, как сто лет назад сюда врвались другие — тоже разгоряченные водкой и кровью, с пулеметными лентами, увешанные гранатами, лихо веют ленточки бескозырок на бегу.

— Мы должны установить контроль! Ополчение... Пока мы не знаем...

— Ни хрена вы не знаете, — проговорил Саша.

— Это что? Выйдите отсюда! Что такое? Охрана, выведите! — громовой голос, приказывал подчиниться, выйти, бежать, поджав хвост. Но Саша поднял оружие и выстрелил — сначала в одного, в черной униформе, ближнего, у окна. Перевел взгляд на другого... Голубой берет метнулся под стол, и Саша поднял автомат над головой, с усилием прочертил на полировке длинную полосу дыр, пригнулся — посмотреть. Готов, товарищ полковник!

Рявкали выстрелы, черные тени метались по окнам, безуспешно искали выход. Охрана губернатора доказала, что не зря ест хлеб — сумела вывести «горячо любимого» из-под удара сегодня ночью — но днем она беспомощна. Не просто так им выдали черные костюмы.

Александр поднимает руку — тишина!

Андрей Викторович сидит, лицо налилось кровью. Саша осмотрел помещение. Прошелся взглядом по рядам обитых бархатом диванов вдоль стен, и тотчас же понял — не надо было смотреть...

Кресла у стола, много, штук пятьдесят. Высокие, обиты черной кожей, не просто дорогие — дорогушие. Даже страшно представить — сколько они стоят. Лепной потолок,

хрустальные люстры с шарами, массивные шкафы, с толстым стеклом, под ногами не дорожка — самый настоящий ковер, на всю залу, пятьдесят на десять, может быть шерстяной, ноги в кирзачах утопают, как в болоте. Саша видел новости по телевизору, давно, год назад. Собирался кабинет министров, в Израиле, в маленькой, но, по всей вероятности, богатой стране. Там кабинет был, наверно, побольше этого, только вместо гобеленов — голые стены, на полу — линолеум, стулья из нержавеющей стали. Но ведь так и должно быть! Нищая страна не должна показывать своей нищеты. Богатое государство не должно кичиться своим богатством. Это же логично, но как хочется плюнуть в лицо тому, кто придумал такую логику!

— Кто вы? Что вам нужно? — громко спросил губернатор. Он, не смотря ни на что, не потерял самообладания. Это был сильный человек, который хранил незыблемую веру в то, что с любым можно договориться. Даже сейчас, здесь, среди трупов, с пьяными убийцами. Всем людям что-то нужно, каждый добивался от него — кусочка власти, денег, продвижения проекта, подписи — и эти бандиты тоже чего-то хотят. Андрей Викторович приготовился к длинному разговору, к невозможным условиям, которые он, будто скрипя сердцем, пообещает выполнить. Только бы они не смотрели...

— Ты не помнишь нас. Но мы знаем тебя. Этого достаточно, — тихо проговорил Александр. — Когда ты приходил к нам, мы были готовы. Мы вылизали языками пол, на который должна ступить твоя нога. Я видел замученных до полусмерти женщин, которые готовили совхоз к твоему приходу. И ты являлся, большой, важный дядя, всемогущий и справедливый. Знаешь, что каждый из нас думал, после каждого твоего явления народу? Знаешь? Я скажу — мы думали, чтобы тебя больше никогда не было, чтобы ты забыл о нас, чтобы не лез со своими идиотскими похвалами и грамотами. Я пришел сделать это.

— Что я могу сделать? — капли пота побежали по широкому лбу. Не надо показывать, что боишься, надо дать почувствовать, что он, губернатор — такой же человек, со своими слабостями, со своей жизнью...

— Что ты можешь? — переспросил Саша. — Ты можешь умереть. Больше ничего не требуется.

Выстрел прозвучал неожиданно громко — все затаили дыхание. Только в углу послышался приглушенный стон. И тотчас же закричал младенец. Как не хочется смотреть! Но надо, Сашок, надо.

Зачем она пришла? Боялась оставаться дома? Решила поддержать мужа в кризисной ситуации? Из верности? Юная женщина, в два раза младше своего почти всемогущего супруга, она смогла подарить ему наследника. Со старой женой губернатор тихо и мирно расстался, газеты пестрели и умилялись идиллической новобрачной фотографии.

— Чтобы тебя разорвало, дура, — прошептал Саша, тупо глядя на стол. Надо же, нашли механические печатные машинки, целых две. Секретарши готовили приказы и указания, под пять копирок, неистово, рьяно, молодая даже состригла ногти. Александр перегнулся через стол — вторая секретарша была уже почти старухой, с пучком седых волос на затылке. Нечто похожее померещилось в двух телах, распластавшихся по разные концы стола. Секретарши часто похожи друг на друга. Эти тоже, хотя одна молодая, другая старая; девушка раскинула руки, пуля откинула ее на спину, неловкое падение задрало короткую юбку до трусиков. Старуха же будто прилегла поспать на ковер — как большая черная собака — смерть попала ей в спину, старая женщина медленно сползла с кресла, скрючилась. Но все равно похожи, потому что самое большое сходство в том, что они — мертвые.

Саша развернулся и твердым шагом направился в угол, на звук голоса маленького человечка, который совсем скоро вырастет, закончит престижный институт, как сын героя станет видным политиком, а может быть просто банкиром, или очень хорошим адвокатом. Сейчас его жизнь — в руках матери.

— Дай руку, — процедил Саша сквозь зубы. — Правую давая, стерва.

Он смотрел прямо в глаза, и видел там страх, растерянность и только-только зарождающуюся ненависть. Надо ее убить, но как? Александр рванул маленькую руку с черным перманентом на блестящих ногтях, и желал лишь одного. Маленькая, почти незаметная, заживающая царапина. Спасена, будет жить, и черт с ним, что поцарапалась, быть может, маникюрными ножницами. Комиссия вопросов не имеет. Он выпустил ее ладонь из своей, оглянулся, словно волк в телятнике.

Наиль пожал плечами. Он видел, что его друг просто струсил, перепугался. Ничего, сейчас не место для жалости и хорошо развитого воображения. А глаза у девки так и сверкают. Не дура, ох, не дура. Самого губернатора зацепила, а уже если их зацепит... Наиль не колеблясь вскинул приклад к плечу.

Саша смотрел в бесстрастные грязно-зеленые глаза татарина. Не выдержал, опустил взгляд, отошел с линии огня. Наиль выстрелил четыре раза, чтобы наверняка. Три патрона волчице, один — волчонку, с него хватит...

— Сколько времени? — спросил Александр.

— Одиннадцать, — отозвался кто-то из «стачечников».

— Еще в одно место заедем — и хватит на сегодня, — сказал Саша. — Наиль, что стоишь? Разливай водку.

Татарин ухмыльнулся, развернулся на каблуках, мужики торопливо расступились перед ним. Наиль открыл один из шкафов, с все той же усмешкой достал из темного нутра пару початых бутылок коньяка, схватил стаканы.

— Нюх у меня, — похвалился он.

Вкуса Саша не почувствовал, только жжение, и твердый ком, что застрял в горле, провалился в желудок. Артемич, сидевший рядом, засосал свой стакан одним махом. Александр встал, подошел к креслу во главе стола, ногой отпихнул бывшего губернатора. Хотелось почувствовать — что такое настоящая власть, какой у нее вкус, какова на ощупь? Ему вдруг представилась картина, как наяву, как будто сам присутствовал. Гаврила точно так же прошел по окоченевшим телам, к самому высокому креслу, больше похожему на трон, сел, положил большие руки на подлокотники, поерзал задницей по гладкой коже — но это кресло могло уместить в себе любую задницу. Руки сами собой потянулись к вороху бумаг. Приказ, постановление, еще приказ, а вот распоряжения — штук десять сразу, Саша взял тяжелую перьевую ручку и начал подписывать — легким росчерком пера, не читая, он не любил читать, особенно если не специализированная литература. Подписал все бумаги, посмотрел на ухмыляющиеся рожи «стачечников». Нет здесь ничего интересного, интересен сам процесс, а эти приказы и постановления, способность чувствовать силу на кончике пера — лишь пыль и суета. Выбрать врага, подставить ему подножку, схватить кусок побольше, выгодно развернутся, не обращая внимания на жалкие потуги так называемых «контролирующих» органов... Особенно сладостно видеть, как отдают честь менты — а ведь недавно боялся, чуть ли не до дрожи, до боли под ложечкой — а теперь сам можешь подойти, и только намекнуть, что проверять надо не тебя (все равно бесполезно), а некоего гражданина, который тоже копает, роет землю, хочет из маленького кресла — в большое. И

результаты мне на стол завтра же!

Но что есть эта грязная игра по сравнению с той, в которую играет Саша? У него нет грязи — только кровь, и он тоже выбирает врага, но время назначает сам, а еще лучше бывает, когда время само приходит, подхватывает, и единственное, что можно сделать — это направить движение в нужную сторону. Александр встал, отошел от кресла, сел рядом с Артемичем.

— Ты знаешь, Гаврила к нам на завод приходил, — внезапно сказал старик, и Саша понял, что рассказ ведется для него. — Пришел на утреннюю смену, в спецовке. Сказал, что документы потом принесет. Поставил я его на расточку, к Артему, в помощники. Еще помню, он на зенкера посмотрел, и... В общем, видел я, что не наш это человек, не такой он, фашист что ни на есть натуральный.

— Почему фашист? — Саша не понимал — к чему этот рассказ? Надо убираться из этого проклятого места, бежать, спастись...

— Ты слушай дальше, — Артемич откашлялся. — Видел я фашистов. Я ведь в сорок первом родился, застал. Их, пленных, на наш завод посылали. Отдельной бригадой, человек десять. Я тогда еще сопляком был, бегал поглазеть. Фашистов всегда на самую ответственную работу ставили. Наши кирпич самосвалом разгружали — а они руками. Немцы, понимаешь, фашисты. И этот — как немец, лишнего движения не сделает. Потом, конечно, когда узнали, понабежали — начальство, охрана, в наручниках Гаврилу повели. Производство закрытое, сам понимаешь.

— К чему ты это? — нетерпеливо спросил Саша.

— Ты слушай, глупых вопросов не задавай, — поучал старик. — Если бы эти немцы в сорок первом к нам в Нечерноземье пришли, да без оружия... Мы бы что, их бы стали гнать? Стали бы воевать, убивать их? — Артемич разошелся, повысил голос. — Да хоть сто миллионов приходите, живите мирно, землю поднимайте. Ан нет, понимаешь, государство. Граница, право, значит, на определенность, законы разные, все разное. Им головы запутали и нам запутали. Вот и положили мы друг друга миллионами. И вот сейчас, я же вижу, понимаю. Пришел человек — так живи, работай. Но ведь не дают. Бумажки нужны, документы, везде нельзя, а где можно? Он что, на завод воровать пришел? Да мы после него на расточке две недели зенкера не меняли, кулачки не центровали. А? А его — в наручники. Воровать пришел — в наручники, помогать пришел — в наручники... Да только промахнулись маленько, недодумали. Новое время настает, да? Саш, ведь все изменилось, не только электричество...

Артемич сгреб Александра за грудки, глаза старого наладчика горели недобрым огнем.

— Изменилось, — ответил Саша и отодрал старческие руки от себя. Потом сказал с угрозой:

— Артемич, я тебе что говорил? Сторожи грузовик, не вылазь... А ты что? Я тебе не начальник, чтобы уговаривать да выговорами страшать. Еще раз подведешь — пулю получишь. Кулибин спиновозский, из говна деланный... По коням, ребята...

В дверях он поймал Наиля за рукав:

— Ты зачем это сделал, урод? Я бы сам...

Татарин зарычал от бешенства:

— Слушай меня. Ты мне не мешай. Взял соху — не говори «не могу».

Вырвался, пошел дальше, только кинул через плечо:

— Я, Сашок, хочу, чтобы у тебя руки чистыми остались...

Еще один философ, мать его так и эдак...

В «Агробанк» они ворвались страшно. Орала изо всех сил, свистели, били стекла, с жестким матом рвали все на пути, и не экономили патроны. Охрана, наверно, даже не поняла, что произошло.

— Быстрее! — орал Александр, понимая, что надо еще быстрее, пусть не успеют опомниться, пусть не поймут — что случилось... Дверь с ноги — очередь в очкарика за столом, очередь в девчонку — под столом. Странно, ведь ни один компьютер не работает — чего они здесь собрались, паучье племя? Видно, ждали, мозговали, пытались приспособиться. Упыри, а не люди.

Сапогом в спину, сбил с ног, ствол к башке — мозги на полу.

— Ищите начальника! — заорал Саша.

Одна из дверей закрыта. Написано «Директор».

— Здесь, тварь, — осклабился Наиль. — Затаился, падла. Живым?

Саша прицелился в замок.

— Рикошет, — предупредил татарин.

Поздно, раньше надо было думать.

Замок после трех выстрелов разворотило, но дверь держалась, и Сашка, ощерясь, всадил очередь в косяк. Пыль скрипит на зубах — стальная махина поддалась, Денис — укладчик вырвал ей железные зубы, с громом распахнул. Здесь, здесь директор! Высокого крупного человека в зеленом костюме-тройке схватили, вывернули руки, повели в коридор, не слушая что говорит, пьяные от крови. Поставили на колени, лицом к стене.

— погоди, дай я, — сказал Александр. Шум уже утих, лишь в конце коридора, в какой-то из комнат переворачивали столы и били оргтехнику.

— Привет, — сказал Саша. — Повернись. Помнишь меня? Ну и черт с тобой, запомни лучше, что я скажу.

Если начал — доводи до конца, не разгильдяйствуй, не разглагольствуй — говорил внутренний голос. Нельзя — упрямылся разум. Я же плохой, я же убийца, палач, сверхчеловек без разума. А они, те, кого предстоит убить — считают себя хорошими, добрыми, справедливыми, умными, белыми и пушистыми. Вот поэтому плохие парни во всех фильмах объясняют им, божьим одуванчикам — за что они должны умереть. Вот Александр знает, за что готов умереть. А эти — не знают, даже не догадываются. А казалось бы — чего проще? Ведь Саша готов жизнь отдать за свою семью, за жену и дочь, за друзей, за самого себя, наконец. И если кто-то или что-то угрожает тебе — напади первым, устрани опасность. Если кто-то хочет выгнать твою семью из дома — убей его. Хочет отобрать заработанные деньги — убей. Хочет, чтобы ты сидел в тюрьме — убей всех, как можно быстрее, пока они не добрались до тебя, будь сильнее, быстрее, жестче. Остальные — слизняки, отравляют тебя, опутывают словами, моралью, законом, сажают на цепь, хотят, чтобы служил. Но ты — не собака, чтобы служить. Ты — человек.

— Встань, — приказал Александр.

Ух ты, какой здоровый! Выше Шпакова, шире в плечах, да только вот Андрюха все равно весит больше, потому что в Шпаке — сила, а в этом — просто видимость.

— Сколько ты вешишь? — спросил Саша и заметил недоумение в глазах жертвы.

— Сколько вешишь? — внешне спокойно, но на грани с бешенством повторил он

вопрос.

— Девяносто восемь...

Не ошибся. Не человек — просто оболочка, похожая на человека.

— Слушай, что я скажу. Я слышал, читал, мне говорили... Банки — это хорошо. Банк — это быстрые деньги. Банк — это кредиты, проценты, надежно, мать-перемать, как в банке. Все замечательно, все довольны. Да только не сходится. Пока работал на заводе, получал гроши — я не знал вас. А потом решил — хватит с меня. Вот этими руками — построил дом, мастерил мебель, пахал землю. Работал на себя, что зарабатывал — отдавал таким же трудягам — пусть даже в садик, в больницу. И вот, узнаю, что я кому-то чего-то должен. Кому, за что? Не знаю. Не понимаю, — Саша старался говорить четко, внятно, без мата. Раз пришло время — он тоже станет философом.

— И тогда пошел к вам. Клялся, умолял, выпросил деньги — но не просто так. Трактора, моими руками собранные, дом наш, земля наша — и в секунду вашим оказалось. И требуете — еще и еще. Не хочу понимать! Когда работал на других — имел гроши. Стал работать на себя — ничего не имею, зато должен всем. Как так получилось, почему? Думаешь, я за ответом пришел?

Директор смотрел сверху вниз. Он уже надеялся. Если сразу не убили, значит и потом — не посмеют, испугаются, ведь его отец — прокурор района, брат — депутат...

— Нет, не за ответом. Я долг отдавать пришел. Но денег у меня нет, напрасно думаешь. Я ведь крестьянин, мои деньги — земля, урожай, плуг. А вам же это не нужно. Вы же присосались к нам как упыри, требуете исправно, сил больше нет терпеть, хотите весь пирог съесть, все под себя подмять, ни копейки мимо кассы. А вот нет у меня копеек. Зато смотри, что есть...

Саша передернул затвор. Блестящий патрон покатился с легким звоном по паркету.

— Вот, что у меня осталось, — пошипел Александр. — Вот она, моя плата.

Он подошел к мужчине сбоку, попробовал дотянуться до уха — не смог, высоко. Тогда ударил под колени, заставил опуститься, отомкнул магазин, вставил патрон — перед глазами, чтобы видел — снова передернул затвор.

— Мы как псы на цепи, — зашептал он в ухо с синими прожилками. — Нас же со всех сторон — бьют, чтобы служили лучше. Только одни ломаются, другие сгибаются, а я вот с цепи сорвался. Как же я вас, хозяев, боюсь и ненавижу. Злоба лютая, невыносимая. Пес не умеет говорить. А я вот скажу, я умею. Сам себе. Для себя. Одно слово.

— Фас! — крикнул Саша и выстрелил.

Отвернулся и добавил — спокойно, словами завершая хорошо сделанную работу:

— Разбить здесь все. Сжечь дотла. На сегодня — хватит.

До чего же хорошо на улице! Тепло, солнце, живи — не хочу, радуйся каждой прожитой секунде. Не надо никуда идти, делать не нужную работу, никому не должен, ни за что не отвечаешь. Только за себя самого — это уже громадная ответственность, и вряд ли кто-то сможет нести больше. Вырвался таки, сумел, не струсил — из болота, с цепи, прорвал паутину. Он теперь большая муха, даже не муха — оса, безжалостная, с тонким гладким жалом. Повезло ведь, просто повезло — с грузовиком, с автоматами, с друзьями — и разве такое везение можно упускать? Надо хватать удачу за хвост, пусть ощерится клыками, ты уже не боишься. Не надо вскакивать на подножку уходящего поезда — надо останавливать весь состав.

— Шпаков, верно, уже все поле перепахал, — сказал Наиль, кашляя от дыма. — Мы ему грузовик через час обещали. А сейчас сколько? Кощей, сколько времени?

— Полпервого.

— На поле поедем. Потом пожрем, — решил Александр.

Сергея вышел на поле и с удовольствием увидел, что не все уехали на грузовике с Сашей. Кое-кто остался, вышел в поле — с лопатами, с тачками, высятся тут и там мешки. Единственное, что не понравилось — многие слишком далеко от того места, где вчера закончилась работа. Две парочки аж на середину убежали. Шпак смотрел из-под ладони — солнце стояло высоко, наверно уже час времени, к обеду.

Но что это? Куда они так бегут, словно воры? Ведь разрешили же, сказали — на всех хватит, зачем спешка? Сергей оставил упряжку у крайней борозды, сам пошел к людям. На него озирались угрюмо, чуть ли не со злобой. Старухи какие-то, молодежь поплевывает семечки, рожи испитые. Он постоял и пошел дальше — к четверке посередине поля, с возрастающим недоумением ступая по покореженной земле. Потом он догадался, что пришедшие сегодня воровать копают не все кусты, а мелкую картошку отбрасывают, это понятно. Но зачем выкидывать большую? Плохо лежать будет? Но это же не скороспелка, не Бородянская какая-нибудь, а самая настоящая Невская, с синевой в кожуре, с яркими глазками, и лежать будет долго, если нормально перебрать. Две пожилые женщины, два серых мужичка — идут, даже не выкапывают, а выдергивают ботву из сыпучей земли, берут один куст через десять.

— Мужики, вы чего делаете? — громко спросил Шпаков.

Они остановились, смотрели на него с неприязнью, перехватили лопаты.

— Шли бы с начала, зачем поганить-то... — произнес Сергей рассудительно.

Один из мужичков далеко сплюнул, осмотрел Шпакова с головы до ног:

— Чего вылупился? Иди, куда шел.

— Чего, больше всех надо? — поддержала женщина.

Сергея нахмурился, он не сомневался в своей силе и правоте, просто хотел помочь другим. Он же их всех положит, одной левой землю жрать заставит...

— Вообще-то, это мое поле, — сказал он, скрывая угрозу, напрягая плечи, готовясь взять за шкирки и поволочь — к концу поля, заставляя выкапывать все, до самого последнего...

— По еб...шу захотел?

— Ваня, дай ему!

— Ты чего, мужик? Ох...ел?

— Да я вас сейчас, — сказал он вполголоса и почувствовал, как сзади ударили — лопатой, лезвием, в шею, почти не больно. Это даже не удар — так, приласкали. Шпак хотел развернуться, но почувствовал, что ноги больше не держат, кромка леса мелькнула перед глазами, а сверху обрушился еще удар — опять лопатой, тяжелые у них лопаты, мать — и еще, и еще...

Сашка въехал на поле, и сразу понял, почуял — не то. Владимирцы стоят, запряжены в старую копалку — ну, Шпак, молодец! — людишки странные копаются, а вон там парочка уж чересчур лопатами машет... И через мгновение догадался, понял, заорал:

— Ребята, окружай! Шпака убивают! Артемич — руль держи! Мать твою в п. ду через

жопу!

Выскочил, последние патроны — в воздух, чтобы остановились, чтобы отвлеклись, перестали махать лопатами. Страшно даже подумать — ведь за самый край рукоятки держат, над головой замахиваются, сволочи, деревня, дубье дремучее, так ведь и убить можно. Из кузова горохом посыпались бойцы, — уже бойцы, все знают, все схватывают на лету, — рассыпались, широким полумесяцем — никто не уйдет.

— Гони! Артемич, гони, старая ты калоша, баклажан гребаный...

Двигатель не ревел — он выл, правая педаль до конца в пол, на второй передаче, волны земли расходятся в стороны — только бы успеть! Бросили лопаты, побежали, не уйдут, поздно, сволочье.

— Серега! Шпак! — даже смотреть больно. На голове, сквозь русые волосы — рубленные раны, точно топором, а не лопатой, и не одна, не две — десяток, и в шее — глубокий багровый провал, и спина — словно банку с краской опрокинули.

— Не трогай, не трогай его! — орал Артемич. — Носилки надо! Всем вместе надо. Не трогай!

— Тимур, ко мне! Наиль, сюда! Стачечники, первая бригада, вторая линия, расточка! — орал вне себя Александр.

— Борт руби! Отстреливай его, твою...

Какой борт? О чем они говорят? Что вообще собираются делать?

С грохотом оторвался правый борт грузовика. Это молодцы, хорошо придумали, правильно, умницы.

— Клади его, — десятки рук взяли стодесятикилограммовое тело как игрушку, аккуратно, на одном дыхании положили на старые доски.

— В кузов его, четверо — туда же, — командует Артемич. — Живой он, живой пока... Да погоди ты со своим — гони! Я тихо поеду, ты лучше перекинь в аптечке ищи. Мужики, — Артемич кивнул чеченам. — Тут недалеко больница, за леском, я туда не поеду, не довезем мы его. А там даже электричества нет... Рысью туда, реанимационную бригаду — за руки, за ноги, поняли? К дому их ведите. Расточка, Сергей, Тема — с ними пойдете, рожи подходящие. На первой передаче еду. Сашок, Сашка! Скачи домой, прямо на улице ставь столы по пояс, марлю, воду, тазы, зеркало готовь. Быстро, черти! Девочек успокой, чтобы не орали!

Старик влез в кабину, мягко завел движок, медленно двинулся по бороздам. Наиль матерился — с чертями, с богами, с матерями и просто так, грязно, желая лишь одного — довезли бы. До больницы точно не довезут. Прав Артемич, там его сейчас только на стол положат и оставят умирать. Не надо быть хирургом, чтобы понять — с таким ранами не живут. И никого не пустят — такое правило. А на улице — другие законы. Сашка каждому дуло к виску приставит — делай, делай хоть что-нибудь! Может, чудо случится, случилось же оно восемь лет назад. Не может быть, чтобы такой бык, «богатырь земли русской», как в шутку называли Шпака, подход как собака, изрубленный лопатами, от рук каких-то пьяниц и воров.

Вспомнив про них, Наиль медленно обернулся. Все стоят здесь, на коленях, под дулами автоматов. Никто не убежал — слишком широко поле, да и под пулями не очень побегаешь.

— Кто? — спросил он полусшепотом, страшно, хотя уже чуял, видел по глазам, по движением, по запаху.

— Выходи, — сказал он и ткнул стволом в первого. — Выходите все!

— Пошли, — он взял мужичка за рукав и поволок за собой, а когда тот начал бурчать, отбрыкиваться — ударил автоматом, со всей дури, плашмя, по лицу, разодрав рукоятью нос. Потом взял за шкурку, словно кутенка, потащил, по разрытой земле, спотыкаясь сам — к оврагу.

— За мной, — не оборачиваясь крикнул Наиль.

Противно, паскудно, но надо. Дураков надо убивать, дороги надо чинить, все делать вовремя, стоять до последнего, даже когда чувствуешь, что сил больше нет, даже желания нет, и патронов нет. Не надо учить стадо, не надо читать баранам лекции, все равно не поймут, а если и поймут, то только по-своему, а еще покрутят пальцем у виска: плетью обуха не перешибешь, ветер солому ломит. Да только плети разные бывают, и если ее до космической скорости разогнать — она и танковую броню разрубит, а высохший бамбук тоже солома, и никакой ветер ему не страшен.

— Вы! Четверо! Лежать. Остальные — смотреть! Смотреть, я сказал!

До чего же бестолковые. До чего серые, забитые, потерявшие последние остатки человеческого достоинства, ничего не желающие, даже шевельнуться бояться. Правда, что толпой управлять легче всего. Правда в этих дурных фильмах, в «Списке Шиндлера» и «Скрипаче» и других, многих других... Никто не попытался, никто даже не дернулся во время расстрела, многотысячная толпа боится двух солдат с жалкими «пукалками». Даже когда понимают, что всё — смерть стоит рядом — ничего не делают, а тот, кто прозревает, кто чувствует и понимает — да, только он настоящий человек, способный на действия, способный хоть что-то изменить, хотя бы последние секунды собственной жизни.

— Лежать, тварь, руки по швам, — Наиль вцепился в жидкие волосы, уперся коленом в спину, мягко вытащил нож, дамасская сталь хищно сверкнула кружевами — и с оттягом, резко, контролируя усилие, чтобы не запачкаться — оставил на горле длинную ровную улыбку. Толпа заверещала, завывала по-собачьи, кого-то вырвало, кто-то упал, а татарин уже сидел на следующем, точнее — на следующей... Только последний нашел силы повернуться, попытался перехватить карающую руку — Наиль убил его ударом в грудь. Какой тяжелый день, подумал он. А еще надо будет сбросить их в овраг, спустится, закопать — задали работы, чувырлы. Он скинул последнее тело с обрыва, стараясь, чтобы они лежали кучей.

— Разойдись, — устало сказал Наиль. — Лопату пойду найду. Надо их хоть землей присыпать, не оставлять же...

Сначала Александр бежал, а потом пошел, пусть далекий шум мотора подгонял, бил в спину. Нельзя суетиться, нужно поправить одежду, хотя маскхалат все равно висит мешком. Саша зачерпнул дорожной пыли, тщательно растер кровавые пятна, отряхнулся, все на ходу. Поправил ремень автомата, застегнул ножны, подумал даже спрятать в кустах меч — болтается ненужной палкой за спиной, ни разу сегодня не вытащил, самурай доморощенный. Но не выдержал — снова побежал, трусцой, тщательно прогоняя воздух через легкие.

Хорошая жена у Шпака. Толковая, широкоплечая, широкобедрая, под стать богатырю, все понимает, без толку ничего не делает, хотя и ленивая, спать любит, курит, но все же она — доцент, а они всего лишь кандидаты, а Александр даже не закончил, бросил диссертацию и опыты на полдороги. С пятого этажа бросил, вместе с собой... Чудо случилось, истинное чудо, хоть и страшали — ходить будет только под себя, про детей забудь. Но ведь пошел, уже через год пошел, да не куда-нибудь, а на завод, на первичку, железо таскать неподъемное. Не убивает, но делает сильнее — знакомая фраза. Ницше. Павин этому Ницше пулю засадил.

Правильно, наверно, сделал.

— Анечка, не волнуйся, там Шпака на поле немного поранило, — она смотрела и пока еще не верила, кормила маленькую Александру с ложечки.

— Давай, я столы на улицу вытащу, ты воду кипяти, спирт достань, — и Саша единым движением всучил Ане тарелочку с кашей, смел все остальное со стола, подхватил четырехногую тяжесть, закрылся столешницей от темных глаз, едва протискиваясь в дверь.

— Папа вернулся, — закричала выскочившая из квартиры Люда. — Папа ты зачем стол несешь? Папа, у мамы голова болит и живот.

— Ничего, красавица, оно плохо, конечно, но так может лучше, — пыхтел Саша, стараясь не задеть дочку. — Иди к маме, я подойду скоро.

— Что с ним? Скажи мне по-человечески, — Аня стояла на площадке, над головой.

— Если довезем — жить будет, — рявкнул Саша.

Во дворе никого не оказалось. Как всегда, как только потребуется помощь, нет никого, хоть разорвись. Саша вытащил второй стол, из своей кухни, только мельком кивнул Наташе, ничего не сказал. Потом ломанулся к Наилю, конфисковал у него кроме стола два стула и высокую вешалку — если потребуется переливание. Что говорил Артемич про зеркало, зачем оно? Все равно сорвал у татарина круглое зеркало со стены, вынес, поднялся к себе (гул мотора все ближе, звук под ребра бьет), набрал простыней, вытряхнул из трюмо все, что могло потребоваться. Аня уже суетилась на улице, расстилала простыни.

— Спирт возьми, — сказала женщина сквозь зубы.

Только бы «чехи» не подкачали, думал Сашка, взлетая на второй этаж. Когда снова выбежал из подъезда, то «стачечники» уже снимали Шпакова, Аня тихонько выла.

— Бегут, бегут, — слышались голоса. Тимур показался первым, аккуратно положил большой белый чемодан на предусмотрительно подставленный стул, осторожно скинул с плеча тело в зеленом халате — это оказалась миловидная испуганная медсестра, вполне живая и здоровая. Потом чеченец рухнул на колени.

— Двоих только взяли. И медсестру. Она на каблуках, пришлось нести. Больше никого нет, — прохрипел он.

Грузовик взревел, отъезжая, Артемич выскочил из кабины, почему-то с топором, и кинулся к кустам акации.

— Солнце нужно, — проворчал он, и Саша понял, что зеркало будет их прожектором, хирургической лампой, только бы хирурги успели. В нетерпении он чуть не рванул по дороге, туда, откуда прибежал Тимур, но вовремя заметил голубые халаты, появившиеся с другой стороны дома.

Один из врачей, пожилой, загнанно дыша, взял руку Шпакова, потом пощупал на горле, посмотрел зрачки. Он действовал очень быстро, словно куда-то спешил, боялся не успеть. Молодой без всяких указаний воткнул Шпаку иглу в руку, еще одну, закрепил капельницу, воспользовавшись вынесенной Сашей вешалкой.

— Острая, — понятно, что говорит про кровопотерю, кровь медленно окрашивала белые простыни, расплывалась даже не пятном, но лужей, озером, целым морем. Сколько же её в этом громадном теле! Вес умножить на семьдесят — вспомнилась глупая формула. Серега, наверно, потерял уже больше, чем есть в Александре, вечнорумяное лицо посерело, картофельный нос заострился.

— Пульс. Девяносто. Двадцать пять. Сразу две... — переговаривались врачи, руки в синих рукавах мелькали над бледным лицом. — Можем... Пробуем...

Врачи были похожи на двух зверей, копошащихся над все еще живой жертвой, ни одного лишнего движения, все очень быстро, тихих слов не разобрать, но видно — не выпустят, не отдадут, сумеют вытащить, и даже если молодой сказал: «потерял», то говорит всего лишь о пилке для очередной ампулы.

— Перевернем его, осторожно... Кабан... Давление... Нужно госпитализировать, сердечное... Анестезия... Владислав Сергеевич, держите голову...

Увидев, что могут сделать две обычные лопаты с человеком, старый врач на миг замер. Только на миг, но потом снова вернулся в состояние суетливой спешки, и только один Александр видел, что движения потеряли уверенность, пальцы на миг застывали перед тем, как решится на очередное движение.

— Нет, — сказал он. Они посмотрели друг на друга, а потом молодой поднял глаза, снял маску. Старый продолжал работать.

— Даже не понимаю, почему он... Везем немедленно... На искусственную вентиляцию... Трубку... Дай там... Довезем... Двадцать... Сорок... Нельзя...

Саше очень захотелось поднять автомат, но вместо этого он засучил рукав маскхалата:

— Слушайте очень внимательно, — сказал он. — Делайте что хотите. Вам ничего не будет, я клянусь. Он же жить хочет. Переливайте, режьте, зашивайте, что угодно, только не стойте. У него вторая, положительная, как у меня...

— Вы не понимаете, молодой человек. Этот человек уже мертв, это не агония, сердце может биться еще до пяти минут, — быстро и с раздражением говорил молодой врач. — Даже если бы мы хотели... затронут позвоночник... не знаю — перерублен, или поврежден, множественные переломы кости черепа. Мозг уже не действует, это я вам говорю без энцефалографа с вероятностью...

И тут Александр почувствовал, что Он идет. Сердце даже замерло, но ощущение казалось таким странным, будто Он не понимает, чего хочет и хочет ли вообще... А потом все исчезло, так же быстро, как и появилось, только капля пота сползла с виска.

На ступенях подъезда стояла Наташа. Она посмотрела на распростертое перед ней окровавленное тело, и не один мускул не дрогнул на ее прекрасном лице. Потом сделала шаг, спускаясь на ступеньку. И снова Саша почувствовал, всеми потрохами почувствовал — это Он сделал шаг, не Гаврила, нет, кто-то другой, не менее могучий, не менее всесильный. Наташа подошла к сдвинутым столам, осторожно положила руку на кровавую кашу затылка. Старый врач хотел что-то сказать, но тут Серега дернулся, глухо застонал, как будто пытался что-то сказать сам. От стола отпрянули все — настолько нереальной и ненормальной казалась ситуация, даже при свете солнца, даже при условии, что на плечо давит надежная тяжесть оружия. Александр едва подавил желание бежать, но справился, шагнул к жене, взял горячую ладонь. Пальцы Наташи медленно сползли к толстой шее, к глубокой, словно Марианская впадина, ране, прямо внутрь, без всякой подготовки, без анестезии, без стерилизации. Видно было, как тонкие окровавленные пальцы шевелятся, будто что-то нащупывают, что-то сжимают.

— А-а! — сказал Шпаков. — Больно, — добавил он внятно.

— Потерпи. Терпи, Сережа, — сказала ласково Наташа, и мурашки пошли от этого ласкового голоса. — Ему надо кровь перелить. Я не могу, у меня нет...

Молодой врач вцепился в Александра, протер руку холодным, вонзил иглу. Саша даже

не поморщился. Сначала он думал, что это помогает Гаврила, а потом понял... Даже не понял — поверил...

— Будет жить, — решительно и без всякого удивления произнес старый врач, не отрываясь от распростертого тела.

* * *

Вечером этого же дня к Александру явился странный мужичок в штопанном зимнем бушлате. Он осторожно поскребся-постучался в дверь на втором этаже, Саша выглянул, смерил взглядом пришельца, грубо спросил:

— Что надо?

— Разговорчик есть, гражданин-товарищ...

— Ты чего, откинулся только что? Я тебя не знаю.

Мужичок потрогал давно небритый подбородок.

— Сашок, выйди на минуточку. Базар не об этом.

Такое явно загадочное поведение заинтересовало молодого человека. Саша со вздохом закрыл дверь, сдернул с вешалки автомат, вышел на площадку.

— Курить будешь? — спросил он угрожающе, не забывая, чтобы ствол оружия всегда смотрел на мужичка.

— Откуда меня знаешь? И вообще, как ты мимо первого этажа прошел? — продолжал наседавать Саша, потому что ясно слышал, как в квартире Наиля переговариваются чеченцы и татары, обсуждают, верно, последние события. Дверь в квартиру они не закрывали.

— Так я же тихонечко, — улыбнулся, закуривая мужичок. — Меня Гаврила послал.

От такого заявления Александр поперхнулся дымом, закашлялся.

— Кто? — просипел он.

— Гаврила, — повторил нежданный гость. — Он к нам в тюрьму приходил, а потом еще раз нашел...

— Куда он приходил? — Саша сам никак не мог прийти в себя.

— В тюрьму, на «химию» нашу, в зону...

Но Александр уже знал, уже видел, будто кино на быстрой перемотке — как и зачем приходил сверхчеловек. Он прошел сквозь ворота, хотя, может быть, стальные многотонные листы выгнуло пузырем, с грохотом сорвало с петель... или с полозьев. Охрана бегала по двору, а скорее всего — спряталась, когда увидела, что Он сделал с теми, кто пытался остановить... Потом шел по гулким коридорам, срывая решетки и перегородки, входил в камеры, обводил безжалостными холодными глазами вжавшихся в стены уголовников...

— Идет, а со стен пыль падает. Двери все выломал, — бормотал мужичок, и Александр ясно видел, что пережил этот человек за несколько минут встречи с неизвестностью...

— Стал в дверях, молчит и смотрит, выбирает. А потом мочить начал... убивать, то есть. Кого руками, кого — так... Нас в хате восемь было, мы с друганом, значит, живые... Он ко мне повернулся, я глаза закрыл. Все, думаю, отмаялся. И говорит так, ласково, я такого никогда не слышал. Иди, говорит, Леша, ты свободен. И адрес назвал — куда идти. Бабка раньше комнаты сдавала, теперь свихнулась совсем. Мы там кантовались помаленьку, а потом снова пришел... Ох, мля...

— Кто пришел?

— Гаврила. Гаврила, сказал — его так зовут. Смотрит на нас, улыбается. Спросил, живы ли? Мы, значит, отвечаем помаленьку. А он говорит: идите теперь к Мастифу. Петя его и спросил: кто такой Мастиф? А он рассмеялся, говорит: собака такая есть. А теперь, мол, и человек такой есть. Он, говорит, ночью больше не ходит. Днем, грит, ходит. И не боится никого и ничего — ни бога, там, ни черта, ни закона, ни власти, ни армии, ничего, самого себя даже не боится... Когда придете, скажите, что вы псы его верные. Вот так, как на духу рассказал...

— И чего?

— Так, это, пришли мы. Что делать? Супротив не пойдешь...

— А почему ко мне?

— Так, это, — замялся мужичок. — Ты же Мастиф. Вот...

— Меня, вообще-то, Смирнов Александр Сергеевич зовут, — резко оборвал Саша, хотя уже знал, что все правильно сказал Гаврила. Все верно, стервец, обсказал, да еще и псов подослал, скотина голубоглазая...

— Так и что, — мужичок нисколько не удивился. — Ты же мусоров положил. «Жилетов» на ферме положил?

— Каких «жилетов», на какой ферме?

— Так ОМОН кличем...

— Это не я...

— Военкомат положил... Губернатора положил... Банк взял... то есть, положил. Наши там были, сразу после вас — говорят: деньги целы, только обгорели малость... И всё днем... Больше некому, — закончил мужичок и посмотрел снизу вверх, совершенно собачьим, затравленным и преданным взглядом. Хотелось верить, хотелось почувствовать, что ты не один на этом свете, что есть еще люди кроме тебя...

— Ладно, Алексей, убедил. Где вы тут спрятались?

— Недалеко мы, на улице... то есть в подвале. Солнце заходит. Страшно. Одному ночью не страшно. Вдвоем, втроем можно. Четверых он всегда убивает...

Они спустились, вышли на улицу, мужичок сложил губы трубочкой и едва слышно посвистел. Александр улыбнулся — кто услышит такой слабый звук? Однако, к немалому удивлению, слышали. Десяток взрослых мужчин, опять почему-то все в ватниках, выскользнули из подвала ближайшего пятиэтажного общежития. Метров сто пятьдесят до него — как слышали? Или свист был только отвлекающим маневром, а мужичок подавал знак? Саша невольно подтянул автомат поближе и шагнул назад, удерживая бывшего «зека» в поле видимости.

Люди приблизились, но не подходили, держали расстояние. Александр невольно отметил, как они все похожи — не внешностью, не драными бушлатами, но глазами, выражением лиц. На миг ему даже показалось, что сейчас они завиляют спрятанными до поры хвостами.

— Мы... — начал один, повыше остальных.

— Знаю... — проворчал Саша. — Псы. Мои, верные... Пошли. Покажу...

Он чуть не сказал — конуру, но вовремя опомнился. Чушь какая-то, бред. Шпак всегда называл четвертый подъезд их дома — «конурой». Наверно, оттого, что там китайцы жили, а они, говорят, собак едят. Во всяком случае, там и сейчас пахло, но не псиной, а старой шерстью, гниющим тряпьем и особенной пылью, которая остается после зерна.

— Жить здесь будете, — говорил Саша. Он нашел огрызок свечи, чиркнул спичкой, и

неровный огонек осветил крашенные стены, заложенные кирпичом окна первого этажа, солому на полу.

— Туалет один, — показал Саша. — На втором этаже окна. Здесь, если потребуется, тоже застеклите, только не увлекайтесь, лучше бойницы сделайте. Квартиры пустые, вот мешки, можете пока на них спать. Сколько вас?

— Двенадцать...

— Ну вот, как раз, каждому по комнате, — Саша немного кривил душой, он сосчитал и кухни. Правда, они ничем не отличались — газовых плит здесь не было. — Отопление есть, но только трубное, батарей нет...

— Пожрать бы, — мечтательно произнес кто-то. Остальные засмеялись, и снова показалось — словно люди загавкали.

— Ладно. Сейчас принесу. Дверь закройте, я через крышу пройду...

На крыше Александр застал Тимура. Чеченец стоял с автоматом, обозревал окрестности, словно любовался вечерним городом.

— Слушай, не в падлу, — начал Саша, и Тимур покосился. — Я тут пополнение привел. Двенадцать ртов. У Наиля еда есть?

— У Наиля все есть, — философски ответил чеченец.

— Ты крикни своих вайнахов, пусть сообразят чего, а я у себя пошарю, — попросил Саша, спускаясь по лестнице.

Дома Александр упросил Наташу «посматривать», оглядел жену с ног до головы, пытаясь найти в ней изменения, поджег керогаз, налил воды в самую большую кастрюлю и засыпал молодой картошки прямо из ведра.

— Так сойдет, — проворчал он.

На площадке он снова столкнулся с Тимуром. Чеченец протянул два туго набитых пакета.

— Где Наиль?

— Он там, на первом, пусть, не трогай его, — отозвался чеченец. — Все тихо.

Александр пожал плечами — насколько позволили тяжелые пакеты, и направился к «псам».

— Вот, — сказал он. — На первое время хватит.

И стал вынимать, с все возрастающим удивлением: дорогушью копченую колбасу в двух упаковках, копченую курицу, баночку соленых огурцов, две банки говяжьей тушенки, пучок укропа в вакууме, десяток помидор, два длинных огурца, рыбные консервы. В другом пакете оказалась трехлитровая пластиковая бутылка водки, щупальце кальмара, две буханки черного хлеба — опять в упаковке, бутылка газированной воды, двухлитровая упаковка томатного сока, шпроты...

— Ну, блин, татары злые, — только и сказал Саша. В магазины, помнится, они сегодня не заходили.

— Давайте, рассказывайте, кто и откуда. Картошка через полчаса будет, — говорил он, доставая дюжину пластиковых стаканчиков, расставляя их, заливая водку. Сколько ж ее сегодня выпито! И сколько еще будет...

— За здоровье, — провозгласил он первый тост. — У меня сегодня друг с того света, считай, вернулся... Да и вам, чувствую, надо новое место обмыть. На старом, верно, туго было?

— Мне, — неожиданно начал Алексей, — три года осталось. Я по дурости попал. Что

самое обидное — трезвым...

— Так и я трезвым, — перебил другой.

Сидящие вокруг, наверно, слышали эти истории уже не по первому разу. Но Саша одобрительно кивал, приглашая каждого рассказать все, без утайки, без прикрас.

— Как тебя зовут? — спросил Александр.

— Игорь, — отозвался крепкоплечий мужик, похожий на большой футбольный мяч штопанными прорезами на одежде. — Погоняло надо?

Саша отрицательно помотал головой. Пусть старые «погонялы» на «зоне» оставляют. Здесь вам не там, здесь старые носки на свежую голову не надевают. Истории у всех оказались разными, но было в них что-то похожее... Гиви, обрусевший грузин, бывший боксер-разрядник, малолетнего пацана убил, случайно, волчата-второклассники налетели на его семилетнего сына. Размахнулся папаша — и отлетела душа в рай... Высокий Коля застрелил двух бомжей у себя на даче. Вскинул двустволку и пальнул дуплетом — охотник он, на кабана ходил в тот день, а тут, здрасте, нельзя домишко на пару часов оставить... Третий, Валера, сам из большого города, полгода охотился за насильником жены, нашел, по описанию — похож, вроде, был... Сам Алексей (неожиданно мужичонка оказался ровесником Александра) сидел за то, что не отдал дорожному патрулю водку. Его остановили (он шел с полным кузовом паленой «Столичной»), деньги, заранее заготовленные, отдал, все бы прошло мирно, чисто, тихо. Но один, наглый (Алексей чуть скрипнул зубами и внятно зарычал), полез в кузов, под брезент, снял ящик, второй. Леша тогда скрипнул зубами, взял монтажку и полез из кабины... Все на парня повесили — и водку, и взятку, и сопротивление, и причинение... Десять лет дали, тем более, что и раньше приводы были.

Все они кого-то или что-то защищали. Может быть, за время, проведенное в камере, они уверили себя в этом, Александр в их дела не смотрел. Но чувствовал, как Наиль чувствовал опасность — правду люди говорят.

— А тебя за что? — спросил он у последнего, тихого мужика с провалами вместо зубов и некрасивым шрамом во всю щеку.

— Это Петя, — отозвался за беззубого Алексей. — Ему пасть разорвали, когда брали. Он мешок муки уволок. У подъезда взяли, он в драку, не отдает.

— Шмальнулся маленько, — подтвердил Петр. — Женка моя померла, трех гавриков оставила. Они мне говорят — папка, шрать хотим.

— Жрать хотим, — пояснил Алексей.

— Я на работу, мешок взял. Залошили, падлы, — досказал историю Петя.

Саша долго смотрел на него, соображал. Этот не такой как остальные, не защищал свое добро. Наоборот — украл, провинился, сам взял. Хотя, стой, читал об этой истории в газете.

— Это про тебя, что ли, писали? — спросил Александр. — В «Ленинградке»? То, что ты на «предварительном» сидел вместе с каким-то олигархом? Тот пятьдесят миллионов украл, а ты пятьдесят килограмм, и вас в одну... и по одной...

— Точно, — мужики оживились, заерзали. — Пятьдесят мильенов долларов...

— Он это, про него писали, — еще раз подтвердил Леха. — Зелинскому девять лет дали условно, а Петьке девять лет как положено.

Пятьсот рублей — столько стоит мешок муки. На пятьдесят миллионов долларов можно три миллиона таких мешков купить. Одно дело, один срок. Только одного — в зону, другого на свободу... Логично, по другому и быть не может, ведь этот несчастный Зелинский не на своем горбу с завода деньги вытаскивал...

— Ты ночью хорошо спишь?

— Какое там! — снова вмешался Алексей. — Ворочается, подвывает, морду уже не раз чистили...

Волк, волчара попал в их стаю. Это Саша точно понял. И не знал — радоваться или горевать, сказать этим мужичкам — или не говорить; может, сразу оружие выдать?

— Там холодильник работает, — внятно произнес со стороны лестницы голос с кавказским акцентом. Обернувшись, Саша увидел Тимура, который стоял, прислонившись к стене, и с любопытством разглядывал собравшуюся компанию.

— Ота, — произнес Алексей. — Подобрался как незаметно, падла. Нам свечка в глаза светит, — объяснил мужичок.

— Глаза вы залили и говорите громко, — беззлобно отозвался Тимур. — Что с холодильником делать?

— Пошли, посмотрим на холодильник, — встал с кипы мешков Александр. Это был старый «Смоленск», который они с Наташей задешево купили три года назад с рук, когда только начали жить здесь. Сейчас дома у Саши молчал громадный многокамерный «Шарп», а этот, маленький, с запорной дверцей, убранный с глаз долой и благополучно забытый — работал. Мелко дрожал и урчал как старый кот, но внутри было холодно, а морозилка покрылась толстым слоем изморози. Наверно, никто из тех, кто стоял вокруг Саши, не понимал — что в этом странного, и уж тем более страшного? Александра бы не испугали

восставшие из мертвых омовцы и десантники, не испугала многотысячная толпа, даже Гаврила не был так страшен, как этот белый кусок металла и пластмассы, своей работой опровергавший все существующие законы, так плотно уложенные в голове Саши. Только теперь он понял, что возврата к старому не будет, как бы не хотели остальные, как бы не сопротивлялся старый мир — работающий без электричества ящик словно смеялся над ними всеми. Но какие законы придут, как они будут выглядеть, и останется в новом мире с новыми правилами местечко для Саши, для Люды и Наташи, для Шпака и Наиля, для людей-псов?

— Пойду за картошкой, — наконец пробурчал Александр. — Сварилась, наверно...

После обильного возлияния и плотной закуски бывших «невольников» разморило, они перестали даже разговаривать, только лениво переругивались, сморкались на пол, выбирали себе место для ночевки. Саша, поняв, что его лакомство в немых «мундирах» уже никому не нужно, поставил кастрюлю на нижнюю полку «Смоленска», закрыл дверцу — словно клыками лязгнул, и сказал:

— Слушать меня. Если я говорю: «пейте» — можете пить. Говорю: «не жрать», а потом нахожу в умат пьяного — пускаю ему пулю в лоб. Говорю один раз и больше предупреждать не буду. Если мне что-то не понравится — сворачиваю башку без объяснений. Они дуракам не нужны. Усекли?

— Усекли, — ответил за всех Алексей.

— Всем спать, — негромко произнес Александр. — Завтра оружие получите. Завтра тяжелый день.

Оставив «псов», Александр снова пошел на первый этаж. Надо было предупредить Наиля, иначе тот с пьяных глаз может что угодно подумать. Не хватало вместо одного еще двенадцать хоронить. Что мы — похоронная команда? Это сверхчеловекам хорошо — подумал, и нет трупа, одна земля голая. Волшебнико — мутанты подземно-бытовые.

— Где Наиль? — спросил он второй раз за этот вечер. Непонятные разговоры утихли, прекратилась возня и звяканье, лишь свечи потрескивают.

— Что делаете? — строго спросил Саша.

— Патроны, — ответил за всех Тимур.

— Где Наиль?

Из-за стола поднялся Равиль. В правой руке он держал клещи.

— Саш, не шуми. Здесь Наиль. У Женьки сидит. Заперлись. Я стучался час назад — не открывают, разговаривают, по-моему, — Равиль пощелкал клещами и улыбнулся — широко, открыто, обнажив безупречные белые зубы, хищно сверкнувшие в неровном свете.

— Ладно, — медленно произнес Саша. — У Женьки, значит.

Ни для кого не было секретом, что татарчонку нравится жена Андрея Павина. Бывшая жена — поправил себя Саша. Бывшая жена бывшего Андрея. Расхотелось бежать и материться, может быть — вытаскивать обоих из постели, бить морду, разругаться вдрызг около кухни, где на столе лежит давно окоченевшее тело. Ни к чему это, да и незачем, жизнь расставила все на свои места. Жизнь, но не смерть — еще раз напомнил себе Александр. Смерть бесполезна, она не стоит внимания, она не может быть священна и уважаема только по определению, по самой сути. Так пусть два человека станут счастливы хотя бы в этой жизни, ведь это так просто — прийти и найти утешение друг в друге, без всяких предисловий, без глупых слов, без стеснения, и не надо унижаться. Мертвые не понимают

унижения, «сраму не имут». А вот как быть живым?

Александр медленно поднимался по лестнице. Как теперь быть ему? Что говорить и что, в конце концов, думать?

Нечего тут думать. Наташа его жена, они одна семья, одно целое, нерушимое, неделимое на свое и чужое. Да и какое может быть чужое? Это же ребенок от его жены, от Наташи, одна кровь. Значит это и Сашин ребенок. Все, баста, никаких сомнений, никакой неприязни, неужели он позволит какому-то сверхчеловеку встать между ними? Наоборот, это даже вызов, это проверка на прочность, на человечность, в конце концов. Ну что же, посмотрим какой из него отец...

Тихо лязгнул замок, Саша снял сапоги и прошел в зал. Наташе все еще было плохо, она тяжело дышала, нервно сглатывала тягучую слюну. Странно, неужели Он не хочет облегчить её страдания?

— Котенок, все хорошо, — шепотом сказал Александр и почувствовал, что Наташа от его ласкового голоса сжалась под одеялом.

— Ну, не надо, я же все понимаю, — сказал он еще тише. — Мы назовем его Иваном.

— Откуда ты знаешь? — спросила она после долгого молчания.

— Я чувствую, — просто ответил Саша. — Я же знаю. Ты сама сто раз говорила, что тошнота... и голова кружится... Не бойся, я не дам тебя и нашего ребенка в обиду.

Она затаилась, а Саша вдруг ясно понял, что это будет их ребенок, не чей-то чужой, не подкидыш, не выкидыш, и они будут вместе бороться за жизнь и жить друг для друга, быть может — ругаться, может быть терпеть лишения, а может — купаться в роскоши. Ведь это шанс, индульгенция, прощение, насмешка — называй как хочешь, — с яростью думал Саша. Да только он не животное, у него есть свой разум, своя голова на плечах и жить он будет только по-своему, без навязанной морали, без насмешливых шепотков за спиной, потому что каждый будет знать, что за любое слово можно и нужно ответить. Маленький человечек, может быть даже не плод, а только клетки — четыре, или восемь — уже наделенные чудовищной силой, — он то в чем виноват?

— Я же видел. Он приходил к тебе, потом ты видела сон, так и не рассказала, хотя всегда рассказываешь. Он завладел тобой или ты сама — мне все равно. Что буду делать я — это мое дело. А ребенок наш. Видела, как он Шпака вылечил? Все будет хорошо...

— Саша, — прошептала Наташа. — Мне страшно, иди сюда...

И он залез к ней под одеяло, вдохнул знакомый и до ломоты в затылке желанный запах, гладил по волосам, по спине.

— Не бойся, — говорил он. — Не бойся. Я сильный. Уже сильный. Со мной нечего бояться. И никого не бойся. А надо — говори мне. Я теперь много могу, правда...

Дверь в зал тихо скрипнула.

— Мама, можно мне с вами? — тихонечко спросила с порога Люда.

— Нет, — шепотом ответила Наташа.

— Иди сюда, — сказал Александр.

Дочка послушала папу, прошлепала через комнату, забралась на высокую самодельную кровать, «лежбище», как называл его гордый Саша.

— Пап, а пап, ты куда сегодня ездил? — спросила Люда после того, как устроилась под одеялом, прижавшись к его спине, сопя под мышкой. Саша погладил длинные кудряшки.

— В город ездил. Там плохие дяди хотели сделать папе «очень плохо», — Александр секунду размышлял, но потом решил продолжить. Не надо врать, особенно детям:

— Но папа их всех убил...

И тут же Наташа пихнула мужа локтем в бок.

— Ты чего, сдурел?

А Люда заинтересовалась.

— Они были очень плохие? — спросила она.

— Очень-очень, — подтвердил отец. — Спи уж, поросенок.

Утром Наиль вышел из подъезда держась за плечо Равиля. Взглянув на помятое и хмурое лицо татарина, Саша понял, что ничего не было — ни томных вздохов, ни сдерживаемых криков, ни тяжелого дыхания. Только всю ночь два человека сидели напротив друг друга, может быть, просто на полу, слушали тишину, разговаривали, каждый вспоминал свое... И стакан шел за стаканом, почти без закуски, как в добрые старо-юные времена, под сигарету, занюхивая рукавом. Теперь Александр со стыдом вспоминал, что подумал прошлым вечером на друга черт знает что. Не могли они, просто не могли, напиться оба как зюзи, и заснули — каждый в своем углу.

Наиль отпустил плечо брата, встряхнулся, как воробей, но муть в глазах не исчезла.

— Это что, все? — хрипло спросил татарин, указав на людей позади Саши. Сегодня утром вместо трех десятков «стачечников» пришли всего семеро — Артемич, Денис-укладчик, двое с расточки — Сергей и Тема, Лёшка по прозвищу Кощей, Денис по кличке Шофер, и Денис Кравцов — Норма. Последний на любой вопрос всегда отвечал — «норма» Как дела? Норма! Как сам? Норма! Третьим будешь? Норма...

— Нет, — ответил Александр. — Знакомься. Пополнение прибыло. Гаврила нам прислал приветик. Из тюрьмы, — он кивнул в сторону «конуры» из которой выходили люди.

Наиль сначала поморщился, нахмурил брови, а потом вдруг оскалился, улыбнулся.

— Ты их откуда взял? — спросил татарин. — Ты хоть знаешь, кто они?

— Говорю, блин, Гаврила прислал. Они — «псы». Мои. Верные.

— Ну-ну, — Наиль подавился смешком, схватился за голову, прошипел. — Убил бы гада, который мне ядро в башку засунул. Здоровое такое, килограмма на два... Ну что, волкодавы, я Наиль... — просипел он, рассматривая помятые лица. Вокруг друзей уже собралась толпа, подтянулись чеченцы и «стачечники».

— Сегодня, наверно, будем действовать так, — медленно произнес Александр. — Наиль, татары, чечены и «псы» пойдут в город. Задание выдам. А остальные пойдут на поле, надо, в конце концов, собрать все. Ячмень, кстати, придется косить. У нас сейчас лошади, им тоже зимой кушать надо — объяснил свое решение Саша.

— Какое задание? — хмуро спросил Алексей, которого Саша про себя уже называл «Полканом».

— Здесь ждите. Сейчас принесу. Наиль, пошли, поможешь...

Через десять минут два десятка человек склонились над кипой листов.

— Здесь вся местная верхушка, — объяснял Саша. — Два месяца собирал, адреса многих не знаю. Сначала возьмемся за тех, кто в элитных квартирах живет. Никого не пропускать, всех подряд, без исключений...

— И детей можно? — спросил кто-то из «псов».

— Нужно, — сурово отозвался Саша. — Мне, когда я про своих детей говорил, отвечали, что они не причем. А я вот наоборот думал. И сейчас думаю. Еще как при чем... Во-первых

вырастут, во-вторых, все равно из них ничего путного не получится. Это... как бы объяснить...

— Сортовая чистка, — подсказал Наиль.

— Во, точно, — подхватил Саша. — Когда из квартир уберем, за коттеджи возьмемся. Тут их надо аккуратно. Чтобы дальше не разбежались. Коттеджи легко распознать, тут и объяснять не надо, изба — не коттедж. Ну, заодно с улиц придурков уберите. Бандочки там, шайки, особенно подростковые. И еще... раньше проще было. Если дворянин — лицом к стене... Сейчас посложней, конечно. Сразу не поймешь. Но если в костюме и галстук, ботинки начищены, а невесты рядом нет — такого сразу и без разговоров. Если холеный, навороченный, руки чистые — к стене. Баб тоже, но не увлекаться, бабы на хлебозаводе в чистоте должны руки держать. Лучше списки возьмите. Найдете контору, банк, а лучше, — Александр оскалился, — пойдете сегодня в ОВИР, или паспортный стол, палату счетно-ремесленную навестите, возьмёте списки работников в отделе кадров, и по списку...

— Ничего себе работенка, — сказал один из татар. — Мало нас... не управимся.

— Управимся, — уверенно-равнодушно отозвался Наиль. — Когда немцы Варшаву взяли, они там гестапо организовали. Ну, тайную полицию. Знаешь, сколько в той конторе народу работало? Десять человек. А нас — двадцать. И ничего, миллионный город в кулаке держали. Главное — с умом подойти. По большому счету, сейчас и Москву одной дивизией можно... Поставить на Кольцевую через каждые тридцать-сорок метров по человеку с автоматом, и двинули, не торопясь, к мавзолею. Там, в Москве, можно каждого, и выбирать — не надо. Патронов, правда, уйма потребуется...

— А зачем? — спросил вдруг Руслан, одноклассник Александра, высокий, по-своему — красивый, нос с благородной горбинкой, кудри вьются по плечам. — Зачем это нам? Почему мы это делаем?

На него посмотрели как на идиота, как на взрослого ребенка. Смотрел Наиль, скалясь и веселясь от всей азиатской души, хмуро и исподлобья смотрел Тимур, неприязненно — бывшие «зэки».

— Потому что больно много их развелось, — неожиданно для всех высунулся Алексей — «Полкан». — К ногтю их надо, чтобы место знали. Больно много о себе думают, умники еб...чие. Я как в газету или журнал какой посмотрю — выть хочется. Откуда взялись? Чистенькие, за тыщу баксов и пальцем не пошевелят, и есть у них все, и еще больше хотят, и цель у них в жизни большая и чистая — стать директором своей грёбаной фирмы, и на Канары больше не хочу, паскудно там; я лучше на Кавказ, за этим, как его, «ксистримом»...

— Экстримом, — поправил Наиль.

— Хуимом, — рявкнул Полкан.

— В табло сейчас получишь. Пулей, — пообещал татарин. Но потом продолжил:

— Правильно волкодав сказал. В трудные времена даже пчелы трутней к ногтю прижимают. У нас восемьдесят процентов населения хрен знает где работает. Даже если один из десяти из них — сантехник-парикмахер — уже хорошо. Остальные привыкли. Они ведь глупые, тупые, не понимают ни хрена. Они думают, что так и положено — ничего не делать. Бумажки работой называют. Да только вот не учли, что работяга сейчас тоже образованный. Что я, мля буду, почти доцент. Я их вижу, я их знаю, — говорил Наиль зловеще. — Я их с закрытыми глазами могу найти, по запаху чую, от меня не уйти. У меня дед землю пахал, и прадед, а прапрадед баранов гонял... Одна княжна занюханная в восьмом колене была, в тысяча восемьсот тридцатом... Ты пойми, Руслан, ты же сам газовщиком

работаешь. Вот ведь как, живешь, радуешься, а потом бандиты приходят, хотят без труда — рыбку из пруда. А потом, Руслан, эти бандиты дворянами становятся, или директорами, правителями, по-простому — хозяевами. Потом так обленятся, что налоги собирать пошлют других людей. Права свои детям передадут, учетчиков наплодят, границы своим владениям отметят, пограничников туда поставят. Ты пойми, мы не людей будем убивать, а мразь без мозгов, тварей жадных, паразитов. И прислужников их, монстриков, которые своим хозяевам задницы лижут, и сами хозяевами хотят стать. Под корень их надо, нещадно, никого не жалеть, пусть уж лучше сто невинных погибнет, чем один виноватый уйдет.

— А кто мы тогда? — взволновано спросил Руслан, он не боялся спрашивать. — Чем мы лучше бандитов?

Александр смотрел на товарищей словно со стороны, воспарив над этим странным и страшным спором. Да, Наиль образован, и Руслан тоже, но откуда такие мысли, так странно совпадающие с мыслями самого Мاستифа — в голове у необразованного, забитого мужичка, с восемью классами, с пятью годами тюрьмы? Прямо как институтское образование. Но бог то с ним! Как Полкан мог догадаться, где он их видел, этих «чистеньких, за тыщу баксов и пальцем не пошевелят»? А может быть — и не видел? Александр от этой мысли даже похолодел. Правильно, никого не видел Полкан, ничего не знает, быдло, серость. Просто человек с собачьей кличкой посмотрел сам на себя — и увидел, что опускаться дальше просто некуда. Но что значит — «опускаться»? Тюремное арго-жаргон для этого подходит идеально. Если «опустили» — значит, был тот, кто «опускал», и было за что. Но есть ли вина на Леше-Полкане? И неужели она такая тяжелая, что подняться можно — только уничтожив всех наверху? Грех перворождения не одинаков? И если Бог создал землю (в чем Александр сильно сомневался — видал он этих богов, во всех видах видывал) — то люди не должны исправить ошибки своего создателя. Положено — все равны, значит — все равны. Тем более что перед заряженным ружьем действительно наступает всеобщее равенство. Было у Полкана время подумать над такими вопросами — целых пять лет выделили. А за такое время можно столько придумать — солнцу жарко покажется...

— Кто мы? — снова повторил Руслан.

— Мы псы боевые. Волкодавы, — неожиданно вмешался в разговор Тимур. — Мы глотки рвем бандитам и ворах. Нам только укажи врага, да с цепи спусти... Я вот сам на молокозаводе работаю, насмотрелся...

— Значит, у нас хозяин есть? — не унимался Руслан. — Кто же нас с цепи спустит? Сашок, что ли?

— Нет, не я, — тяжело отозвался Саша. — Он спустит...

— Кто — он?

— Мы все знаем, о ком говорит Искандер. И если уж не то пошло, то прежним хозяевам я предпочту этого. За ним сила. Он честен и справедлив. Он не мразь, это я тоже чувствую, — сказал Наиль. — А если ты не согласен, то можешь идти куда хочешь. Никто тебя не держит. Здесь не армия...

Руслан долго молчал, кадык ходил по шее. Вверх-вниз. Вверх-вниз...

— Я с вами, — сказал наконец чеченец. — Только убьют нас.

— Кто убьет? — хихикнул Наиль. — Милиция, что ли? Гаврила в городе всех ментов передал. И армию, и полицию, и охрану. Все! Были, да спеклись! Кишка тонка...

— Вот и славненько, — улыбнулся Александр. — Задача ясна, я на поле пошел. Должен же кто-то кормить псов, даже боевых...

— Сашок! — послышался со стороны гаражей голос Артемича. — Смотри, какая штука! Александр пошел на голос, задрал голову.

— Мать честная, — прошептал он и побежал на крышу дома.

На северо-востоке, в стороне Красного озера, километрах в тридцати от города в небо уперлась громадная башня. Она была бы похожа на Эйфелеву, если бы не наклон вправо — под зловещим острым углом, градусов, наверно, не меньше тридцати. Даже по самым скромным подсчетам (день был ясным, только вверху, на высоте только-только зарождались

кучевые облака) башня была высотой километров пять, если не больше. Она пронзала тучи и уходила ввысь, теряясь верхушкой в синеве. Слишком громадная, слишком невероятная, чтобы быть настоящей.

— Иллюзия, — решил Саша.

— Мираж, — неуверенно поддержал Тимур.

— Гаврила пожар устроил, — спокойно произнес Наиль и громко втянул воздух. — Хорошо горит.

Александр обернулся и увидел, что Наиль рассматривает в бинокль город. Похоже, что на татарина башня впечатления не произвела.

— Библиотеки горят, — сказал Наиль, не отрываясь от бинокля. — В педагогическом, в технологе и училище химзащиты. И Крупа тоже горит.

— Крупская библиотека? — переспросил Александр и вырвал у татарчонка бинокль. Хорошая машинка, двенадцатикратная, город как на ладони. Точно, горят библиотеки. Похоже, Гаврила разобрался, где в его (уже в Его!) городе куются управленческие кадры, откуда может прийти будущая опасность.

— Пусть горят, — решил Саша. Он развернулся и стал рассматривать в бинокль башню. Что Они хотели сказать? Почему решили построить такую махину на месте своего дома? Достаточно одной мощной термоядерной бомбы, чтобы превратить все в пыль. Но не будет бомбы, понял Саша. Они уже оценили нас. Они не боятся, никогда не боялись. Они показывают — мы уже здесь.

— Ладно, — проворчал Александр. — Я на поле, вы в город... По коням...

* * *

На улице капель. По-весеннему пересвистываются синицы. Не слышно привычного шума, лес просыпается, но все еще молчит, как молчал всю зиму. Не слышно рева моторов, не гудят автобусы, не стучат поезда. Неизвестность и неподвижность зависла над людьми. Некоторые из них очень быстро догадывались, что всю жизнь занимались какой-то ерундой, что время, которое они тратили — уходило даром и не возвращалось. Они пытались выживать — нерешительно и бестолково, словно стыдились своего желания. Другие, наоборот, пытались, как говорят, «зажечь», осветить свое существование. Очень скоро Александр узнал, что в лесу действуют свои законы. Гаврила наблюдал за городом, а на заснеженных равнинах хозяйничала другая сила, неистовая и беспощадная. Все, кто уходил в деревню — купить, а чаще украсть или отобрать поросенка, корову, молока, сметаны, сыра, яиц — не возвращались. Иногда их находили — замерзшими в снегу, либо приезжали на санях сельчане, лопатами и колами скидывали на заснеженное шоссе разорванные и окоченевшие тела, около знака «Судуй» на краю города. Поговаривали, что возле деревень иногда видели женщину в плотно зашнурованном костюме — Александр верил этим слухам. Говорили, что в окрестностях бродит громадный шатун, медведь-людоед, и Саша знал, что это правда.

Александра мало интересовали проблемы других. Своих хватало с головой. Он снова пристрастился к чтению, пытался найти в старых книгах хотя бы краешек истины, читал много и захлеб, но быстро разочаровывался и бросал — даже не на полдороги, а в самом начале, на первых страницах. Стоило ему прочитать в воспоминаниях Савенкова, что

большинству революционеров террор нравится только ради самого террора, самого процесса — и он откладывал «Воспоминания террориста» в сторону. Дневники белых генералов тоже не блистали. Они, генералы — Корнилов, Колчак — даже не понимали, из-за чего разгорелась буча, как и для какого хрена поднялся народ; откуда такая ненависть; почему ее можно смыть только кровью. Письмена основателей и продолжателей коммунизма показались Александру полными лжи. Классовая борьба, красный террор — похоже, что Ленин и сам не понимал, о чем писал. Почему бы маленькому вождю пролетариата не говорить прямо, чего боялся этот гений смерти? Того, что не поймут? Того, что могут быть перегибы? О каких перегибах можно говорить? Объявляя войну одному классу, нужно хорошо представлять, что ты обрекаешь на смерть тысячи тысяч людей, мужчин, женщин, стариков и старух, младенцев, юных мальчиков-девочек... Не боялся об этом говорить Гитлер и его ближайший приспешник Геббельс. Чистота расы, мировое господство, тотальное уничтожение — эти люди уже понимали, о чем они говорят. Но двуличие сквозило и в их словах. Адольф то принимал церковь и христианские ценности в тридцать втором и отрекался от всего в тридцать шестом. Значит, они тоже сомневались, хотя шли верным путем, но все равно боялись, словно обычные люди, а не всемогущие титаны. Они были мелки в своих желаниях, в своих возможностях, даже единственный, кто смел говорить прямо, Фридрих Вильгельм, даже он прятался за витиеватостью фраз, за звучными лозунгами. Выцепить из его писанины зерна рациональности оказалось не так уж просто. Злоба делает нас умнее — с этим Саша не спорил. Мораль бесполезна, а люди неравноправны с рождения — это известно давно. Но Александр чуть не надорвал живот, когда Фридрих Вильгельмович с умной миной принялся рассуждать о целях сверхчеловека. Борьба за власть? Ох ты боже мой, как все таки ограничен человек, как мелки его желания. Ничего более возвышенного, чем власть. Ничего более достойного власти. Но что это такое — власть? Управлять жизнями других, воздвигать себе пирамиды, иметь возможность вешать и расстреливать, издавать законы, писать о себе книги? Особенно Саше понравилась мысль о пирамидах. Вышедшие из лаборатории сверхчеловеки в мгновение ока создали чудо, затмевающее все пирамиды на свете. Мало того, что созданная за одну ночь башня оказалась выше Эвереста, она, к тому же, была видна из любой точки Судуйской области, и Александр даже не сомневался — из любой точки земного шара тоже... Нет, сверхчеловек сразу, с ходу перепрыгнул это недоразумение — власть, а о истинных целях и ценностях сверхлюдей пока никто не догадывался, не понимали, как орангутанги в вольере не понимают смысла проводимых над ними опытов...

Оставалось только выживать. И на краю города выживать не боялись. В окнах двухэтажного дома на краю города всегда было светло вечерами, играла музыка. В квартире Павина поставили рояль, Женя иногда играла, Наиль слушал. Они все-таки сошлись, можно сказать — схлестнулись, неистово и быстро, без всяких недомолвок, без косых взглядов со стороны, потому что татарин мог выстрелить, заметив любой посторонний взгляд. Иногда Наиль надевал лыжи, запрягал в маленькие сани собак, красноглазых «кавказцев», которых подобрал на улице, отправлялся в лес и приходил оттуда живой и невредимый, а главное — веселый.

— Двадцать два зайца, — гордо говорил он, указывая на ободранную добычу на санях.

— Лось, всего не смог дотащить, — говорил татарчонок через неделю.

Около их четырехподъездной «крепости» всегда вкусно пахло. Саша уговорил китайцев вернуться, сейчас во втором подъезде устроили пекарню, с утра, по свежему морозцу пахло

просто невероятно. Несколько раз их пытались обокрасть, Наиль находил воров, вешал их голыми на морозе, но кражи не прекращались, и тогда чечены с татарами провели рейд по ближайшим домам — стреляя во всех подозрительных. Саша, узнав об этом, одобрительно кивнул. Если ареал обитания не позволял прокормиться, сильные особи обязаны уничтожить слабых. А потом татары начали проводить рейды-зачистки каждый месяц — вырезать всех, кто плотал слюни, рассматривая «кулацкий притон». Этих Наиль развешивал на балконы и столбы, обрубив обе руки, с большим плакатом на груди — «Вор». Все больше становилось бессмысленных краж, люди словно потеряли страх, а потом Александр догадался, что это бомжи, одичавшие, потерявшие свои помойки — последние источники существования, стали сбиваться в стаи, пользуясь тем, что теперь их никто не ограничивал, никто не контролировал. Они и раньше тащили все подряд, один раз зимой «центральную усадьбу» заброшенного совхоза вскрывали четыре раза, первый раз зарубили собаку, последний раз в «бригадирской» насрали на столе и побили остатки стекол, а потом Наиль и Шпак поймали воров, двоих, дурно пахнущих, мужчину и женщину, причем тетка была явно не в своем уме, или умело прикидывалась. Тогда их пожалели, отпустили, какая разница, это просто несчастные люди, хотя Саша прекрасно помнил коричневый шарик на истертой полировке, и помнил, какая злоба всколыхнулась в нем, когда сдуру схватил еще не застывшее говно руками. Но таких «несчастненьких» стало слишком много, чересчур много. Александр решил проблему очень быстро и оригинально. Он запретил Наилю ловить, обрубив руки и развешивать, потому что понял, что для этих людей страха недостаточно. Зато татарин знал и хорошо умел воплощать в жизнь простое древнее правило — «нет человека — нет проблемы». В больших городах власть постоянно сталкивалась с «волчатами». Издав законы, по которым любой, абсолютно любой человек в государстве в одночасье мог стать лицом «без определенного места жительства» все забыли, что численность бомжей тоже надо контролировать. Людей лишили жилья, но оставили права гражданина государства. За убийство бомжа каждый мог угодить за решетку на немалый срок. Кроме того, мелкие кражи обычно не регистрировались, обывателю настойчиво доказывалось, что кража банного тазика и детского велосипеда — это не кража, что в этом нет состава преступления. И тогда появлялись «волчата». Они поступали просто — избивали, калечили, потом сжигали. В основном это были пацанята, тринадцать-пятнадцать лет, сроки им давали маленькие, и в полном расцвете сил, лет в двадцать-двадцать пять они выходили из «не столь отдаленных мест», но уже настоящими «гоп-стопщиками».

Наиль нашел девятерых, похожих друг на друга наглостью и пустыми, но задорными глазами. Александр рассказал им обстановку, выслушал бурные и несвязные примеры из жизни, что «у нас сарайку вскрыли», «а у нас — гараж», «дачу в прошлом году спалили, козлы»; Наиль выдал оружие и патроны. За какой-то месяц мальчишки обошли все районы, все свалки, все заброшенные дома, притоны, подвалы, шли на дым костра, на вонь — находили и убивали. Быстро, безжалостно — за каждого убитого им давали еще по два патрона, и порцию самодельных картофельных «чипсов». В начале февраля Наиль снова созвал разросшуюся стаю — их было уже к трем десяткам, они становились опасны. Встречу назначил в подвале «Спартака», громадного спортивного комплекса — в тире, с толстыми, заизолированными сталью и пенопластом стенами и дверьми. Татарин созвал их, и запер на железный засов — на три недели. Что бы они поняли, чтобы осознали, что натворили, и хотя бы так искупили вину, если на свете есть бог или дьявол или кто еще там...

Шпак встал на ноги еще в начале осени. Он долго не мог говорить, а когда заговорил, то

никто его не понял. Серега говорил «шиворот-навыворот», так иногда случается после черепно-мозговых травм: вместо Аня — говорил Яна, вместо апельсина — нисльепа. В политику Шпак не лез, больше внимания уделял владимирским тяжеловозам, и очень похвалил Сашку за то, что ячмень они все-таки убрали. Богатырь чистил снег на улицах, помогал китайцам печь хлеб, перебирал трактор, прослышав, что патроны можно заставить стрелять, просто разобрал и собрал еще раз...

Сам Александр устал от посетителей. Да-да! Люди шли к нему, к Мاستифу, за помощк и советом, почти нескончаемым потоком, по одному, парами, иногда целыми семьями. А что он мог сделать? Печку-буржуйку каждому достать? Или приструнить распоясовшегося сына?

— Ты, бабка, сама таким его воспитала, — говорил он старухе, выгнанной из дома. — Сын, говоришь, из квартиры пришел, тебя с печисогнал? Ты его учила? Ты его растила? Небось, хотела, чтобы ему было лучше всех, чтобы у него семья была, жратва всегда, чтобы работа легкая. Так получи. Я его перевоспитывать не буду, аборт поздно делать. Хочешь, пошлю убить его, и остальных, кто с ним пришел, тоже убью. Что головой мотаешь? Пошла вон с глаз моих, видеть тебя не хочу, — вот так сказал он, Смирнов Александр, бывший школьник, бывший студент, бывший кандидат наук, бывший наладчик полуавтоматических станков, бывший литейщик, бывший дворник, механизатор, вольный крестьянин. Говорил как князь, как властитель жизни. Своей собственной жизни, если уж на то пошло. Из грязи в князи...

Но приходили и другие. Настоящие мужики, главы семей, избитые жизнью, в стоптанных дешевых ботинках, уставшие кормить детей помоями, распаленные до последней степени, желающие выжить любой ценой, но не за счет других. Они были сильны и уверены в собственных силах. Они не стеснялись говорить, что хотят жить и негодовали на самих себя в том, что они, такие сильные, практически всезнающие, не умеющие лишь воровать и обманывать — не могут прокормиться и обогреться. Они предлагали свои руки, свою силу, свои умения — за кусок хлеба, за ведро картошки, за воз дров. Саше было больно глядеть на них — ведь совсем недавно таким был и он. Александр видел, словно мог пронзить взглядом время, как эти мужики приходят к другим, которые жадны и бесчестны, и единственное, что умеют — это тянуть жилы с любого, опять же — за кусок хлеба, ведро картошки, воз дров.

— Почему вы хотите работать на меня? — хотелось ему спросить этих мужиков. — Неужели вы не понимаете, что сами загоняете себя в кабалу, что от вас возьмут все, оставят лишь возможность жить от куска до куска, от пайки до пайки, от зарплаты до зарплаты? Сейчас вы не можете прожить, потому что привыкли жить рабами, в зависимости от других, словно потеряли собственный разум и остатки человеческого достоинства...

И еще много, много других слов хотел сказать им Александр, много обидного и злого, хотел научить, пробудить еще большую ненависть к самим себе... Но вместо этого говорил:

— Найдите Серегу, пусть выделит человеку пожрать. Два мешка картошки хватит? Сани возьмите, дров по дороге нарубите... Ружье есть? Стрелять умеешь? Наиль, покажи, что надо с патронами делать. А ты, как тебя...

— Василий...

— Василий, а по батюшке?

— Иванович...

— Василий Иванович, значит. Не Чапаев случаем? Нет? Так слушай и запомни крепко-накрепко, Василий, сын Иванович. Если к тебе придет человек и первыми его словами будет: «надо», или «хочу», а тем паче — «приказываю», то ты возьми свое ружьишко, не прячь его далеко, и этому человеку мушку на лоб наведи, да спусти крючок. Понял? А если не понял, снова ко мне приходи, я еще раз объясню... Полкан, не стой, дай человеку автомат и два рожка...

Один раз к нему приходили чтобы убить... Но юноша не прошел дальше «псов», Полкан положил его на пороге, тот даже рта открыть не успел... Три ножа нашли при молодом юристе, и самодельный пистолет. Сашка (нет-нет! не Сашка, а Мاستиф)... Мастиф только усмехнулся и приказал вывесить несостоявшегося киллера посреди города, и табличку на грудь прибить гвоздями...

А вчера днем погиб Наиль. Точнее, его убили; правильно говорят, что герои долго не живут. Татарин был героем, Александр в это верил, пусть это был плохой, отрицательный и жестокий — но Герой. С большой буквы, черт его побери, и пусть кто-то поспорит, сразу пулю в лоб... Наиля убили прямо на глазах у Мастифа, и убийца спокойно ушел. Просто развернулся и ушел, только ручкой не помахал...

Татары на первом этаже стучали молотками, готовили сразу два ящика. Мусульманские гробы, без украшений, без малейшей обивки, сколоченные сырые доски, полметра в высоту, изготовить гроб имеют право только родственники или, на худой конец, друзья. Могилу копают тоже они, сами. Все-таки это честно — поручать заботу о мертвых самым близким и родным. Есть в православных похоронах извращенная и гадкая мораль, словно бы это мерзко — заботится об умершей матери, отце, сестре, брате. Словно бы мертвый человек становится куском мяса, никому не нужным, кроме могильщиков.

А в квартире, за спиной Мастифа, который стоял на площадке и нервно курил, рожала Наташа. Ребенка от Гаврилы, их ребенка, нового сверхчеловека, это и думать не надо — зря, что ли, восемь лет вбивали простое правило о единообразии первого поколения... В роддом они не поехали, да и что толку от холодного и темного роддома? Саша нашел и пригласил лучшего гинеколога и лучшую акушерку... потом потребуются подгузники, но он сам нашел марлевых полотнищ, семьдесят на семьдесят, потому что знал, что ребенок будет крупным, и

быстро расти. А еще прививки, диатез, крики по ночам, пучит животик, и не знаешь, как помочь... Честно говоря, Александр рассчитывал на семимесячную беременность, но Наташа честно отходила все девять, как и положено. Ничего страшного — отрежут пуповину, протрут йодом или зеленкой, хлопнут по спинке, вот только почему любимая женщина кричит третий час подряд? Пойти, разобраться? Терпи, Мاستиф, терпи... Наиля на твоих глазах убили, ты стоял и смотрел, и не к чему сейчас бравада, и злоба ни к чему...

До пахоты оставалась еще неделя, руки изголодались по настоящей работе, по тяжести земли, все было готово, даже тяжеловозы в стойлах нетерпеливо били копытами, сотрясая планету, с таким же гулом, как сейчас молотки, вбивая гвозди вгроб... На другом конце города объявилась банда, это было обычным и привычным делом. Они, маленькие Робин Гуды и Ланселоты, не понимали крошечными мозгами, что никто не будет прислушиваться к их словам, к правилам и законам, которые они пытаются установить. Их просто убивали — пока они не стали большими, пока не приобрели настоящие титулы — барон или, например, комиссар...

Мастиф, Наиль и Равиль шли первыми. За ними, такими же тройками, в ста шагах друг от друга — «псы» и чечены. Замыкали длинную и тощую колонну «стачечники» — Кощей, Тема и Норма. Все знали — куда идут, что будут делать, почти не разговаривали, только пальцы держат спусковые крючки. Гаврила всегда убивал четверых, вот поэтому они ходили тройками. Наиль откуда-то раздобыл невероятную махину — почти пудовую снайперскую винтовку пулеметного калибра 12,7. Она болталась на тощей спине и почти задевала дулом землю, сошки татарин с нее снял, тренировался стрелять каждый день, и не по одному часу, приучал стрелять всех — даже «псы» в состоянии изрядного подпития выбивали из положения «стоя» сорок пять очков с пятидесяти метров...

Помнится, однажды к Мاستифу пришел представитель бывшей правящей партии. Тогда, в начале осени, она называлась «Единая Русь». Или «Наша родина — Россия». А может быть вообще — «Росомаха».

Он пришел, конечно, не один. Свита состояла из пяти человек, из которых четверо были женщины. Мастифа они нашли на улице, с топором в руках. Александр заготавливал дрова, рубил старые тополя вдоль проспекта Мелиораторов. Не к месту эти тополя стояли. Во-первых, летом пуха от них много, во-вторых — южный сектор обстрела закрывают. Ну, а в-третьих — дрова все равно нужны. Много и долго говорил человек с холодными, как у рыбы, глазами. Александр знал его — это был директор государственного комбината, унаследовавший пухлое директорское кресло от отца, сволочь, кровосос и подхалим, мечтавший стать большой рыбой, может быть, самой большой, — и обязательно в столице. Мастиф слушал его долго и не прислушивался к чуши, которую говорил человек в костюме за тысячу долларов — только считал слово «надо». Высокий плечистый человек в норковой куртке произнес это слово пятьдесят семь раз. Александр благодарил судьбу за то, что пришел именно этот человек. Ведь в обществе, среди массы людей невозможно найти и указать пальцем на одного: «Вот этот виноват». Нет, даже надзиратели в тюрьмах зачастую образованные и благородные люди. Ни один чиновник не вызывает агрессии. Женщины в паспортных столах возбуждают даже жалость — они так устают, что хочется помочь. Но впечатления обманчивы. Злоба в душе такая сильная, что ничто её не остановит. Прийти в офис или в кабинет, в любое помещение, где есть кондиционер или просто два письменных стола... И выпустить пулю промеж удивленных глаз... потом достать у мертвеца паспорт из внутреннего кармана пиджака, посмотреть адрес, семейное положение, детей. Приехать по

адресу, выломать дверь, схватить за волосы красавицу-жену, но не насиловать, а пустить пулю в живот, чтобы она помучалась и хотя бы спросила сама себя: «За что?». Воткнуть четырехлетнему щенку нож между ребер и провернуть, чтобы хрустнуло. Из кровати вытряхнуть сопящий кулек, подкинуть на одной руке — и разбить двухмесячным ребенком окно с восьмого этажа. Найти в спальне деда-инвалида и вытряхнуть старого козла с балкона. Вот такая злоба, вот до такого можно довести человека, вот так выглядит восставший раб.

Мастиф размышлял над вопросом — убить самому или отдать Наилю и попросить по-дружески: «Пусть через неделю сдохнет, ты уж, друг мой, постарайся»... А Наиль мог постараться. Редко кто выдерживал больше двух часов. Татарин не любил замысловатые механизмы и долгие прелюдии, он действовал быстро, «в два приема». Запугивание — не больше пяти минут. Если человек ломался на первом этапе, то мог считать себя счастливым.

— Вранье все, что безразличие пугает больше, чем маниакальная увлеченность, — учил Наиль младшего брата. — Сначала — да, может быть. То есть ты спокойно говоришь человеку — что хочешь знать, и что будет, если он сам не расскажет. А потом ты должен наслаждаться процессом. Иногда не надо даже пытаться — надо показать, насколько тебе это приятно. Пытуемому кажется, что знания, которые он так трепетно хранит, вовсе не важны для палача. Для палача куда важнее сам процесс, само действие. Тишайший стон должен стать первой нотой, поймай ее, улови мелодию, ты должен играть на незащищенном теле, и должен понимать, что никакие слова не важны по сравнению с болью, и нам не нужна информация — мы лучше поймем еще одного придурка, и будем наслаждаться его музыкой. Главное тут — голову не потерять. Ведь как только услышишь первый писк — и знаешь, на что давить, как воткнуть, куда повернуть — чтобы не писк был, а крик, гром, стихия, увертюра...

Мастиф долго слушал об идеях интернационализма, об объединении, о взаимопомощи и правильности понимания ситуации. А что еще мог говорить директор, лишившийся электричества, тепла и кредитов, пресмыкающийся перед министром (Саша это знал и даже видел — собственными глазами: как человек-скала становится маленькой кучкой перед человеком из Москвы), насмерть гнобивший женщин в своих почти родовых «бригадах-звеньях»? Саша крикнул ребят, которые работали рядом: Наиль, Тимур, Гиви, Полкан, Кощей. Они встали, вшестером, только Тимур одного роста с Алексеем Александровичем, остальные — как карлики по сравнению со скалой.

— Брысь отсюда, — сказал Мастиф свите и снял с плеча автомат. В тот раз он пощадил этих людей. Но совсем скоро Александр понял, что не надо никого щадить... Но это потом. А пока... Били недолго (работа ждет!), но основательно — до костей, разорвали живот, Полкан выколол глаза, Наиль вырвал челюсть, как сказал — «на память». Потом выбросили окровавленный кусок мяса и спустили наилевских «кавказцев», а пока собаки рвали бывшего директора, Саша поучительно и громко говорил:

— Вот видишь... Вот она, твоя единая Россия, или там, твой дом — Россия. Видишь, Полкан — русский, я — русский, Наиль — татарин, Тимур — чечен, Гиви — грузин. Все мы — Россия. Видишь, как мы тебя любим? Всегда будем любить. Я перед смертью буду вспоминать, как единая Россия своего любимого директора на части рвала, как вы ее рвете, каждый сам на себя... Что бы ты нас больше никогда не трогал, утроба твоя ненасытная, депутат, из говна деланный, партиец грёбаный, президент собачьей миски... Осмотрите его,

паспорт ищите. Домой к нему съездим...

— За что? — кричала красивая женщина на ковре, пока парни стояли и обсуждали — стоит ли насилловать такую — с пулей в животе?

— За что?

Тогда Кощей присел на корточки, поднял за волосы голову и, глядя прямо в глаза, спросил:

— У тебя деньги есть?

— Ради денег? — прошептала жена Алексея Александровича. — Возьмите там. Е шкафу, надо полку отодвинуть... Шифр скажу.

— Много там?

— Двести пятьдесят тысяч... И валюта... Всем хватит...

Кощей вздохнул:

— Я на заводе работал. Много получал. Побольше инженера и даже начальника цеха. Домой приходил — не пиво с водкой брал, а коньяку стопочку. Потом комнату купил в общежитии. И понеслось... — Кощей криво ухмыльнулся. — Восемь тысяч получу — семь надо в банк отдать. Жена родила, я на хлебе с водой целый год сидел. Матка моя заболела сердцем... И я заболел. А женка с грудничком по соседям ходит — капусты кислой на щи просит и хлебца немного. А потом ребяенок мой кастрюлю с кипятком соседскую на себя опрокинул... Я выздоровел, жена снова беременна... Говорят — урод родится, даун, долго жить не будет. От истощения, говорят, витаминов надо было есть больше... Я ей в пузо двинул — пусть уж так... И ничего, как ты, не орала моя Олечка... Стыдно тебе должно быть. Ишь, — Кощей поднял взгляд на трехметровые потолки. — В пятикомнатных хоромах живете, денег немеряно. Срамота...

— Кощей, хорош пургу гнать, — оборвал Мاستиф.

— Ладно, — сказал мужик, легко поднялся — и обрушил лезвие топора на склоненную голову.

— Нужны мне твои деньги, — проворчал Кощей. — Своих хватает...

Это было правильно, по крайней мере — честно. Потому что пощадив одного, ты открываешь путь другим, куда более страшным людям. Они пригреются на груди словно змеи, они будут сосать кровь, восхваляя себя, и не будешь знать, даже догадываться — что кровь, исчезающая в ненасытных утробах — твоя собственная. Такие люди, бывшие директора, бывшие управляющие, бывшие президенты — банков, консорциумов, фирм и государств, деловая косточка, виртуозно обладающие странным умением лизать чужие задницы с удовольствием и выгодой для себя — они все обозлятся, отвернутся от Мастифа, станут врагами, а врагов легко убивать, гораздо легче, чем своих. Теперь Александр понимал, почему великие русские правители делали своих сыновей врагами, а потом убивали. Нельзя человеку становится великим только по праву рождения. Вот почему Наиль убивал не только взрослых мужчин, но и женщин, и детей, и родственников — всех, кого мог найти. Эта мафиозно-дикая чистка обуславливала, в конце концов, уничтожение всех врагов, всех тех, кто хотел...

— Чего хотел? — Александр задавал этот вопрос себе очень часто. Ему казалось, что он знает ответ, просто боится признаться себе. Он ждал рождения сына, этого гения, чудовища, защитника, сверхчеловека, который наверняка знает все ответы, даже на незадаанные вопросы. Может быть, он поделится хоть крупицей знаний с отцом? Может быть, не отец, а

сын захочет сделать родителя врагом — и убить, но прежде хотя бы сказать — за что и почему, ведь и Петр Великий, и Иван Грозный — пытались, разговаривали, объясняли... пусть не впрок, но он постарается, Саша очень постарается быть хорошим отцом...

А настоящий отец шел им навстречу, широко размахивал руками и, кажется, улыбался весеннему солнышку. Лицо Александра окаменело — до того тошно было видеть этого гиганта, высокого, красивого, словно из сказки. До чего же мы паскудные люди, понял Саша. Все себе; все для себя, как дети; даже не дети, а детеныши, ищут мамкину сиську — и кусают все подряд, но стоит их огреть хворостиной — скулят и поджимают хвост. Мاستиф выпрямился, разогнул сломанную спину, с хрустом качнул головой — вправо-влево...

— Отчего бы не подраться? — спросил он тихонечко, шепотом, намереваясь сказать еще, но только громко, очень громко...

Из подъезда двухэтажного дома выбежала женщина — в сером пальто, в тапках на босу ногу. Она даже не взглянула на Мастифа и татар, и Александр понял, что она бежит жаловаться, что сверхчеловек на другой стороне дороги может остановиться, внимательно выслушать ее, поднять взгляд на три замершие фигурки. Саша положил руку на рукоять меча. До сих пор это оружие пробовало кровь лишь дважды — и оба раза это были сильные, могучие люди, они очень хорошо умели убивать. Но хозяин меча жив до сих пор, и это значит, что он сильнее; что запросто может быть и третий раз, и четвертый, и даже — пятый.

— Зачем ты убил его? — закричала женщина и пробежала мимо Гаврилы, словно невидимая рука не дала ей задержаться. Женщина сделала еще несколько неуверенных шагов, неуклюже упала, потеряла тапочку — и вновь пошла, с белыми глазами, с искривленным от ненависти ртом. Наверно, со стороны это выглядело смешно — сорокалетняя дебилая тетка кружит вокруг высокого красивого мужчины на расстоянии вытянутой руки, кричит, не может приблизиться, словно потерялась в менюэте. Наиль скалился — как обычно, только вот в его оскале явно проглядывалась неуверенность. Это было непривычно, и необычно, татарин всегда знал, чего хочет сделать.

— Что он тебе сделал? Гад! Сволочь! Ну, попробуй, меня попробуй...

Вот черт! Хлопнула еще одна подъездная дверь (неужели в городе еще живут?), еще одна, совсем старуха, со скалкой — тоже нашла оружие. Появились мальчишки, и Наиль уже не скалился, он — рычал, подозревая, что Мاستифу не пережить этих секунд, что кто-то очень хитрый и смелый заманил в ловушку, целится с чердака, пользуясь суматохой, не понимая, что уже через час татарин разобьет ему суставы на локтях, подвесит на дыбу, и будет сочинять новую музыку, дергая попеременно правую и левую ноги. Ведь это их город, здесь они родились, здесь они все знают, все умеют, все под контролем. Наиль шарил своей «базукой» по окнам, Равиль пытался заставить Александра пригнуться, но Саша не желал, он хотел смотреть, чем кончится эта стихийная стачка, взрыв ненависти. Ненависть никуда не ведет, она бесплодна, она противовес любви. Любовь рождает жизнь, ненависть — смерть. Хотя первый шаг всегда есть шаг к смерти...

Женщин уже больше десятка, они налетали на Гаврилу как курицы на петуха. А он стоял и смотрел, потом попытался что-то сказать — бесполезно. Капают секунды — и ствол снайперской винтовки опускается: это не покушение, это просто случай из жизни, опасности нет. Наиль это чувствует, он больше не улыбается, вытирает пот со лба. Гаврила стоит, недоволен...

— Нелюдь! Гад! Урод поганый! — и по матери, которой у него никогда не было, трехэтажным, с повизгиванием. Молодцы, бабы, так его...

Саша не понял откуда взялся топор. Он словно появился сам по себе, брошенный с остервенением, с дурацкой силой. Оружие обогнуло сверхчеловека и впилося в затылок молодойке. Лет двадцать пять, не больше, невыразительное длинное лицо, мышинные волосы, блеклые глаза. Наверно, Гаврила мог бы помочь, но ему не дали, завалили девку дебелими телами, и тогда гигант вытащил кнут и стегнул — с присвистом, по воздуху, смачно, громко; так, что от этого звука одну из старух разорвало пополам. Потом кнут хлопнул еще раз; и еще... Бабы, потеряв головы от ужаса, разбежались по улице. Сверхубийца посмотрел на четыре тела, вздохнул, развернулся, и хотел уже уходить, как...

— Эй, чувырло, погоди чуток, — крикнул Наиль. Потом татарин вспомнил, что на сверхлюдей оскорбления не действуют.

— Гаврила, стоять. Жди меня. Я тебя прошу! — еще громче крикнул Наиль.

— Знаешь, Искандер, — похоже, Наиля уже не остановить. — Это моя земля, я в ответе за людей, которые на ней живут. Я убиваю только тех, кто опасен. Этот урод убил тех, кто не мог даже помешать ему. Я не имею ничего против. Но, может быть, кто-то должен стать первым?

С этими словами татарин перескочил через парапет, отделяющий дорогу от тротуара. Саша застыл на месте, он словно потерял дар речи, а ведь мог крикнуть, заорать:

— Стой! Приказываю — стоять! Стоять, мать твою, руки за голову, морду в пол!

Да только Мастиф сам учил людей не слушать приказы и жить собственной жизнью. Да и не остановил бы он никого. Равиль тенью следовал за братом. Двое против одного. Не очень честно, но что честно в этом мире? Может быть, государство было честным, когда выставляло против одного — тысячи тысяч людей? И никогда одиночки не побеждали.

— Знаешь, — легкомысленно, во весь голос говорил Наиль, обращаясь к брату. — Мы ведь дарим людям такие ощущения, которые они никогда не смогут больше испытать. Мы

выше художников, выше поэтов и музыкантов, потому что верх их достижений — замершее на секунду сердце поклонника. Мы же можем сделать нашим поклонником любого, и его сердце замрет не на секунду, но навсегда, на вершине самого высокого чувства и желания...

Нет, все-таки это был невозможный человек. Вразвалочку, даже чуть вихляя бедрами, с улыбочкой — навстречу смерти. Какая разница — чужая она или... не очень чужая... Наиль вывернул свою невозможную гаубицу со спины в одно мгновение, так, как умел только он, как в вестернах, только что ничего нет — а смерть уже несется к тебе со скоростью, превышающей звуковую мало что вдвое. Пятидесятиграммовая пуля, способная пробить рельс, кирпичную кладку, даже бронетранспортер — насквозь, с пяти метров, практически — в упор. Звуки слились, хрипит автомат в руках Равиля, ухает монстр Наиля, и Мастиф уже приготовился кричать: «Есть! Молодцы, ребята!! Давай!!!» — как только Гаврила упадет. Но не падает... не падает, зараза! Равиль меняет магазин — единым, цельным движением, но сверхчеловек уже рядом, громадное лезвие поднимает обычного человека, потрошит — уже в воздухе. А Наиль — успел, выбросил винтовку, отпрыгнул, он умел хорошо прыгать с места, еще в школе пытался ставить «пионерские» рекорды. Ведь настоящий пионер должен был, по идее, подтягиваться двадцать пять раз, метать теннисный мячик на сто метров, и прыгать с места — на три метра. Наиль подтягивался — двадцать два, мяч метал на шестьдесят, а вот прыгать... да... прыгать он умел на три метра, причем что вперед, что назад, что вбок... прямо человек-лягушка. И снова — прыжок назад, Гаврила нависает, но татарин снова (невозможно это, просто невозможно!) увернулся, ускользнул, просочился под мышкой, и оставил на груди, на белой широкой груди, прикрытой тонким шелком — длинную красную полосу. Сам он невредим, зубы навеки застыли в оскале, два ножа, в правой — булат, в левой — десантный. Гаврила уже не спешит, может быть — он ошеломлен, а может — развлекается, мало где и когда можно найти такого противника... Опасного, бесстрашного, хитрого. Зря он так, зря понадеялся на свою «сверх». Сверхсилу, сверхреакцию, сверхразвитие, сверхумение... Наиль поднял левую руку над головой — и лезвие десантного ножа сорвалось, вылетело, словно выстрелило из кисти, хороший трюк, нельзя сразу предугадать, и Гаврила пошатнулся, ошеломленный не менее бешеного татарина... Лезвие торчало прямо из глаза, темно красная кровь капала на рубашку; Наиль прыгнул, полоснул по ноге, по животу, по груди, уже все! можно бить! прямо в сердце, не надо медлить... ну же... давай!

Наиля оторвало от истекающего кровью гиганта, провернуло в воздухе, сломало так, что голова коснулась сапог. Он не успел даже вскрикнуть — и уже лежал на асфальте, «мордой в пол», за головой не руки, а ноги... Гаврила стоял, обиженно хмурил брови, явно не понимая — отчего и почему на ровном месте началась такая буча, зачем и главное — ради чего столько ненависти и крови? Потом сверхчеловек провел по груди правой рукой — раны исчезли, рубашка вновь засверкала белизной. А трупы четырех женщин и двух мужчин стали потихоньку шевелиться, словно в тихой агонии — уходили под землю. Так сверхлюди хоронили обычных людей.

— Стой, — закричал Александр, неуклюже перевалился через парапет, побежал, пытаясь успеть, и успел, схватил Наиля за штанину, рванул, вытащил из трясины, и Равиля — тоже.

— Сам похороню! — крикнул он в широкое улыбающееся лицо. Мастиф даже не заметил, как в руке оказался меч.

— Хочешь меня остановить? — спросил он с глухой угрозой.

— Нет, — ответил Гаврила. — Твоя дорога не кончается.

Повернулся и ушел. Только ручкой не помахал на прощание. Сверхурод...

Крик за дверью начал утихать, на площадке показался врач.

— Сигарету, — попросил он севшим голосом.

Саша усмехнулся и протянул пачку. Да, наверно, нелегко видеть, как из раскрытой матки на тебя глядят голубые разумные глаза — ведь у младенцев не бывает голубых глаз. Может быть, Иван еще и сам выползал, цеплялся маленькими ручками, пихался малюсенькими ножками, да еще и пуповину поправлял.

— Я хочу вам сказать, — начал врач, глубоко затянувшись. — Чтобы вы не волновались...

— Да я и не волнуюсь, — Мاستиф дружелюбно хлопнул человека по спине. — Голубоглазый? На три с половиной?

— Четыре, — быстро поправил врач.

— Сын, — прогудел Мاستиф, подпернул автомат и вошел в квартиру.

Не потребуется маленькому Ивану прививки. И диатеза у него никогда не будет. Может так статься, что мокрые и пачканные пеленки ребенок сам менять будет. Взглядом. Еще придется узнать, что дети встают на ноги в шесть месяцев (здесь Александр ошибся на девяносто дней). А через год можно будет уже застать их вместе с Людой, только читать сказки вслух будет не старшая сестра, а младший брат (Саша промахнулся только в книге, Иван читал вслух «Основы общей и юридической психологии» Еникеева). Придется смириться с тем, что сын будет расти заводилой и драчуном, перекалечит кучу великовозрастных болванов перед тем, как отец научит его «правильно» и «неправильно» драться. Учитель физкультуры будет просто в восторге, как и «певичка». Учительницу русского языка Иван тонко и очень остроумно станет посылать на три буквы и очень далеко, дальше, чем чертова бабушка живет. С первого же урока физики малолетний гений просто сбежит, и будет долго смеяться, уткнувшись в отцовские штаны: «Надо же, до чего додумались. Папка, это он сам придумал или в книжке прочитал...? А он не Библию, случаем, читал?»

А пока это просто маленький кулечек с кудряшками, глазки так и шмыгают по сторонам, улыбается. Саша вдруг подумал, что будет, если он руки разожмет и выпустит сына из рук? Он на пол шлепнется или в воздухе повиснет? Вот, ё-мое, задачка со многими неизвестными...

Улыбался маленький Иван, улыбался счастливый отец, улыбалась замученная Наташа, улыбался врач, улыбалась акушерка, в двери показалось улыбающееся лицо Шпака, в руках он держал подснежники, Александр просил достать подснежников...

Идиллия, счастье, чтоб его...

* * *

Очень редко меч Полеслава покидал ножны. Александр иногда просто опасался доставать его. Казалось, что сам клинок, с широким долем у рукояти, переходящим в узкое, практически бритвенное лезвие — на конце; с рукоятью, перетянутой грубой сыромятной кожей; с едва видимым намеком на гарду — простое и честное оружие солдата — само по

себе просит крови, требует разрушения, свиста воздуха и яростного крика.

Сын, как только подрос, очень заинтересовался отцовским мечом. Тайком от Александра маленький Иван доставал клинок и долго его рассматривал, пытался понять.

— Пап, — Иван называл Александра отцом, что последнего радовало невероятно. — Ты знаешь, сколько здесь слоев?

— Каких слоев? — не понял сначала Саша. А потом попытался перевести тему разговора. — Сколько раз сказано, что это не игрушка!

— Не игрушка, — отозвался мальчишка так, что у Саши в груди заглодело. — Там шестьдесят пять тысяч пятьсот тридцать шесть слоев. Этот меч шестнадцатикратного складывания, но каждый слой индивидуален... Откуда ты его взял?

— Это подарок.

— Папа, — вдруг сказал Иван совершенно взрослым голосом. — Ты этот меч всегда при себе держи. Такими вещами не балуются.

— А я про что говорю! — в сердцах бросил Александр. Положил клинок на шифоньер, но о разговоре не забыл.

Долго голубая сталь ждала своего часа. И — дождалась.

Случилось это светлым августовским утром. Наверно, осень для мужчин всегда была временем перемен. Взять Егорьев день, или Октябрьскую революцию — да любой день, когда случалось, что мужик поднимался, брался за топор, готовил вилы, чтобы втыкать железо в мясо... Емельян Иванович себя царем в сентябре объявил... Оно и ясно — рабочий сезон почти закончился, хлеб убран, скотину можно забивать. Гормоны играют, свобода выхода ищет...

А пока еще август, все вокруг наливается, зреет, сердце радуется. Пришло время второго покоса. Августовское мягкое сено скотине после отела идет — чтобы корове-матушке легче теленка кормить.

Косил и Александр. Вместе с «волкодавами», плечом к плечу.

Ближе к обеду, когда трава стала жесткой, и с покосом можно заканчивать — на луг влетела маленькая девчушка. Платок с головы сорвался, босые пятки блестят.

— Дяденька Мاستиф! — кричала она тоненьким блеющим голоском на всю вселенную. — Там мужики дерутся!

Александр сплюнул на землю. «Ну и пусть дерутся», — хотел он грубо оборвать девчонку.

— Папаня просит вас разобраться, — выдохнуло маленькое существо. Это меняло дело. Если просят, то хочешь — не хочешь, надо идти — разбираться. Значит, дело серьезное. Знают все вокруг — где Мастиф, там кровь льется. Но всегда справедливо льется. Значит, кто-то хочет, чтобы она, жаркая и красная, пролилась; наплатала землю, проросла новыми ростками, и снова — в голову, в хмель...

— Поехали, — бросил он через плечо.

Дело, на первый взгляд, было вовсе пустяковым. На дальнем покосе, который обычно делили на всех «по паям», один из косцов скосил больше. Слово за слово — и в ход пошли кулаки, а потом и косы. Схватились за оружие. Александр даже рассмеялся, когда увидел две кучки встрепанных мужиков, настороженно наблюдающих друг за другом через прицелы автоматов и пистолетов. Вокруг — дети, бабы, старики; орут... Как психопаты, ей богу. Начнут стрелять — все лягут, никто не уйдет без стального подарка в свинцовой рубашке.

Двое уже лежат. Косами, видно, порезались.

— Вы что, мужики? — подошел Александр. — Совсем сдурели? Из-за клочка сена!

— Пусть эта рожа сучья извинится сначала, — сказал знакомый голос из толпы справа. Много обидных слов наговорили друг другу мужики. Ох уж язык без костей... И чей это язык?

— Белый, мля, это ты, что ли? — воскликнул Саша.

— Я, — ворчливо отозвался голос, и вперед степенно выступил плотный кругломордый и краснорожий дядька.

— Белый, это ты? — уже изумленно повторил Александр. — А где ж твои мослы?

— Были мослы, да прошли...

Толпа слева стихла. Для них дело принимало совсем скверный оборот. Андрей Седухин по кличке «Белый», отец двоих сыновей (один из которых уже валялся на стерне с перерезанными сухожилиями на ногах) — оказался другом Мастифа. Да и «волкодавы» хлопают бывшего друга по плечам и спине. Все, совсем плохо...

— Что же ты, Андрюха, делаешь? — сурово спрашивал Мастиф через секунду. — Мозги жиром заплыли? Больше всех надо?

— Надо! — с вызовом ответил бывший «стачечник». — Чего он нашу межу скошил?

— Кто — он? — холодно спросил Мастиф.

Толпа слева раздалась в стороны, словно отрекаясь от высокого костистого парня с охотничьим ружьем в руках.

Александр почесал затылок:

— Ёб вашу мать, наровно поделите...

— ...уй соси! — хором отозвались Белый и парень, которого Мастиф про себя сразу окрестил «Костлявым».

— Вот как, — проворчал Мастиф, но так, чтобы никто не слышал. — По-людски не хотите. Значит, будем по-звериному...

— Ладно, решим по-иному, — сказал он гораздо громче. — Кто тут на поле самый молодой? Давайте, попросим мальцов решить проблему за отцов. Пострелята, идите сюда! Идите, идите. Да не бойсь, не трону...

Люди еще не понимали смысла затеи. Саша выбрал из левой толпы большеглазого крепыша, а из правой — довольно высокого мальчугана.

— Сколько лет? — спросил Мастиф сурово.

— Шесть, — ответил один.

— Шесть, — эхом отозвался второй.

Александр подобрал одну из кос, вытащил меч Полеслава, одним движением перерубил древко, сделал из длинной рукояти деревянное копьё.

— Кощей, дай нож, — попросил Мастиф.

— Пойдемте, пареньки...

Мастиф подошел к спорной меже (сколько земли вокруг, даже оглянутся страшно, а сцепились все-таки, из-за поганой сотки!), воткнул косовище без косы острием вверх. Прямо в середку «прохода» вогнал, чтобы все видели — никому лишнего не достанется. Люди широким кругом столпились вокруг Мастифа и двух мальчиков.

— Вот тебе нож, — вложил в маленькую потную ладошку оружие. — И тебе, — вытащил Мастиф свою «Барракуду».

— Будете биться до смерти, а ваши папаша — на вас пусть смотрят, коли не могут сами

такой пустяковины решить, — говорил Мاستиф, с удовольствием слушая, как за спиной разрастается и ширится гул встревоженных голосов.

— Тому пацаненку! кто проиграет! — уже кричал Мастиф. — Я отрублю голову! и насажу на этот кол! Чтоб теперь каждый знал, где его межа проходит! Ну, что встали!

— Да что же вы смотрите, мужики! — взвился в небо бабий вопль.

— Гаврилка! Отпусти меня, морда!

— Сами позвали...

— А-а! Ы-ы! Урод, сволочь, гад поганый, сын собачий! — набирала обороты толпа.

— Я тебя убивать буду! Убери пушку!! Не понял, что ли?! — режут «волкодавы».

Сейчас кто выстрелит — и понесется кровавая забава.

— Тиха-а! — рявкнул Мاستиф.

И, словно по мановению волшебной палочки — все стало стихать, мужики утирали потные лбы, бабы давно похватили ребятишек, ножи валялись в траве. Александр подобрал их, совершенно спокойно вложил «Барракуду» в ножны.

— Ну что, угомонились? — спросил он громко.

Угомонились. Сняли ненависть. На «собачьего сына» перебросили.

Мастиф сплюнул под ноги, посмотрел на «Белого», потом — на «Костлявого». Оба сникли, насупились. Видно — поняли.

— Что мы — звери? — совсем негромко сказал «Белый», но слышали все.

— Дядька Андрей, — попросил «Костлявый». — Давай по-хорошему. Надо же, а? Чего это мы так? А, дядька Андрей!

— Ну, я здесь больше не нужен, — объявил Мастиф и собрался было уходить, но заметил далеко, на краю поля две фигуры. Женщины, обе — в городской одежде, которая так нелепо смотрится на широком лугу среди бесконечных волн светлой травы.

— Это кто? — спросил Мастиф.

— Это так, — отозвался Андрей Седухин, который уже тряс руку бывшего кровного врага. — Из социальной защиты приходили. Спрашивали — сколько урожай собираем?

— Спрашивали, значит, — сказал Мастиф, и брови на лице сошлись в стальную полосу. — Спрашивали, говоришь...

Город спокоен и пустынен. Кажется, что серые здания вокруг — это гигантские склепы с широкими, грязными стеклами. Некому бить эти стекла. Всех бандитов и хулиганов, включая тех, кто был в погонах — перебили сверхчеловеки в первый же день. Страх вполз на улицы. Страшно выходить ночью из темного дома.

Каждый подъезд провонял — люди не слишком стеснялись отсутствия канализации. Кое-где видны потеки буйного пламени — видно, чересчур обогрелись зимой. Но живут, все еще живут в городе. Приспосабливаются. Так уже приспособились, что снова решили рабов себе завести. Да только рабы теперь дикие пошли. Без боя не сдаются. Да что без боя! Умные стали рабы... Как только почуют, что где-то объявились новые претенденты в «хозяева» — в штыки их, в кровь, в мясо.

— Хитрые стали, — гудел под ухом Кощей. — Во дворах спрятались. Там раньше комитетское здание было. Три подхода, все перекрыто баррикадами, на крышах — снайпера сидят. И внутри — сотня бойцов. Может, больше. Начальство внутри, с семьями... Надо народ собирать. Всей лавой навалимся — и конец всему...

Мастиф усмехнулся. Он примерно знал — о каком месте говорит Кощей. Штурмовать такой укреп район — самоубийство. Самый правильный вариант — вести партизанскую

войну, разбиться на тройки, снимать людей в форме по одному, не давать продохнуть, перекрыть подачу воды, а через месяц сами сдохнут... Только вот некогда. Сено надо убирать, картошку скоро копать, в садах урожай пойдет. Скотину к зиме забивать — коптить и солить. Грибная и рыбная пора грядет. Некогда в войнушку играть.

Сейчас Мастиф посмотрит — и решит. Может, зимой придем? Или сделать самодельного аммонала — и взорвать все к чертям?

— Хорошо, волки позорные, укрепились...

Мастиф с «волкодавами» притаились за пятиэтажкой. Курили. Иногда выглядывали из-за угла. Похоже, об их прибытии (и уж тем более — о цели прибытия) уже догадались. Суета около баррикад из кирпичей и мешков с песком прекратилась. Никого не видно, потные руки сжимают оружие.

— Сашок, — начал Артемич, после того как еще раз выглянул за угол. — Помнишь в девяносто первом?

Мастиф угрюмо кивнул, хотя еще не понимал — к чему клонит старик.

— Знаешь, откуда налоговая полиция появилась? — продолжал Артемич. — Тогда все в коммерсанты подались, декларации и квитанции сами заполняли. Десять тысяч частных и столько же предприятий. И так — в каждом городе. Очереди были — жуть.

Артемич усмехнулся и продолжил:

— Тогда «братки» делами заправляли. У нас — спортсмены бывшие. Так вот, прокатилась тогда по России волна. Стоит очередь — человек двести-триста. И кто-то придумал — скинуться всем небольшой денежкой, да вызвать «братков» на часик. Зря, что ли, они «крышу» держат? Прикинули, скинулись, братки приехали. Десять минут шум и гам в конторе — и за час все бумажки подписали. Моя женка тогда в очереди тоже стояла. Когда рассказывала — аж глаза светились. Есть все-таки справедливость, — вздохнул Артемич. — А потом полицию им сделали, решетки на окна. Охрану поставили — как здесь. «Братков» перестреляли...

— Ты что, предлагаешь Гаврилу вызвать? — догадался Кощей.

Мастиф сел спиной к дереву, прислонился к шершавому стволу. Гаврила, это, конечно, хорошо. Архангел гребанный... Он бы им устроил «братание».

— Вот гадство, — прошептал Саша. Сзади послышался шум множества ног.

— Приготовится к бою! — заорал Мастиф. — Счас устроим, мать их, штурм Перекопа...

— Свои, — орали сзади. — Не стреляйте! Мы к вам!

У Александра со лба скатилась холодная капля. Пришли, поняли.

— Эти твари к нам вчера приходили... Мне зуб вышибли... Заготконтора, мать их за яйца...

— Сашка, судоремонтники пришли, — кричал Артемич. — И коновалы.

— Что? — осклабился Кощей. — Хвост прищемили?

Через полчаса Мастиф склонился над нарисованным от руки планом действий.

— Пока идет лобовая атака, — объяснял он новоиспеченным командирам. — Все поддерживают ее огнем. Прорвемся вот здесь, — Мастиф указал на самую широкую баррикаду. — Ворота в крепости — самое слабое место...

— А кто в атаку пойдет? — тихо спросил Артемич.

На миг затихли все. И — побежали шепотки по рядам, каменели лица, сжались кулаки. Мало кто из лобовой атаки вернется. Мастиф достал из нагрудного кармана сигарету,

закурил. Потом снял с плеча автомат, аккуратно расстегнул пуговицы на рубашке.

— Я пойду, — сказал он. — Один.

И сразу дышать легче стало.

— Если не прорвусь — за мной не ходите. Другой план думайте...

— Как — один... — не понял чеченец Тимур.

— Да не дрейфь, салага, — рассмеялся Мастиф. — Нас двое будет. Гнедко мне седлайте...

— Не дело это, — бурчал над плечом Артемич. — Двести метров. Не пройдешь. А даже пройдешь — что толку?

— А в рабы записываться — это дело? — так же тихо спрашивал Саша. — Знаешь, Артемич, как я этих гадов... Стратегический запас продовольствия у них... На армию, на год. А оказалось — десять ящиков тушенки, а горючее разворовали уже лет десять назад. Молоко из соседней области возили. Курей из Америки... Ты видал, сколько земли у нас! Сколько мы прокормить можем? Сотня мужиков всего... Весь город можем прокормить... А надо будет — весь город под нож поставлю. В назидание гадам... Давай Гнедко, не подкачай. На нас с тобой одна надежда! Свобода, блять, или смерть! Пошел!

Силен владимирский тяжеловоз. А Гнедко из них — самый сильный. Десять тонн с места сдвинет — даже не фыркнет. Тяжело бухают копыта, стальные подковы шипами насквозь продавливают разгоряченный асфальт. Тонна живой мощи — а над ней семьдесят кило разъяренной воли.

— Сашка! — орет сзади Артемич. — Сукин сын!

Больше сотни метров выбрал Мастиф для разгона. Тяжел владимирец, неспешно ход набирает — но если набрал... все, не остановить... Ветки хлестнули Мастифа по лицу, но он уже ничего не чувствовал, пригнулся к необхватной шее коня, голубая сталь горит в отведенной для удара руке.

— Сашка! — кричит Кощей.

— Да пошли вы на. уй! — ревет Мастиф.

И словно прорвало тех, кто остался позади. Свист, треск выстрелов, а над этим всем — дикий, густой, все покрывающий мат-перемат.

— Санька, е... сын, п... еб... дай жизни, суки, бля-бла-а!

Не понимает ничего Мастиф, но знает, глубоко внутри сидит мысль о своей исключительности, везучести; непоколебима вера. Он же дорожник, ему же говорили, он пройдет; там прошел, и здесь пройдет; не было такого, чтобы не прошел. Ветер в лицо, и ровный стук внизу, а на толстой лошадиной шее, на широкой груди — уже расцвели розочки — одна, вторая, третья, как в теплом ласковом мае разбухают, лопаются от солнца и жаркого воздуха.

— Тяни, сука!!! — орет Мастиф, и Гнедко — тянет, даже не сбивается, словно и не чувствует; словно — так и надо.

А над баррикадой поднимается фигура, черное дуло становится алым, и весь рой, весь магазин, вся смерть — навстречу рабочей скотине, величайшему в мире работяге, тяжеловозу, которому и смерть не в тягость.

Последние метры Мастиф прокатился по асфальту — голой кожей по наждачной бумаге. Гнедко бьется позади, а Мастиф — на баррикаде. Пулемет заклинило — вот в чем дело! Пулеметчика — в расход. Это еще кто? Лезвие пластает человека легко, не поможет и

автомат... И еще одного. Кто успел выстрелить! Голову с плеч! И вторую! Сиамские близнецы... Кто-то бежит... Кто-то неуклюже пытается ткнуть автоматом — словно бы и впрямь думают, что Мاستиф неуязвим для пуль. Мастиф вырвался в центральный двор. Он знал, что половина из тех, кто должен был помочь отразить атаку — сейчас смотрят на него, сквозь прицелы. Тогда — покатались! Вот смеху-то, как дети играем... во взрослые игры. Он не понимал, как умудрился оказаться внутри здания; как ему удалось выбить железную дверь плечом; как он находил по звуку пятнистых гнид. Но хорошо понимал, что их надо давить — без жалости, спокойно, деловито. Это тоже работа, не очень, кстати, трудная, но до изумления интересная и веселая. Медведю, наверно, тоже интересно и весело смотреть — что попытается сделать человек, когда оказывается с хозяином леса один на один, без оружия? Разве эти жалкие пукалки — оружие? Настоящее оружие живет в руках Мастифа.

— Дави! — уже во дворе. — Ломи!

И снова до слез знакомый мат, такой родной и любимый, грозный и прямой.

— ...бать вас! — даже в ярости работяга уважителен с начальством. Всегда на «вы»...

— ...Ять вашу мать!

— Мастиф! Мастиф!! Мастиф!!!

Он вышел через искореженную железную дверь. Неужели это я её так? — изумленно, с широкой улыбкой думал Александр. Вот молодец! Прошел таки, свинтус! Голова только вот не ворочается, после этих прыжков по двору. И левая рука как плеть висит.

— Зацепило тебя? — участливо спросил кто-то.

Саша потрогал разодранную щеку. Больно... И дырка в затылке — здесь, видно, пуля вышла. С все возрастающим изумлением он ощупал левое плечо. И здесь дырка! А выходного отверстия нет. Верно, пуля внутри осталась. А почему он тогда не падает? Ранило-то серьезно.

— Заживет, как на собаке, — процедил Мастиф. — Есть кто живой еще?

Есть, есть еще живые. Из соседнего здания уже вытаскивали, выпинавали женщин — в гладких прическах, в юбках выше колен, в атласных штанах, с гладкими и блестящими ногтями. Туда же, в толпу, бросали и детей. Которые — совсем маленькие, а которые и побольше, так и зыркают глазами по сторонам, но сами себе выбрали мышеловку, бесплатный сыр обязательно горьким окажется.

— Так, — командовал Мастиф, а воздух пузырил кровь на правой щеке. — Из гаража «Мерина» выведите. Да, вот из этого! Да побыстрее!

Надо, чтобы не растерялись. Тут ведь не просто война. Здесь выживать надо...

— Обкладывай гараж! Да загоняй их, загоняй, — морщился от солнца Мастиф. Жаркое сегодня солнце.

— Вот они, дрова! — гудел Кощей, и глаза у него были серьезные и сосредоточенные. — Бензинчику мне нацедите!

Мастиф поймал взгляд Полкана. Мужик стоял посреди двора, стиснул оружие, и смотрел, открыв рот — но не на гараж, не на женщин — а на кровавого человека у искореженной двери. Все в крови — лицо, руки, тело, штаны, сапоги, с меча капает... Страшно, тоскливо, надо уши заткнуть — а еще лучше — выгнать всех отсюда, как только все сделают. А спички — вот они, бренчат в кармане.

— Стоять, — перекрыл все звуки голос. Будто две чугунные плиты друг об друга шаркнули.

— Стоять, звери, — еще раз повторил Артемич.

Мужик стоял в распахнутых воротах гаража, упрямо согнул голову. Женщины завизжали еще громче, но Артемич не дрогнул — уперся, и никто не рискнул его отодвинуть. Пусть шестьдесят с лишком мужику, но многие помнили, как жилистые длинные пальцы мнут алюминий, словно это не металл, а пластилин... Такой человек одной рукой тебе голову свернет — и пикнуть не успеешь.

— Сегодня я говорить буду, — сказал старый работяга, столкнулся взглядом с Мاستифом. Александр глаза не отвел, только кивнул.

— Тихо всем! — повернулся к толпе Артемич. Видно, не сразу собрался с мыслями старик. Или хотел, чтобы страх прошел, чтобы не стаду обезумевшему говорить — но людям?

— Что же, бабоньки мои дорогие, вы делаете?

«Бабоньки», до этого примолкшие, вновь открыли рты.

— Молчать, суки! — Кощей припечатал прикладом особо чувствительную истеричку. — Убью...

— Как же так, женщины? Откуда в вас это? Скажете — детей кормить нечем? Скажете — у нас старики? Я вот тоже старик... Как же вам такое в голову пришло? — Артемич набрал в легкие воздух. — Вместо того, чтобы лопаты да вилы в руки взять, вы сюда пришли. Отобрать у нас хлеб хотите? Скажете еще — распределять хотели? Дак, чтобы распределить, надо хлебушек вырастить сначала. Рыбку выловить, бычка откормить. Неужели не умеете? Вы своим неумением да глупостью из нас зверей сделали... Вот, — длинный палец уперся в Мастифа. — Смотрите! Внимательно смотрите! Все нутро нам перевернули, одна дикость осталась. Мужей своих и сыновей не пожалели. Посмотрите вокруг! Они за вас легли! За вас, бабоньки. Этого вы хотели? Эх, бляха-муха... Пошли отсюда, парни... Сашок, слезай...

— Ты пойми, — негромко говорил Артемич, а Саша стоял над убитым Гнедко и осторожно трогал свою щеку. — Как же я своей бабке в глаза посмотрю? После такого?

— Да хватит меня ублажать, — пробулькал кровью Александр, а потом потыкал носком сапога коню в живот. — Надо его потрошить быстрее. Жарко. Протухнет зазря. На колбасу пустим.

— Мастиф, — подошел Полкан. — Там ребята раненные. У Боксера живот, а Димку Добермана напололам раскрошило. Кольку-Колли зацепило здорово...

— Чего еще надо? — оборвал Мастиф.

— Дык, это, — облизнул Полкан губы. — Надо Ванюшу, сына твоего, просить. Он вылечит сможет?

— Сможет, — отрезал Александр, резко повернулся к Артемичу, и чуть не упал. — Ведь двух лет еще не прошло. Снова появились. Чудится мне, надо весь город вырезать. Артемич, это же не дело! Если прохлопаем ушами — нас самих к ногтю прижмут. Шустрые они, что твои тараканы. Все я понимаю. А если нельзя иначе? Чего ты рожу воротишь? Ты в глаза смотри.

Но старика в «смотрелки» не возьмешь. У него вместо глаз — шарики от подшипников, причем высшей закалки.

— Надо с Гаврилой говорить, — пробормотал Артемич. — Может, он поможет...

— Кому здесь требуется помощь? — произнес голос, от которого рука Мастифа сама собой легла на рукоять меча.

Гаврила стоял очень близко — рукой можно дотянуться. Может, стоит попробовать?

Сверхчеловек смотрел на одного из убитых. Тело в форме дрогнуло, зашевелилось. Артемич гулко сглотнул. Человек, разрубленный острейшим лезвием почти напополам, оперся руками об землю, попытался встать на корточки — и встал, но на ноги. Его здорово мотало, и глаза были мутные, словно после долгого, тяжелого сна. «Волкодавы» глухо заворчали за спиной Мاستифа, клацнул затвор. Гаврила перевел взгляд на Мастифа.

— Ранило. Дважды. А ты на ногах. Надо помочь? — спросил сверхчеловек.

— Сам справлюсь, — буркнул Александр. Щеку саднило нещадно, и плечо не ныло, не ломило — горело адским пламенем.

— Красиво. Я знал, но никогда не видел, — сказал Гаврила.

— Ты пулемет заклинил, — жестко сказал Мастиф.

— Какая разница? Главное — красиво. Иногда вы красивые. Я пришел, и оказалось, что дом занят племенем диких и опасных обезьян. Где тот страх, правящий миром? Когда нет шансов — вы сражаетесь. Глупо, но красиво, — говорил Гаврила будто сам с собой. — В таком доме нельзя жить. Я ухожу.

— Так что ж ты не вырежешь этих обезьян? — выкрикнул Мастиф, морщась от боли. — Кишка тонка?

— Думаете, вы одни такие? — обернулся вдруг Гаврила и лицо в этот момент у него было такое... совсем человеческое. — Мы ведь... почти такие же. Пока сражаемся — сильны и красивы. Вот и вы. Перестанете драться — и умрете. Плохой путь. Верный, но плохой. А все дело в том, что вы производите больше, чем можете съесть. Наверно, это общая беда. А я — просто оружие...

Гаврила развернулся и пропал. Но он был все еще здесь — Мастиф это чувствовал совершенно отчетливо.

— Гаврила, — пытался прорваться сквозь красную пелену Сашка. — Только электричество не включай... подожди еще чуть-чуть... может, придумаем что...

— Хрен мы что придумаем, — хрипел Александр, невероятным усилием удерживаясь на ногах. — Мы и без электричества целый город дармоедов кормим. Все правильно, сука, сказал. Они, мля, на эти млядские «излишки» рты разевают... Маркса надо читать.

Мастиф слабеющими руками вцепился в Артемича:

— Ну что, дашь город?

Артемич подхватил Сашку под руки, поддержал.

— Не дам, — твердо сказал старик. Здесь весь он... не человек, даже не сверхчеловек — бревно, валун, лежащий камень...

— Да и хрен с тобой, — шептал Мастиф. — Но эту кашу ты расхлебаешь.

— Расхлебаю, — сурово ответил Артемич, и легко взвалил потерявшего сознание Сашку на плечо.

Чтоб ты жил во время перемен... Восточная мудрость. Иногда кажется, что само по себе словосочетание «восточная мудрость» — почти тавтология, как «масло масляное».

Александр пытался предугадать хотя бы часть перемен. В России любые реформы, а тем более глобальные изменения, совершаются медленно. Словно на конной тяге. Вот все деньги в стране поменять можно за три дня. А чего их менять? Откуда у народа деньги? Так, если на черный день остались, но уж не обессудь, бабушка, у нас новое министерство ввели. Министерство быстрого спасения. А им тоже кушать хочется... Две бумажки вместо одной надо заполнять — всем чиновникам эта процедура через пять минут после принятия постановления становится известна... А как же — лишняя денежка в казну! Это вам не мост через железную дорогу строить.

В любом случае, думал Александр, перестройка случается в восемьдесят пятом, гласность открывают в девяностом, президента ставят в июне, должность генерального секретаря убирают в августе (конечно, вдвоем нельзя править, какая тут может быть демократия к опарышам?), демократическую конституцию принимают через восемь лет после начала всех событий, после кровавого побоища в самом центре столицы. Строй с коммунистического поменялся на демократический. За восемь лет. А с монархического на коммунистический? Саша пробежал взглядом по датам. В семнадцатом переворот, потом четыре года неразберихи, за которые погибло от восьми до тринадцати миллионов человек. И только к двадцать четвертому государство стало походить на таковое. Семь лет. Можно сказать — тоже восемь, Сталин не сразу вожжи взял. Сталина, кстати, тоже Иосифом звали... Прародитель, блин, сынов божьих...

Да, прошло четыре года, можно уже ждать новой власти. Кто придет? — вздохнул Александр. Силенок маловато, но тут, может быть, силы и не понадобятся. Может быть, хотя бы в этот раз малой кровью обойдется? У него есть сотня отличных бойцов, с такими даже в Москву не страшно. Обязательно будет первый съезд, сбор, созыв, конгресс или что там еще. Смертник с небольшим баллоном нервно-паралитического газа и пластиковой взрывчаткой на двести грамм. Меры безопасности, конечно, будут, но все новое, пока еще скрипит машинка, не все детали друг к другу подогнаны, хороший наладчик нужен. Взрыв, почти хлопок — и все, нет верхушки правящей партии, или думы, или круглого стола, черт там ногу сломит. Еще четыре года неразберихи, блаженной анархии, мелкие лидеры рвут друг другу глотки, а крестьянин в это время хлеб растит, коровами обзаводится, детьми прибывает.

Мастиф забарабанил пальцами по столу. Подвели, подвели сверхчеловеки. Что ж бросили все на полпути? Беда у них, видите ли. А как придет новый Наполеончик, как начнут народ сгонять, да еще неизвестно куда — то ли для того, чтобы из чего-то мыло делать, то ли из кого-то мыло делать... Сверхчеловеку все равно. А вот Мастифу — нет, ему очень даже не все равно, он ни для кого и не из кого мыло делать не собирается. Хотя идея, в принципе, хорошая. Молодец Иосиф Виссарионович, быстро разобрался, мудро поступил. Всех, всех подряд, кто только хотел, кто только подумал стать выше другого — всех выкорчевал. И тот миллион сволочей, ради которой сто миллионов легло — стоили они этого. Сотня за одного, плохой размен, слишком жестокий, даже Мастиф работает куда тоньше, можно сказать — ювелирней. А все из-за власти. Власть. Господи, да что же это

такое? Что за зверь такой, мягче чернобурки, страшнее носорога? Разве же можно так с живыми людьми? Ради чего? Ради красной «корочки», ради «синего фонарика», ради печати под рукой? Неужели ради простого ощущения? Ничего, паскуды, вы еще не такие ощущения испытаете... Такие будут у вас ощущения — закачаетесь...

— Вот такие дела, Артемич, — глядя прямо в глаза старику сказал Мастиф почти шепотом. Он еще не совсем привык к новому лицу — словно все время улыбаешься... Рваная рана на щеке долго заживать не хотела. А вот дырку в груди Ваня отцу быстро залатал...

— Документы кое-какие мы тебе достали, — продолжил Александр, подвинул Артемичу плотно набитое бумагами портмоне.

— Сумеешь? — спросил Мастиф.

— Сумею, — проворчал старик.

— Ни во что не ввязывайся. Никому не доверяй. Не пей. До Москвы по ледяной дороге доберешься.

— По Ледянке? — ухмыльнулся Артемич. — Помнится, мой прадед по ней дерево в Москву возил. Заросла, поди, дорога. Ее ведь по прямой делали, прямо по чащобам, чтобы лес удобней брать. Ни одной деревни рядом...

— Верхом поедешь. Есть там дорога, осталось еще кое-чего, — говорил Александр. — Прямо к Мытищам выйдешь. А там до Кремля — тридцать километров. Дальше я тебе не помощник. Действуй как знаешь. Можешь винтовку взять, которая от Наиля осталась. Взрывчатка там... могу даже зарина достать.

— Разберусь, — улыбался старик.

По душе Мастифу улыбка старого наладчика. После того, как Артемич запретил трогать горожан, они с Александром некоторое время старались избегать друг друга, а потом — вновь сошлись, как в былые, заводские времена. Саша снова спрашивал совет у старого наладчика, разговаривал с Артемичем даже чаще, чем со Шпаком. И вот во время одного их разговора и родилась идея — сбрить верхушку правящей партии со странным названием — «Новая власть».

— Думаю, твои сверхчеловеки старую гвардию похерили, новая оружия в руках толком не держала. Надо пробовать... — за плечами этого человека — семья, две дочери, сын, жена, пятеро внуков. Силен Артемич, умен, жизнью бит не раз, ужом проползал, медведем прорывался, волком уходил. Только вот не уйти больше, не пройти, не прорваться. Шутишь, брат, не по плечу Артемичу такое дело...

— Мастиф, опять «Новая власть» приехала! — ворвался в комнату Леша-Полкан.

— Иду, — буркнул Александр.

Дождались... Как раз четыре года. Прошла неразбериха.

— На тебя одна надежда, — обернулся в дверях Мастиф.

— Иди уж, — проворчал старик. — Я не подведу.

— Где они? Сколько?

— В самом центре встали... Сотни три, с бабами... Костры... Плакаты вешают... Базар собираются открывать...

— Где чечены? Татары?

— Татарва здесь. Чечены на кордонах, Тимур вчера ушел...

— Грузовик где?

— Грузовик они увели...

— Ильдара и Ильяса мне! Слушай, мусульмане, бери малые группы — и по окружной, жду через два часа в центре. Полкан!

— Здесь я...

— Все псы со мной пойдут. Стачечников возьми. Ребят-бетонщиков — второй группой. Судоремонтники — в замыкающих.

— Есть...

— Вот еще, пацанов с ветеринарного на лошадей посади, но вперед не пускать, конница для преследования лучше всего.

— По коням...

— Оружие проверить. Патронов не жалеть. Эх, блин, грузовика нет, сейчас бы на нее ЗАУ поставили. Наташ, готовь ужин на всех! Пошли, ребята!

Дождались таки. И снова — под осень. Наверняка продразверстка, прикрываются красивыми плакатами, закупочная на зерно — вдвое ниже базарной. Под винтовками будем зерно сдавать... Наверно, уже колотят в центре города трибуну. Александр даже знает, какие слова будут говориться с той трибуны. Красивые, наверно, горячие и жизненные. Про плохую жизнь, про разгул преступности. Хотя, если спросить, то преступниками они называют уж точно не себя. На кого угодно покажут, такая психология. Вот следовательно, он преступник или нет? Тогда почему он у другого человека хочет самое ценное отобрать, свободу и жизнь даже... Этим не следовательно занимается, а прокурор? Ба, да у нас тут преступный сговор! Групповуха! По закону они действуют? Так у нас ведь еще и воровской закон есть, он прямо противоположное говорит — и все равно закон. Я сам могу таких законов десяток придумать. А вот когда ты придумаешь — тогда снова приходи. А пока стрелять надо тех, кто о законе заикнется. Стрелять и стрелять, нечего тут думать. Бандиты? Это вы нас так называете? А вот как стану президентом или императором, у меня, может быть, сын — сверхчеловек, как захочет, так и будет. Вот тогда посмотрим, кто у нас бандит... Банда — это преступное формирование, группа из человек. Чем правительство не банда, оно же деньги у людей отбирает, в виде налогов, то есть за просто так, прикрываясь нашими же неясными нуждами. Тебе новый ракетный крейсер нужен? На металлолом? А тебе граница нужна? Да не шестисоточного участка, хорош башкой крутить, отсюда до границы тысяча километров.

А почему врач и учитель зарплату должен получать? Они чего — не работают? Вот и пусть получают, но не зарплату, а деньги — которые заработали. Ведь тут ситуация другая. Они ведь не производят болванки — они отдают людям то, что по праву принадлежит каждому — здоровье и знание. Эти профессии изначально корыстные. А что отдает и получает таможенник? Ведь его долг не должен быть корыстным, он, чертов таможенник, за первым делом за порядком на границе должен следить, а деньги собирать — это задача почти второстепенная. Или кто-то что-то путает? А даже если и путает... да кому на самом деле нужна таможня? Соседской бабушке, наверняка...

Александр таможен на границе Судуйской области не ставил, зато в селе школу открыл, сам ходил в город — собирал учителей, рубил дома, чуть ли не насильно дарил корову, поросят; «володавовы» пахали поля — Мاستиф не приказывал, только намекнул, а ребята сами догадались. Они же не армия, приказов не исполняют...

А про настоящую армию и говорить нечего. Они же чистая банда, в кристальном виде, они и думать не хотят, только получше убивать учатся...

Так и жили в Судуе две банды — бок о бок, можно сказать — плечом к плечу. Волкодавы Мاستифа, крутой рукой наводящие порядок днем и ночью, бесстрашные, озверелые, любую проблему решающие резко и без права на ошибку. Поэтому и обращались к Мастифу в последнюю очередь — когда беда вставала поперек горла, ни вздохнуть, ни дух перевести. И другая банда — государственная, действующая тихо и тайно, потому что звери плохо выносят конкуренцию. Эти, вторые бандиты — они не решали ничего, они пытались вернуть порядок, который был удобен им.

Александр прекрасно понимал, что скоро новая власть догадается, что отбирать у людей — бесполезное и опасное дело. Гораздо удобнее заставить их думать, что они, люди, так или иначе — должны сами отдавать свой труд. И только сто человек, сотня мужиков в огромной стране понимают, что нельзя ничего отдавать. Они не боятся взять в руки оружие, не боятся работы, не боятся глядеть в будущее из настоящего — через мушку прицела. Момент, в котором ты живешь — он и есть самый важный, и, насколько хватит мужества и упорства, если не дрогнет рука, патрон не даст осечки — столько и проживешь...

Летят листья с деревьев, кружатся в вихре, падают и замирают. Хорошее время — бабья осень. Не жарко и не холодно, амбары зерном ломаются, телята степенно идут с луга, отгуляли бока за лето. Поросяенок как слон в загоне ворочается. А город — нищ и сер, оскалился провалами выбитых стекол, потемнел заборами и крышами. Везде, куда ни глянь — ковер свежих листьев. Мусор, а приятно. Как люди хотят жить без мусора? А если уж хотят, то надо тех, кто мусорит — к стенке, тогда и мусора не будет. А кто в городе не мусорит? Ну вот, не будет людей в городе — и всем хорошо станет. Всем, кто не в городе...

Спуск на площадь Конституции. Раньше вон в том доме, сейчас обгоревшем, жил токарь по кличке Белый. С крыши капает, туалет один на четыре семьи, полы проваливаются, мыши, отопление едва дышит. Два спиногрыза, жена-учительница, на заводе гроши платят, каждый день — тушенка с макаронами. Щеки у Белого к зубам прилипли, нос заострился, глаза впали — по две смены пахал парень. Зато имел вид на главную улицу города и бывший обком под боком. Хорошо, благодать... Где сейчас Белый? Пятистенок себе поставил, теперь старшему сыну ставит. Печь русская, печь голландская, жеребенок в конюшне, корова, два поросся, три гектара земли, сад — маленький пока, пруд, в котором карпы с ладонь ходят. Стал Белый толстым, важным — не подойди. Жена к двум сыновьям уже третью дочку принесла — не боится бывший токарь нищету плодить...

Площадь. Вот здесь Наиль умер, вместе с братом. Не хватает мне тебя, думал Александр. Ухмылки мне твоей волчьей не хватает. Петька-Волчара тоже хорош, но нет у него нюха дикого, нет хватки железной. Вырвали волку зубы, долго нос в дерьме держали, чтобы нюх отбить. За мешок муки зверя уродом сделали. Вот он идет, глаза на грязной роже сверкают, рот открыл, оскалиться хочет, а во рту — дыра черная.

— Шашада! — заорал Петька. — Лошись! Шашада!

Его убрали первым. Именно убрали, потому что палили на площади Конституции только «псы» и «стачечники». Остальные — стреляли, с последних этажей, с чердачных окон, которые и разглядеть на здании бывшего обкома трудно, не только попасть. Аккуратно выбирали цели, замирали на мгновение, задерживая дыхание, лоя в снайперские прицелы мечущиеся на асфальте фигурки. Начали постреливать и с бывшего Центрального управления внутренних дел, и с телевизионной станции. Всего, наверно, стволов десять, но для тридцати человек внизу и это много.

— Хватит ворон считать, — возник ворчливый голос в голове. — Я вас прикрою. Наступайте. Вторая группа вместе с третьей тоже под огонь попала...

— Наиль? — прошептал Саша, а потом вскочил:

— Вперед, — заорал Мاستиф, но никто не желал двигаться, все видели, что случилось с теми, кто просто голову поднимал.

— Я вас прикрою, вперед! Воины, вперед! Подняли жопы!

И Александр стал палить во все стороны, не целясь никуда специально, в белый свет, по верхам, одиночными. И действительно, огонь стих, а потом прекратился вовсе, словно Саша и в самом деле перестрелял невидимых снайперов.

— Пошли, пошли. Быро. Бери под руки. Мать. Блять. Суки. Пидоры, — мат все крепче, люди бегут, хватают оружие убитых, поднимают раненных.

— Сворачиваем около универмага, — командует Мастиф. — Направо. Все, наигрались. Пасти рвать теперь буду...

Домой он вернулся не просто злой. Бешенный. Тридцать пять парней легло — ни за что, ни за понюшку. Чеченцев, говорят, видели на центральной площади. Висят все четверо, ногами вверх, лиц не видно, не понять — живые еще или нет. Группа Ильдара попала под обстрел. Все уцелели — кроме татарина. Макушку бритую пулей пробороило, долго еще мычал, помирать не хотел.

— Помощь надо собирать, — убеждал Полкан на совете в квартире Наиля.

— Надо, — поддержали его многие. — По деревьям идти. Что мы, самые крайние?

— Крайнее не бывает, — прошептал Мастиф, поднял побелевшие глаза на товарищей. Все затихли, даже дышать перестали. Ждут, верят, надеются.

— Вы ко мне пришли не для того, чтобы помощи просить, — проговорил он тихо, захлебываясь спертым дымным воздухом. — Вы сами свою помощь предлагали. Никого из вас я не просил... И сейчас не попрошу... Мне насрать на остальных... Пусть живут как хотят. Но если меня тронут — берегись, башки не сносить... Пришли ко мне на «усадыбу» спецназовцы — получите всемеро, в сто раз, в тысячу. Все, кто их знал, кто приказы отдавал, кто для них налоги собирал, кто обучал, кто мозги промывал, кто учитывал, кто речи толкал — всех подчистую. Я свою работу хорошо знаю, брака не будет. Сам пойду, не сумею тварей унять — значит, судьба. Но пока жив, пока руки оружие держат, пока хоть что-то могу — я за свое драться буду. За семью, за землю, за город свой долбаный... Вот так, братцы, не будет нам никакой подмоги, я вам не генерал, вы мне не рядовые, и запомните — никто и ничего нам не должен. И мы — никому и ничего... Ясно?

— Ясно? — рявкнул он так, что пол дрогнул.

— Ясно, — раздались нестройные голоса. — Ясно то ясно, что делать будем?

— Драться будем, — спокойно сказал Мастиф, так, что у присутствующих мурашки по коже побежали. Славная будет драка, может быть — последняя...

— А можно я с вами? — спросил от двери хрупкий юношеский голос.

Все лица повернулись туда, на звук, на надежду. Люди вдруг заулыбались, напряжение спало, ушла безнадежность из глаз. В самом деле, как они могли забыть, что младшенький то у Мاستифа — сверхчеловек? Все может. Как захочет, так и будет, не балуй. И отца любит, да не просто любит, а — слушает.

— Можно? — спросил еще раз Иван.

— Разрешаю, — буркнул отец. Александр теперь понимал, чей голос он слышал на площади, и кто смог вывести их из-под обстрела.

— А можешь... — с подлой улыбкой начал Полкан.

— Не могу, — вздохнул мальчишка. В пять лет он выглядел на пятнадцать. Уже выше Александра, чуть поуже в плечах, пока еще нескладный, вместо кудрей — вихры и патлы.

— Нельзя, — еще раз вздохнул Иван. — Только при самообороне, таковы правила.

— Сегодня одни правила, завтра другие, — прогудел «стачечник» по кличке Кощей. После Артемича он стал во главе бывших заводчан.

— Но сегодня они такие. Правила нарушать можно, но за это...

— Понятно, как в футболе, — проворчал Александр. Они уже не раз разговаривали с сыном на эту тему. — Желтая карточка. А может быть и красная.

— Я могу отключить их оружие, даже если ваше рядом будет, — радостно сообщил Иван.

За столом все вскочили, глаза заблестели. Есть управа и на новую власть. Выкуси, русского мужика так просто не возьмешь!

— Бойню объявляю завтра, как рассветет, — сказал Мастиф и сел в кресло. — Иван, сделаешь так, как сказал, когда я тебе прикажу. Сегодня спать, проверить оружие, выставить караулы. Я на первой смене. Никому не жрать. Кто нажрется — здесь останется.

— Обижает, начальник, — весело отозвались голоса.

Утром Александр надел белую майку. Потом покопался в шкафу и нашел белую рубаху. Там еще есть белые штаны, он помнил, они на самом дне, еще из прошлой жизни. Подпоясался белоснежным кушаком, навесил ножны с «Барракудой» из дамасской стали. Сначала этот нож принадлежал Тимуру. Потом, когда чеченец побратался с Наилем — перешел к татарину, как братский подарок. С этим ножом татарин на сверхчеловека вышел. За спину Мастиф закинул не автомат, а ножны с мечом Полеслава. Встал, потянулся, покачал плечами. Как голый, страшно даже на улицу выходить. Но пересилил себя, обулся в начищенные с вечера кирзачи — и вышел. В гудящую толпу, где вокруг — глухой кашель и сверкающие глаза, в звон оружия и шорох грязной одежды.

— Где Шпак?

— На поле пошел, урожай добывает, — отозвались со смешками.

— Ладно, мы тоже, как вернемся, — пробормотал Александр. — Пойдем под белым флагом, — повысил он голос. — Полкан, с площади ведут пять дорог, я вчера прикинул. Поставь на каждую по два человека. Пусть сейчас выходят. Остальные — за мной.

Он повел их старыми тропами, между заброшенными домами, вдоль студенческих общежитий, по запущенным рощам, через ржавые заборы, сквозь загаженные и

захлапленные дворы. Они шли очень быстро, прекрасно понимая, что враг может уйти, ускользнуть, прознав о том, что будет побежден. И они, конечно, успели.

— Николай Павлович, Мастиф идет! Под белым флагом!

Тот, кого назвали Николай Павловичем, был высоким молоджавым человеком, с высоким лбом, твердыми серыми глазами на открытом лице. Он не позволил звать себя дважды, в секунду поднялся, оделся, вышел из палатки, поправляя тяжелую портупею. Что же, посмотрим, наконец, что за чудище такое, этот ваш Мастиф, да еще под белым флагом — думал командир особого отряда. Никогда еще «Новой власти» не приходилось сталкиваться с такой невообразимой жестокостью, если и впрямь все, что приписывают Мастифу — правда. Во всяком случае, все разъезды, делегации и продотряды исчезали в судуйской области как в болоте. Ни слуху, ни духу, только странные разговоры, больше похожие на легенды. Хотя точно известно, что у Смирнова Александра Сергеевича на самом деле имелся сын-сверхчеловек, существовали неоднократные и достоверные подтверждения, что делало лидера повстанцев очень опасным. Недаром на усмирение этого зверя послали именно его, Николая Павловича, очень известного человека. Правда, известного в узких кругах, но это издержки профессии.

Впереди толпы, вооруженной чем и как попало, стоял тощий невысокий человек с белым флагом, в простой белой рубахе, в белых штанах, только чернели неуместно-драные кирзачи на ногах. Николай Павлович невольно сравнил себя с Мастифом. На голову выше, черная кожаная куртка, черные кожаные штаны, заливчатский, опять же черный берет, только полусапоги на ногах — из мягкой светлой кожи. Николай Павлович поморщился, ему на миг показалось, что кто-то решил провести здесь конкурс клоунов, тем более что шрам на щеке Мастифа — словно приклеенная навечно улыбка безумного шута. Да вот только вопросы будут решаться серьезные, не черные и не белые. Красные здесь будут темы, кровавые вопросы и кровавые ответы: Центр решил окончательно и бесповоротно — Мастифа не должно существовать. Любой ценой. Именно поэтому здесь триста бойцов — сила небольшая, но кто бы знал, чего стоит только один, причем — любой боец из его отряда! Конечно, и по окрестностям надо будет пройти, после того, как с мятежниками будет покончено. Разжирел, небось, местный народец без контроля...

Мастиф шагнул навстречу, и Николай Павлович предусмотрительно поднял руку — не стрелять!

— Я хочу видеть моих друзей, — сказал человек в белом, и всем, кто его слышал, вдруг показалось, что не человек, а огромная собака прорычала эти слова, давась ненавистью и злобой.

— Я хочу видеть моих друзей, — повторил Мастиф, хотя уже заметил, уже видел, понял...

— Пожалуйста, — сухо сказал человек в черном, и протянул руку к виселицам, что стыдливо спрятались за голубыми елями.

Мастиф осторожно ступая, подошел к четырем окровавленным телам. Мертвы, кровь давно запеклась. Висят, буйны головушки, лучшие из лучших, настоящие во всем — в труде и войне, в ярости и доброте, в доблести и глупости. Ах вы черти чеченские, как же вы дали себя убить? Как же вы могли дать себя убить? Сняли вас всех четверых сразу, по одной команде, с расстояния в километр, целый взвод снайперов... У всех — аккуратные дырки в широких лбах (видимо контрольные выстрелы делали — сообразил Мастиф), а все остальное

— как решето, рваньё по всему телу, волочили по асфальту, привязав за ноги к грузовику. Разозлили вы меня, чехи поганые, ух как разозлили смертью своей...

Мастиф хорошо помнил, как год назад чечены и татары остановили громадный прототряд. До этого в Судуй присылали маленькие группки «заготовителей» — десять, двадцать, тридцать человек. А в тот раз было их почти тысяча, везли с собой «легкие», двухосные товарняки — штук десять, каждый из которых цугом тащила четверка лошадей. Мастиф, быть может, никогда бы и не узнал о них, если бы не пришел староста из Борщино — просил помочь хоронить.

— Кого? — не понял тогда Александр.

— Ну... прототрядовцев, — объяснил бородатый старик. — Твои ребята их положили, а у меня в деревне мужиков — раз и обчелся. Одни старухи. А они вонять уже начали...

Выяснилось следующее.

Три дня назад Ильдар, когда хотел выгонять стадо из леса, заметил гигантскую колонну пеших в камуфляжных костюмах, с оружием. Татарин снова загнал коров в березняк, свистнул Тимура, а тот собрал остальных пастухов. Вместе они осмотрели колонну, которая сопровождала по железной дороге вагоны. Шли «фуражиры» медленно, дни стояли жаркие. Около Борщино колонна остановилась — мост через речушку по приказанию Мастифа разобрали еще прошлой осенью, рельсы покидали в воду, шпалы вывернули и сожгли. Пока армейцы восстанавливали путь, Тимур узнал, что вагоны — пустые, а у военных цель — привезти их (вагоны) в столицу; но — полные.

Время близилось к вечеру, разбивались палатки, занимались дома. Поднялись дымы костров. Тимур отправил четверых бойцов-пастухов домой — вместе со стадом. А ребята, загнав животину в загоны — рванули обратно, к Тимуру. И главное — никому, ничего, ни полслова... как потом выяснилось — просто понадеялись друг на друга. В итоге четыре чеченца и три татарина, посоветовавшись минут десять при свете луны, решили:

— Резать...

Они умело, даже чересчур умело сняли посты и разводящих. Потом вошли-вползли в палатки. На каждого оказалось полтора-два души. Тихо, быстро, одного за другим; хорошо, если спит на спине — того быстро; если на животе, то надо по возможности — резко (предварительно вытерев кровь с рук) — запрокинуть голову — и резать очень глубоко, до трехеи; труднее всего — кто на боку, а таких всегда большинство; из палатки — в палатку... Потом взялись за командиров, которые поставили штаб в местном «сельпо»...

— И что, неужели никто...? — тупо спросил тогда Александр.

— Да нет, — ответил за всех Тимур. — Я чуть не прокололся. Руки скользкие.

— Ё-мое, — только и сказал тогда Сашка. — Что делать? Пошли хоронить? А оружие, кони?

Мусульмане неожиданно замаялись.

— Так, мы, это... и коней тоже, — прогудел Руслан. — А оружия у нас самих полно.

— Разгильдяи, — хмыкнул тогда Мастиф. Он словно видел, как там, в темноте, семь бесшумных вурдалаков, с капающими свежей кровью ножами, обезумевшие, молчаливые — режут лошадей, потому что те наверняка всполошились от густого запаха смерти. А утром убийцы вновь стали людьми, с первыми петухами вернулись к «усадьбе», поменяли одежду, выгнали на пастбища коров и овец...

— Разгильдяи, — прошептал Мастиф сейчас.

— Так, — сказал хрипло Мастиф, и снова показалось — громадный пес голос подал. —

Давай, Ваня, делай дело... А теперь мы будем драться. Один на один. И если кто-то из вас победит меня — то я умру. А если выживу — объясню: почему сегодня вы все здесь умрете. Без поддавков, честная сталь на сталь, — и Мاستиф отбросил в сторону меч Полеслава, снял рубаху, содрал майку, остался обнаженным по пояс. Николай Павлович даже усмехнулся — до того маленьким и жалким показался ему предводитель местных бандитов. Да и сами они — низкорослые, тощие, в рваных бушлатах, в расхлябанных и грязных сапогах, точно людей только вытащили из-за рычагов тракторов, или вообще — из выгребных ям. Наверняка от этих крестьян воняет навозом, застарелым потом, головы не мыты, рожи — чумазые, небритые. То ли дело его бойцы — отборные убийцы, пар струится из оскаленных ртов. Все — чистенькие, умелые, оружие смазано, лица веселые, сытые, крепыши, мышцы бугрятся из-под бронежилетов... Девчонки тоже молодцы, не зря их в отряд агитаторшами навязали. Голосистые, молодые, кровь с молоком, груди куртки рвут. Особенно вон у той, рыженькой...

— По решению Центрального суда вы арестованы и должны... — начал было Николай Павлович.

— Ты возьми меня, попробуй! — проревел Мاستиф.

Похоже, главарь не боялся ни капельки. Это заставило Николая Павловича еще раз внимательно оглядеть окрестности. Все спокойно, дозоры молчат, вокруг вообще никого. Вот только Мастиф стоит, покачивается на напружиненных ногах, ни капли страха, словно за тощей спиной — не пять десятков голодранцев, а, по крайней мере, элитная воздушно-десантная дивизия. Внимательный взгляд подмечал новые подробности. Пусть не широк в груди Мастиф, но вот ручищи у него... Такие руки маленький Коля видел у своего деда-крестьянина. Не ладони — стальные клещи, пальцы без труда гвоздь из доски выдергивают. Сама рука — жилистая, перевита сухожилиями и венами, бицепса нет, полено, а не рука. Такой клешней дед в семьдесят лет десятилетнего внука-акселерата за шкурку поднимал без малейшего напряжения. В горле пересохло. Николай Павлович сглотнул слюну.

— Не Сталин войну выиграл, — говорил давным-давно дед. — Не армия, не танки, не самолеты. Русскому мужику вместо лопаты в руки винтовку дали. Он этой винтовкой, да руками своими натруженными, лучшую в мире армию до самого Берлина гнал. Нет меры силе мужика. Отец твой этого не понял, да и ты не поймешь, все город хвалишь...

Человек в черном пожал плечами. У него было хорошо развито чувство опасности, никогда не подводило — не подвело и сейчас. Мастиф опасен, очень опасен, но бандиты сбились в кучу — положить их будет делом нескольких секунд. А без главаря они наверняка — пустое место. Пусть помашет ножиком перед смертью.

— Володя, — негромко приказал Николай Павлович.

Навстречу Мастифу вышел человек в краповом берете, запакованный в черное, как и все в его отряде, лакированные берцы начищены до блеска. Командир отряда спецов, ветеран, мастер ножевого боя. Николай Павлович потихоньку выпустил воздух из напряженной груди. Этот не подведет, не упустит. На такого даже посмотреть страшно — если, конечно, знаешь, что он умеет.

— Ну что, спляшем? — предложил тот, кого называли Володей, и взмахнул именованным тесаком, крест-накрест, только воздух свистнул.

Мастиф прыгнул вперед, держа нож обеими руками, не думая защищаться. Человек в черном приготовился к долгой, изнуряющей схватке: не может быть, чтобы этот хлюпик не владел каким-то секретным мастерством, доморощенными провинциальными искусствами,

над которыми Володя всегда смеялся. Он поймал Мастифа на отскоке, полоснул по незащищенным локтям — и с изумлением увидел белые от бешенства глаза — в пяти сантиметрах от собственных глаз. А потом почувствовал, что ноги подгибаются, что неведомая и непонятная сила рвет грудь и выворачивает легкие и само сердце, в фонтане крови.

Победитель оторвался от распростертого, еще содрогающегося тела. Красный от крови палец уткнулся, казалось, в лицо каждому:

— Теперь я скажу, — прохрипел Мастиф. — Скажу каждому.

— Вы хотите, чтобы я служил вам, — хриплый угрожающий голос заполнил громадную площадь. — Поэтому вы не можете убить меня. Поэтому я выиграл. Но я хочу только одного — чтобы вас не было. Вот поэтому вы проиграли... Ату их, ребята!

Николай Павлович только сейчас понял, что смущает его в головорезах Мастифа. У них мало патронов — догадался начальник отряда специального назначения, одним движением выхватывая из кобуры пистолет. Пуля вошла ему прямо в середину широкого лба — но Николай еще успел услышать, как его безотказное оружие сухо щелкнуло. Конечно, каждый из «волкодавов» взял автомат, но подсумков никто не нес — разве что два-три магазина в широких карманах. А остальное, основное оружие составляли длинные ножи, топоры, самодельные сабли.

Не на бой пришел Мастиф.

На бойню.

— А сынок твой молодец, — говорил Полкан через полчаса. Они сидели на бордюре, в воздухе до сих пор пахло резкой пороховой гарью, вокруг еще вздрагивали люди, слышались редкие выстрелы. Где-то далеко кричали:

— Вон, в кусты заползла...

— Бла. еб. ма. пиз. бля...

— Да держи её...

— Ах ты сука рыжая!

— Рви ей зубы!

— Да прикладом надо, дубина! Погоди, дай я...

— Чего говоришь? — тупо спросил Александр.

— Ванька, говорю, выходы перекрыл. Они как мухи, — Полкан засмеялся. — Бегут, бегут, потом — брык! Шалишь, парень...

— Надо... — начал Саша, мучительно вспоминая, что именно ему «надо».

— Уже сняли, — успокоил Полкан.

— Хоронить их надо, — вспомнил наконец Саша. — Второй день уже. Мусульман на второй день хоронят. Там похороним, у нас...

— А этих? Так оставим?

— Этих? — Александр поднялся, огляделся, посмотрел вниз, под ноги, потом на свою одежду. Штаны выбрасывать можно. Не штаны — флаг на броненосце Потемкин.

— Этих? — прорычал он. — С этими по-другому поступим. Полкан, будь другом, — Мастиф повертел головой. — Возьми наш грузовик, вон он стоит. Сгоняй до фермы. Лопату возьми...

— Навозу набрать? — ухмыльнулся Леша.

— В самую точку попал. Молодец. Давай, гони!

Грузовик обернулся скоро. За это время Мاستиф успел объяснить, что он хочет сделать. Бойцы с гогогом вытаскивали из заброшенных ресторанов столы и стулья, расставляли их в самом центре, на брусчатке, потом доставали посуду, стаканы, ложки, вилки.

Во главе стола посадили высоколобого командира. По правую руку пристроился Володя с развороченной грудью. Мастиф запретил класть мастеру ножевого боя в тарелку навоз. Сам вырезал сердце и положил, аккуратно разложил приборы — ложку, вилку, нож. Всех остальных сажали вперемешку, женщин — тоже, привязывали ремнями и проволокой к железным стульям, руки клали на столы, каждому в тарелку — по куску коровьего навоза. Хорошее дерьмо привез Полкан, свежее, прямо из-под коровьей задницы, еще дымится. Кушайте, гости дорогие, хозяев не забывайте. Пейте, всем нацедим, за здоровье, за дружбу, за взаимопонимание. За нашу победу, блин...

Александр после бойни устал, хотелось лечь и вздремнуть где-нибудь в холодке, а еще лучше — снять кровавое тряпье с тела, окунуться в горячий пар русской бани, взмахнуть березовым веничком, с довольным кряканьем хлебнуть холодного пивка... И не думать, ни о чем не думать. Не сомневаться, не сопоставлять, не тревожиться.

Ему казалось, что страх остался где-то там, позади... В пяти годах ходьбы от этого места, глубоко под землей, среди стен с зелеными разводами. Но грудь спирало, иногда становилось трудно дышать и было стыдно — невыносимо стыдно за уже совершенное — и за то, что еще только будет совершено... Неужели так трудно — не думать?

Александр искал причину страха и стыда, и в конце концов понял, что ему стыдно перед сыном. И страшно — тоже перед сыном. Иван появился на площади, спокойно шел, не смотрел под ноги. Казалось, что маленького сверхчеловека не пугают трупы, и по глазам было видно — не боится Ваня ни смерти, чужая она или своя, и стыд ему тоже неведом. Бойцы Мاستифа переставали ругаться, прятали взгляды, отступали перед мальчишкой. Наверно, им тоже было стыдно, что они, здоровые и сильные мужики, вынуждены были обратиться за помощью к маленькому и беззащитному на вид существу.

— Ты мне помогал? — хрипло спросил Мастиф Ивана.

— У тебя не было шансов, — ровно ответил сын. — Володя мог убить тебя с закрытыми глазами. Я просто дал тебе время. Я вообще никому не помогаю.

Звенит юный голосок — как по сабле оселок искры высекает.

— Значит, помог все-таки, — проворчал Мастиф довольно. И снова кольнуло сердце, словно котенок за пазухой бьется, выпускает острые коготки...

* * *

Последствия расправы над элитным отрядом специального назначения оказались неожиданными. Об избиении суперпрофессиональных убийц верхушка «Новой власти» узнала на четвертый день. Станным образом выжила одна агитаторша — та самая, рыжая. Только теперь в ней не было задора, пропал смех, голос стал сиплым — ее здорово ударили прикладом по горлу. Шамкая беззубым ртом она рассказала командиру загранотряда на границе Судуйской области о случившемся, после чего отдала богу душу. В столицу поскакал гонец на элитном скакуне, и уже через семьдесят два часа генеральный секретариат спорил на счет судьбы Мастифа.

Были подняты регулярные войска — не батальон, не полк и не дивизия... Двадцать четыре тысячи штыков при поддержке восьми аэростатов и восьми батарей дальноточной крупнокалиберной артиллерии. Кое-кто в секретариате малодушничал. Эти немногие, похоже, прекрасно понимали, что может получиться из военной компании. Они, эти «кое-кто» уже сталкивались со сверхчеловечеством — и остались живы.

— Мы все знаем, что в Судуйской области расположена лаборатория, откуда и вышла эта... цивилизация. Поймите, военная агрессия только усугубит ситуацию, — доказывал на закрытом заседании один из ораторов и чувствовал, что слова пропадают впустую. Он уже собирался махнуть рукой, плюнуть на все, и заявить о своем выходе из секретариата (черт с

ними, все одно пропадешь!) — как в полутемную залу зашел военный. Полковник, бряцая шпорами и придерживая саблю, прошел к «генеральному» секретарю, склонился, что-то прошептал тому на ухо.

Даже в полумраке было видно, как «генеральный» сначала покраснел, потом побледнел — резко, почти без перехода, до синюшного мертвецкого блеска.

— Граждане, — голос «генерального» почти не выдавал волнения, но те, кто знали его хорошо, уже поняли — случилось нечто из ряда вон выходящее. — Заседание откладывается. На неопределенный срок.

Но тут в зал ввалился еще один человек. Он был стар и выглядел невероятно уставшим — словно только что марафонскую дистанцию пробежал. В изодранной форме, с дымящимся автоматом в руке. На плечах его тоже горели полковничьи звезды — но ничего докладывать он не собирался.

* * *

В это же время, в маленькой комнатке на краю города Судуя сидели двое. Иван, подключившись к компьютеру, играл в какую-то совершенно невозможную стратегию. Перед мальчиком стояло, лежало и висело аж пять мониторов, на нос он нацепил биноклярные очки — картинки на каждом из экранов были разбиты на множество окон, и в каждом шла война — не на жизнь, а на смерть. Зеленые бронетранспортеры давили синюю пехоту, тяжело ухала дальнобойная артиллерия, каждую минуту динамики предупреждали о том, что «враг атакует». Александр сидел рядом, откинувшись на спинку стула, и наблюдал за сыном. Он уже не пытался «помочь», взять под контроль хотя бы одну из военных группировок, показать свой класс «стратегического гения». Когда играет сверхчеловек, то не хочется даже ввязываться в игру. Даже издали посмотреть страшно.

— Ты бы нам подвел электричество, — сказал хрипло Саша. — Надоело впопытьмах мыться. Хотя бы в баню. А то понаставил компьютеров...

— Пап, зачем? Ты что, помрешь без этого? — отвечал Иван, не отрываясь от игры.

— Не помру, — согласился отец. — Но очень хочется на лампочку посмотреть.

— Вот так и начинается буржуиство, — явно кого-то передразнивая. — А без электричества можно буржуев голыми руками задавить. Надо... — положение на одном из экранов становилось очень серьезным, — только знать... кого давить... и как... и что потом делать. А помереть все равно не помрешь, обещаю... Все, сдаюсь.

— Здорово Полеслав дерется, — заявил Иван, как только потухли мониторы.

«Это я знаю, — хотел сказать Мاستиф. — Это я уже проходил».

Но Саша промолчал, только лоб наморщил.

— Ты о прошлом не думай, — радостно заявил Иван, поворачиваясь к отцу. — Ты из него выводы делай. Ты знаешь, что сейчас в столице нашей родины творится? Ты тут такую бучу заварил — вселенского масштаба. Все уж смеются над нами.

— Кто смеется? Чего смеются? Ты о чем?

— Ну, говорят, что собаку завели себе, а собака так тьякнуть может, что дом развалится, — словно нехотя ответил сын.

— Какую собаку? — медленно соображал Александр. Когда он понял, то рука сама собой потянулась к кобуре.

Ах, вот вы как? Собаку, значит, завели? Мاستифа. Породистого такого, бешенного.

— В общем, не велено тебя никуда пускать, — как можно беззаботней продолжал Иван. — А то я уж было губу раскатал. Там, где раньше десантники стояли, боевые машины остались. Тридцать штук. Хотел их к делу приспособить, да видно — не судьба. А здорово бы было. Я вам бы самопочинку ввел, бесконечно патронов, горючее не кончается. Не шутка ведь. На нас три полные дивизии шли, с аэростатами на конной тяге, — мальчишка засмеялся, и по коже Александра пробежала морозная поземка.

Вот как! Запихнул бы нас Иван в железные коробки — и навстречу пешему войску. Стратег, тоже мне...

— И что? — хрипло осведомился Мастиф.

— Да ничего.

Тут дверь в комнату открылась, и в образовавшийся проем глянула очаровательная мордашка.

— Ванечка, ты скоро? — поинтересовался нежный голосок.

— Да иду, иду! — хрипло, явно опять кому-то подражая, проворчал пятилетний постреленок.

— Ничего, — снова повернулся к отцу сын. — Гаврила со мной связывался. Спросил — сам справишься?

— Я то справлюсь, — прорычал Мастиф.

— Да не про тебя разговор, — улыбнулся Иван. — Я гулять пошел, ты не волнуйся. Я уже «накрыл» всю эту шелупонь, носом ткнул в будущее. К нам переговорщики придут, мальчишка наморщил нос. — Года через три, не раньше. Ты подумай — как с ними поступить. Это уже на твое усмотрение, я в такие дела не лезу.

— Ксюха, иду я уже! — голос Ивана снова изменился. Мальчишка поднялся со стула — и исчез, только воздух всколыхнулся.

— Ива-а-ан, — протяжно заорал Александр. — Появись на секунду!

— Здесь я еще, — ворчливо отозвался сын.

— Чтобы к двенадцати дома был! — рявкнул отец.

— А ловко ты с Артемичем придумал, — заявил Иван, исчезая снова.

— Я бы даже сказал — адекватно. Надо помочь человеку, — прозвучал молодой голос из ниоткуда, словно бы и с неба...

* * *

Артемич добрался до Мытищ без проволочек. Ледяная дорога на самом деле была еще в сносном состоянии, тем более что ею в свое время пользовались самовольные лесоповальщики. Лошадь он не бросил, добрался до Садового кольца верхом. Патруль останавливал его всего раз, но отпустили, еще и козырнули вдогонку:

— Всего хорошего, гражданин полковник!

Гражданин. Полковник. Не хухры-мухры. Это какой карьерный рост от простого наладчика!

Хотя знал Артемич и других наладчиков. Лет десять назад купил Артемич дом в деревне. Здоровую бандуру, с печью, с огромным сараем, телятником, огородом, старой лодкой. Хорошее местечко — на берегу реки, лес в ста метрах. На востоке — земляника, на

западе — черника. На север пойдешь — грибов наберешь. С мужичками местными ознакомился. Выпил с соседями пол-литра, про рыбные места спросил, про свою работу да семью рассказал. Огород поднял, старый сад начал обихаживать.

И надо же случится — через год еще один горожанин приехал в деревню. Но не судуец, а москвич. Земли сразу хапнул — не балуй. Даже реку со своего берега железной сеткой огородил. За неделю положил фундамент, за две недели — поставил дом под крышу. Еще неделя ушла на отделку — не дом, а игрушка выросла на берегу.

Но не заладилось москвичу. Как только на новое место переехал (а случилось так, что столичный житель приехал в деревню жить на пенсию), то сразу, буквально на второй день ему прокололи шины на новеньком Форде-внедорожнике. Стекла в доме били с регулярностью — раз в неделю. Провода — резали. Лодку пластмассовую (не лодку — почти яхту) — сожгли. На улице даже забудьги от пришельца отворачивались. Москвич милицию вызывал — бесполезно. В сельской милиции сами участковые считали, что нормальный мужик и без милиции со своими делами разберется.

Артемич тогда решил пойти к мужичку, поделится опытом, объяснить, что нельзя сразу скопом богатство показывать. Народ в деревне бедный, он такое за оскорбление считает. Взял Артемич неизменные пол-литра, и пошел, познакомился.

— Сергеев Артем, — представился он хозяину через забор, и под оглушительный лай «кавказца» — объяснил: кто он и зачем пришел. Москвич, хмурый как осенняя ночь, впустил гостя. А дальше пошло как обычно. Посидели, поговорили, выпили по одной, второй, третьей, достали из бара французский коньячок.

— А ты сам то кто? — без задней мысли спросил Артемич. — Какой профессии?

— Наладчик я, — ответил москвич. — На немецкой фирме работаю, поршни выпускаю.

— А зарплата какая?

Москвич назвал число, и — как отрезало. Артемич все еще улыбался, а внутри все замерло. Хватанул вонючего коньяку, распрощался, и отправился восвояси.

Как же так? Как так могло получиться, что они, оба наладчики, оба выпускают поршень? Но почему? Все перемешалось в голове. Все коньяк этот паршивый... Не может такой зарплаты быть у трудового человека. Нельзя так, не по-человечески это... На исходе жизни Артемич имел старый «Москвич», полуразрушенную дачу, убогую квартиру на окраине, где воды нет аккурат семь месяцев из двенадцати...

И вот теперь — почему старик согласился на дело, замысленное Мастифом? Что хотел доказать?

Может — не хотел и доказывать? Ведь впервые в жизни Артемич чувствовал, что может сам, один — изменить многое. На исходе лет, на самом краю — он хочет и может быть свободным. Это ощущение распирало грудь, холодило спину, заставляло улыбаться.

Но как же не видеть этого десятки лет? Раб, чистый слуга — для чужих желаний. Теперь он смотрел на собственную жизнь словно чужими глазами. Как же так получилось, что трудовой человек раньше, сто лет назад, на хозяина работал шестнадцать часов, а теперь — двадцать четыре? Станки и печи на заводах никогда не останавливаются. Мы же сами, когда за восьмичасовой рабочий день боролись... сами себя в цеха на сутки загнали. А хозяева и рады... И талоны — как были — так и есть. Женщин к станку ставят — это равноправием называется. Детей учат, чтобы они лучше работали. А работать сейчас мало кто хочет... Больше хотят — на кнопку нажать, да за месяц получить столько, сколько Артемич и за два года не получает. А еще больше охотников не хотят и на кнопки нажимать...

Вот он, Артемич — умеет, может и хочет работать. И дело у него сейчас поважней, чем у всех остальных, вместе взятых. Он своей смертью ребятам в Судуе еще время даст, немалое время. Мاستиф говорил — год, а может и два...

Когда четверо чеченцев и три татарина зарезали тысячу человек в Борцино — Артемич первый раз в жизни схватился за сердце. А потом пришла ненависть: злая, черная, беспощадная. Но не на татар или «чехов» — они просто выполняли свой долг перед друзьями. А вот тот, кто послал сотни молодых, зеленых парней на смерть... Вот бы до этих людей добраться, сжать горло железными пальцами, посмотреть в глаза...

Не зря старый наладчик спас около бывшего комитетского здания жизни детей и женщин. Это бог так повелел, чтобы потом, на небесах, личный счет Артемича совпал капля в каплю, копейка в копейку... всю жизнь Артем Сергеев защищался — от кого покорностью, от кого криком, деньгами, бывало и кулаками. А теперь — напал. Его никогда не учили нападать. Он сам так решил. Новичкам везет. С нами бог!

Ведь может так стать, что новое поколение вырастет, которое о рабстве не узнает, которое будет драться до последнего, как только кто-то скажет — «хочу» или «приказываю». Давно Артемич порвал свой паспорт — документ о вольном рабстве. А сегодня... Сегодня документы в полном порядке. На груди маскировочной формы — планка с восемью медалями, и один орден. Короткий автомат за плечами — а кто сейчас без автомата ходит? У «Детского мира», в глухом закутке Большого Златоустинского переулка он отпустил лошадь, зашел в подъезд знакомого пятиэтажного дома. Там в свое время ходил лифт, который сломался еще тридцать лет назад, а починить так и не собрались. В полутьме Артемич поправил форму, проверил оружие, двадцатиметровую веревку аккуратно связал в бухту. Он решил нести ее в открытую, вместе с «кошкой».

— И под мышкой, — Артемич ухмыльнулся собственному каламбуру, отпил из фляги минеральной воды, съел сухарик. Все ненужное аккуратно сложил около дверей лифта. Еще раз проверил взрывчатку — оба взрывателя на месте, сам жилет «смертника» нигде не топорщится.

— С богом, — решил Артемич, вышел на солнце, и широко, размашисто перекрестился.

Попасть в Кремль он решил как в юности, сорок лет назад. Тогда они, экскурсанты-остолопы, решили отделиться от основной группы (собор Василия Блаженного с Оружейной палатой как всегда стояли на ремонте) — и обойти Кремль по периметру. Молодые были, бойкие, цепкие ребята. Восемнадцать лет — что взять? Кому пришла идея залезть на кремлевскую стену — сейчас и не вспомнить... И пиво еще продавалось в разлив, из больших желтых бочек, двенадцать копеек кружка.

Стена из красного кирпича только на первый взгляд кажется неприступной. И гладкая она только со стороны Мавзолея. Со стороны Москвы-реки на кирпичных рядах цепкие юношеские пальцы найдут сколько угодно трещин, выступов и уступов. И они, вдвоем, под хохот и подбадривающие крики — взобрались. Помахали руками Москве, приятелям, дедушке Ленину. А потом — без проблем слезли. Никто их не задержал, никто не узнал, тогда еще камер всевидящих не было. А сегодня они есть — но не работают.

Просто слазили — и все.

Может, конечно, за ними и следили. Возможно — через оптику снайперских винтовок. Отследили, оценили и оставили без последствий. Мало ли что? Может, начальство само испугалось, что случится скандал, и никому мало не покажется?

Артемич забросил веревку на стену с первого раза. Полез не торопясь, спокойно, без резких движений. Не для того он шел в такую даль, чтобы на стене, в трехстах метрах от цели — сорваться. Тем более что стену отремонтировали. Гладкой она стала, неприступной. Кажется, что еще надстроили... или это в молодости все стены кажутся легкими, с разбегу перепрыгнуть?

— Вот так, — прокряхтел Артемич, переваливаясь через парапет.

Никого, пусто. Что за глупость?

Артемич пожал плечами, вытянул веревку, спустил ее на другую сторону в кусты.

— Разгильдяи, — ворчал старик, через три минуты выдравшись из зарослей шиповника и молоденьких елей. И тотчас же Артемич упал. Но не оттого, что его скрутили, либо пустили пулю. Нет, выстрелы послышались там, далеко за стеной. Просто привычка сработала...

Артемич приподнялся, затравлено огляделся, подтянул автомат. К нему уже бежали — чуть ли не рота, все в шинелях с красными погонами.

— Я свой, свой! — заорал что есть сил старик. — Сбило меня со стены.

— На нас, мля, напали! — выкрикнул он на пределе мощности легких.

— На стены! — кричал кто-то. Молодые ребята с карабинами пробежали мимо, остановились только двое.

— Стоять! — дружелюбно сказал один из курсантов.

— Ты, дедуль, откуда свалился? — поддержал второй.

— Ногу я повредил, сынки, — тут же включился в разговор Артемич. — А нужен мне начальник Московского военного округа, генерал-полковник Валерианов. У меня важная информация.

— Ружье-то сдай, — предложил один.

— Конечно, — кивнул старый наладчик.

Три выстрела почти не слышны в общем шуме. Дежурный офицер отвернулся только на секунду — но для него эта секунда стала последней в жизни.

— Простите, сынки, — прошептал Артемич и побежал, через кусты, напрямую, к знамени, к бело-желто-зеленому дому с громадным куполом.

Его, конечно, сразу заметили. Вообще-то, как раз вот для таких ситуаций территория Кремля была разбита на сектора, попасть из одного сектора в другой — дело непростое. Да вот только Артемич (откуда только силы взялись?) сумел таки перевалить через четырехметровый каменный забор — и в колючей проволоке не запутался.

— Ох, спасибо, Боженька, — простонал старый наладчик.

К нему бежали — Артемич остановил их огнем, проскочил чуть ли не по спинам. Вперед! Врешь, не возьмешь! Выкуси!

— Что, целку потеряли? — крикнул Артемич, пустил длинную очередь — и снова — вперед, вперед...

Ворвался в холод, под сень золотых стен и дубовых дверей. Не заперто. Коридор. Вперед. Вперед. Вперед.

Попали. И не раз. Самодельный аммонал от пули плохо взрывается. Проверено. Тут температура нужна за тысячу градусов. Где они могут быть, черти? Так и патроны кончатся.

На бегу подобрал подсумок одного из убитых. Два магазина всего... Еще раз попали. И еще раз. И еще. Семь пуль уже — четыре в живот, три в грудь... Хорошо, что не в голову. Бережет боженька старика. Всю жизнь для этого дня берег — и сейчас бережет. Не было такого, чтобы русский мужик свое не взял! Или не огреб — в крайнем случае.

— Где ж вы, сволочи! Сколько наших, сколько своих ребят положили... и еще положить хотите! Вот вам, выкуси!

Ноги, мля, уже перебиты. Но идут, идут еще. Сколько раз уже попали? А что же смертушка не идет?

Толпа целая бежит. Не прорваться. Все, отбегался! Жалко, конечно... Еще двое упали — но эти не в форме, а в костюмах, с пистолетами... Еще одна пуля — в шею. Артемич ввалился в широкие тяжелые ворота — прямо в Малый зал. Туда, куда нужно. Охранники кулями упали около ног старика.

Одного взгляда было достаточно.

Проскользнул. Прошел. Пробился.

— От вам, сволочи, — сипло, пробитым горлом, сильно нажимая на «о» сказал Артемич свою первую и последнюю фразу в большой политике. И дернул кольца обоих взрывателей.

* * *

Переговорщики пришли, как и обещал Иван. Но это случилось уже зимой, через три года, в лютую январскую стужу.

— И охота им только, — проворчал Мاستиф, нахлобучивая ушанку, закидывая за спину автомат. Он устал — с самого утра пилил и колол дрова, а тут еще правительственная делегация. Правильно Кощей предложил — перестрелять их сразу, чтобы не баламутили. Но пять минут можно уделить. Не так уж важно... А, по правде, конечно, надо было отдать приказ... Не хера им людей смущать... Охота только им...

Охота — не охота, а надо. Закрутились железные зубья новой государственной машины. Вопросы ставятся, резолюции и решения подписываются, выполнять их надо. Хоть и страшно, жутко страшно. Ведь не человек впереди. Зверь, настоящий, бешенный пес, с цепи сорвался. Откуда такие берутся? Как они вообще появляются? И не только в Судуйской области. Много и слишком часто народишко стал «Новую власть» с оружием в руках встречать. Стали спрашивать — кто такие, зачем пришли, что надо? Разжирели мужички, наплодили сыновей, нахапали земли задарма — амбары от зерна ломаются, а простые люди в столице на голодном пайке сидят. Ведь сколько гнобили, сколько перестреляли, сколько изничтожили — и снова кулацкая гнида голову поднимает, не хочет жить как все, как нормальные люди. Хотят сами быть хозяевами, никого не слушают, хозяйства поднимают — на тысячи гектар. И Мастиф этот — как кость поперек горла. Ни вздохнуть, ни пернуть. За восемь тысяч километров, от границы до границы России знают об этом страшном явлении...

Мастиф.

Его именем прикрываются, им пугают военных, к нему идут на поклон, просят о дружбе и помощи.

Никому не отказывает Мастиф. Всех принимает. Всех учит — как можно жить с

лопатой в одной руке, и топором — во второй. Возвращаются такие ходоки в родные места — и занимается буча. Военных и милицию уничтожают, все местное начальство к стенке ставят, одной общиной жить начинают. Сунешься — себе дороже окажется. Российская народная мафия, едри ее за корень...

Попытки привести ситуацию в надлежащее положение давали резко отрицательный результат. Малыми силами справиться с Мاستифом не удалось. Полковая экспедиция, предполагающая «разведку боем» — была вырезана той же ночью, как оказалась в Судуйской области. Группа спецназа, куда входили и краповые береты, и бойцы из «Штурма», «Грома» и «Молнии» продержалась чуть дольше — они были уничтожены преступной группировкой Мастифа на следующий день после прибытия на место. Командующий войсками специального назначения сначала рассмеялся на эту новость. Но потом стало не до смеха. То, что случилось с регулярными войсками, с тремя воздушно-десантными дивизиями... Тут уже никто не смеялся. Тем более что генеральный секретариат тоже понес потери. В том, что посланный смертник пришел от Мастифа — почти никто не сомневался.

Но после уничтожения практически всей верхушки «Новой власти» стало совсем не до Мастифа. «Погоны» сцепились с «дипломатами», равновесие рухнуло, стрельба, которую учинили двадцать с лишним тысяч десантников — продолжалась почти два года.

Прежде чем отправлять парламентаров в Судуй, была создана группа психологов и аналитиков, которые довольно точно рассчитали возрастной и численный состав переговорщиков, род их занятий. Никаких легенд, наизусть заучивались только отдельные кодовые фразы, важно было только договориться о ненападении, словно речь шла о переговорах с иностранной державой.

Их было всего семеро. Четыре женщины и трое мужчин. Никакой охраны, никаких ультиматумов. Устная договоренность, а бумаги пусть сам Мастиф составляет — такой трюк срабатывал уже не раз. Такая фишка, как говорил один из аналитиков, прошла даже с Нестором Махно, знаменитым «батькой». А потом, когда Новая власть «обрастет мясом», «подкачает мышцы» — можно будет тихо и мирно ликвидировать Мастифа. С такими громко нельзя... таких надо «по-тихому».

Мастиф сам назначил встречу — это было одним из условий переговоров. Они встретились на бывшей площади Революции, прямо посреди дороги. Немногочисленные прохожие с бадьями и санками старательно обходили большой костер, который развели «волкодавы». Александр сидел один, тянул руки к жаркому пламени, шурился, и думал о своем. Он подготовился к встрече. Понимал, что на этот раз пришлют женщин, будут не приказывать-требовать, а просить... Проходили, знаем. Отдашь палец — отрубят всю руку. Хотя, может быть, удастся договориться. Может, ему место предложат? В правительстве. Или губернаторство... Вот ведь! Плевал он на все правительства и губернаторов. Ему бы еще годик выиграть. Или два... Оборзело государство. В столицу теперь пройти — десять блокпостов миновать надо. Кремль тремя кругами солдатни окружили.

Эх, было бы на самом деле царство небесное и адское; существовали бы бог и дьявол! Если бы это все было, то после смерти Александр посмотрел бы в глаза этим товарищам. Что одному, что второму:

— Что ж вы, суки, делаете? — спросил бы он.

Да только боги теперь по улицам разгуливают, на глупые вопросы не отвечают.

По-другому надо спрашивать:

— Что ж мы, сволочи, делаем?

— Здравствуйте, — сказал за спиной чуть хриловатый женский голос.

— Здравствуйте, — спокойно отозвался Александр, поднялся, отступил от костра на шаг, и только потом обернулся.

— Вы кто такие? — спросил он, и увидел, как лица «переговорщиков» расслабились, словно тень слетела.

«Поздоровайтесь. Пусть он заговорит первым. Постарайтесь сразу представиться, — рекомендовал один из психологов. — Надо дать ему почувствовать, что вы тоже люди. Полдела будет сделано».

— Елена Петровна, — представилась женщина с хрипотцой. — Ткачиха.

— Владимир Геннадьевич, потомственный токарь, — произнес пожилой мужчина и подкрутил густые усы.

— Алексей...

— Надежда...

— Сергей...

— Фаина...

— Валентина...

— Что надо? — спросил Александр, и радушия в его голосе не чувствовалось. Знаем мы этих потомственных токарей.

— Не очень удачное место для разговора, — обратилась к Саше Елена Петровна. Тот только плечами пожал:

— Тогда зачем пришли?

«Он сразу возьмет быка за рога. Помните, что Мастиф — человек дела. Кстати, рекомендую в разговоре употребить пару нецензурных выражений — в рамках приличия, конечно».

— Дело у нас, — начал Владимир Геннадьевич. — Пришли мы не с просьбой, и уж тем более не с требованием. Разговор есть.

— Говори, — равнодушно разрешил Александр.

— Прежде всего мне самому интересно... чего вы добиваетесь? Что вам надо? Неужели не понимаете — что вы делаете, и что натворите еще?

«Не пытайтесь пробудить в нем совесть или стыд. Говорите только от своего имени. Помните — он не совсем человек. Он дикарь, одновременно осторожен и доверчив. Переходите сразу к делу».

— Я добиваюсь, чтобы вы ко мне не лезли. Вот вы пришли, на мозги мне капать будете. Знаете, как можно решить эту проблему? — рука Мастифа будто сама собой легла на оружие, и этот жест не укрылся от остальных.

— Знаете, — мягко проговорил «потомственный токарь». — Мы ведь пришли вас просить помощи. Неужели вы не хотите остановить эти зверства? Вам предлагают пост эмиссара — это должность исполняющего обязанности генерального секретаря.

— Ого, — вырвалось внезапно у Александра.

Что эти люди знают о генеральном секретаре?

— Судуйская область будет имеет особый статус, — поддержала Елена Петровна.

— Слушай, токарь, а сливная стружка на каком металле идет? — спросил вдруг Мастиф. И сразу повернулся к Елене Петровне. — А если во всем цеху нить рвать начинает — это что случилось?

— В каком смысле — сливная? — оторопело спросил Владимир Геннадьевич, проработавший в токарях полгода, и оставшиеся двадцать лет возглавлявший профсоюз.

Мастиф пригнулся. Дуло автомата, казалось, смотрело на каждого.

— Ну что, кончить меня вздумали?

— Это влажность упала, — негромко произнесла Валентина, невысокая женщина с приплюснутым лбом. — Влажность в цеху надо поднимать — потому нитку рвет...

Среди «переговорщиков» Валентина, пожалуй, самая молодая. Ей всего тридцать пять лет; ее восемнадцатилетний сын ушел по повестке в армию — и не вернулся. Положили его сверхчеловеки на улице, даже искать нечего — растворился, как не было. А она пришла сегодня посмотреть на человека, который побывал в самом логове сверхлюдей. Она думала, что сможет убедить, показать, поговорить, сделать союзником. Мастифа Валя видела на фотографии, но думала, что из хмурого паренька тот стал здоровенным косматым мужиком с топором; глаза горят как у дьявола. Оказалось — маленький тощий мужичонок в порванном бушлате и шапке-ушанке. Жалкий, даже смешной, а глаза — как будто пеплом подернуты, лишь иногда вспыхивают огоньки-бесенята — но это отблески костра... Умные и тоскливые глаза у Мастифа. Как у старой служебной овчарки, которую на усыпление ведут.

— Вот смотрю я на вас, а людей-то не вижу, — негромко начал Александр.

Елена Петровна сунула руку за пазуху — она пришла в перчатках, кисти замерзли. Мастиф отреагировал мгновенно. Как-то по-особому гулко и сухо бухнул автомат, кровь разметало по снегу. Он осторожно подошел к мертвой женщине, расстегнул пальто — взрывчатки не было.

— Млять, — с чувством сказал Александр. — Ошибся. Прощения прошу. Руки на виду держите.

«Пора», — подумал потомственный токарь Владимир Геннадьевич. Он поднял руку и выстрелил — из пружинного арбалета, спрятанного в рукаве. Только Мастифа уже не было там, куда целился неумелый убийца. Тысячи раз Владимир Геннадьевич отработывал это движение. У него будет только один шанс. Огнестрельное оружие может не работать... Постарайтесь попасть... Не нервничайте. Мы верим в Вас. Служу России!

Как далеко эти слова! А Мастиф уже рядом — хищное лезвие входит в грудь, потом еще раз — уже в печень, и еще...

Валентина с ужасом смотрела на эту сцену. Только что был маленький, забитый, замызганный мужичонок — и вот теперь около костра, четким движением обтерев окровавленное лезвие о пальто врага, встал огромный, матерый человечище. Редко кто наблюдал такое. И еще реже тот, кто видел это — оставался в живых... Пропала сутулость, и в движениях Мастифа, даже в самых мелких, чувствовалась чудовищная сила, которая грозила разорвать все и вся, сдерживаемая единственно титанической волей. Казалось, что Мастиф за мгновение вырос до неба, развернул плечи-утесы, загородил грудью всю улицу. Не пройти через него, не повалить... Теперь она хорошо понимала — почему Мастифа так боятся. Сначала послали батальон, полк, потом — целую армию. И теперь, даже теперь — хотят только убить, никто не хочет даже понять — почему и зачем...

Прохожие не оборачиваются, только ускоряют шаг — Мастиф кого-то режет. Хорошо, что не меня... меня не за что... никогда и ничего плохого не сделаю... В глазах Мастифа уже не было ничего человеческого. Не сполохи костра, но адский пламень кроваво отсвечивал в расширенных зрачках.

— Млять, — повторил он. — Не ошибся.

Валентина смотрела на преобразившегося в доли секунды человека — и понимала... Да, это он, это тот человек, на ком все держится. Скоба, болт, гвоздь, а не человек. Достали его, прижали так, что бросил лопату и взял автомат в руки. И все — не остановить, ни сдержать стихию, огонь, железный поток. Пройдет, дойдет, на зубах доползет. Такой бы не дал ее сыну умереть ни за грош. Таких людей не надо бояться, нельзя унижать, невозможно сгибать и ломать — их можно только уважать. Но если кто-то считает, что достаточно просто сказать: «я тебя уважаю», — пусть даже с экрана телевизора, — тот глубоко ошибается. Невозможно уважать на словах. Слова нечего не значат. Уважение можно только завоевывать. И это очень просто, гораздо проще и одновременно — сложнее, чем может показаться. Достаточно просто никогда не обманывать — ни себя, ни других... А Мастиф... Не надо Мастифу ни любви, ни ласки, ни жалости — такова его природа, за ним самим — природа, он сам способен полюбить, пожалеть, приласкать. Сам, по собственной негибимой воле...

— Смотрю, а людей не вижу, — прохрипел Мастиф. — Шпунтики вы, винтики и гаечки от машины. Машина та только для того сделана, чтобы меня убить. Так я вам резьбу посрываю...

— Бах! — падает в снег грузчик Алексей.

А Валентина смотрит — и не может оторваться. Она знает, что один из «волкодавов» Мاستифа вышел на сверхчеловека с ножом — и почти победил. Наверняка сам Мастиф владеет оружием гораздо лучше. Он вырезал сердце признанному мастеру ножевого боя, про которого говорили — второго такого нет...

— Ба-бах! — в спину поварихе Надежде.

— Тра, — по крановщику Сергею и заточнице Фаине.

Александр остановился. Он не хотел убивать последнего... точнее — последнюю. Валентина стояла по колено в снегу, и смотрела. Но не на оружие, как многие — а прямо в глаза. И почему-то плакала. Саша даже смутился — на лице немолодой и некрасивой женщины не было страха. Наоборот — странная отрешенность, словно она думала о чем-то своем, глубоко личном — а потом расплакалась от груза нахлынувших воспоминаний. Она словно делала выбор — выражения ее лица менялись: от восторженно-мечтательного до злобно-ненавидящего, а слезы были только декорацией.

Сама Валентина тоже не совсем понимала, что с ней происходит. В какой-то момент она подумала, что влюбилась в Мастифа самым натуральным образом. Он ей нужен, с ним она была бы спокойна — но где он был столько лет? К черту приказы и психологов — она больше не кукла на веревочках. Она стала свидетелем удивительного, фантастического зрелища. Только что, несколько секунд назад перед костром сидело воплощение русского мужика. Тощеватое, грязноватое, ободранное; деревенский пастух-забулдыга, почти неотличимый от тощих, грязных и ободранных коров в колхозном стаде. Словно животное само по себе. Но прошло десять, даже пять секунд — и это странное существо, влекомое неведомым порывом — вдруг открыло пасть, и там, в бездонном, капающим слюной провале вдруг обнаружились громадные, кошмарные клыки. А при ближайшем рассмотрении, когда уже поздно, ты понимаешь, что перед тобой не беззащитная, серая и облезлая скотина — маленькая коровенка, ростом с большую собаку; но беспощадный, серый, облезлый голодный зверь — матерый волчище размером с небольшую корову.

Когда такая зверюга попадает на скотный двор — никому нет пощады. Волк становится безумным от вида крови, никто не уйдет, не спасется: ни напыщенные петухи, ни тупые бараны, ни высокомерные, благородных кровей козлы, ни накаченные мясом быки.

Поздно, раньше надо было думать...

— Ну, что делать будем? — спросила Валентина сквозь слезы.

— Ничего, — пожал плечами Александр. — Можешь идти, докладывать. Я, пока сидел у костра, даже речь заготовил. Хотел сказать: вы для меня все — враги. А врагов щадить не умею. Тебя отпускаю для того, чтобы ты мои слова передала. А еще сунется кто, пусть даже подумает сунуться... Я, твою мать, сам из берлоги вылезу, и в порошок сотру. Так и передай...

Александр повернулся, закинул на плечо автомат и пошел прочь.

И все бы прошло мирно и гладко, Валентина, наверно, вернулась в столицу, затаив странную любовь к еще более странному лидеру «волкодавов», и ненависть — к пославшим ее на убой. Ведь шансы были — нулевые.

«Если Мастиф начнет стрелять — ничего не поможет, — слышала она приглушенный

голос. — Он дело на полпути не бросает. Не думаю, что он захочет скрываться. Это вам не Нестор Иванович...»

Вмешалась третья сила — предвиденная, но от этого не менее грозная.

Мастиф упал в снег. Дуло автомата уперлось в небо. Даже не в небо, а в маленькое солнце, которое за секунду вспыхнуло в одиннадцати метрах над землей. Кто-то забыл выключить городское освещение, и теперь включались лампочка за лампочкой, очерчивая на нетронutom снегу широкие круги искусственного света.

Расширенные глаза, не мигая, смотрели на электрическое чудо, губы беззвучно шевелились, опасаясь даже выпускать слова, которые рвались из груди.

Те, кто тайно наблюдал за встречей — замерли, боялись пошевелиться.

Свет дали!

Скоро, совсем скоро заведутся танки, взрвут самолеты, пойдут по рельсам поезда. Жалко только, что до столицы все равно придется добираться пешком. Мастифовские вандалы за прошедшие года постарались уничтожить всю технику в округе. По крайней мере — почта, телеграф и телефонные станции сожжены. Самолеты на аэродромах разгромлены и растащены. Вокзалы разграблены. Дороги разбиты и перекопаны. Ничего, дойдем — успокаивал себя человек в сером рваном пальто. Молодое лицо было нарочно измазано сажей. Он притаился в старом погорелом доме около здания бывшего обкома, наблюдал за переговорами, и ждал, когда Мастиф убьет всех. Было странно, что главарь бандитов отпустил женщину.

«Наверно, сегодня особенный день», — подумал молодой человек, и уже собирался уходить, как вдоль улицы зажглись фонари. Как они уцелели? Почему? Откуда пришло электричество?

Первым желанием Александра было пальнуть во все стороны, рассыпать стальным веером свинцовый дождь, чтобы все люди, которые могут его видеть — умерли. Теперь не выжить, даже не спрятаться, не оставят в покое. Сколько ему осталось — неделя, месяц? Может быть, удастся выиграть хотя бы день? Хотя бы час...

Для этого надо убить последнего переговорщика. Пусть присылают еще. Пусть идут в разведку боем. Война продолжается. Тем более, что эта женщина скоро встанет к станку, будет ткать полотно, одевать солдат. Или, еще хлеще — готовить патроны — для того, чтобы убивать бешенных собак. И ни один патрон, прошедший через руки этой женщины — не даст осечки.

Валентина почти дошла до поворота, осталось совсем немного, холодный пот тек по лицу. Сзади что-то треснуло, а потом кто-то сильно ударил в спину. Удивленная, она повернулась — и не поняла, как оказалась в снегу, глаза смотрят на искусственный свет, ноги не слушаются. Она хотела что-то спросить — но не успела, просто не смогла...

Человек в сером поднялся с корточек, осторожно приоткрыл дверь в комнату, над которой не было потолка.

— Ну что, добежался? — произнес насмешливый голос в темноте, и сразу — резкое движение, выстрел, звук разбитого стекла — и снова стихло, только гудят на улице фонари.

— Точно Мастиф сказал. Здесь прятался, — сказал кто-то из темноты, а потом на свет вышел человек в бушлате, ватных штанах, валенках и ушанке.

— Быстрый, падла, — засмеялся Кощей, подошел к изгибающемуся в конвульсиях

человеку, поглядел на перекошенное лицо, измазанное сажей, и пустил еще пулю — чтобы уж наверняка.

— Зае...ли, сволочи...

* * *

Люди начали пропадать один за другим. Поначалу Александр не придавал этому значения. Устал человек, хочет спокойной жизнью пожить, кровушку замыть, думы подумать. Пусть его. Незванным пришел — по-тихому ушел, так не раз бывало. И только после первого трупа, после смерти Кощея, снятого пулей снайпера на самом крыльце — Мاستиф всполошился. Сразу понял, что «Новая власть» пришла всерьез и надолго, что кончилось время золотое. Больше его было, на два года больше чем обычно. Три раза их пытались взять штурмом — и все три раза откатывались, умывшись кровью, и снова считали раненных и убитых... Но теперь Мастиф не ходит по улицам.словно в запретной зоне живет... Даже флажками его отгородили. Да только пока сын рядом с отцом — всех армий на свете маловато, чтобы взять штурмом единственный дом на краю города.

Десять лет прошло как дым. Прощай свобода, прощай легкость ветра на лице, старые тюрьмы отремонтированы, новые надзиратели ходят — звенят ключами, ждут свеженьких постояльцев. Пусть себе ждут. Мы еще посмотрим — кто кого... Жалко только, что Ванька ушел вчера, сказал — вернется не скоро, подлец усатый, отрастил под носом усищи, ухмыляется в них. Здоровый стал, крепкий, забросил «культ тела», подался в вольные бродяги. И Люду с собой везде таскает, паршивец. Без ума от брата сестренка, хоть бы помогла отцу авторитет поддержать. Нет, все туда же — в рот сверхчеловеку глядит, только кивает, каждого слова как откровения ждет.

— Мастиф, опять окружают! — ворвался в комнату Полкан.

— Женщин всех в подвал, — распорядился Саша. — Пятерых — наверх. В каждое окно по бойцу.

— Семеро нас всего...

— Шпак где?

— На поле, мать его, где еще... и с ним как раз пятеро ушли... ты же сам...

— Драться будем?

— Танки у них. И бэтэры. Зальют нас свинцом, шапками закидают...

— Не ссы раньше времени, — Мастиф закинул за плечо подсумок с противотанковыми гранатами.

На лестничной площадке он столкнулся с Аней и Наташей. Жена бросилась на шею, вздрагивала:

— Не ходи, Сашенька... А? Не ходи...

— Да ладно тебе, лисенок. Не бойся, ты же знаешь, я их сейчас к ногтю прижму, — говорил Александр, поглаживая непослушные волосы. — Я же всегда первый, забыла? Идите, прячьтесь, только вас сейчас не хватало.

На плече Ани, жены Шпакова, болтался ручной пулемет. Она ничего не сказала — только глянула на Мастифа с ненавистью и подтолкнула стволом дочку Сашу:

— Быстреей, кому говорю!

— Доиграетесь, — прошипела Анна в сторону Мастифа.

— Ладно, — пробормотал Александр уже на крыше, рассматривая в бинокль окрестности.

— Боятся, черти, — сказал он с сожалением, пнув залегшего у ног Полкана. — Жаль, что мало боятся.

— Четыре танка, — бормотал Полкан. — Два бэтэра. Кажись, вон там минометы ставят. Кранты нам.

— Ничего, — говорил Мاستиф, не поддаваясь панике. — Расчехляй зенитки. Сейчас мы им Сталинград покажем, дом Павлова. Как на картинке рисуем.

— Смирнов Александр Сергеевич! — раздался железный голос. Казалось, он шел с самого неба. Хороший громкоговоритель, мощный. Не пожалели техники, падлы. Как сговорились. Электричество словно по расписанию включилось — через восемь лет после отключения. Завелись моторы, зашумели компьютеры, зашуршали бумажки...

— Сопротивление бесполезно! Приведет к ненужным жертвам! В случае добровольной сдачи мы гарантируем жизнь! Ваши близкие и друзья не пострадают! Выходите из дома с поднятыми руками! Только вы! Смирнов Александр Сергеевич! Сопротивление бесполезно! Приведет к ненужным жертвам... — взывал динамик.

— Ладно, — Мастиф быстро нагнулся, спрятался за мешки с песком. — Полкан, слушай меня. Никого в дом не пускать! Когда вернется Иван, расскажи ему все. Если вернусь раньше, и узнаю... то я им...

— Сдаюсь! — выкрикнул Саша, вновь поднявшись, выбрасывая с крыши автомат и подсумок с гранатами.

— Только вы! Смирнов Александр Сергеевич! — надрывался железный голос.

— Заткни пасть! — заорал Александр, выходя из подъезда и поднимая руки. — Пасть заткни!

Мастиф думал, что его повезут далеко, быть может — вообще увезут из области. Однако он ошибся. Зарешеченный «козлик» зарулил в здание бывшего центрального управления внутренних дел, ворота захлопнулись...

— Руки за голову. Не разговаривать. Шире ноги, еще шире, я сказал, — меняются законы и порядки, но надзиратели всегда остаются надзирателями. Ничего не поделаешь — работа такая.

— В тридцать первую его, — произнес кто-то властный.

— Встал. Вперед. Не поднимать голову. Стоять. К стене. Руки. Вперед. Стоять. К стене. Вперед. К стене. К стене, башкой не крутить...

Отобрали шнурки и ремень. Обыскали везде где можно. Даже выдали новую одежду взамен старой. Почему-то кирзачи оставили, простучали их только, и даже через какой-то прибор пронесли... Саша не мог знать, что надзиратели просто боялись его, до последнего боялись, и решили оставить Мастифу хоть что-нибудь, чтобы он не взрыкнул, не начал... Всегда можно сказать: что ты ревешь, тебе, вон, даже сапоги оставили, не то что другим...

Помещение шесть на семь. Маленькое оконце на противоположной стене забрано решеткой — стекло далеко, не дотянуться даже обезьяне. Один фонарь на всех. Мощная лампа, ДРЛ, наверно, на шестьсот ватт. Яркий свет, хороший, от освещения чаще всего зависит, как будет выглядеть комната — весело или грустно. Четыре ряда трехъярусных нар, ровно три десятка спальных мест. И все — заняты, тут вам не кино, одного в камеру не

сажают, такое только для осужденных навечно. Всего один раз Саша бывал в подобной обстановке, и в тот раз под нары ползти не пришлось — нашлось местечко у толчка.

Мастиф бросил выданное одеяло на пол, прошел в угол, опорожнился, потом хлебнул ржавой воды из крана. Надо же, полную тюрьму набили, когда успели? Новая метла — по старому метет. Александр уже наметил себе койку, двинулся в «теплый угол», оглядел настороженные лица.

— Я — Мастиф, — сказал он негромко.

И почувствовал, как зашептались, как ветерок прошел по потолку: Мастиф, Мастиф...

— Ну и что? — спросила здоровенная детина на верхней полке.

— Я, — медленно повторил Александр, — Мастиф.

— Да мне хоть чмо на палочке, — отозвался здоровяк. — У тебя курить есть?

И тогда Саша поступил так, как не поступил бы никогда в жизни. За такое опускают сразу, даже не задумываясь — прав или виноват. Но здесь, Мастиф это знал, чувствовал, понимал — еще нет блатарей. Рано еще для блага на предварительном. Да и Гаврила перебил блатарей не меряно, а Саша ему помог. Рано еще, рано...

Мастиф схватил здоровяка не за руку, не за ногу — но за голову, рванул что есть сил, уперевшись коленом в железо стойки, а когда гигант стал цепляться и падать — прыгнул на спину, и со всего маху, двумя руками, еще в полете — приложил тупую башку о бетонный пол, и еще раз, и еще раз — с вывертом, всем телом, подвинул на стык стены и пола, где плинтус лежать должен, и снова ударил, уже ногой, чтобы позвонки хрустнули...

Поднялся в тишине, крика он себе не позволил, на крик надзиратели сбегутся.

— Ты, — ткнул Мастиф пальцем в соседа здоровяка. — На его место. Одеяло оставил. С пола подберешь.

— И еще, — обернулся Мастиф прежде чем лезть на нары. — Если хоть одна душа пискнет... Сигаретку мне скрутите...

Мертвеца забрали не сразу, в обед. Никого ни о чем не спросили. Все знали, что произошло, и кто виноват. Мастиф только скалился в хмурые рожи.

— А у меня два одеяла, — не удержался он, похвастался.

Ничего не сказали в ответ, даже сдать лишнее не предложили.

Никто не знал, что с ним делать, и вообще — можно ли с ним делать хоть что-нибудь. Консул сверхчеловеческой расы на вопрос о Смирнове Александре Сергеевиче ответил четко: «Ждать». Так же ответили по телефону начальнику центрального Судуйского приемника-распределителя.

— Чего — ждать? — чуть ли не с криком спросил в трубку немолодой приземистый человек в погонах старого образца. Трубка не ответила.

— Твою мать! — выругался начальник, и сразу набрал номер на внутреннем аппарате:

— Ничего не делать. Ждать. Я тебе что сказал? Я уже пятьдесят лет Михаил Михайлович! Что вы там мелете? Никого он там не поубивает! Как это — заходить бояться? Я вам покажу кузькину мать! Под трибунал пойдете! — и тот, который назвал себя Михаилом Михайловичем, бросил трубку.

Мастиф не пытался ни с кем вести душевные беседы. Уже на третий день его перестали бояться. А что, славный малый, ни к кому не лезет, занял местечко — и бог с ним, все равно никто не любил здоровяка Савву — проворовавшегося исполнителя закона. Лишнего Мастиф не просил, даже табак стрелял у надзирателей, и те (почему-то) всегда

давали. Окурками делился со страждущими. А в остальное время лежал, смотрел в потолок, даже не напевал, а то и вообще — спал. Правда, иногда рассказывал сказки, обычно под вечер, и все затихали, слушали.

— Рассказать историю? — спрашивал он обычно.

— Расскажи, — просили его иногда.

— Хорошо, расскажу вам историю, — усмехался Александр.

Говорил Мاستиф негромко, рассказывал про страны, где человеку живется хорошо. Про старые времена и про двух друзей, что землю-счастье пошли искать — и нашли. Про непонятого соседа, у которого конь сам пахал, сам урожай собирал. Про Стеньку Разина рассказывал, про неуязвимость казачьего атамана объяснял. Про пугачевский бунт, со всеми датами и именами, с Чикой Зарубиным и Хлопушей, с графом Михельсоном. Про страшного кама, что живет за Уралом — он тоже рассказал.

— Это вы у Шишкова ведь прочитали, — спросил однажды Александра сосед снизу. — Вот ведь не думал, что вы...

— А что я? — нахмурился Мастиф.

— Да ничего, — сразу заткнулся сосед.

— Ты за что сидишь? — спросил как-то сосед «в ногах», тощий бывший военный, капитан инженерных войск.

Мастиф усмехнулся, но ответил:

— А что, не понятно? За Савву сажу. Кто ему башку открутил? Ты, что ли?

С расспросами отстали. Зато постоянно заводили рассказ о своем. Кого-то постоянно уводили, кого — приводили, кто-то возвращался, а некоторые — нет.

— Говорят, вместо пятьдесят восьмой уже шестьдесят третью шьют...

— А тебе то что, говори — проворовался, судите.

— А если ворованное попросят?

— А что — нет?

— Да есть...

— Ну и...

— А я, когда в комиссии служил, другое слышал...

Все они вокруг — какие-то мелкие лавочники, дельцы, очень часто государственные служащие, почти всегда — служащие того, другого государства, другой России, Мастиф и названия его точно не знал. То ли союз народных государств, то ли российская федерация, то ли союзное государство России и Белоруссии. Попадались учителя, музыканты, врачи, офицеры, частники из охранных агентств, агенты и менеджеры компаний, названий которых Саша тоже никогда не слышал, мелкие банкиришки, менялы, ростовщики, торговцы гнилым хлебом и тухлой рыбой.

Правильно, думал Александр, пока еще двадцать седьмой год, за крестьян и рабочих только на следующий год возьмутся. Пока еще сортируют мелкую шелупень, большую сразу расстреляли, сам же Мастиф и расстреливал. Закрутилось, завертелось, кровь нужна, чтобы полозья смазывать, да и про запас надо. Пока кровососы сами себя не перегрызут, сами себя не пересажают — не останутся. Революция их наверх подняла, кувырнулся шарик, и снова он на месте застыл, знать бы только, что за стопора там, внизу стоят? Словно башмаки под колесами — сорвался с одного — другой удержит. Кто они, эти башмаки, где промашка, кого надо было в первую очередь?

Откуда они взялись — все эти люди? Почему они продолжали жить на земле, которую он, Мастиф, уже называл — много лет назад называл — свободной?

— За что я здесь? Что за идиотство? Какой сговор? — стонал кто-то с противоположного ряда.

— Нет, сосед, вы мне скажите, почему меня именно? Может, я особенный какой в совете сидел? Мы же все вместе решение принимали, — быстро говорил бывший банкир.

— А я почему...

— Вы думаете меня за что-то?

Камера застонала, заныла, никто никого не слушал, всем казалось, что нарушения их слишком мелки по сравнению с приближающейся карой.

— За что? За что? За что? — ревели люди, три десятка мужчин, которые могли влегкую выбить дверь в коридор, обезоружить надзирателей, разорвать все в клочья.

— Вы хотите знать, за что вы здесь сидите? — Мастиф мягко соскочил на пол, и шум начал затихать. Все замерли, словно собрались слушать новую, прекрасную сказку.

— За что вы здесь умрете? Я расскажу, попытаюсь. Но прежде я хочу спросить, неужели вы даже не догадываетесь? Неужели не понимаете?

Александр обвел взглядом помещение, все смотрели на него, кто с удивлением, кто с презрением, со злобой, а кто-то и с весельем в глазах. Посмотрим, послушаем, что скажет этот человек с собачьей кличкой...

— Я скажу, кого я вижу здесь в большинстве, — тихо начал Саша. — Вы — люди, но вы не просто лентяи, не просто никчемные винтики, вы — паразиты и кровососы. Пока не произнесу — «я все сказал» — никто здесь не разинет своей пасти. Иначе языки буду вырывать! — угрожающе прорычал Мاستиф.

— Никто из вас в своей жизни никогда и ничего не делал для других людей. Может, кто-то забил гвоздь или прочистил сортир — но в собственной квартире, в собственном толчке. Остальное время вы сосали мою кровь и кровь моих братьев. Служащие, менеджеры, банкиры — вы только и думали, чтобы выбрать местечко потеплей, чтобы урвать жирный кусок. Я и подобные мне всю жизнь только отдавали. Я работал токарем — чтобы вы ездили на дорогих и красивых машинах. Я выпускал датчики — чтобы ваши машины не ломались. Я растил хлеб — чтобы вы его жрали. Всю жизнь — отдавал, отдавал, отдавал...

Есть различие между трудом и работой. Да, многие из вас трудились, может быть, до потери пульса. Но работал только я... Работа, падла, может быть со знаком «плюс», а может быть со знаком «минус». Так вот — моя работа — со знаком «плюс». А ваша, даже не знаю, как бы вам еще обидней сказать, разве что в харю плюнуть... Ведь сверхчеловек отменил для нас все, что может быть со знаком «минус». Не даром ведь электричество вразнос пошло... Надо же случится такой глупости — человек, рабочий, крестьянин, вдруг понял, что хватит отдавать все, что он сделал, а взамен этого получать нищие банковские счета, телевизионные шоу, глупые развлечения, пустые обещания — плод вашего труда. Вы всегда считали нас серой массой, быдлом, пытались даже переделать, поднять уровень образования, сделать умными и красивыми. Чего же вы теперь орете? Чего заныли? Вот он я, ваш образованный рабочий и крестьянин. Да только вот промашечка вышла. Не хочу ничего отдавать просто так, не хочу больше работать на кого-то. Ан нет, не дают, прилипли, кровососы. Вот поэтому встал я, встали мои друзья, встали работяги — и решили спросить: а за что их так гнобят? За деньги? Вот вам ваши деньги, подавитесь ими! А если не подавитесь, то я то вам пасти буду рвать, смотреть, какого цвета ваша кровушка. Может, она у вас голубая? Да нет, не голубая, совсем не голубая. Красная, жаркая. Много вас, много крови насосали. Ничего, ничего... к стеночке поставим, только жаль, что не сможем всех и сразу, — Александр говорил не прерываясь, пытаясь сказать как можно больше до того, как недовольный гул перерастет в крик, а потом и в драку. Жаркая будет драка — может быть последняя.

— А я? — Мاستиф вышел на середину, рванул рубаху, словно стало жарко. — Знаю, за что я здесь. Я, таких как вы — стрелял десятками, сотнями, в землю заколачивал, за ноги вешал. Отцов и жен ваших, и детей ваших, чтобы они такими же паскудниками не выросли. Я же селекцию знаю, я же общество фильтровал, чтобы ни одна гнида мимо не проскочила. Чтобы ни у кого даже мысли не возникло, что живое слово можно бумажкой заменить. Я преступник, и знаю, в чем провинился. А вот вы не знаете — тупые скоты. Это же надо — довести такого спокойного, терпеливого, безобидного Андрея Павина до того, что он тоже убивать захотел. И рабочего, который сорок лет у станка без жалобы выстоял — а потом «жилет смертника» надел? Сколько же надо нас давить и унижать, чтобы мы такими... Эх,

блин, как жаль, что мало успел за яйца подвесить...

— Эй, базар-то фильтруй...

— А как же мы, врачи, учителя? — послышался крик с дальних нар.

— Мочи его, собаку, — прохрипел бывший банкир.

— Палач! — кричали уже многие, они уже знали, что и ком кричать.

— Отчего бы не подраться? — тихо сказал Саша. А Мастиф выкрикнул:

— Ну, держись, сволота!

И — запустил ближнему пальцы в рот, большой палец уперся в подбородок, вывернул — так вырывают нижнюю челюсть — и еще раз дернул вверх, большим пальцем чуть ли не прорывая плоть, что есть дури, поволок визжащее тело за собой.

Кто протянул руку? Мастиф упал на подставленный локоть всем весом, с наслаждением слушая страшный крик и хруст кости. Вцепился в курчавые волосы, перехватил чужую ладонь, сломал палец, бросился на худого военного, запрокинул голову и впился в кадык зубами, развернулся, пролетел через нары, его пытались задержать, сорвали сапог, но он только рычал... Поймал кого-то за голову, не ощущая ударов — упал на пол боком, хрустнула шея, рядом чья-то нога в калоше — и рука Мастифа молниеносно бросилась вверх, нащупала мягкий клочок плоти — и вывернула, почти оторвала...

— Ну что, суки? — он засмеялся, глядя в растерянные лица. Наверно, выглядел он будь здоров — кровь с подбородка капает, рубахи нет, весь в шрамах, в свежих царапинах, напряженный, поджарый — чистый зверь.

Гремит ключ в замке, надзиратели не дремлют, но они совершенно не представляют, с кем столкнулись. Сейчас Мастиф выйдет отсюда, его невозможно остановить, он совершенный продукт цивилизации, его мозг направлен только на одну цель — убивать. Три здоровых мужика, похожие на пятнистых обезьян, ввалились с дубинами, не остановились, не огляделись — сразу влетели в толпу, за ними еще трое, но это — по его собачью душу. Мастиф легко вскочил на нары, на третий ярус, стащил с ноги уцелевший сапог — и прыгнул, к двери, метнул «кирзач» в единственный светильник, заливавший камеру белым солнцем. Попал, свет погас, пора действовать. Мягко локтем охватил толстую шею, дернул на себя, чувствуя мечту человека освободиться, подогнул ноги — и резким движением, вложив всю силу жилистого тела — перекинулся на спину. Человек дернулся, обмяк, Мастиф нашарил на поясе теплого мертвеца ключи, подхватил дубинку. Простое правило — надо бить как можно сильнее. Надо стараться убить с первого удара, вложить всю силу, которую еще можешь найти. По стенам забегали зайчики фонариков.

— Волки позорные! Бей легавых! — заорал Мастиф, надеясь, что не зря.

Зря, не люди, а сопли, таких только по стенам размазывать...

Нельзя, чтобы дверь захлопнулась.

Это происходило настолько быстро, что казалось нереальным... Мастиф позволил дубине содрать кожу со лба — а потом прыгнул, прямо в вытянутые руки, свалил врага, тычком вогнал пальцы под ребра, рванул на себя, с наслаждением слушая дикий крик. Кто-то снова ударил по голове, звук пропал, но сознание никуда не делось. Саша попытался отпрыгнуть — но упал, ноги не слушались, и только одна мысль еще осталась в воспаленном мозгу: «Надо на спину, нельзя, чтобы били по спине...».

Снилось, что Иван идет по трупам, по пятнистым рядам, выдавливает кровь сапогами, улыбается отцу. Саше плохо, но он тоже пытается улыбнуться сыну, губы не слушаются, под

щеки будто впихнули два арбуза, нос не дышит.

— Пить, — кричит Александр. Он хочет пить, хотя бы немного воды или чуть-чуть крови, плевать, что она вязкая и противная.

— Пить, — хрипит Саша. Глаза открываются, он еще не верит, что жив, может — уже мертв, но мертвые, кажется, ни разу не страдали от жажды, разве что в аду. На какое-то мгновение пришла мысль, что он и попал в ад, но захотелось засмеяться глупости этой мысли. Мاستиф знал, что ад никуда не исчезал, что он всегда жил в нем, не он — в аду, а ад — в Мастифе. Это правильно, это честно и справедливо. Кто-то должен страдать. Пусть же страдает самый сильный, самый выносливый, самый честный, самый трудолюбивый — ему не привыкать.

Мастиф изучал помещение — медленно, стараясь не слишком дергаться, вращая глазами — насколько позволяли распухшие веки. Спина цела — это главное. Руки болят, пальцы, похоже, сломаны, зубов нет, ноги тоже не в лучшем состоянии. Самое поганое — его посадили к малолеткам, забросили, пока он был без сознания, еще сказали, это уж наверняка: «Развлекайтесь».

Он им еще покажет, главное — до крана добраться. И чтобы вода была. Пока его не трогают, просто смотрят. Это хорошо, надо хотя бы пару минут — чтобы прийти в себя, а потом посмотрим.

Вода в кране оказалась тухлой и пропахшей кровью, Александра вырвало, но он напился еще раз, непослушными руками протер лицо (на левой просто трещина, и несколько фаланг сломано, а вот на правой, пожалуй, суставы раздроблены).

— Ты че, падла, нам в раковину напоганил? — сурово спросил молодой голос. — Сейчас обратно все вылижешь...

Александр пощупал языком губы, выплюнул крошки зубов. Говорить, вроде, можно.

— Я, — сказал он медленно. — Расскажу вам историю.

Произносить звуки, складывать их в слова было больно, мучительно больно. Надо контролировать «свистящие», чтобы не получались «шипящие», надо хорошо артикулировать, чтобы было громко и внятно. Иначе — труба. Рук нет, зубов нет, одна нога не работает. Все, копец — здесь думать надо, выживать и этой ситуации...

— По пустыне, — надо еще медленней, получилось — «по пуштыне».

— По пустыне, — начал он снова. — Шли два человека. Мужчина и женщина. Мужчина был рыцарь. На поясе висел меч. А женщина была очень красивой. Они шли долго. День. Потом второй. На третий женщина говорит...

Саша выбирал слова, четко выдыхал согласные, растягивал гласные, вместо «сказала» — «говорит»... Не надо шепелявить — это смешно...

— Говорит она ему: «Я хочу пить». А мужчина отвечает: «Моя фляжка пуста». Она говорит: «Я хочу пить очень и очень сильно». Тогда мужчина снял кольчугу, и дал ей попить собственной крови. Она пила его кровь и на четвертый день, и на пятый. А на шестой день говорит: «Я не могу идти».

Мастиф перевел дух. Мальчишки на нарах заинтересовались, восемь пар глаз смотрели на окровавленного человека. И до этого к ним приводили тех, над кем можно позабавится. Никто не мог прожить здесь больше суток — и этот день обычно становился самым запоминающимся для любого взрослого, кто бы он ни был. Тот, кого заносили сюда со сломанными руками, должен был умереть самой мучительной смертью. Похоже, что этот тощий — особенный. У него сломана только одна рука.

— Говорит: «Я не могу идти», — повторил Александр. — Тогда мужчина взял ее на руки и понес. Он нес её еще два дня, а потом они увидели реку. А перед рекой стояли трое... Нет, их было восемь, — получилось «вошемь», но это, пожалуй, неважно. Да, у того парня, из рассказа свихнутого рок-идола, было больше шансов. У него хотя бы было оружие, меч. Как бы Саша хотел почувствовать в руке приятную тяжесть, взмахнуть весильной сталью! Голубая мечта любого рыцаря, подарок богов, честь самурая — меч из рук Полеслава. Даже сейчас, даже в таком состоянии — Александр не сомневался — он мог бы убить любого, даже восьмерых.левой рукой. Только бы почувствовать, только бы сжать перебитыми пальцами ребристую теплую рукоять. И он не удивился, когда чудо произошло. Мастиф спрятал левую руку за спину. Похоже, есть надежда, он все-таки выиграет этот бой. Потом он вырежет печень вон у того, чернявого, нахального, маленького садиста. Напьется крови у квадратного крепыша. Главное — не торопится, действовать быстро и плавно, начинать надо с ближних, два тычка, сталь пройдет сквозь бритые головы... Остальные соскочат с нар, и там можно будет рубить не опасаясь, главное — не подвела бы рука, правую, не смотря на боль, тоже придется подключать. Левая будет направлять, правая — сжимать левую.

— Их было восемь, — сказал он громко, пожалуй, громче, чем следовало. — Они были молоды, и все при оружии. Они говорят рыцарю: отдай нам женщину и можешь напиться и идти дальше. Но рыцарь достал из ножен меч и покачал головой. Тогда женщина...

Александр замолк, тяжесть в левой руке становилась невыносимой, надо действовать...

— Это очень грустная история, — прохрипел Мастиф, и голубая сталь сверкнула перед глазами ошеломленных слушателей. Мальчишки сначала не поверили, но очень скоро убедились, что разодранный мужик с мечом им не снится. Они протягивали руки — Мастиф рубил их, а потом рубил ноги, вспарывал животы, смотрел в голубые, в карие, в зеленые и серые глаза, рычал и спрашивал:

— Хорошо?

А потом с трудом встал на ноги, осмотрел побоище и сказал сем себе:

— Хорошо! — как после упорного трудового дня, поле двенадцати часов на земле, после ярости и усталости настоящей работы.

Вот теперь он чувствовал настоящую власть, настоящее торжество победы. Это вам не бумажки подписывать и не ленточки перерезать. Это настоящая кровь, хрипят под ногами самые настоящие люди, быть может — самые опасные на свете, но победили не они. Это пьянящее торжество, не передать словами чувство, которое испытываешь над поверженным врагом. Главное — чтобы враг был очень сильным. Александр помнил, как ему было жаль вот таких же маленьких пацанов, когда на соревнованиях по вольной борьбе, они, четырнадцатилетние, выходили против него, шестнадцатилетнего. Два года разницы — это очень много по мальчишечьим меркам. Слабосильные соперники прыгали на него, а он, а подтверждение своего разряда, валил их, делал что хотел, многие даже плакали. Зато как приятно было схватиться с настоящим соперником — и победить, как сейчас, ценой крови и невероятных усилий.

Скоро руки, пальцы и отбитые мышцы распухнут, невозможно будет поднять меч снова. Надо действовать, пока еще можно шевелится. Со слезами боли Саша разрезал на ближайшем пацаненке одежду, тряпками примотал оружие к левой кисти. Потом вырезал из самого толстого две полоски мяса. На цементном столе нашлась пачка поваренной соли — Мастиф понимал, зачем пацанам ее выдают. Отбил рукоятью меча две жесткие полоски, круто посолил и съел. Много дней позади, на пустой каше, на тухлой капусте — а впереди еще бой, страшный, неравный, господи, найти бы гада, который за все это отвечает. О нет, Мастиф бы не распял его — это слишком мягкая кара. Лучше всего — ломать кости, Наиль не раз говорил, что это странно — кости не нервы, самые крепкие части в организме, а сломаешь одну, потом постучишь по ней еще раз молоточком — и человек уже понимает, что выхода нет, надо кричать. Ни одного Мальчиша-Кибальчиша не нашел злой татарин. Все ломались, никто не выдерживал. И счет шел не на часы, но на минуты. Но уж Мастиф бы свой счет вел на дни, действовал осторожно, кияночкой, никаких клещей, никаких гвоздей, никакой крови. Он бы заставил Его кричать, молить о пощаде или смерти. Но даже этой боли не хватило бы.

Шансы? Шансы есть. Можно не вскрывать дверь, апрорезать проходы к соседям, его оружие может распластать и сталь... Маленькое восстание, и Саша будет ковылять в последних рядах, его бросят — как только выйдут за ворота... Но надо будет объяснить будущим соратникам, что свобода — это не пространство за бетонными стенами. Свобода — это когда автоматчики не сидят, а висят вверх тормашками на вышках, когда надзирателям лежат с выколотыми глазами в карцере, а лучше всего — сделать из молодых сосенок острые колы, вбить в землю, круто посолить острия (так, для смеху больше), снять штаны и посадить мягкими задницами, только осторожно, чтобы кишки прорвались, но печень и сердце трогать нельзя, это точно. Но они, те, кто рядом, не понимают этого. Казалось, что только в тюрьме можно найти настоящих людей, что они не боятся заявлять, что любят свободу и готовы сделать ради нее все, что угодно... Казалось бы, они, темные и забитые, единственные свободные люди-человеки, презирующие закон, презирующие рабство, презирующие всех нас, одновременно презирующие труд и работу... Вместо одного закона они создают себе другой, куда более жесткий, с правилами и уставами, за нарушение которых — жестокая смерть. Разве так можно? Разве это правильно? Разве это борьба? Это соплежуйство, гниды они, а не люди, паразиты на паразитах, не по пути с ними Мастифу, нет, не по пути...

Он пройдет свой путь один, от начала до конца, лишь бы руки не подвели. И как паскудно, что после смерти кто-то поднимет с земли честную сталь, и меч, созданный Полеславом специально для него, для Мастифа, попадет к идиоту и сволочи...

Кажется, ему послышалось... Неужели он наяву слышит голоса?

— Сашка! — орал могучий бас, словно дух Шаляпина решил почтить вниманием их тюрьму. Александр вскочил, перекосясь от боли.

— Сашка! Смирнов! — орал во всю мощь двенадцатилитровых легких Шпак, богатырь, трудяга, лучший друг.

— Я здесь! Серега! Я иду, — проскрипел Александр. Кряхтя, он вырезал дверь навалился, чтобы клепанная сталь вывалилась наружу.

— Санька!

— Серега!

— Держись, дружище, я тебя сейчас вытащу... Отойди, разнесу гадов к матери...

Решетка распахнулась, Серега подхватил окровавленное тело на руки, понес. Их отход прикрывала Ень. Сашка был близок к обмороку, но все равно заметил, как хищно горят глаза китайки, как умело она обращается с оружием. Настоящая богиня войны, не такая уж и хрупкая, больше гибкая, стремительная, форма на ней сидит просто ошеломительно... лучшая подруга настоящего воина.

Свежий воздух опьянил, Александр от боли не понимал — снится ему, или все наяву, во дворе во все стороны палят «волкодавы», с вышек и стен огрызаются, но вяло — видимо, Шпак перед атакой «снял» всех, кого только мог. Молодец, умница, его бы в пару с Наилем — цены бы не было такой парочке.

— Я тебя вытащу, — гудел Шпак, стреляя с одной руки, перебросив Мастифа через локоть другой — как тряпку.

Ворота уже близко, как их вскрыли? Смешно, но Саше вдруг подумалось, что Шпак выбил их плечом... Искореженное железо под ногами, треск выстрелов все злее, пули не свистят — смерть не слышно за таким шумом. Один из «псов», Гиви-Боксер, словно споткнулся неудачно, а потом — повалился. Второй, Коля-Колли — развернулся, опустился на колено, сталь уже рвала ему живот, летели клочья, но он продолжал стрелять, еще секунду, пока в рожке не кончились патроны. Саша почувствовал, что падает, Шпак тоже запнулся, слон неуклюжий, упал на колени, захрипел, уронил друга на бетон.

— Сер-рей! — с отчаянием закричала Ень, и Мастиф понял, что все, надо вставать, идти самому, иначе — останешься здесь ни за понюшку.

— Еня! — Александр сначала хотел, чтобы она помогла, но потом передумал.

— Еня! — рывкнул Мастиф. — Прикрой Шпака! Убей их!

— Сер-рей! — кричала китайка, подставив узкое плечо, словно прикрываясь обмякшим телом, а на самом деле пытаюсь поднять полтора центнера неподъемного тела, невероятную тягу, и пули каждую секунду прибавляли гиганту в весе...

Даже сквозь шум и грохот слышен голос Шпака:

— Сашку мою... дочку... снайпер, — выплевывает богатырь слова вместе с кровью. — Из-за тебя... козла... я тебя... Девочк береги... Беги... Сашка, я прикрою...

Мастиф сжал зубы. Обязан выжить, чтобы не случилось! До грузовика метров пятьдесят, навстречу бежит Леша-Полкан, Еня уже не пытается поднять любимого, молча строчит, выбирает секунды для спасения, потом тихо падает рядом. В черных волосах — осколки разбитого арбуза, Полкан тащит Мастифа, треск почти утих, только где-то буйствует огонь, и ревет старый надежный двигатель.

— На живом все заживет! — кричит Полкан, и Мастиф кивает. Заживет, как на собаке заживет...

— Кишками вашими вам руки свяжу, — бормотал Мастиф. — На бетон вас положу, по ногам вашим проеду, да не раз и не два, и скажу — это есть хорошо. Чтобы все видели, чтобы все чувствовали, чтобы все поняли... Потом сложу, живых в один котел сложу, без воды, всех вместе, чтобы друг друга заводили, всемеро воздастся каждому, чтобы как трусы... даже собачьей смерти не будет...

Дома все спокойно. Дом вымер, стал серым и тихим, в нем почти не жили. Ветер стучал

по расхлябанному капоту, тучи на небе приготовились плакать. Полкан дотащил Сашу до второго этажа, вручил заплаканной Наташе. Сбежались все, поднялась Женя, Аня принесла компрессы, три женщины вместе выхаживали единственного мужчину, а потом Аня повернула голову (Александр это очень четко запомнил, хоть и был как в тумане), и спросила сжавшегося Полкана:

— Где Сергей?

— Анечка, — человеко-пес не находил слов. — Анечка, Шпак там... Там остался... И китаянка его тоже...

Аня встала с колен, пошла, ударилась об стену, упала, Женя с Наташей засуетились снова, а следующим мгновением Александр увидел сына.

Сначала Саша думал, что это сон. Он часто видел Ивана во снах. Любой отец гордился бы таким сыном, Александр тоже гордился. Не только внешностью, которой бы позавидовал любой ариец, или умом, который привел бы в почтение Ньютона. Саша гордился тем, что вырастил настоящего человека, пусть это и не его заслуга, но ведь — честен, справедлив, умен, красив, вежлив, воспитан, добрый без меры, жесток в меру, не пьет, не курит, стихи пишет, картины, от навоза свежего нос не воротит, в поле — лучший помощник. Всего понемногу, от всего чуть-чуть. Уважает, да и любит отца и мать, старшую сестренку чуть ли не на руках носит. И Люда в Иване души не чает, хорошо это или плохо — не понять...

— Хорошо, что ты вернулся, — прошептал Саша.

— Я ненадолго, — ответил Иван, коснулся отцовского горячего лба, боль тотчас же отступила, но не исчезла, а спустилась — к рукам и ногам.

— Лечишь? — прокричал Александр. — Зубы мне надо...

— Не дергайся, — предупредил сын. — Плохо срастется. Будут тебе зубы. Потом долго спать надо.

Александр застонал, не в силах больше терпеть. В комнату заглянул Леша-Полкан.

— Чего тут? — спросил он, страх промелькнул в глазах. А сын легко поднялся, протянул руку к человеку-псу, подтянул к себе, положил гигантскую пятерню на плешивую голову и легко, но с треском — повернул. Полкан свалился на пол, засучил ногами.

— Этот человек предал тебя, — высокопарно сказал Иван, восьмилетний подросток, «высокий юноша с горящими глазами», Человек с большой буквы. Вот с кого надо спрашивать! Вот кто может помочь. Есть все-таки бог на свете...

— Он собирался предать тебя еще, — добавил сын, снова сел на пол рядом с отцом, положил ладонь ему на глаза.

— Спи, — сказал он словно маленькому. — До чего же, папка, ты живучий... Я еще приду, надо обговорить кое-что.

Через два дня Александр уже встал на ноги, голова кружилась, Наташа пытались подсунуть ему старый костыль, на котором он скакал еще двадцать лет назад, когда сломал позвоночник. Но Мастиф посмотрел на ржавую железяку, хмыкнул, и приспособил под костыль снайперскую винтовку с пластмассовым прикладом, на дуло наставил набалдашник, чтобы пыль и грязь не попадала, а после первого выстрела все равно сорвет, так что все нормально.

Жизнь шла своим чередом, в понедельник, выдержав положенные три дня, закопали Шпакова, а рядом с ним — китаянку, Ень. Могилы копали Наташа, Аня и Женя, на старом месте, за тропинкой в лесу. К соседям решили не ходить. Шпаков, перед тем как идти брать тюрьму, собрал всех кого смог. Почти полсотни человек. Вернулись только двое. Выжил

один.

Сам Александр не мог ничего делать — руки в лубках, нога — в валенке. Он просто стоял и смотрел, как гроб спихнули в неглубокую яму — трем женщинам не поднять богатырского тела. Ень уложили рядом, без гроба, в белоснежной простыне, для нее могилка была куда как меньше. Аня первая бросила горсть земли. Потом вздохнула и бросила еще — на бывшую любовницу бывшего мужа. Саша под скрип лопат и шуршание земли проковылял вдоль рядов. Вот Андрюха Павин, сколько лет прошло, а все равно улыбаешься, вспоминая как после четвертой стопки коротыш валился под стол... Или после пятой? Забыл... Вот Наиль рядом с братом лежит. Вот «стачечники»: у Кошея родных не оказалось, у Сереги с расточки мать померла в тот день, когда электричество отключилось. Врачи приехали, а дефибрилятор — не работает, хоть тресни... Тоже здесь лежит. Чечены, буйны головушки, все здесь прилегли, славные парни, глупо погибли. Еще татарин — Ильдарка, тоже по глупости... Снова «волкодавы» пошли... Вот еще две могилки прибавились — одна здоровая, другая совсем маленькая, надо землицы побольше накидать, иначе провалится... Принес их Иван, сразу обоих, через оба плеча, сквозь весь город прошел, сказал, что нечего им в тюрьме делать, здесь их место. Это он правильно поступил, молодец, сынок...

Поминки прошли просто, пили мало, закусывали малосольными огурцами и жареной картошкой, хорошее в этом году лето, урожайное. Китайцы съехали сразу — как только Ень, младшая дочь Чжао, достала спрятанный отцом автомат. Китайцы почему-то считали, что Шпак подарил оружие девушке сразу в день знакомства. Старший сын Чжао сказал, что надо уходить, что плохо будет, если узнают... То ли трусливые такие, то ли так выживают... Непонятные люди, невнятные даже, будто из другого мира, храбрости нет ни крупицы. Хотя, брат, эта Ень тебе жизнь спасла, и Шпака не бросила. Ты друга-товарища бросил, а она — нет. Вот и думай, бросают русские своих или нет. «Не бросают, — усмехнулся про себя Мастиф. — Кидают. Ты ведь девчонку послал не для того, чтобы она Шпака прикрывала. Ты свою задницу прикрывал. Жить хотел. И вот сейчас — руки-ноги сломаны, а мстить будешь. Даже не мстить, а наказывать. Чтобы знали, за что сдохнут. Все сдохнут. Никого не пощажу. Объяснял, доказывал, убеждал — все без толку. Ничего, еще построит «Новая власть» в старой Сибири лагеря. Будут новые декабристы, новые Достоевские и современные Шаламовы и Солженицыны писать, как их, чистых и честных, в говне топили. Только вот знать не будут, что это говно — их собственное. А тебе Мастиф, задача вообще непосильная, первый раз в жизни не знаю, как и подойти...»

Вот так бывает, живешь и не знаешь — где смерть ходит. Сашу и застрелить могли, и забить до смерти, и еще много чего — но он выбрался, выжил, а Полкан как не хитрил — так за секунду и сдох, собака. Но как же его взяли? На что зацепили? Не мог же Полкан сам... добровольно... в голове не укладывается.

— У него семья, — сказал вдруг Иван. — Их взяли — а потом ему показали... Полкан сына до этого никогда не видел... Он же пес. Обязан защищать. Только зря все это. Нет у него больше семьи.

Сашка попытался перевернуться на кровати, отвернуться к стене. Нет вопросов. Одни ответы. Понятно теперь, почему боевики из «Новой власти» не боялись. Они знали, что Ивана нет дома, поэтому и окружили, приготовились стрелять, но все равно опасались. Их задачей было не убийство, им надо было получить Мастифа живым, спрятать неудобного человека, может быть убить — нодесятыми руками. Мало ли что? Явится Ваня на родное пепелище, посмотрит: мамку — похерили, папку свинцом наштиговали... Может, он мстить

начнет, чего доброго. А мстя его страшна, это точно, голову открутит даже не задумываясь, любому, предателям и исполнителям — в первую очередь. Ему ведь, сверхчеловеку, и расследования не надо. В мозгах покопался, прошлое посмотрел, обстановку оценил — и за дело.

Александр помнил наивное удивление двухлетнего малыша (который к тому времени выглядел так, что в школу можно отдавать) и вопрос, заданный таким тоном, что показалось — маститый академик с неандертальцем разговаривают:

— Пап, а ты чего, не знаешь, что кроме нас на планете еще другие живут?

— Конечно, знаю, — отозвался тогда Саша, имея в виду другие народы, расы, других людей — в общем.

— Да нет, пап, — Ванька улыбнулся. — Они совсем другие. Ты голосов не слышишь? Тут же полно всего. Я не думал, что мир такой большой. У нас под ногами молодой Полоз живет, слой глиняный, ему всего два миллиона лет, он недовольный, всегда чешется, его морозом бьет. А в небе сейчас старый Аул пролетает, ему уже шесть месяцев, он могуч, пора на покой, но умирать не хочется, тоже жалуется. Все жалуется, — засмеялся сын. — Как будто сговорились. Всегда недовольные. Это, наверно, планета такая, я ее назвал — «Планета недовольных». Одна вода не жалуется, и то не всегда, не понимаю, это одно существо или много, информация постоянно меняется.

— А почему мы недовольны? — спросил тогда Александр.

— Потому что вы — не свободны, — пришел радостный ответ.

— А вы?

— Мы — свободны, — не менее радостно сказал Иван, и у отца сжалось сердце, слишком уж просто и легко было сказано это «мы».

— Я твой отец, у тебя есть мать, ты под нашей защитой, мы тебя кормим. Ты зависишь от нас, значит — не свободен, — Александр и сам не понял, почему заговорил точно как сын — коротко и сжато, по существу.

— Ты мне не отец, — отозвался Иван. — Когда мама родила, она меня могла даже не кормить. Я бы не умер, не бойся, я как захочу — так и будет. Захочу есть — и сыт, стало холодно — всю комнату обогрею. У меня еще память генетическая есть, — с бахвальством произнес Иван, а Саша нахмурился.

Вот тебе и выкуси. Не отец. Всю жизнь терпеть правду. Подкидыш все наперед знает. «Не подкидыш, — взметнулась в душе ярость. — Сын. Из моей семьи. Мой сын. И наплевать, что я не его отец. Бывает по всякому».

— Ты хороший, — Иван прижался к плечу. Непутеха ласковый, самый лучший, гордость.

— Ты очень хороший, — еще раз сказал сын. — Правда.

Саша приподнялся на кровати, поискал тело Полкана, но на полу никого, а точнее — ничего не было. Иван, видно, решил не травмировать психику женщин новым трупом. Заботливый сорванец, гулена, Люда с ним везде таскается, как бы чего не случилось.

«Сейчас, — злорадно сказал внутренний голос. — Случится с такими. Как же... Аккурат на следующей неделе, после дождичка, в четверг...»

Через два дня Александр уже встал на ноги, голова кружилась, Наташа пытались подсунуть ему старый костыль, на котором он скакал еще двадцать лет назад, когда сломал позвоночник. Но Мастиф посмотрел на ржавую железяку, хмыкнул, и приспособил под костыль снайперскую винтовку с пластмассовым прикладом, на дуло наставил набалдашник, чтобы пыль и грязь не попадала, а после первого выстрела все равно сорвет, так что все нормально.

Жизнь шла своим чередом, в понедельник, выдержав положенные три дня, закопали Шпакова, а рядом с ним — китаянку, Ень. Могилы копали Наташа, Аня и Женя, на старом месте, за тропинкой в лесу. К соседям решили не ходить. Шпаков, перед тем как идти брать тюрьму, собрал всех кого смог. Почти полсотни человек. Вернулись только двое. Выжил один.

Сам Александр не мог ничего делать — руки в лубках, нога — в валенке. Он просто стоял и смотрел, как гроб спихнули в неглубокую яму — трем женщинам не поднять богатырского тела. Ень уложили рядом, без гроба, в белоснежной простыне, для нее могилка была куда как меньше. Аня первая бросила горсть земли. Потом вздохнула и бросила еще — на бывшую любовницу бывшего мужа. Саша под скрип лопат и шуршание земли проковылял вдоль рядов. Вот Андрюха Павин, сколько лет прошло, а все равно улыбаешься, вспоминая как после четвертой стопки коротыш валился под стол... Или после пятой? Забыл... Вот Наиль рядом с братом лежит. Вот «стачечники»: у Кощея родных не оказалось, у Сереги с расточки мать померла в тот день, когда электричество отключилось. Врачи приехали, а дефибриллятор — не работает, хоть тресни... Тоже здесь лежит. Чечены, буйны головушки, все здесь прилегли, славные парни, глупо погибли. Еще татарин — Ильдарка, тоже по глупости... Снова «волкодавы» пошли... Вот еще две могилки прибавились — одна здоровая, другая совсем маленькая, надо землицы побольше накидать, иначе провалится... Принес их Иван, сразу обоих, через оба плеча, сквозь весь город прошел, сказал, что нечего им в тюрьме делать, здесь их место. Это он правильно поступил, молодец, сынок...

Поминки прошли просто, пили мало, закусывали малосольными огурцами и жареной картошкой, хорошее в этом году лето, урожайное. Китайцы съехали сразу — как только Ень, младшая дочь Чжао, достала спрятанный отцом автомат. Китайцы почему-то считали, что Шпак подарил оружие девушке сразу в день знакомства. Старший сын Чжао сказал, что надо уходить, что плохо будет, если узнают... То ли трусливые такие, то ли так выживают... Непонятные люди, невнятные даже, будто из другого мира, храбрости нет ни крупицы. Хотя, брат, эта Ень тебе жизнь спасла и Шпака не бросила. Ты друга-товарища бросил, а она — нет. Вот и думай, бросают русские своих или нет. «Не бросают, — усмехнулся про себя Мастиф. — Кидают. Ты ведь девчонку послал не для того, чтобы она Шпака прикрывала. Ты свою задницу прикрывал. Жить хотел. И вот сейчас — руки-ноги сломаны, а мстить будешь. Даже не мстить, а наказывать. Чтобы знали, за что сдохнут. Все сдохнут. Никого не пощажу. Объяснял, доказывал, убеждал — все без толку. Ничего, еще построит «Новая власть» в старой Сибири лагеря. Будут новые декабристы, новые Достоевские и современные Шаламовы и Солженицины писать, как их, чистых и честных, в говне топили. Только вот знать не будут, что это говно — их собственное. А тебе Мастиф, задача вообще непосильная, первый раз в жизни не знаю, как и подойти...»

Два дня лил дождь, Саша сидел на кресле-качалке около окна, поглаживал винтовку как любимую кошку. Никакого разумного решения в голову не приходило. Можно было действовать только большими массами людей, опять нужны армии, устав, порядок, дисциплина, законы. Глупость, в общем. Хотя вполне выполнимая глупость. Давным-давно, сразу после смерти Андрея в квартире Павиных Александр нашел хорошую библиотеку. Книг там было всего два шкафа и три полки, но на шкафах они стояли в два, а где и в три ряда. Там, кроме Ницше, можно было найти и Юнга, и Шопенгауэра, и даже «Книгу снов». Но больше всего Сашу обрадовало, что там, в шкафах, за слоем беллетристики лежала и стояла чудовищная куча справочников и исторической литературы. Откуда Андрюха это все откопал? Да и знал ли он сам, что хранится в пыльных рядах? Женя не возражала, что Александр берет книги стопками, даже помогала заносить на второй этаж.

В первую очередь надо было определиться с цифрами. Какова должна быть численность отряда? Богата героями Зимовейская станица... Степан Разин начинал с казаками, с полутора тысячами; закончил с шестью сотнями, из которых половина была татарами. Емельян Пугачев десять тысяч сумел собрать (Мастиф брал только цифры так называемого регулярного войска, которое было разбито графом Голицыным под Татищевой крепостью), плюс две тысячи татар в жестяных доспехах под руководством Салавата Юлаева. Мало, двенадцать тысяч тоже мало. Восстание Ивана Болотникова пролистнул — это на самом деле было восстание, а не война. Против дворянства не сражаются, имея в войске союзников-дворян. Что и показала битва у деревни Котлы. Не помог Илья Муромец — Александр с удивлением узнал, что былинный герой жил и в семнадцатом веке, а участвовал во всех трех бунтах. Черт побери, думал Мастиф, я не удивлюсь, если богатырь жив до сих пор. На свете разное случается... Может, его, как настоящего Кощея, в цепи заковали, в подземельях держат, раз он бессмертный. Сказка ложь, да в ней намек. Ладно, проехали.

Вполне реальная цифра — тридцать тысяч человек, причем они не обязательно должны быть профессиональными военными. Главное — чтобы они владели террористическими навыками и не боялись убивать — именно тридцать тысяч террористов захватили в ноябре (или, все-таки, в октябре?) Петроград и провозгласили новое государство. Которое уместно назвать террористическим и только террористическим, особенно если первый и главный принцип построение политики — «красный» террор. Население России с тех пор практически не изменилось, Александр нашел у Энгельса число (Энгельса, кстати, тоже звали Фридрих, как и Ницше). Шестьдесят шесть миллионов душ мужского пола жило в России на тысяча восемьсот восемьдесят седьмой год. Помножив на двое, то есть — прибавив женщин, получалось что-то около сто тридцати двух миллионов человек — без учета детей. А сейчас в России живет ста сорок восемь миллионов. То есть, если прикинуть, прибавка населения за сто с лишком лет составила шестнадцать миллионов. Неплохо, особенно если учитывать, что у Энгельса нашлось числишко и для Германии. Сорок четыре миллиона — с потрохами и тапочками, поголовный учет. Саша глянул в современный справочник. Двадцать лет назад Германия имела восемьдесят с лишком... Прирост шел вдвое, а если учесть, что немцы во всех войнах участвовали, да и от своих же Гитлеров-Геббельсов пострадали... То есть, путем нехитрых манипуляций, подставляя уже известные цифры, коммунисты смогли уничтожить... да, правильно, около ста миллионов человек. Неплохо, куда уж там хлятикам-фашистам... И чего на них взъелись? Они даже евреев не смогли истребить, а из фашизма уже пугало сделали. Фашизм — это так, фигня, даже не

серьезно, хотя узникам концлагерей так не казалось, это наверняка. Стадо баранов всегда загон найдет — с ненавистью думал Мاستиф. Ты их режь, шкуру снимай — они все равно вечером прибегут. Сдохли — и ладно, поделом.

А вот американцы могли бы поделиться опытом. Самый высокий процент по геноциду показала именно Америка. Историки до сих пор решают — сколько жило коренных индейцев на обоих континентах? На начало семнадцатого века имелись различные цифры — тридцать миллионов, пятьдесят миллионов, сто миллионов... Кто больше? А вот после мексиканской войны счет шел уже на сотни тысяч, потом — на десятки тысяч, к началу прошлого века просто — на тысячи. Учитывая число колонизаторов — соотношения просто впечатляющие. Американцы не были отягощены моральными предрассудками. Чумные одеяла подsunуть, деревню вырубить, всех бизонов уничтожить — главное, чтобы попроще, побыстрее; действенно, эффективно. Так же должен действовать и Мастиф. Про скальпы не забыть. Бактериологическое оружие — два. Поголовное истребление — три. Что за чушь, почему нельзя убивать женщин, стариков и детей? Именно американцы доказали, что, убивая всех поголовно — только так! — можно достичь хоть какого-нибудь результата.

Вот только не хочет Мастиф стать новым Стенькой Разиным. И Авраамом Линкольном — не хочет. Никаких армий, никаких союзов, никаких уний, государств, партий, советов, рас и народов. Не бывать этому...

А будет так.

Далеко-далеко, за Иркутском, в тайге, где нет ни дорог, ни тропинок, даже звери редко заглядывают — есть кладбище. О, это не обычное кладбище. Оно железное, замерло до времени, оно еще не списано, там все новое стоит, прямо с завода... Или стояло... Наверняка стоит, нельзя же восемьдесят тысяч танков в один миг переплавить, это тебе не «Мерседес» бронированный, танк и в стотонную печь не влезет, его пилить надо, а вы броню — вольфрамо-титано-пластиковую — пилили когда-нибудь? Автогеном... Нет брат, шутишь, стоят они там, пушки повесили, круглые башни нахмурили, гусеницы провисли...

Мастиф словно наяву видел, как медленно, со скрипом поднялись длинные стволы, как вращаются, сами по себе, громадные болты «ленивцев», отчихиваются от многолетнего снамогучие дизеля. Загорается панорама, снаряд автоматически подается в громадный поддон, заправляется в ствол. Валятся многовековые кедры, не в силах противиться ужасающей человеческой мощи, вот только в железных коробках, за тридцатью сантиметрами комбинированной брони — ни одного человека.

Они здесь, отец и сын, человек и сверхчеловек, создатель и подобие. Прямо здесь, в комнате, смеются, разговаривают — а там, за окном, в жарком черном воздухе восемьдесят тысяч танков стирают город за городом. Так будет хорошо, эффективно, быстро, не нужно лишних жертв, не нужно слез, слюней и соплей, воспоминаний и мемуаров фронтовика-партизана... Как в компьютерной игрушке, давненько Александр не играл в стратегии, особенно в танковые, чтобы как в жизни — дивизия на дивизию, армия на армию, все силы — в железный кулак, и бить по центру.

Надо только Ивана уговорить, да не сразу ему в лоб все карты открывать, а постепенно, чтобы он тоже идеей проникся, азартом. Чтобы загорелся — до него, верно, таких экспериментов никто не ставил. «А сможешь ты, сынок мой дорогой, восемьдесят тысяч танков в подчинении держать, да так, чтобы у них снаряды не кончались, и патроны — тоже. Про горячее и не говорю, но броню надо усилить, желательно ввести самопочинку, это и в самом деле будет неплохо; но лучшая проверка, сынок, это — проверка боем. И не

Актюбинск какой-нибудь, не Новгород. Идем на Москву — там сила, там развернутся можно».

— Можно, но не нужно, — произнес Иван за спиной. Саша даже подпрыгнул.

— Здороваться нужно, — буркнул он. — Ну что ты думаешь о моих мыслях?

— Интересно, очень интересно. Стоят танки, только не восемьдесят, а двадцать тысяч.

И пара тысяч самоходок. Их плавить хотели, но транспортировка и разделка дорожке добычи руды оказалась, да и опасно, один раз рвануло, троих осколками начисто списало... Только вот мы не всесильны до такой степени, придумаешь тоже, — Иван говорил нахмутив брови, размышлял вслух. — Половину машин по дороге растеряем, и энергетические затраты невероятные, даже мне столько мелочей в голове держать невозможно. Да и не пустят нас. На подступах распылят твои самоходки.

— Ладно, понял, сам дурак, — скривился Александр. Все-таки невозможно жить, если кто-то рядом читает твои мысли. Чувствуешь себя не только идиотом, словно за онанизмом каждый раз застают.

— Мы с тобой последний раз видимся, — бухнул вдруг Иван.

— Что так?

— Уходим мы, оставляем вас. На земле кроме людей еще семь цивилизаций — это только в трехмерном пространстве. А в многомерном даже и сказать страшно — число с двадцатью тремя нолями получается. А мы, понимаешь, не очень вписались...

— Гонят вас?

— Да нет, сами. Дел хватает, а вас, ну, людей, вроде как в Красную книгу записали. Самосовершенствующийся перспективный вид. Наблюдать за вами плазмоиды будут, они как раз примерно столько же живут.

— Плазмоиды?

— Разумные из плазмы, они на Солнце, о вас уже давно знают, всерьез не занимались, сейчас начнут...

— Начнут заниматься? — голос Мастифа полон иронии.

— Да, — Иван улыбнулся. — Не дрейф, папка. Я за тебя словечко замолвил. Ты теперь вроде местного представителя будешь, мне сказали зафиксировать тебя...

— Интересно, — рука привычно гладила вороненый металл снайперской винтовки. — Очень интересно.

— Меч Полеслав оставляет. Ты теперь с ним как одно целое...

— С Полеславом?

— Нет, с мечом. Хватит паясничать. Слушай. Ты правильно мыслишь, без глупости. Потенциал большой. Когда начнешь — подумай еще раз, реши, без чего, или — с чем общество может стать другим. Не только без власти. Пусть несчастные не кажутся таковыми, — Иван говорил четко и очень серьезно. — Ты же меня учил никого не жалеть. А сам...

— Кого я жалею? — не понял Саша.

— Да не в жалости дело. Ладно, не обращай внимания. Ты Артемича на смерть послал?

— Он сам вызвался...

— Наплевать. Главное, что те тридцать человек, которых он взорвал — не стоили они его жизни.

— Как это...

— Даже если бы тысяча, — продолжал Иван. — Даже если бы все тираны и дураки в

одном месте собрались — они бы одного Артемича не стоили, — сын совершенно человеческим движением облизнул губы. И невпопад добавил:

— Люда со мной пойдет, мы договорились...

— С кем вы, твою мать, договорились? — Александр явно выходил из себя. Нервы ни к черту. И этот невинный вопрос, самое интересное, застал Иван врасплох:

— Ну, мы — это мы, не первые и не последние, — он был явно смущен. — Мамку не забудь. Пошел я, — и выскочил за дверь молнией.

— Ванька, сукин сын, а ну, появись на секунду! — заорал Мاستиф.

Иван просунул голову в дверь.

— Ты мне скажи, чем мы от вас отличаемся? По-хорошему скажи, — Саша почти умолял.

— Пап, я тебе сто раз говорил. Тут в мозгах дело. Мы свободны, а вы — нет. Это не потому, что мне захотелось. Так уж вышло, генетика, почти судьба... Прощай...

— Прощай, сынок, — Александр хотел крикнуть еще раз, чтобы Иван попрощался с матерью, но махнул рукой. Надо будет — попросается, а не надо — так не надо. К чему лишние слезы?

* * *

С Наташей Александр разругался. В пух и прах, окончательно и бесповоротно, так, что пришлось идти ночевать в квартиру Наиля. Так уже бывало, и не раз. Конечно, обидно, сын и дочь ушли, не попрощались, еще и навсегда. Слез натекло море, и крику было достаточно. Саша в конце концов плюнул, спустился вниз, к Наилю, заперся подальше от скандала. Руки тряслись, разобрать, прочистить и смазать пулемет получилось плохо, всё казалось тяжелым, чистое мучение. И спать не хотелось. Не шел сон второй день подряд, хоть тресни. Не хотелось пить, не хотелось есть, даже дышать не хотелось. Под утро, в самый восход солнца Саша заметил в окно котенка. Маленький, рыжий в полоску, на полусогнутых лапах. Перебежал дорогу и спрятался в кустах. И Александр сразу вспомнил, как давным-давно обещал человеку, из-за которого, быть может, и началась вся котовасия, весь бред, все эти дурацкие и бесполезные перемены. Может, выполни он обещание на следующий день — и ничего бы не случилось. Не упал бы камень с гор, не сгорела бы деревня...

— Сейчас, дядя Леша, будет тебе котенок, — прошептал Саша и вскочил, выбежал во двор в чем был, босой, в тренировочных штанах и рваной футболке.

— Ты уж не обессудь, дядя Леша, — говорил Александр. — Если он тебе не нужен будет, так я его себе возьму. Иди сюда, маленький. Давай, не бойся, я не страшный, я...

На полуслове его прервали. Выстрелом, бронебойной пулей, в спину, из-за угла, прямо в сломанный позвоночник. Саша почти привычно упал, даже успел порадоваться, что вперед головой, а не на спину. В глазах шли круги, тело проваливалось вниз, все глубже, словно под землю продиралось. Такое впечатление, подумал еще Саша, — что лечу. Руки — как крылья, а тело непослушное и мягкое. Внизу (он посмотрел вниз) — пылающая пламенем река, в медленной лаве крутятся черные точки, зрение фокусируется, словно не глаза, а тысячекратная видеокамера. Не точки это вовсе, головы это человеческие, рты открыты, словно кричат, только звука нет. Одна из голов поднимается, и Саша видит, это — Андрюха Павин, смотрит пустыми глазами, потом кривится, точно узнал. Улыбнулся, точно, зовет... Прочь, прочь отсюда, к синему небу, к бескрайним облакам, поверх которых зеленеет пшеница, и могучая, упрямая, знакомая фигура медленно идет за плугом, выворачивая жирную землю бесконечной полосой. Шпак не торопясь утирает пот, приветственно взмахивает рукой, но слышится шум, крик, звон оружия! Вот и воин, в дивных доспехах, с рогом искрящегося вина, четыре обнаженных красавицы льстятся к герою. Наиль вскакивает на ноги, поднимает в салюте длинный нож!

— Нет, я не могу еще! — кричит Александр. Он рубит руки, которые пытаются утащить его отсюда, но, в конце концов, им это удается, и Саша, кряхтя и переваливаясь, пытается прокашляться от земли во рту. Живой, живой еще, думал он, прижимая крохотное, истошно мяукающее тельце к животу, выворачиваясь под развесистыми кустами, пытаюсь подняться. Странно, но встать удалось, даже ноги двигались. Мاستиф зарычал и побежал, а сзади уже трещали автоматы, беспощадно рвали сто раз штопанную футболку, подталкивали в спину. Много, слишком много раз попали, хоть бы до двери добраться... Добрался, дошел, доковылял, и дверь захлопнул перед носом. Тотчас же в комнатах с уханьем стали рваться гранаты, взметнулась пыль, посыпались стекла — атаковали со всех сторон.

— Ну, держись! — орал что есть сил Мاستиф, с холодным страхом ощупывая спину — и не находя крови. Ладонь, жаркая, грязная — но не красная, не липкая... Что-то тяжело ухнуло, и посыпалось с потолка, вокруг — звон и треск, в пыльном воздухе проносятся обломки досок, и рваная бумага стоит столбом. Гарь...

— Плохо, вашу мать, стреляете! — страшно кричал он, запихивая котенка в старый оружейный сейф. Метнулся к разбитым окнам, встал во весь рост.

— На! — один из стрелков повалился на спину.

— Тебе! — второй споткнулся на ровном месте.

— Получи! — третий провис на оgrade.

Сзади разорвалась граната, в спину снова ударило — горячим воздухом и осколками...

— Тварь! — Мастиф подарил две пули тому, кто стоял под самым окном.

Сверху тоже стреляют, не понять, то ли их еще и с вертолетов атакуют, то ли девчонки за автоматы схватились. Мастиф перестал палить, прислушался. Нет шума винтов, значит, Наташа с Аней отстреливаются, амазонки хреновы...

— Вниз, все вниз, — кричал он, вылетая в подъезд. — Наташка, Анька! В подвал, сучки! Без вас, мать-перемать... Без вас... Ах ты, блядство... Ах ты...

Аня лежала поперек кухни — широкая, бесстыдная, в одних трусах, ручной пулемет между налитых грудей, во лбу — здоровенная яма. Пулеметчица...

Наташу он нашел в зале. Она еще дергалась, пыталась что-то сказать, отовсюду, откуда можно — текла кровь, не может быть столько крови у человека. Мاستиф мычал, прижимал непутевую голову к животу, словно котенка, граната упала совсем рядом, можно протянуть руку, но он не хотел... Их снова разорвало, разметало по комнате, всех троих — гранату, Наташу, Александра. Вот только женщина больше не дергалась, а мужчина встал, посмотрел безумными глазами в окно — и кинулся прочь, ревя что-то несвязное, непонятное и словно зловонное, противное человеку.

Мастиф вылавливал их — как блох. Они и были похожи на блох — верткие, хитрые, прыгучие. А Мастиф не прятался, шел во весь рост, не отвечал на выстрелы, а бежал прямо на огонь — чтобы наверняка, чтобы не ушли. Он знал этот район досконально — и вытаскивал солдат из всех щелей, не обращая внимания на беспорядочную, оголтелую пальбу. Одежда давно превратилась в лохмотья, даже сапоги пришлось снять и выбросить — мешали, не держались на ногах.

Солнце стало красным и готовилось спрятаться за горизонтом, когда Мастиф нашел последнего.

— Последний на сегодня, — решил он.

Мужик в маскхалате отбросил в сторону пустой автомат — и тоже встал, в полный рост, задрал руки в небо.

— Сдаюсь, — глухо сказал человек.

Мастиф подошел, осмотрел врага с головы до ног. И вспомнил далекий бой, бешеный кавалерийский наскок и человека, который сумел встать после смертельной раны.

— Куришь? — спросил он.

— Помаленьку, — ответил солдат.

— Закурим? Рана не болит? — усмехнулся Александр. — Здорово тебя Гаврила подлечил?

И после недолгой паузы спросил еще:

— Кто это был, в черном берете, кругломордый такой?

— Это налоговая, ее бойцы, — догадался солдат.

— Хорошие у него сигаретки, — продолжал Мастиф. — Давно таких не видел. «Клинтон», знаешь? Маленькие они, без фильтра. Дешевые, падлы. Но табачок заебательский! — Саша покачал головой. — Я с таких, мля, курить начал.

Он протянул бывшему врагу начатую пачку и пожаловался:

— Вкус есть, а не зашибает. Херово, да?

— Херово, — согласился солдат.

— Тебя как зовут?

— Игорь.

— А меня — Саша.

— Приятно.

— Ага, взаимно...

Они сидели друг напротив друга, курили и разговаривали как два давнишних приятеля. Что видел каждый из них? Пожилой солдат в камуфляже лишь изредка поднимал глаза. В прошлый раз он Мастифа и не разглядел толком. О своем чудесном воскрешении помалкивал — слишком часто пропадали люди, имевшие неосторожность пообщаться со сверхчеловеками. А сейчас Игорю не было страшно. Он видел слишком много смертей, а

однажды пережил и собственную. В какой-то мере ему было интересно взглянуть на того, кто отмечен богами. Этот человек с собачьей кличкой сумел добиться многого. Игорь никогда не видел, чтобы обычные люди, мужики и женщины — не боялись никого и ничего. Они, крестьяне и работяги, без страха смотрели в глаза тем, кто держит оружие. Их невозможно было пристыдить, напугать, обмануть. Словно бы у людей в сознании образовывалась некая граница, за которой они были обычными людьми — любящими мужьями, ласковыми женами, заботливыми детьми, законопослушными гражданами. Но как только кто-то нарушал эту границу — они превращались в зверей, неистовых и беспощадных. Игорь хорошо помнил, как мужики в одной из деревень схватились за оружие (а оружия этого оказалось много) — и всем скопом, как единый человек, одна команда, одна душа на всех — рвали солдат на части. Из горящих домов летели пули — это потом Игорь помнил, что в бой вступили и дети. А всего то и надо было — конфисковать излишки зерна из амбаров. Тем более все равно сельчане кормили этим зерном скотину. Но не отдали, не сдались, не дрогнули. И перед глазами все еще стоял старый дед из деревни Борщино, грудь в бушлате разодрана от свинца, а все равно хрипит:

— Мастиф вам всем глотки вырвет...

Вот он, этот страшный Мастиф, старый, седой. Босой человек, весь в шрамах, тощий, жилистый — гвоздь, а не человек. Многим глотки порвал и, пожалуй, еще рвать будет.

Александр смотрел на солдата и понимал, что ему будет жалко убивать его. Нормальный дядька, не злой, все понимает. Образован, сразу видно — не восемь классов за спиной. Жалко...

— Вот скажи мне, Игорь, неужели я тебе что-то сделал?

— Да нет, Саш, не припомню.

— А почему ты здесь? Что тебе от меня надо?

Игорь затянулся сигаретой, спрятал взгляд.

— Так я же... это... сам понимаешь... долг... Родина.

— Ты Родину от меня защищаешь? — тяжело спросил Александр. — А я кто, по-твоему? Честно мне скажи. Через вранье много людей полегло...

— Ты преступник, — тихо произнес Игорь.

Мастиф затянулся, не чувствуя вкуса дыма.

— Я преступник. Преступил закон. Где ж я оступился? Где, ответь мне...

— Ты убил много людей.

— Много, это ты прав. Да вот только не я их убивал. Сами ко мне за смертью приходили. Или звали, чтобы я убийцей стал, — вспомнил Александр военкомат и расстрел в Желтом доме. — Никого насильно не звал...

— Нельзя убивать за то, что к тебе приходят, — спокойно произнес Игорь, но кто бы знал — как ему далось это спокойствие.

— Странно ты говоришь, — равнодушно размышлял Мастиф. — Всегда мы войны вели. Кто-то к нам приходит. К другим мы лезем. Но солдата убийцей никто не называет.

— Солдат свою страну защищает, с него спрашивать нельзя. Дай еще сигаретку, — Игорь умолк, затянулся новым облаком сизого дыма. — Мои все в пыль... Никак портсигар себе не заведу, раскрошились, черти, в кармане, пока от тебя прятался...

— Спрашивать нельзя, — усмехнулся Мастиф. — А я вот спрошу. Спрошу все-таки. Потому как пойми, солдат ты мой любимый... Я — твоя Родина. Дом за моей спиной... Жена моя, дети. Плохие мы, иль хорошие, а защищать надо. А вышло, что это я их

защищаю... Защищал от тебя, хотя они ничего не сделали — ни тебе, ни другим. Знаешь, есть у меня мысль одна, да только невыполнимо все это, мечта. Так и будем ходит друг на друга — как ослы, как бараны.

Мастиф пододвинул автомат, отбросил окурок.

Человек напротив перестал существовать. На Александра смотрело государство — в ободранном маскхалате, почти равнодушное к любой смерти, к любой несправедливости. Машина, у которой на все есть ответ и оправдание. Человеку не по пути с государством — слишком уж высоки шансы на смерть. А второго шанса не будет.

Автомат с громом выплюнул порцию огня. Игорь, наверно, даже и не понял, что случилось. Он даже удивиться не успел — настолько все быстро произошло.

Мастиф вздохнул, поднялся с бетонного булыжника. Некогда ляды точить — впереди еще много работы.

Мастиф постарался, чтобы ни один не ушел. Их оказалось много, очень много, у него самого никогда столько людей не было. Почти две сотни убитых только за один день, только в радиусе трехсот метров от дома. Сотни здоровенных мужиков против трех женщин и искалеченного пожилого человека! Но Мастиф, наверно, уже не был человеком. Он лежал лицом напротив любимого лица и хотел быть кем угодно — зверем, насекомым, дьяволом, машиной — только не человеком. Как же можно! Как же можно разорвать вот эти губы, которые подарили ему столько минут, часов, года наслаждений. Он жил для них, ради нее, ради ее детей, а теперь... Казалось, что все кончено. Но ничего не закончилось. Никогда и ничего. Спасибо тебе, сыночек, за подарочек твой добренький, за «фиксацию» твою долбаную! Ни пуля теперь Мастифа не берет, ни огонь, ни яд, ни петля, даже водка не берет.

— Наташ, — сказал он очень ласково и погладил слипшиеся и поэтому послушные волосы. — Я выйду, ненадолго. Ты не волнуйся. Могилки надо выкопать. Аньку застрелили, и Женке в кровать граната попала. Она, верно, и понять не успела... Эх, девки...

Встал, поковылял за лопатой, провозился весь день. Заметил, как к пятиэтажке нежилого общежития подъезжали машины, военные «уазики». Потом появился БТР, взревел, пополз на приступ. Мастиф тогда отвлекся на полчаса, прошел прямо под огнем, поднялся на крышу, расчехлил двуствольную зенитку, которую затащили на крышу еще зимой, десять лет назад, под руководством Наиля. Выпустил весь боекомплект в бронетранспортер, пошел на другой конец крыши. Там, тоже зачехленная брезентом, стояла вторая двадцатипятимиллиметровая дура. Влупил — по всем окрестностям, в белый свет как в копеечку, куда бог положит. Но не успокоился, поднял на крышу сразу два станковых «Корда», стрелял из каждого по очереди, менял ленты, а когда стволы перегревались — садил из гранатометов. Только потом спустился, закончил копать, полежал немного на земле. За весь день он не устал, даже ни разу дыхание не сбилось. Мастиф попробовал не дышать совсем, зашел домой, нашел часы, засек. Десять минут, двадцать, полчаса — а потом заметил, что вообще перестал дышать. Живой мертвец, неуязвимый, непоколебимый. Нечеловек. Это радовало.

— Ну что, игрун? — повернулся Саша к котенку. — Пришло время? Пойдешь со мной?

— Мяу, — ответило рыжее чудо.

— Молодец, — похвалил Саша. — Чуешь. Жаль, что наши парни до этого времени не дожили.

Собирался Мастиф долго, тщательно. Первым делом хотел решить проблему с одеждой.

Наверняка тряпки порвутся, сгорят после первого же боя. Неплохо бы занять кольчугу, а с другой стороны — она тоже превратится в хлам, мешать только будет. Ничего, решил Мастиф, буду с мертвых одежду снимать. Главное — боеприпаса побольше взять, чтобы не искать, не париться зря.

Саша зашел в мастерскую. Постоял минутку и вышел — ему вдруг захотелось еще раз посмотреть на дом. Он встал перед подъездом, глянул в пустые окна, критически окинул взглядом искореженные двери, царапины от пуль и здоровенный проем, оставшийся от снаряда. Потом поднялся на крышу, прошел по вырванным балкам, скинул перегоревший пласт гидроизола. Спустился в подвал — в тишине и мокром холоде молчали генератор и топливный котел. Все вокруг — до боли родное и знакомое, сделанное и установленное руками, с любовью. Жить здесь и жить. У Шпаковых самодельный комод-шкаф-стенка, здоровущая, во всю стену — и не пострадала почти. Только стекла побило, да пара дырок от пуль — почти незаметно, калибр пять-сорок пять... Огонь дерева не тронул, может — испугался. Ведь придет богатырь с поля, и спросит:

— Кто?

Но не придет Шпак: мало простой силы для того, чтобы остаться в живых.

У Андрея Павина сгорело почти все — и шкаф с книгами, и рояль, и резной стол на кухне. Хорошо, что тетрадь Саша хранил в надежном месте. У Наиля обнаружилось два ящика патронов под кроватью. Вот это запасливость — подумал Александр устало.

А к себе он заходить не стал. Тошно.

Мастиф загрузил оружие в кузов старенького «уродца», грузовика из металлолома, собранного сверхчеловеком по имени Гаврила. Семейная реликвия, повидавшая виды, насквозь прошитая пулями и осколками... Но все-таки бегал грузовичок, или как его теперь назвать — сверхгрузовичок? Не ломается, бензина ест три литра на сто километров, в огне не горит, в воде не тонет, по любому болоту пройдет — уже испытано. Не машина, а монстр какой-то. Если трос за клык уцепить, этот «уродец» и двадцатитонный БТР без колес с места сдвинет, а потом — уволочет в лес. Любую тягу, какая бы ни была — утащит, только бы троса хватило...

Мастиф решил поступить так же, как и его предшественники. Может, конечно, это жестоко и некрасиво, но всегда делали так. Он нашел крепкие веревки, подъезжал к трупам, зацеплял их за ноги, волочил за собой — к новому трупу, пока не собрал всех. Так всегда поступали — надо соблюдать традицию. Война — она всегда война, нет в ней некрасивого и жестокого, она рациональна. Либо проиграл — либо выиграл, хотя в чем разница? Главное — напугать, устрашить, любым способом, пусть оружие из рук само падает. Особенно это на новичков хорошо влияет... Добродушие как рукой снимает...

Александр понимал, что в его четком и хорошо выверенном плане все же есть изъян. Слишком много он на себя взвалил, не справится, в одиночку точно не потянет. Но сомневаться не хотелось. Сомнения — удел слабых. Пока эсеры сомневались да прикидывали — надо или не надо бросать бомбу вон в того генерал-губернатора, социалисты уже целое сословие к смерти приговорили — без всяких оправдательных слушаний. Чингисхан татар всех вырезал, современные татары — это так, иллюзия, калмыки больше, а не татары. Святослав хазар вытравил под корень, испанцы — инков, англичане — австралийцев, римляне — этрусков, греки — троянцев. Ахилл, кстати, с Гектором точно так же поступил, как и Мастиф с группой захвата. Захватчики, ё-моё...

Он выволок их на центральную площадь утром следующего дня, поднялся на пожарную каланчу — местную достопримечательность, вытянул трос, перекинул на другой конец башни, снова спустился. Редкие прохожие бежали, только завидев страшную ношу за грузовиком. Да и сам Мастиф, честно говоря, никого видеть не хотел. Мотор взревел, поднимая тонны мертвого мяса на тридцатиметровую высоту, Александр сделал широкий круг, украшая каланчу словно новогоднюю елку. Хорошо получилось. Своевременно, злободневно, а главное — адекватно.

Меч. Куда деть меч? Немного поколебавшись, Саша выбросил его в канаву. Потом напряг ладонь, ощущая рукоятку — и голубая сталь снова перед глазами, улыбается зеркальной гладью, надежная, послушная, хорошая. Мастиф улыбнулся еще шире и снова выбросил подарок Полеслава. Сейчас лишняя тяга ни к чему, а там... посмотрим...

Котенок только урчал, будто соглашался: «Пр-равильно, пр-равильно»...

Мастиф пропал. Поначалу многие вздохнули с облегчением. Может, его сверхчеловеки забрали? И черт-то с ними!

Но иногда, очень редко, приносились вести. То там его видели, то здесь. То литровый баллон с кислородом сопрет из хозяйственного магазина в деревне, то дорожную видеокамеру — из центрального городского универмага. Ходит один, ни с кем не разговаривает, живет, по всей видимости — в лесу. Пару раз вызывали войска, и обшаривали целые районы — но бандит словно сквозь землю проваливался.

И стало забываться страшное имя, многие решили — что он сошел с ума; что решил удалиться от людей. Это только на руку всем. Надо пережить, вздохнуть, плюнуть и забыть. Не было никогда... А за что он там реки крови лил... да мало ли крови течет? Даже сейчас. Взять, например, странную ситуацию с татарами. Или же со братьями-славянами — хохлами да малороссами. Да что там — и свой, русский мужик из узды вышел. За восемь лет, словно грибы из-под дождя, появились сотни странных поселений, десятки областей, где вновь хотел возродиться неистребимый дух. И откуда только это чудное, почти первобытное желание русского мужика — быть хозяином всего? Слово весь мир принадлежит ему одному, сам себе на уме, никого не слушает, все по-своему... Но с этими просто, опыт есть. Вооруженные экспедиции, чересчур прытких — в железо, пусть себе дальше работают. Нельзя, чтобы хлеб и мясо у всех было — да еще за копейки... Пусть Ванька лежит на печи, пьет горькую, надирается и надрывается помаленьку — за то, чтобы продналог или оброк сдать, барщину отработать; а за себя думать не смей! Все уже придумано, и вообще, много таких умников — хозяев, блин, земли русской... А коли захотел землицы — так в Сибири ее множество, осваивай — не хочу.

Но Мастиф глубоко в лесах не сошел с ума и не чурался людей. С болью смотрел он на то, как вновь крепнет власть и государство, развивая вертикали и расширяя параллели. Вновь заработала беспроектная феодальная лотерея — таможня. Запели блатные песни на скамейках, появились патрули. Раньше, когда все ходили с оружием — на улице пьяных почти не было. Уж больно легко получить пулю из любого окна, когда идешь по главной дороге, горланя и размахивая автоматом. Мастиф сам снял двоих таких «викингов» — просто так, на всякий случай. Мало что у пьяного в голове, когда на плече «Калашников»? И орать песни в будни под окнами — тоже опасно. Пальнут за милую душу, или гранату бросят. Здороваться надо со всеми, чтобы знать соседей: чужаков, особенно на своей земле, опять же под прицелом подпускали. Даже «налево» сходить опасно. Не дай бог явится разъяренный тесть с гранатометом... Бывало такое — усмехнулся Александр.

Налоговики щеголяли черной влитой формой. Работали без передышек паспортные, регистрационные столы, надрывались центральные управления и всевозможные палаты, записывались акты, фотографировались лица и морды, выправлялись справки, все и вся регистрировалось, учитывалось, проверялось и перепроверялось, кассировалось, облагалось, датировалось, подписывалось, штампировалось, заверялось и подпечатывалось, документировалось, подтверждалось, передавалось и сдавалось, учреждалось, принималось и рассматривалось, дублировалось, ксерокопировалось, активировалось. Формировалось.

Лось — это зверь или суффикс с окончанием?

Мастиф сквозь объектив видеокамеры не спеша рассматривал город, который расстелился между сопками. Гиблое место, суровое. Но и здесь живут люди — несмотря на «полярную» ночь, мокрые морозы под пятьдесят градусов, и холодный, вечный ветер с моря. За два года Мастиф бывал здесь уже восемь раз. Летом, осенью, весной, зимой... Каждый раз — лежал на земле и смотрел, привыкал, осваивался. Время для своего дела он выбрал подходящее. Ненастный август, ночью уже подмерзают лужи, темнеет очень быстро и над городом висит непроницаемая полумгла. Сторожевые вышки по берегу — это для детей. Мастиф мог двигаться по земле почти незаметно, а на дело пойдет под утро, еще в темноте; спустится с сопки, проползет в такт ветру, ни одна душа, даже если очень захочет — не увидит и не поймет. Он уже проверил маршрут. Полтора километра — спуститься с дальней с сопки, два километра под водой, потом дно пойдет резко вверх, старая затопленная баржа, остатки противолодочной сети... Главное — держать азимут.

Трудно идти под водой. Не страшно — жутко. Темень, холод страшный, и кажется, что вот-вот появится оскаленная пасть. Насмотрелся в свое время всякой херни по телевизору... Нет там никаких челюстей. Двести метров мрачной толщи над головой — а дно ровное, песчаное, одно удовольствие. Отцепить бы груз с ног — и всплыть, пока еще не поздно...

Отсюда, с дальней сопки, совсем не видно людей. Два года назад Мастиф пришел сюда — и начал считать. Он считал машины, дома, беспризорный собак, матерей с детьми, прапорщиков хозяйственной службы, молодых лейтенантов, матерых полковников. Подводные лодки тоже считал — поначалу у него запестрило в глазах от такого количества. Целыми днями лежал на каменистой земле и — считал. Сколько сошло на берег, сколько вернулось? Состав экипажа он знал — сто пятьдесят человек. Это на одной лодке. А около города их восемь штук — только атомных (другие Мастифа не интересовали). Три — громадные баржи типа «Касатка», или, как их еще называют за рубежом — «Ураганы»; и еще четыре — «Комсомольцы», хотя Мастиф и не знал точно их серию (только номер проекта — 671); но в свое время эти лодки заменили «Ленинских комсомольцев». Были большие дизельные, но Александр не был уверен, что они с ядерной начинкой, а рисковать не хотел. Ему нужна была лодка с термоядерным оружием — и на ошибку он не имел права. Кроме этого на рейде стояли тральщики, транспортные корабли, пара крейсеров, десятков ракетных катеров. И еще — десятки, если не сотни брошенных лодок, они заняли море едва ли не до горизонта, дожидались своей очереди в утиль. Которые выглядели получше — стояли на якорях, сцепленные друг с другом. Остальные — на боку вдоль берега. Мастиф уже был там, среди брошенного гулкового железа, в мрачном стальном холоде. Но оружия на этих лодках не было. И если быть честным, то атомоходов из них было только двадцать три штуки. Остальные, похоже, дизельные — Мастиф потихоньку начал разбираться в очертаниях боевых кораблей. Была еще одна, которая лежала на стапелях — завод по выпуску боевых машин продолжал работать.

В любом случае это означало по меньшей мере тридцать тысяч человек экипажа. Десятки тысяч механиков, рабочих и obsługi. Семьи, жены, дети. Командование. Охрана. Социальные службы. Просто жители.

Много, много народу. Считай, тысяч триста.

И ведь их кормят, поют, держат в тепле, хотя на этой земле почти ничего не растет, ничего из нее не добывают, а рыболовецких траулеров нигде не видно. Страшный закрытый город, ошестинившийся прожекторами и вышками. Отсюда, издалека, может показаться, что там, под холодной мглой, живут сумасшедшие, занятые каким-то своим, никому не ведомым

делом. Как они выжили здесь? Как они вообще могут жить?

Город — монстр, город — убийца.

Только теперь сюда пришел настоящий убийца — и ничто, никто не может его остановить. Они не поняли этого? Это не их вина. Это вина Мастифа. Когда дойдет до дела — только он будет крайним.

— Пора, — решил Александр, не спеша взвалил на плечо рюкзак, и побрел к воде.

Конечно, можно было найти и надеть гидроизолирующий костюм, с подогревом. Ведь Мастиф все еще чувствует — боль, холод, но главное — гнев. Остальное не важно. Дойти, доползти, зубами перегрызть — это он должен.

— Вперед! Вперед, — подгонял он себя, с трудом заползая в стылую воду по пояс, по грудь, а потом и с головой. Главное — с азимута не сбиться.

«Интересно, а меня видят? Может, сонаром засекли? Вон, как зубы скрипят», — Мастиф шел с трудом, толща воды становилась все темней, и как будто более вязкой. Всего два километра. Пройдем. Как раз под утро всплываем...

На самом деле его, конечно, обнаружили. Сначала эхолотом, а затем — сонаром. Уж слишком часто позвякивало железо на теле Мастифа, хотя он обвернул все тряпками — включая чугунный болванки на ногах. Однако даже два кило чугуна, а с ними — оружие, литиевый аккумулятор, баллон с кислородом, клещи, плоскогубцы, газовый ключ четвертого номера, две ножовки по металлу, коловорот и набор ключей (включая нестандартные) — даже этого металла было мало, чтобы радиолокатор подал тревогу.

Мастиф все понимал, шел рваным шагом — пусть головы ломают.

— Раз, — говорил он про себя, и продвигался на тридцать сантиметров.

— Сто семнадцать, — еще тридцать сантиметров.

— Две тысячи двадцать восемь, — почти метр, в час таких метров выходило триста штук.

Медленный спуск — и еще более медленный подъем с глубины. Вот и старая сеть — ржавые канаты толщиной в руку. Нашел почти на ощупь. Скоро — вверх, скоро свет и тепло. Много света и тепла.

Почему полностью наполненного баллона акваланга на глубине в десять метров хватает почти на час, а на сорока метрах — уже на десять минут? Объем тот же — давление разное. Вот и пришлось Мастифу брать с собой «кислородник» с двенадцатью атмосферами — иначе не всплыть. Шипит он, конечно...

Медленно начался путь вверх. Как там, в колодце-воздуховоде. Только под землей хоть видно звездочку-выход. А здесь — тьма, даже не очень понятно вначале — куда идешь? Вверх? Вниз?

И только забрезжило светлое марево, как прямо перед глазами оказался серый борт. Словно гигантское, исполински-огромное животное равнодушно скользит мимо тебя. Размер подводной лодки «Ураган» — сто семьдесят два на двадцать три и на одиннадцать метров. Одиннадцать — это в надводном положении... иначе как туда уберется ракета длиной в шестнадцать метров?

Таких ракет там — ровно двадцать штук. В каждой — еще десять боеголовок.

Мастиф усилием воли заставил себя не всплывать сразу. Сначала долго смотрел через метровую толщу воды, и только потом, когда убедился, что на рубке никого нет — медленно, пластаясь по резине и железу — вылез. До чего же велика дура! Сумасшествие, чистой морской воды сумасшествие! Кому и зачем нужна такая лодка? А холод просто собачий...

— Наверно, она нужна всем нам, — решил Мاستиф. — Чтобы согреться.

Конечно, мостков на палубу не было, не положено. Кроме капитанского мостика есть еще много мест в титаново-стальной броне, через которые можно... но не нужно. Наверняка вся обшивка пронизана датчиками. Как они действуют — не понятно, может, срабатывают только на воду, а может — и не только... Если сейчас взрезать голубовато-серый металл — все двери в отсеках заблокируются, а Мастифу очень не хочется их вскрывать, а потом сидеть по горло в ледяной воде и пытаться сделать хоть что-нибудь. Ведь лодку придется утопить, это точно. Глубина здесь небольшая — всего пятьдесят метров, топить в первую очередь надо носовые отсеки, а вообще хорошо бы положить гордость кораблестроения аккуратно на дно, да поднять перископ. Для смеху.

Мастиф проверил бортовой номер лодки. Все совпадает. Позавчера отсюда вышли восемьдесят три человека. Вчера — еще пятьдесят три. Осталось тринадцать. Наверняка там есть офицер — помощник капитана. Этого надо брать живьем. Только как его найти в девятнадцати отсеках?

Честно говоря, ничего точно Мастиф не знал. Все его предприятие было авантюрой. Но он постарался учесть все мелочи. Вот, например — где вахтенный? Чай пить пошел? А вдруг вахтенного на ночь не положено? Или положено — только внутри лодки? А сообщаются матросики по радио... Но днем Мастиф часто видел людей — именно на капитанском мостике.

Он вскрыл плотный целлофан и достал пистолет. Не любил Мастиф пистолеты — но выбирать особо не приходилось. Сойдет и «Гюрза». Потом он попробовал открутить задвижку люка — бесполезно, заклинено с обратной стороны. Тогда достал из рюкзака молоток, положил на железо перчатки (чтобы звону не было) — и постучал.

Как положено постучал: три точки, три тире, три точки.

Прошло минут пять, прежде чем железный круг дрогнул, пошел против часовой стрелки.

— Гражданин каперанг? — спросил испуганный голос.

— Это я, — философски ответил Мастиф, и «Барракуда» дамасской стали со скрипом отделила голову от тела.

Сразу, не медля — шагнул вниз, точно ухнул в колодез. Не отвлекаясь на ступени и поручни.

Боцман Михаил Васильевич Кузнецов оправдывал и имя, и фамилию. Он был здоров — как медведь, и могуч — как заправский кузнец. Именно он послал вахтенного — посмотреть, кто стучит в борт над головой. Такое уже было раз, когда пьяного капитана выгнала из дома жена. Бывает... Нужно же мужику расслабиться — хоть иногда. Полгода под водой — без водки, без баб, один на один с кучей вонючих остолопов, даже без глотка свежего воздуха. После такого бочку спирта можно выпить в один присест. Это с экипажем командир — строгий и холодный; но если уж поймал искру — держись; динамиту далеко до нашего каперанга...

Свалившегося сверху человека в мокрой одежде боцман принял за вахтенного, которого накрыло волной. А вот кто второй? А это что за мячик с волосами? Неужели голова радиста, старшины Онищенко? И в какой такой шторм ходят волны высотой в пятнадцать метров...?

Мастиф прогремел по железу (рюкзака из рук не выпустил), сразу вскочил — и через долю секунды получил сокрушительный хук слева в челюсть. Боцман принадлежал к той породе людей, которые и в мирное время обладают полезной привычкой: сначала бить (или

стрелять) — и только потом спрашивать... Таким ударом младший лейтенант Миша Кузнецов валил профессиональных боксеров в среднем весе. Однако маленького человечка с рюкзаком этот богатырский прием, похоже, нисколько не обескуражил. Мاستиф отступил на шаг — и сильно стукнул молотком большого человека в голубых кальсонах — прямо в лоб. Михаилу Васильевичу показалось, что у него выскочили глаза. В голове взорвался красный шар — а потом все исчезло...

Мастиф потрогал рукой челюсть и усмехнулся. Хорошо на флоте здороваются. Не торопясь он распаковался, достал крепкий капроновый шнур, тщательно связал оглушенного. Наверняка офицер — понял Мاستиф. Остальные спят в жилом отсеке. Хорошо устроились. Совсем здесь не узко, голову нагибать не приходится, теплый воздух приятно обволакивает окоченевшее тело. Неужели он смог? Даже и не верится...

Мастиф заблокировал рычаг люка на палубу, с мясом вырвал из стены интерком. А стены тут пластиком обиты — под дуб. Сколько же надо в такую бандуру денег вложить? Уму непостижимо. Саша даже поежился от мысли, что эта лодка «висела» бы у него на балансе. А ведь висела!

— Ничего, сейчас спишем, — прорычал Мастиф.

Тишина. Сухо. Тепло. Серая тень неслышно скользит по коридорам. Долго искать не пришлось — Мاستиф повел носом, и сразу понял, что жилой отсек находится там, за приоткрытой овальной дверью, откуда пахнет знакомым запахом застарелого пота. Меч появился в руке сам собой. Наверно, никто из спящих так и не понял — что произошло. Они даже не проснулись, хотя сон этих людей был чуток и тревожен. Тем более, что все на нервах — земля близко, буквально через час можно сойти на камни, почувствовать вольный ветер на щеке. Но Мастиф на войне уже десять лет. Давно привык ходить бесшумно и без колебаний резать людей.

Отколебался. Половина дела уже сделана. Осталось совсем чуть-чуть. И самая главная загвоздка — лодка тонуть, естественно, не хотела.

Сбои пошли один за другим. Во-первых, здоровяк в кальсонах оказался крепким орешком. Мастиф размозжил ему газовым ключом кости на ногах, потом — на руках; плоскогубцами вырвал ногти на левой руке; даже кровь пустил — но ничего путного не выяснил.

— Гнида, — хрипел боцман. — Падаль. Сволочь.

— Как провести погружение? — в сотый раз спрашивал Мастиф. А в ответ:

— Сволочь... Падаль... Гнида... Я тебя... собственными руками...

Как так получилось — Мастиф не понимал. Видно, плохой из него палач. У Наиля любые кололись за десять минут. А у Мастифа, можно сказать — первый, и сразу неудача. Тем не менее ждать дальше нельзя. И так полчаса потерял...

— Борт семнадцать! Я — Земля. Ответьте, — сказал где-то далеко заспанный недовольный голос. — Вы где там? Боцман, не спи на посту...

Не обращая ни на что внимания, Мастиф поспешил на дно лодки. Переходы, лестницы, чем дальше — тем больше труб, клапанов, задвижек, вентилях. И клапана все (Мастиф сплюнул) — автоматические. Верти — не верти задвижку, а пока на клапан нет сигнала — все твои верчения как мертвому припарка.

Мастиф искал кингстоны. Если атомная подлодка такое же судно, как и остальные — кингстоны должны быть. Главное — шлюзовые двери заблокировать. Ну так это просто — перерубил гидроцилиндр — и теперь закрыть можно только руками. Скоро Мастиф весь был в масле, скользил по поручням, а дна, вроде, и нету. Решетка. Что под ней? Что за труба? Неужели возможно разобраться в таком сборище механизмов?

— План «Б», — сказал вслух Мастиф. — Обезьяна с лазерным мечом...

Михаил Васильевич Кузнецов никогда не думал, что может быть так больно. Этот поганец, свалившийся ниоткуда, знал свое дело. Боцман, конечно, мог рассказать, как произвести погружение — на что нажать, где дернуть, на сколько повернуть. Но человек с мертвым лицом, вероятно, не удовлетворился бы техническим рассказом. Боцман видел, что убийца с потухшими глазами и страшным улыбающимся шрамом — совсем не нормальный, и требуемое погружение могло быть просто навязчивой идеей, манией. Михаил не был даже уверен, что этот человек может что-нибудь запомнить или понять. Это же маньяк, тупой палач, идиот! Нет смысла, невозможно двинуть — ни рукой, ни ногой. Кажется, что с каждой секундой боль только острее, хочется пошевелиться, и с любым движением

приходит еще большая боль, до слез, до крика, горло уже хрипит. На какое-то время Михаил отключился, странные картины проплывали мимо, казалось, что он лежит на берегу гудящего моря, и в лицо бьет ветер, а волны подбираются все ближе, грозят опрокинуть... Боцман пришел в себя и понял, что лодка дала ощутимый крен на нос. Воздух и в самом деле потяжелел, уши заложило, язык во рту стал большой и неповоротливый, пить хотелось — страшно.

— Что ж ты, зараза, делаешь? — спросил вслух боцман. — Ты же магистраль открыл...

— Что? — тихо сказал бесцветный голос прямо над ухом.

Боцман постарался, чтобы ничто не выдало его страха.

— Ты что хочешь? Лодку утопить?

— Хочу, — Мастиф говорил так, что по спине Михаила пробежали мурашки.

— Чтоб тебя... Сейчас утопим... Только ты больше не трогай ничего... Как ты хоть умудрился? — тяжело ворочал языком боцман. — Она же бронирована... на пятьдесят атмосфер...

Голубой клинок появился перед глазами, сталь медленно вошла в железо борта — как в кошмарном сне.

— Ясно... Сможешь меня поднять? Топить — так топить...

Сильные руки ухватили боцмана под мышки, и Михаил от неожиданности даже вскрикнул:

— Осторожно, стерва...

— Куда идти? — тихо прошептал холодный голос.

Мастиф восхищался этим человеком. Уже два раза моряк пытался убить его — не смотря на сломанные руки и кровь из носа и ушей. Хрипит, глаза закатываются, а слабые руки все равно тшчатся затянуть шнурок на шее Мастифа.

Александр легко освободился из петли, взял боцмана за волосы, и долго смотрел в затуманенные болью серые глаза.

— Сука, — плюнул офицер в лицо мучителю.

Мастиф утерся — как ни в чем не бывало:

— Что дальше?

— Вот здесь... Вот этот кран открой... голубая рукоять, влево... бля, я что, плохо объясняю? Дубина сухопутная... Влево надо, налево! Понял...

— Понял. Как проверить? Мы уже под водой?

— Давление посмотри, урод... Сейчас на дно сковырнемся... Молись, чтоб не разломило... Если хоть одна трещина будет — я тебя... собственными руками... торпеду в жопу запихаю...

И тотчас же раздался тихий скрип. Этот звук ширился, разрастался, вот уже пробежала мелкая дрожь по железу, лодка билась в конвульсиях, словно пыталась вздохнуть, вобрать в искореженные легкие побольше воздуха. Свет потух, но вспыхнули красные лампочки, словно давали сигнал к завершающему действию. Тяжкий удар — долгий, страшный, тысячи тонн металла ложились на песчаное дно.

— Держись, — предупредил боцман, вслед ему противно и резко взвыла сирена, и затрясло так, что Александр едва удержался на ногах.

— Корма падает...

Не скрип, не дрожь, даже не удар — это планета перевернулась, содрогнулась от начала

до основания, принимая на себя тяжкий груз. Сигнализация взревела с особой силой, а потом замолкла, лампочки мигнули — и люминисцентный свет вновь восстановился, только чуть тусклее...

— Реактор встал, — прохрипел боцман. — Хорошо легли, мля буду... А ну, гад, руки вверх...

На Мاستифа смотрело черное дуло его собственной «Гюрзы». Как боцман умудрился поднять выпавший во время тряски пистолет? И что собирался делать дальше? Ведь ему даже на крючок не нажать.

Но у Мастифа не было времени на размышления. Быстрым движением он выбил оружие, вытащил магазин.

— Ну что, пойдём смотреть, что у вас тут есть...

Александр снова взял человека под мышки. Боцман не шевелился, голова моталась из стороны в сторону — Мастиф «вырубил» противника еще до того, как пистолет упал на палубу. Привычка.

Тепло и сухо. Двери намертво задраены и заблокированы. Отсюда только один выход.

Боцман в противогазе тихо сидит в уголке. Неторопливо скрипит сталь, Мастиф не спеша копается в переплетении проводов, потом резким рывком вырывает очередную плату из развороченных внутренностей. Вначале он хотел разбирать боеголовку прямо в шахте, но оказалось, что между стенкой ракеты и стеной шахты всего тридцать сантиметров. Узко, неудобно, специально сделано, чтобы из-под воды стрелять... Ничего, меч Полеслава легко справился и с этой задачей. Прошлось покопаться, вытащить полуторатонную каплю на батарейную палубу и отрезать саму «голову» от третьей ступени.

Мастиф не останавливался ни на минуту. Эта часть плана по его расчетам должна была занять семьдесят два часа. Пока укладывался, но могло случиться так, что он «запорет» первую боеголовку. Тогда пошла бы вторая, может быть — третья. Их здесь двести штук. А систем защиты едва ли больше двадцати.

— Борт семнадцать, — раздался в тишине строгий голос, и даже Мастиф вздрогнул, схватился за оружие. Боцман не пошевелился.

— Борт семнадцать. Отзовитесь. Я — Молния, — говорил голос, словно бы вещал, пытался прорваться сквозь мрак и неизвестность. — Кострома, отзовитесь. Почему произведено погружение? Борт семнадцать, держитесь. Если слышите меня — стучите в борт. Кострома, отзовитесь...

Мастиф поднялся, подошел к интеркому. По всей видимости, около лодки уже вьются аквалангисты, сумели подключиться через внешнюю связь к внутренней. Трубка интеркома была беспроводной, Мастиф осторожно, словно бы она могла взорваться — снял ее с рычага, прижал к уху.

— Борт семнадцать, — говорила трубка. — Кострома, отзовитесь...

— Это я, — тихо сказал Саша.

— Борт семнадцать! — взревел голос. — Кто говорит? Я — Молния!

Пауза, долгая и глубокая, словно пропасть. И твердый, стальной ответ, пронизывающий не хуже яростного порыва урагана; словно удар молнии, удавка на шее...

— Я — Мастиф.

— Какой Мастиф...

И снова — пауза, недоумение, загадка со страшной отгадкой.

— Говорит Мастиф. Немедленно уберите от борта всех, иначе я взорву лодку, вашу мать...

— Повторите. Не понял — кто говорит? Кто Мастиф?

— Я — Мастиф. И говорю с тобой, ебитская сила. И если ты, мудака, ни хрена не понял, то я сейчас взрываю лодку.

Александр еще успел разобрать всплеск эмоций в глубине динамика, и связь сразу оборвалась.

Мастиф оскалился и вернулся к работе. Трубку от уха он не убрал.

— Говорит адмирал флота Тихомиров... Назовите себя...

Мастиф улыбался, продолжая копаться внутри боеголовки. Он уже избавился от электронной начинки, обнаружил основной и резервный аккумуляторы, скovyрнул «таблетки», закоротил или вырвал все схемы. Теперь с электронной защитой покончено. Осталась механическая.

— Говорит адмирал флота Тихомиров... Назовите себя... Они там что, издеваются?

— Тут должен быть обратный взрыватель, — сказал сам себе Мастиф. — Он должен срабатывать как самоуничтожитель...

— Что? — не поняли в трубке.

— Говорю, что если не можешь помочь, то не суйся! — рявкнул Мастиф.

— Кто говорит? Назовите себя...

— Эй, ты, адмирал, — проворчал Мастиф. — Пошел в жопу. Или нет... подключи мне пару спецов. Знаешь, что я сейчас делаю?

— Если вы сейчас же не передадите трубку кому-либо из офицеров, то я вас под трибунал...

— А что, идея, — проворчал Мастиф, оторвался от работы и подошел к боцману. Пнул неподвижно сидящего человека — но тот не пошевелился.

«Опять драться полезет» — с сожалением подумал Саша.

Но боцман уже не мог драться. Лицо под противогазом посинело и сморщилось, точно моряк собирался чихнуть, да так и не смог.

— Такого человека загубил, — мрачно сказал Александр.

— Немедленно... — ревела трубка.

— Пасть захлопни, — посоветовал Саша. — Нету здесь офицеров. Был один, здоровый такой, чуть челюсть мне на затылок не снес. Потом задушить хотел, и еще — застрелить. А я знал, что топливо ядовитое, противогаз ему надел, а шланг проело. Едкая, сволочь... Задохнулся он...

— Какое топливо? — не понял адмирал.

— Говорит каперанг борта семнадцать Симонов. Что случилось с младшим лейтенантом Кузнецовым? У вас утечка ракетного топлива? Кто вы? Говорите...

— Я — Смирнов Александр Сергеевич. Ты уж, каперанг, извини... Радиста твоего скокнул, и команду твою... и Кузнецова не уберег. Хороший был человек, могучий. А топливо по лодке разлилось — так это я топливные баки вскрыл, когда боеголовку вытаскивал...

— Боеголовку, — похоже, что на той, далекой трубке, начали понимать, что дело приняло далеко не детский поворот.

— Зачем вам боеголовка?

— Я ее сейчас взорву, если вы своих водолазов от борта не уберете, — рявкнул Мастиф и снова улыбнулся, представив, какой переполох поднялся на командном пункте.

Прошло минут пять, прежде чем кто-то смог сказать хоть что-то внятное.

— Вы не можете ее взорвать, — уверенно сказал уже четвертый голос.

— А вот и специалист, — удовлетворенно сказал Мاستиф. — Слушай теперь меня. Я вскрыл основной корпус, вытащил одну боеголовку на палубу. Здоровая такая, это я уже потом догадался, что третья ступень от нее не отделяется. В общем, аккуратно отрезал ее от баков, потом вскрыл по шву. Электрику сразу оборвал — мне она ни к чему. Там аккумуляторов до черта, их тоже. С механикой почти разобрался. Тут стопора стояли, чтобы конуса друг в друга не пошли — их тоже срезал.

— Конуса?

— Стопора на ядерном заряде... Обратный взрыватель вытащил — мало ли что... И мудрую теперь с гидравликой. Похоже, что вот эти два цилиндра под высоким давлением обеспечивают плавный ход... на направляющих ничего нет, но вот клапан такой впервые вижу. Похоже, что он у вас трехходовой... Импортный, что ли? Догадались тоже, тут ведь просто медяшки перебросить надо... хрен бы я с отечественным производителем разобрался...

— Что вы делаете...

— А вы что думаете? — Мастиф от злобного удовольствия чуть не хрюкнул.

— Александр Сергеевич, я лейтенант медицинской службы, Соколова Наталья Николаевна. Вам плохо? Вы ранены?

В ответ послышался смех. На командном пункте у адмирала Тихомирова встали дыбом остатки волос на голове — там, на глубине, на атомной подводной лодке, сумасшедший бандит ковырялся рядом с девятью килограммами обогащенного плутония, а на корме — еще тонна актиноидов, и в самой середине — десятки, сотни литров трития... Адмирал примерно знал — что это означает. В любом случае — погоны долой, и при самом счастливом исходе — пенсия без выслуги...

— Что с вами?

— Мою жену звали — Наталья Николаевна, — почти шепотом сказал Мастиф. — Вы какая — высокая или маленькая?

— Постарайтесь успокоиться, дышите глубже...

— Да не дышу я, Наташа. Не могу дышать. Сынок наш, Ванька, подлец, меня «зафиксировал». А у тебя как дела — все в порядке?

— Со мной все хорошо... скоро придет помощь...

— Знаю, Наташ, знаю. Помнишь, мы с тобой мечтали, как поедem на море? Ты ведь никогда моря не видела... здесь темно, холодно и страшно... И горячее их поганое кирзачи разъело. Пятки жжет. Третьи сапоги уже меняю... За этот год...

— Уберите её немедленно...

— Что, генерал, в штаны наложил? — Мастиф — сама серьезность. Голос звенит, бьет в голову, в самый висок. Вот ведь заноза...

— погоди, сейчас еще доложишь... Я вот вижу перед собой донце, написано на нем — взрыватель инерционный, на донце аж семь капсулей. Если по одному ударить — что будет? Надо гвоздик искать...

— Подождите...

— Жду... закурить охота, только тут все в вашем гребанном топливе, аж дым стоит... гвоздь мне надо... надо же, не подумал...

Конечно, про гвоздь он просто так, пошутил. Какой к черту гвоздь! Страшно... Жуть как

страшно. А вдруг как взорвется? Нет, бомба-то, конечно, взорвется; тут будет ад — но сумеет ли в этом аду уцелеть Мاستиф? Как это вообще возможно? Неужели Иван и в самом деле всемогущ? Даже представить трудно степень этого всемогущия.

Почему именно он? Почему Александр Сергеевич Смирнов? Кто он, почему он, зачем? Неужели не было других, более достойных? И более достойного способа? Неужели человеку, чтобы быть услышанным, надо взорвать ядерную бомбу...

Надо. Умри, но сделай.

— С вами сейчас будет говорить президент России, — сказал бесстрастный женский голос.

Ого! Оперативно.

— Слушаю, — произнесла твердо трубка. Хорошая связь, как будто рядом сидишь, за дубовым столом, в мягком черном кресле, с неослабевающим вниманием подавшись вперед.

— Что ты слушаешь, мудака? — Мастиф развлекался. — Тебе надо было раньше слушать.

— Что вы хотите? — голос за мембраной трубки невозмутим.

— Мира, мля, во всем мире...

— У нас есть о чем поговорить...

— Это точно, есть, — согласился Александр. — Я тебе сейчас расскажу будущее. Ближайшее, на полчаса... Минут через пять я стукну молотком по капсулу. Раздастся взрыв, небольшой. Потом конуса сомкнутся, и раздастся взрыв побольше. Килотонн, думаю, на десять. Ты дальше слушай, — Мастиф перевел дух. Даже бойцовому псу бывает страшно...

— Точно не знаю, но тут сработает литров пятьдесят тяжелой воды. Рядом со мной — пусковые шахты. Прежде чем оболочка остальных ракет превратится в плазму, здесь пронесется почти осязаемый поток быстрых нейтронов — или как их там? Взорвутся десять боеголовок справа, потом еще десять — слева. Потом снова справа, потом снова слева... И так раз двадцать. Что, перспектива впечатляющая? Через полчаса ты мой голос не по телефону услышишь...

— Мы готовы выполнить все ваши условия...

— Ты что, президент, совсем от страха съехал? Ты что, не помнишь, что с террористами переговоров не ведут? Да у меня и в мыслях такого не было — с тобой или твоими шавками ляссы точить... Так уж получилось... Кузнецов-то помер. Я думал с ним переговорить сначала. Хороший мужик был, и воин отменный...

— С кем вы хотите поговорить?

— С ними я уже никогда не поговорю...

— Я сожалею...

— Это я сожалею. Ты, может, мужик и хороший, только глупый. Я вот одного не понимаю — ну какого хрена надо было ко мне лезть? Ты, если у окна стоишь, посмотри вокруг... Хорошенечко посмотри... Видишь, сколько мы сделали? Не ты, не шакалы твои, а мы, работяги, крестьяне, строители. Чуешь, какая сила в нас? Это мы из-под палки строили... А если сами захотим разрушить? Представляешь эту силу? Плохо представляешь. Ничего, сейчас услышишь, может быть — даже увидишь...

— Я готов дать вам любые гарантии...

— Молчи, не перебивай. Мы для вас, чтобы самих себя в узде держать, такие атомные лодки построили — смотреть страшно. И еще эти лодки на нашу шею повесили, на мои кровные их содержишь... А вот захотел я... не дают... лезут... жену убили, детей отобрали, ваши же сверхчеловеки отобрали... дом на хер разворотили, друзья в рядочек лежат. Никого

не осталось, ничего не осталось. Зачем вы меня в угол загнали? Я же сильный, очень сильный. Я же вас сомну, всех подряд — не замечу... Неужели не наигрались в детстве в игрушки? Это моё, то моё, здесь моя граница... а у меня солдатиков больше...

— Не кажется, что тебя как этого самого солдата используют? — голос погрубел, стал властным, слишком властным. — Сверчеловечество использует вас, Мاستиф, чтобы уничтожить человечество... Чтоб им самим не пачкать руки...

— Ты своего психотерапевта из кабинета убери, — посоветовал Мастиф. — Он мне на нервы действует. Я только с тобой разговариваю. В этом разговоре помощники не помогут.

Голос глухо проворчал, что-то вроде: немедленно... сейчас же... приказ...

— Ты, верно, только об одном мечтаешь... Чтобы здесь, рядом со мной, рота спецназа образовалась. Хорошая мечта, дельная...

За бортом, перебивая Мастифа на полуслове, тяжело ухнула вода. Один раз, второй, третий. Десятки глубинных бомб рвали оболочку громадной подлодки, пытаюсь добраться до того, кто вздумал угрожать, и вознамерился выполнить угрозу. Александр с ненавистью смотрел на корчащееся железо, на струи воды, на гаснущие лампочки.

— Ты, сука, так и не понял ни черта, — сказал Мастиф, и, прежде чем трубка интеркома разбилась о стену, успел еще услышать:

— Прекратить... еб вашу мать!

Взрывы прекратились, вода хлестала, Александр стоял по пояс в ледяной жиже. Ждал. Он мог ждать днями, неделями, месяцами, годами, но теперь ждал мелочи (как в принципе, и всегда) — когда вода доберется до лица. Тогда он нырнет и сделает все как надо. И еще он думал — насколько малы его маленькие обиды и ничтожные притязания. Насколько мелочны его мещанские (любимое слово!) мечты. И тут же вспоминал, сколько таких мелочных обид и унижений испытали другие — так похожие на него. Он вспомнил доярку Валю, которая плакала оттого, что после двадцати часов непрерывного труда ей объявили выговор — она не смогла выдоить тысячу с лишком коров, потому что ее напарницы — кто в отгуле, кто в болезни, кто в запое. Он вспомнил тощие слезы шестидесятилетней Леночки — старой толстой женщины, молчаливую ярость Кощея, упорное терпение Артемича. Тысячи жизней — добровольно обманутых, униженных и похабных, тысячи тысяч капель пота и сукровицы — ради куска хлеба. Он просто не мог поступить иначе...

Много раз он смотрел на зазывной плакат на кухне, с гигантскими пирамидами посреди пустыни — и видел не честь и славу ничтожного фараона, и уж не гений неизвестного инженера — но труд, силу и мужество множества ни в чем не повинных людей, собранных и выжатых до последнего мгновения жизни. Он понимал — ни в коем случае не должен отступать, предаваться малодушию. Потому что пройдет совсем немного времени — и кто-то другой, быть может — более сильный и честный — склонит голову и снимет шапку, чтобы почтить жизнь того, кто не побоялся заявить о себе, кто не побоялся убивать, кто жил только по совести; и умер, измеряя жизнь одним только трудом.

Все помнят Степана Разина, Емельяна Пугачева, Ивана Болотникова. Помнят, но не знают. Этакое равнодушное незнание, не обязывающее ни к чему. Однако эти люди — и Стенька, и Емелька, и Ванька — заплатили собственной жизнью за собственное знание.

— Пора и мне, — решил Мастиф, крепко сжал молоток и — нырнул.

Пришло время.

На месте взрыва осталась воронка глубиной четыреста метров и шириной пятнадцать

километров. Край воронки упирался в пригород бывшего Архангельска. Зона сплошного поражения простиралась на двести километров. От космодрома в Плесеце не осталось ровным счетом ничего. Гладкая, почти зеркальная поверхность на сто семьдесят километров вокруг. В Вологде от домов уцелели только фундаменты. Зона слабых поражений дошла и до столицы — повыбивало стекла, снесло рекламные щиты, снова отключилось электричество, а с особо ветхих домов сорвало крыши. Москва отделалась легким испугом...

Не стало сопок, вода испарилась и выгорела, сплошное облако пыли висело так, что можно резать его ножом. Ни звука, ни движения, как будто все вокруг испугалось освобожденной человеком мощи. Не понятно — было ли здесь хоть что-нибудь, когда-нибудь... Первозданный хаос и нереальная тишина — только песок сыпется с неба. Если бы пыли не было, то можно увидеть, что с севера, еще далеко отсюда — наплывает белая полоса; и она быстро приближалась, словно разъяренный океан решил посмотреть — кто так неосторожно нарушил его покой, отбросил и испарил сотню морских миль и миллионы кубометров зеленовато-серой морской воды? Полоса осторожно лизнула края воронки — с неистовым ревом и свистом кипящий поток ворвался на освободившийся плацдарм, тысячекратным Ниагарским водопадом устремился вниз, чтобы похоронить того, кто осмелился бросить вызов.

Конечно, планету не сбросило с орбиты, не вскрылись подземные пласты, хотя сейсмографы в Японии уловили легкое колебание. Тридцатиметровый цунами пронесся по всему побережью Ледовитого океана. Но кого накрыла гигантская волна? Пустяки — сто или двести тысяч... к пятнадцати миллионам других... Важнее другое. Мاستиф понял, что его мечта снова осуществима. Значит, мой Ваня на самом деле сын Бога — думал Александр, с ужасом ощущая и понимая, что не может свариться в крутом кипятке. Да что кипятки — тысячи тысяч атмосфер и миллионы градусов — даже они спасовали, не смогли разорвать брэнное тело. Мастиф все чувствовал, все понимал, сознание не покидало ни на мгновение, а взрыв длился так долго! Даже не секунды — минуты...

Раскаленная вода бушевала. Волна за волной она шла на алый берег, поднимая грозные облака пара, и тишины уже не было, стоял неумолчный треск взрывающейся земли, яростный рев и шипение, воздух прессовал сам себя, и каменный пепел ложился пластами — чтобы снова взвыть под разъяренной водой. На сотни километров от этого места не осталось никого живого. Даже ближайшее, относительно уцелевшее дерево — обугленный каменный дуб, склоненный к земле пятиобхватный столб, вмиг лишенный листвы, ветвей и жизни — стоял в семидесяти километрах отсюда.

Никто не мог видеть, как из потока, из клубов пара, перемешанных с пылью, вышел человек. Насильно разбуженная стихия ярилась над головой, пыталась рвать седые волосы, сбить с ног, снова вернуть на место — но куда там! Упрямо, сильно нагнувшись вперед, человек шел из самого пекла ада. На нем не было ни единого клочка одежды, обнаженный торс, впалая грудь, широкая спина, натруженные руки и узловатые ноги — всё покрыто шрамами. Казалось, что человек улыбается — но это только кажется; рваная, давно зажившая полоса на щеке создает такую иллюзию.

На миг человек остановился, словно раздумывая, инстинктивно поджимая то одну, то другую ногу — земля все еще красна сотнями градусов. Посмотрел по сторонам — и природа взвыла с новой силой, словно пустой отрешенный взгляд испугал саму стихию. Человек вздохнул, и через секунду в его руке возник, появился сам собой — длинный голубой клинок, страшное и беспощадное оружие, противное всему, что может двигаться —

всему живому.

Теперь Александр понимал, почему сам страшился одного вида меча. Любой, кто мог видеть его сейчас, разве бы он — не утратился?

Серость под ногами, серость над головой, жарко, очень жарко, словно от стыда. Раскаленные камень и стекло под ногами — до самого горизонта! — будто кровь. Настоящая, живая, буйная... Мاستиф выбрался на относительно ровное пространство, ветер стал слабее, пыль, хоть и стояла столбом, но уже видно — собралась, хоть и не скоро, осесть многометровым слоем.

— Разве на этой земле кто-нибудь может жить? — спросил сам себя Саша.

— Наверно, здесь будут жить, — предположил Александр.

— Да хрен здесь выживешь, — хрипло проворчал Мастиф. — Напридумывали себе бомб. Пусть теперь расхлебывают. Ну что? Пойдем дальше? Интересно, — он приложил ладонь «kozyрьком» ко лбу, медленно поворачивал голову, осматривал окрестности, — а грузовичок мой уцелел?

Мгновение он стоял, выбирая направление, а потом пошел, опустив плечи, упрямо наклонив голову, словно не шел, а тянул громадную, невидимую и непонятную никому лямку. Он повторял всего одно слово, и ветер разносил длинные гласные, давил согласные, рвал на части жалкие звуки. Ветру было наплевать на это слово.

— Чу-ма, — повторял Мастиф. — Чу-ма...

Больше книг на сайте - Knigoed.net